МОСКВА
ООО «Фирма СТД»
2006

Sigmund Freud

Psychologie des Unbewußten

Зигмунд Фрейд

Психология бессознательного

Под редакцией А. М. Боковикова

и С. И. Дубинской

Перевод на русский язык

А. М. Боковикова

Данное издание воспроизводит текст Фрейда в исправленном виде на основе вышедшего в 1980 году девятого издания третьего тома «Учебного издания».
Первое издание:

Данная книга является третьим томом десятитомного собрания сочинений З. Фрейда, известного как «Учебное издание». В ней представлены работы, в которых исследуется проблема бессознательного, составляющая основу всех теоретических построений З. Фрейда. Названием, выбранным для данного тома , а именно «Психология бессознательного», подчеркивается, что главной темой трудов Фрейда по общей психоаналитической теории является сущность и принцип действия психического бессознательного.

ISBN-5-89808-040-6

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

ОБ ЭТОМ ТОМЕ

Подробное описание структуры и целей настоящего издания, а также принципа подбора работ читатель найдет в «Пояснениях к изданию», помещенных в начале первого тома. Здесь мы лишь еще раз вкратце подытожим эти моменты; одновременно мы хотели бы дать некоторые комментарии и снабдить читателя своего рода «путеводителем» по данному тому.

Цель этого разделенного на отдельные темы издания состояла прежде всего в том, чтобы основные сочинения Зигмунда Фрейда сделать доступными для студентов, изучающих науки, смежные с психоанализом, — социологию, политические науки, социальную психологию, педагогику и т. д., — а также для всех интересующихся неспециалистов. Это издание снабжено подробными примечаниями в большем количестве и в более систематизированной форме, чем это делалось в отдельных изданиях карманного формата. Вначале у нас не было намерения включать в данное издание сочинения, посвященные теории и технике терапии. Однако по многочисленным просьбам эта часть творческого наследия Фрейда теперь также была сделана доступной и содержится в дополнительном томе (без номера) «Учебного издания».

Вероятно, будет уместно сказать несколько слов, поясняющих выбор работ для данного тома. При обсуждении содержания трудов, которые должны были войти в «Учебное издание», этот том вначале предполагалось назвать «Метапсихологические сочинения». Но затем это название было отвергнуто из-за опасения, что оно будет звучать слишком технически и мало что говорить многим читателям. Может быть, уже тогда эти сомнения были неуместными, и, разумеется, они излишни сегодня, ибо психоаналитические термины стали знакомы гораздо более широкому кругу читателей. Но, пожалуй, название, которое мы тогда выбрали и которое в течение многих лет упоминается в ранее вышедших томах «Учебного издания», а именно «Психология бессознательного», все же оказалось удачным, подчеркивая, что главная тема трудов Фрейда по общей психоаналити-

ческой теории — сущность и принцип действия психического бессознательного.

Сам Фрейд, похоже, ввел термин «метапсихология» мимоходом в письме Флиссу от 13 февраля 1896 года (1950а, письмо № 41). Два года спустя, 10 марта 1898 года (письмо № 84), он писал Флиссу: «Впрочем, я хочу всерьез спросить тебя, могу ли я употребить для своей психологии, выводящей за Сз, название "метапсихология"». (Разумеется, этот термин образован по аналогии с «метафизикой».)

Впервые в опубликованном виде он встречается в главе XII работы «Психопатология обыденной жизни» (1901*b*), где Фрейд недвусмысленно приравнивает «метапсихологию» к «психологии бессознательного». Затем в его сочинениях этот термин появляется только спустя четырнадцать лет в работе «Бессознательное» (1915*e*), в принципе, в том же значении (см. ниже, с. 152).

Нельзя отрицать, что в своих поздних теоретических работах, особенно после публикации книги «Я и Оно» (1923*b*), Фрейд фактически занимался также психологией сознания, или психологией Я. Однако следует напомнить, что он упорно придерживался своего собственного представления о том, что теория психоанализа (насколько ее разрабатывали он сам и его коллеги), то есть его «метапсихология» должна заниматься бессознательным. Его собственные слова четко выражают это в заключительном абзаце работы «Краткий очерк психоанализа» (1924*f*), где он пишет, что, если принять предложенное им разделение душевного аппарата на Я, наделенное сознанием, и на бессознательное Оно, то «психоанализ следует обозначить как психологию Оно (и его воздействий на Я). Следовательно, он (психоанализ) может внести в каждую научную область только тот вклад, который можно дополнить из психологии Я».

Далее мы перечислим также сочинения Фрейда, в которых, помимо тех, что содержатся в данном томе, сравнительно подробно обсуждаются общие вопросы психологической теории: «Проект психологии» 1895 года и письма Флиссу от 1 января и 6 декабря 1896 года (1950*a*, письма № 39 и 52). «Толкование сновидений», глава VII (1900*a*); «Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи (dementia paranoides)», раздел III (1911*c* [1910]); «Лекции по введению в психоанализ», 22-я и 26-я лекции (1916–1917); «Психология масс и анализ Я», главы VII и XI (1921*c*); «"Психоанализ" и "теория либидо"», часть II «Теория либидо» (1923*a* [1922]); «Не-

удовлетворенность культурой», глава VI, VII, VIII (1930 [1929]); «Новый цикл лекций», 31-я и 32-я лекции (1933*a* [1932]); «Очерк психоанализа», главы I, II, IV, VIII и IX (1940*a* [1938]); «Некоторые элементарные уроки психоанализа» (1940*b* [1938]).

«Учебное издание» публикуется уже после смерти Джеймса Стрейчи, главного редактора редакционной коллегии, который продолжал работать над его подготовкой, прежде всего над содержанием и принципами комментариев, до самой своей смерти в апреле 1967 года.

В настоящем издании в основном использованы тексты из последних немецких изданий, которые были опубликованы еще при жизни Фрейда. То есть в большинстве случаев они вначале были опубликованы в вышедшем в Лондоне «Собрании сочинений» (которое в свою очередь большей частью представляет собой фотокопии опубликованного еще в Вене «Собрания трудов»). В других случаях источник указывается в «Замечаниях издателей», предваряющих данный труд. Несколько ссылок Фрейда на прежние, сегодня почти недоступные издания его работ были опущены издателями, а вместо них добавлены примечания, помогающие читателю найти соответствующие места в доступных сегодня изданиях; это касается прежде всего «Толкования сновидений». Чтобы избежать ненужных повторов, в конце каждого тома «Учебного издания» приведены также подробные библиографические сведения Фрейда о собственных сочинениях, а также о работах других авторов, которые содержались в текстах предыдущих изданий. За исключением этой незначительной правки, единообразного употребления сокращения «с.» для указания страниц (в том числе тех случаев, где Фрейд, особенно в ранних работах, писал «р.») и некоторых изменений орфографии, пунктуации и шрифтового оформления, каждое изменение, сделанное в исходном тексте, поясняется в примечании.

Включенный в «Учебное издание» редакторский материал заимствован из *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, то есть английского издания, сделанного под руководством Джеймса Стрейчи; он воспроизводится здесь в переводе с разрешения обладателей права публикации, Института психоанализа и издательства «Хогарт-Пресс» (Лондон). Там, где того требовала цель настоящего издания, этот материал был сокращен и адаптирован; вместе с тем были сделаны некоторые изменения и добавлены примечания. За исключением «Предварительных замечаний издателей» и некоторых

приложений, все дополнения, сделанные издателями, приведены в квадратных скобках.

Издатели выражают огромную благодарность Ильзе Грубрих-Зимитис из издательства С. Фишера. Без ее инициативы это «Учебное издание» не увидело бы свет; на всех стадиях подготовки она оказывала неоценимую и компетентную помощь. Огромной благодарности заслуживает также Кете Хюгель за перевод на немецкий язык редакторского материала, а также Ингеборг Мейер-Палмедо за помощь при вычитке корректуры и составлении указателей.

Использованные в этом томе специальные сокращения разъясняются в списке сокращений на с. 439. В тексте или в сносках иногда упоминаются сочинения Фрейда, которые в «Учебное издание» не включены. Из библиографии в конце каждого тома (в которой содержатся сведения обо всех упомянутых технических работах Фрейда и других авторов) читатель может получить информацию о том, вошла данная работа в «Учебное издание» или нет. Кроме того, на с. 443 и далее приводится содержание всех томов «Учебного издания».

Издатели

Положения о двух принципах психического события (1911)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1911 *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 3 (1). 1–8.
1913 *S. K. S. N.*, т. 3, 271–279. (1921, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 409–417.
1931 *Theoretische Schriften*, 5–14.
1943 *G. W.*, т. 8, 230–238.

Благодаря Эрнесту Джонсу мы знаем, что Фрейд начал готовить эту статью в июне 1910 года; наряду с этим очерком он работал также над описанием случая Шребера (1911*c*). Работа продвигалась медленно, но 26 октября он выступил с докладом на эту тему перед Венским психоаналитическим объединением. Однако он не нашел понимания у слушателей и сам был недоволен представлением своих идей. Лишь в декабре он приступил к написанию окончательного варианта данной работы. Статья была завершена в январе 1911 года, но опубликована лишь поздней весной; в том же номере «Ежегодника» было напечатано также и описание случая Шребера.

Этими знаменитыми «Положениями» — их причисляют к классическим трудам по психоанализу — и появившейся примерно в это же время третьей частью случая Шребера Фрейд после более чем десятилетнего перерыва вновь обратился к обсуждению общих теоретических гипотез, которые были им выдвинуты на основе полученных клинических данных. За это время он лишь иногда, например, в главе VI своей книги об остроумии (1905*c*), касался вопросов психологической теории. Его первая попытка подобного рассмотрения была сделана в квазиневрологических терминах в написанном в 1895 году «Проекте», который, однако, при его жизни опубликован не был (Freud, 1950*a*). Глава VII «Толкования сновидений» (1900*a*) содержит изложение очень близких гипотез, но на этот раз с чисто психологических позиций. Значительная часть представленного в данной работе материала (особенно это относится к начальным пассажам) взята непосредственно из этих двух источников. Эта работа производит впечатление «инвентарной описи», словно Фрейд решил обратиться к своим прежним основным гипотезам, систематизировав их так, чтобы использовать в качестве

фундамента для важных теоретических рассуждений в последующих работах, например, в очерке о нарциссизме (1914*c*) и в серии метапсихологических статей.

Изложение Фрейдом собственных взглядов необычайно насыщенно и даже сегодня далеко не просто для усвоения. Хотя мы теперь знаем, что Фрейд здесь высказывал идеи, которые уже давно им вынашивались, первые читатели, наверное, чувствовали себя озадаченными из-за обилия новых мыслей. Так, например, раздел под № 1 на с. 19–20 — без знания «Проекта» или метапсихологических трудов — действительно мог показаться непонятным читателям, которые вынуждены были обращаться за разъяснением только к таким же сложным и не приведенным в систему местам в «Толковании сновидений». Поэтому неудивительно, что Фрейд не нашел живого отклика у своих первых слушателей.

Главная тема работы — разграничение двух принципов регуляции (принципа удовольствия и принципа реальности), управляющих первичным и вторичным процессами душевной жизни. Фактически этот тезис содержится в «Проекте» — уже в первом разделе («Первое главное положение: количественный подход») первой части и подробнее разбирается в пятнадцатом и шестнадцатом разделах («Первичный и вторичный процессы в *ш*» и «Познание и репродуцирующее мышление») этой же части, а также в начале 3-й главы. Кроме того, он рассматривался в 7-й главе «Толкования сновидений» (*Studienausgabe*, т. 2, с. 538–540, 568 и далее). Однако наиболее подробное изложение этой проблемы содержится в метапсихологической работе о сновидениях (1917*d*), написанной Фрейдом примерно через три года после настоящей статьи. Более детальные сведения о развитии взглядов Фрейда по проблеме психической установки по отношению к реальности представлены в «Предварительном замечании издателей» на с. 189–190. В конце работы затрагиваются близкие к ней вопросы, разработка которых (как и главной темы) продолжается в последующих исследованиях. Фактически вся статья (как заметил сам Фрейд) носит, скорее, характер предварительных изысканий, но от этого она ничуть не становится менее интересной.

Мы уже давно заметили, что следствием и, стало быть, тенденцией любого невроза является отдаление больного от реальной жизни, отчуждение его от действительности[1]. Подобный факт не мог ускользнуть от наблюдений П. Жане; в качестве особой характеристики невротиков он говорил о потере *«de la fonction du réel»*, не раскрыв, однако, взаимосвязи этого нарушения с основными условиями невроза[2].

Введение понятия «процесс вытеснения» при рассмотрении генеза невроза позволило нам увидеть эту взаимосвязь. Невротик отворачивается от действительности, потому что считает ее — всю целиком или ее части — невыносимой. Крайним типом подобного отвращения от реальности являются особые случаи галлюцинаторного психоза, в которых отрицается то событие, которое повлекло за собой безумие (Гризингер)[3]. Но, собственно говоря, то же самое делает и любой невротик с частицей реальности[4]. Теперь перед нами встает задача — исследовать отношение невротика и человека вообще к реальности с точки зрения его развития и, таким образом, включить психо-

---

[1] [Эта идея, выраженная термином «бегство в психоз», содержится уже в 3-й части работы Фрейда, посвященной защитным невропсихозам (1894*a*). Сама формулировка «бегство в болезнь» появляется в его труде об истерическом приступе (1909*a*). *Studienausgabe*. т. 6, с. 201.]

[2] Janet (1909).

[3] [В. Гризингер (1817–1868), известный берлинский психиатр старого поколения, которого особенно ценил учитель Фрейда Мейнерт. Этот пассаж Фрейд трижды упоминает в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 11–12, 151, 238, прим. 1, а также в 6-й главе своей книги об остроумии (1900*c*). *Studienausgabe*. т. 4, с. 159 и далее. В нем (1845, 89) Гризингер обратил внимание на то, что психозы, а также сновидения носят характер исполнения желания.]

[4] Необычайно ясное понимание этой причинной связи недавно вскрыл О. Ранк в одном отрывке из Шопенгауэра («Мир как воля и представление». 2-й том [Дополнения к т. III, глава XXXII]. См. Rank, 1910).

логическое значение реального внешнего мира в структуру нашей теории.

В психологии, основанной на психоанализе, мы привыкли брать за исходный пункт бессознательные процессы души, особенности которых нам стали известны в результате анализа. Мы считаем их более старыми, первичными, пережитками фазы развития, в которой они были единственной формой душевных переживаний. Высшую тенденцию, которой подчинены эти первичные процессы, легко выявить; она называется принципом удовольствия/неудовольствия (или кратко — принципом удовольствия)[1]. Эти процессы нацелены на получение удовольствия; от таких актов, которые могут вызвать неудовольствие, психическая деятельность отстраняется (вытеснение). Наши ночные сновидения, наша тенденция в бодрствовании отрешаться от неприятных впечатлений представляют собой остатки господства этого принципа и свидетельствуют о его могуществе.

Я возвращаюсь к идеям, которые я разрабатывал в другом месте (в общем разделе «Толкования сновидений»[2]), предполагая, что состояние психического покоя первоначально было нарушено властными требованиями внутренних потребностей. В этом случае задуманное (желаемое) проявлялось просто галлюцинаторным образом, как это и теперь еженощно случается с нашими мыслями в снах[3]. И только отсутствие ожидаемого удовлетворения, разочарование, привело к отказу от такой попытки удовлетворения галлюцинаторным путем. Вместо этого психический аппарат должен был решиться представить себе реальные условия внешнего мира и стремиться к их реальному изменению. Тем самым был введен новый принцип душевной деятельности; представлялось уже не то, что приятно, а то, что реально, даже если

---

[1] [По всей видимости, это первый пассаж, где непосредственно вводится термин «принцип удовольствия». В «Толковании сновидений» Фрейд всегда говорит о «принципе неудовольствия».]

[2] [То есть в главе VII, *Studienausgabe*, т. 2, см., в частности, с. 538–540, 568 и далее. Впрочем, то, о чем в ней говорится, большей частью уже было изложено в 1895 году в «Проекте» (1950*a*). См., например, конец одиннадцатого раздела («Переживание удовлетворения») и пятнадцатый раздел («Первичный и вторичный процессы в *w*» в 1-й части.]

[3] Состояние сна может вернуть нам подобие душевной жизни до признания реальности, потому что его предпосылкой является намеренное отрицание этой реальности (желание спать).

оно было неприятным[1]. Это введение *принципа реальности* оказалось шагом, повлекшим за собой серьезные последствия.

1. Прежде всего, из-за новых требований возникла необходимость в ряде адаптивных изменений психического аппарата, которые мы вследствие недостаточности или ненадежности наших знаний можем затронуть лишь вскользь. Возросшее значение внешней реальности повысило и значение обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ними *сознания*, которое помимо представлявших ранее исключительный интерес качеств удовольствия и неудовольствия научилось воспринимать также качества, относящиеся к органам чувств. Была сформирована особая функция, которая должна была периодически осматривать внешний мир, чтобы его данные были известны заранее, если появится безотлагательная внутренняя потребность; речь идет о *внимании*[2]. Эта деятельность идет навстречу

---

[1] Я попытаюсь дополнить вышеупомянутое схематическое описание некоторыми рассуждениями. Справедливо будет возразить, что такая организация, которая служит принципу удовольствия и пренебрегает реалиями внешнего мира, не смогла бы просуществовать даже короткое время, а значит вообще не могла бы возникнуть. Мы, однако, вправе использовать такую модель с той оговоркой, что младенец, стоит лишь дать ему материнскую заботу, по сути дела реализует подобную психическую систему. Вероятно, он галлюцинирует исполнение своих внутренних потребностей, при возрастающем раздражении и отсутствии удовлетворения выражает неудовольствие посредством моторного отвода в виде крика и трепыхания и испытывает вслед за этим галлюцинаторное удовлетворение. Позднее, в детском возрасте он научается намеренно использовать эти моторные проявления как средство выражения. Поскольку уход за младенцем служит прототипом последующего воспитания детей, господство принципа удовольствия может окончиться, собственно говоря, только с полным психическим отделением от родителей. — Прекрасный пример закрытой от раздражений внешнего мира психической системы, которая способна сама аутистически (в терминах Блейлера [1912]) удовлетворять свои потребности в пище, – представляет собой птенец, заключенный вместе с запасом корма в скорлупу, забота матери о котором ограничивается лишь согреванием. — Я сочту это не как поправку, а как расширение рассматриваемой схемы, если для системы, живущей по принципу удовольствия, потребуются приспособления, с помощью которых она сможет избежать раздражителей реального мира. Эти приспособления — лишь коррелят «вытеснения», которое обходится с внутренними неприятными раздражителями так, как если бы они были внешними, то есть относит их к внешнему миру.

[2] [Некоторые замечания относительно представлений Фрейда о внимании можно найти в примечании издателей к работе «Бессознательное» (1915*f*), с. 131, прим. 1.]

чувственным впечатлениям, вместо того чтобы ожидать их появления. Вероятно, одновременно с этим была сформирована система *хранения*, которая должна была депонировать результаты этой периодической деятельности сознания, — часть того, что мы называем *памятью*.

Вместо вытеснения, исключавшего из катексиса часть возникающих представлений как порождающих неудовольствие, появилось *суждение*[1], которое должно было решить, вѐрно или ошибочно определенное представление, то есть соответствует оно реальности или нет, и определяло это путем сравнения со следами воспоминаний о реальности.

Моторный отвод, который в период господства принципа удовольствия служил для разгрузки душевного аппарата от усиливающегося возбуждения и выполнял эту задачу посредством направляемых внутрь тела иннерваций (мимики, выражений аффекта), теперь приобрел новую функцию, поскольку стал использоваться для целесообразного изменения реальности. Он превратился в *действие*[2].

Ставшая необходимой задержка моторного отвода (действия) была обеспечена *процессом мышления*, постепенно возникшим из представления. Мышление было наделено качествами, которые позволяли душевному аппарату переносить повышенное возбуждение при отсрочке отвода. По существу, это — пробное действие со смещением небольших количеств катексиса при незначительном их расходовании (отводе)[3]. Для этого понадобился перевод свободно перемещаемых катексисов в связанные, и он был достигнут благодаря повышению уровня всего процесса катексиса. Первоначально мышление, по всей видимости, было бессознательным, поскольку оно поднялось над простым

---

[1] [Эту часто повторяемую Фрейдом мысль можно найти уже в первом издании его книги об остроумии (1905*c*), *Studienausgabe*, т. 4, с. 163 и прим. 3; более подробно она обсуждается в его поздней работе под названием «Отрицание» (1925*h*), см. ниже с. 400–401. См. также статью «Бессознательное» (1915*e*), с. 157 ниже.]

[2] [Ср. «Проект» (1950*a*), 1-я часть, одиннадцатый раздел («Переживание удовлетворения»).]

[3] [Ср. «Острота» (1905*c*), *Studienausgabe*, т. 4, с. 178–179, «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 569–570, и «Отрицание» (1925*h*), ниже с. 402 и прим. 1, где даются дальнейшие разъяснения.]

представлением и обратилось к отношениям между впечатлениями от объектов, и получило другие качества, воспринимаемые сознанием, только в результате соединения с остатками слов[1].

2. Общая тенденция нашего душевного аппарата, которую можно свести к экономическому принципу сбережения затрат[2], по-видимому, проявляется в упорной фиксации на доступных источниках удовольствия и в трудности отказа от них. С введением принципа реальности выделилась форма мыслительной деятельности, которая избавлена от проверки реальности и осталась подчинена только принципу удовольствия[3]. Речь идет о *фантазировании,* которое начинается еще с детских игр, а позднее, продолжаясь в виде *дневных грез,* отказывается от опоры на реальные объекты.

3. Замена принципа удовольствия принципом реальности со всеми вытекающими психическими последствиями, схематически представленная в одном тезисе, в действительности происходит не сразу и не одновременно по всей линии. Но если это развитие происходит с влечениями Я, то сексуальные влечения в значительной степени от них отделяются. Вначале сексуальные влечения ведут себя аутоэротично, они находят удовлетворение в собственном теле и поэтому не попадают в ситуацию отказа, к которому вынуждает введение принципа реальности. Когда затем у них начинается процесс нахождения объекта, он вскоре на долгое время прерывается из-за наступления латентного периода, замедляющего половое развитие вплоть до пубертата. Два этих момента — аутоэротизм и латентный период — приводят к тому, что сексуальное влечение задерживается в своем психическом развитии и гораздо дольше остается во власти

---

[1] [Ср. «Проект» (1950*a*), 3-я часть, первый раздел и «Толкование сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe,* т. 2, с. 547 и 584–585. Эта тема получает развитие в разделе VII статьи «Бессознательное» (1915*e*), см. ниже с. 168 и далее.]

[2] [То есть сбережения затрат энергии.]

[3] Подобно тому как нация, богатство которой основано на разработке полезных ископаемых, тем не менее оставляет в запасе определенную область, которая должна оставаться в первобытном состоянии и не подвергаться изменениям под влиянием культуры (Йеллоустонский национальный парк). [Ср. обсуждение фантазирования в работах «Поэт и фантазирование» (1908*e*) и «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (1908*a*). По всей видимости, термин «проверка реальностью» впервые появляется в этом пассаже.]

принципа удовольствия, от которой у многих людей оно так вообще никогда и не освобождается. При таких условиях устанавливается более тесная связь между сексуальным влечением и фантазией, с одной стороны, а также влечениями Я и деятельностью сознания — с другой. Эта взаимосвязь и у здоровых людей, и у невротиков оказывается очень тесной, хотя и предстает, если основываться на этих рассуждениях из генетической психологии, как *вторичная*. Продолжающий оказывать свое влияние аутоэротизм обеспечивает возможность столь длительного сохранения более простого, мгновенного и воображаемого удовлетворения сексуальным объектом вместо реального удовлетворения, предполагающего затрату сил и отсрочку. Вытеснение остается всемогущим в царстве фантазии; оно способно затормозить представления *in statu nascendi*[1] прежде, чем они смогут проявиться в сознании, если их катексис может дать повод к возникновению неудовольствия. Это и есть слабое место нашей психической организации, которое может быть использовано для того, чтобы мыслительные процессы, уже ставшие рациональными, вновь оказались во власти принципа удовольствия. Соответственно, психическое предрасположение к неврозу в значительной степени определяется запоздалым приучением сексуального влечения к учету реальности и, кроме того, теми условиями, которые приводят к такому запаздыванию.

4. Подобно тому, как наслаждающееся Я не может ничего, кроме как *желать*, работать над получением удовольствия и избегать неудовольствия, точно так же реальное Я не может ничего, кроме как стремиться к пользе и уберегать себя от вреда[2]. На самом деле замена принципа удовольствия принципом реальности означает не исключение принципа удовольствия, а лишь его обеспечение. Моментальное, но небезопасное по своим по-

---

[1] [В состоянии становления (*лат.*). — *Примечание переводчика.*]

[2] Преимущество Я-реальности перед наслаждающимся Я Бернард Шоу метко выражает словами: *«To be able to choose the line of greatest advantage instead of yielding in the direction of least resistance».* [Быть способным выбрать линию наибольшей выгоды, а не отступать в направлении наименьшего сопротивления»] (*Man and Superman: A Comedy and a Philosophy*). [Так говорит Дон Жуан в конце «Интермедии в преисподней» (по Моцарту) в 3-м акте. — Намного более подробное описание отношений между «наслаждающимся Я» и «реальным Я» содержится в работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), см. ниже с. 101–104.]

следствиям удовольствие устраняется, но только для того, чтобы новым способом получить отсроченное, но надежное. И все же эндопсихическое воздействие от этой замены было настолько сильно, что нашло свое отражение в особом религиозном мифе. Учение о награде на том свете за — добровольный или вынужденный — отказ от земных радостей — есть не что иное, как мифическая проекция этого психического переворота. *Религии,* последовательно отстаивая этот образец, сумели добиться полного отказа от удовольствия в жизни, посулив возмещение в будущем; но таким путем преодолеть принцип удовольствия они не смогли. Лучше всего это преодоление удается *науке,* которая, однако, также доставляет интеллектуальное удовольствие во время работы и обещает конечную практическую выгоду.

5. *Воспитание* в целом можно определить как побуждение к преодолению принципа удовольствия и к замещению его принципом реальности; то есть оно пытается помочь процессу развития, затрагивающему Я, пользуясь в этих целях любовью и поощрениями со стороны воспитателей, и поэтому терпит фиаско, если избалованный ребенок считает, что он и так пользуется этой любовью и не может ее потерять ни при каких обстоятельствах.

6. *Искусство* своеобразно достигает примирения обоих принципов. Художник — это прежде всего человек, который отвращается от реальности, поскольку он не может смириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений и удовлетворяет свои эротические и честолюбивые желания в воображаемой жизни. Но он находит обратный путь из этого мира фантазий в реальность, благодаря особым талантам преобразуя свои фантазии в новые формы действительности, которые получают признание у людей как ценное отображение реальности. Таким образом, он в известной мере действительно становится героем, королем, творцом, любимцем, которым ему хотелось стать, не совершая обходного пути через действительное изменение внешнего мира. Он может достичь этого лишь потому, что другие люди точно так же ощущают неудовлетворенность из-за реально необходимого отказа, как и он сам, а эта неудовлетворенность, возникающая при замене принципа удовольствия принципом реальности, сама является частью реальности[1].

---

[1] Ср. аналогичную мысль у О. Ранка (1907). [См. также работу «Поэт и фантазирование» (1908*e*), а также заключительный абзац 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917).]

7. По мере того как Я из *наслаждающегося Я* превращается в *реальное Я*, сексуальные влечения претерпевают те изменения, которые ведут от первоначального аутоэротизма через различные промежуточные фазы к объектной любви, служащей функции размножения. Если верно, что каждая ступень двух этих путей развития может стать исходной точкой диспозиции к последующему невротическому заболеванию, то напрашивается мысль связать выбор формы последующего заболевания *(выбор невроза)* с тем, в какой фазе развития Я и либидо произошла предрасполагающая задержка в развитии. Таким образом, пока еще не изученные временные особенности обоих процессов развития и их возможное смещение по отношению друг к другу приобретают неожиданное значение[1].

8. Самая удивительная особенность бессознательных (вытесненных) процессов, к которой каждый исследователь привыкает только путем преодоления себя самого, проистекает из того, что для них проверка реальностью ничего не значит, реальность мыслей приравнивается к внешней действительности, желание — к исполнению, событию, как это непосредственно проистекает из господства старого принципа удовольствия. Поэтому так трудно отличить бессознательные фантазии от воспоминаний, ставших бессознательными[2]. Но ни в коем случае нельзя поддаваться соблазну вносить оценку из реального мира в вытесненные психические образования и, например, недооценивать роль фантазий в симптомообразовании из-за того, что они не представляют собой действительности, или выводить невротическое чувство вины из чего-то другого, поскольку не удается выявить действительно совершённого преступления. Надлежит пользоваться той валютой, которая преобладает в исследуемой стране, в нашем случае — *невротической валютой*. Попытаемся, например, истолковать следующий сон. Один мужчина, который когда-то ухаживал за отцом, долго и мучительно умиравшим от неизлечимой болезни, рассказывает, что в течение нескольких месяцев после кончины отца неоднократно видел следующий сон: *«Отец снова жив и говорит с ним, как обычно. Но при этом он очень болезненно ощущал, что отец все же был*

---

[1] [Фрейд разрабатывает эту тему в работе «Предрасположенность к неврозу навязчивости» (1913i), *Studienausgabe*, т. 7, с. 116–117.]

[2] [Эта трудность подробно обсуждается во второй части 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917).]

мертв и просто об этом не знал». Ни один другой путь не ведет к пониманию кажущегося абсурдным сновидения, кроме добавления слов «по его желанию» или «вследствие его желания» после фразы «что отец все же был мертв» и дополнения «что он [сновидец] желал этого» к последним словам. В таком случае мысль сновидения означает: ему неприятно вспоминать, что ему приходилось желать отцу смерти (как избавления), когда тот был еще жив, и как было бы ужасно, если бы отец догадался об этом. Речь идет об известном случае самообвинений после потери любимого человека, и в этом примере упрек связан с инфантильным значением желания смерти отцу[1].

Недостатки этой небольшой, скорее предварительной, нежели законченной, статьи, будут простительны, пожалуй, лишь в малой степени, если я объявлю их неизбежными. В нескольких тезисах о психических последствиях приспособления к принципу реальности я был вынужден обозначить идеи, которые предпочел бы пока не высказывать и обоснование которых, несомненно, будет стоить немалых усилий. И все же я буду надеяться, что от благосклонно настроенного читателя не ускользнет, где также и в данной работе начинает властвовать принцип реальности.

---

[1] [Это сновидение Фрейд включил в 3-е издание «Толкования сновидений», вышедшее в 1911 году, *Studienausgabe*, т. 2, с. 416–417, то есть вскоре после публикации данной работы.]

Некоторые замечания о понятии бессознательного в психоанализе (1912)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

(а) Английские издания:

«A Note on the Unconscious in Psycho-Analysis»

1912 *Proceedings* of the Society for Psychical Research. т. 26 (часть 66), 312–318.
1925 *Collected Papers*. т. 4, 22–29. (С небольшими изменениями.)
1958 *Standard Edition*, т. 12, 260–266. (Перепечатка издания 1912 года.)

(б) Немецкие переводы:

«Некоторые замечания о понятии бессознательного в психоанализе»
1913 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.* т. I (2), 117–123.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 157–167. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 433–442.
1924 *Technik und Metapsychol.*, 155–164.
1931 *Theoretische Schriften*, 15–24.
1943 *G. W.*, т. 8, 430–439.

В 1912 году руководство лондонского «Общества исследования психики» предложило Фрейду подготовить статью для специального медицинского раздела, издаваемого этим обществом сборника трудов, что и послужило поводом к созданию данной работы. Фрейд написал ее на английском языке, однако рукопись, по всей видимости, до публикации в ноябре 1912 года подверглась в Англии редакционной обработке. Немецкий вариант статьи появился в 1913 году в мартовском номере «Международного журнала». Чисто внешне ничто не указывает на то, что этот вариант не принадлежит перу самого Фрейда, однако Джонс (1962*а*, 373) отмечает, что в действительности перевод был сделан одним из самых верных учеников Фрейда, Гансом Захсом. Необходимо также добавить, что когда эта работа в 1921 году была включена в четвертый том «Собрания сочинений», она подверглась частичной «вторичной переработке», в результате чего терминология была приведена в соответствие с актуальным состоянием знаний того времени.

Из всего этого следует, что у нас нет полностью достоверного текста этого исследования. Несомненно, что и английское переработанное

издание. и перевод выполнены превосходно, и, вероятно, Фрейд просмотрел и то, и другое. Тем не менее нет полной уверенности в том, что это слова самого Фрейда, поскольку между первоначальным английским вариантом и немецким переводом есть определенные расхождения. Приведем пример подобного затруднения: Во втором и в последующих трех абзацах неоднократно употребляется слово «представление». В английском варианте используется соответствующее выражение «conception». (В современных английских переводах трудов Фрейда слово «представление» обычно передается как «idea».) В конце седьмого и в восьмом абзаце в английском тексте появляется слово «idea»; в соответствующих местах немецкого издания говорится «идея». Однако в десятом и в одиннадцатом абзацах, где в английском тексте снова встречается слово «idea», в немецком варианте почти каждый раз используется слово «мысль» (термин, который сегодня, наверное, перевели бы как «thought»), но в одном месте все-таки написано «представление».

Исходный английский вариант в том виде, как он опубликован в «Трудах Общества исследования психики», содержится в виде перепечатки в двенадцатом томе «Стандартного издания». В настоящий том вошел перевод Ганса Захса.

Наши сетования на несоответствия в тексте станут понятными, если учесть, что в данном случае речь идет об одном из самых важных теоретических сочинений Фрейда. Здесь впервые дано подробное и тщательно обоснованное изложение его гипотезы о бессознательных душевных процессах и разъясняются различия в использовании им выражения «бессознательное». Фактически эта работа представляет собой исследование, предваряющее большую статью на эту тему, написанную примерно три года спустя (1915*e*). Подобно первой работе в этом томе, «Положениям о двух принципах психического события» (1911*b*), а также разделу III анализа Шребера (1911*c*), данная статья свидетельствует о возрастающем интересе Фрейда к вопросам психологической теории.

Особую ценность представляет обсуждение многозначности слова «бессознательное» с разграничением трех способов употребления этого термина: «описательного», динамического» и «систематического». В этом пункте данное описание является значительно более подробным и ясным, чем гораздо более краткое изложение, содержащееся в разделе II написанной позднее большой работы о бессознательном (ср. с. 142 ниже). Ибо там проводится различие лишь между двумя способами употребления слова — «описательным» и «систематическим», тогда как между «систематическим» и «динамическим» значениями

(этот термин в данной работе относится к вытесненному бессознательному) четкого различия не проводится. В двух последующих обсуждениях данной темы, а именно в главе I работы «Я и Оно» (1923*b*), с. 283 и далее в этом томе, а также в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), Фрейд вернулся к предпринятому в данной статье разделению на три компонента: третье значение термина, «систематическое» (которое здесь лишь вкратце упоминается в конце работы), теперь стало шагом в направлении структурного разделения психического аппарата на «Оно», «Я» и «Сверх-Я», благодаря чему удалось существенно прояснить всю ситуацию.

Мне бы хотелось в нескольких словах и как можно более ясно изложить, какой смысл придается выражению «бессознательное» в психоанализе, и только в психоанализе.

Некоторое представление — или любой другой психический элемент — может сейчас *присутствовать* в моем сознании, а в следующий момент — из него *исчезнуть*; через какое-то время оно может опять появиться, а именно, как мы говорим, из воспоминания, но не как следствие нового восприятия с помощью органов чувств. С учетом этого факта мы вынуждены предположить, что и в этот промежуток времени представление присутствовало в душе, хотя оно и оставалось латентным в сознании. Но в какой форме оно может существовать, присутствуя в душевной жизни и оставаясь *латентным* в сознании, — на этот счет мы не можем выдвинуть никаких предположений.

В этом пункте мы должны быть готовы столкнуться с возражением философов, что латентное представление присутствовало не как психологический объект, а только как физическая диспозиция к повторному осуществлению того же самого психического феномена, то есть данного представления. Но на это мы можем возразить, что такая теория выходит далеко за рамки собственно психологии, что она просто обходит проблему, придерживаясь мнения, что «сознательное» и «психическое» — тождественные понятия, и что она явно неверная, если оспаривает у психологии право объяснять самые обычные для нее факты, такие, как память, своими собственными вспомогательными средствами.

Теперь представление, которое присутствует в сознании и которое мы воспринимаем, назовем «сознательным» и только это будем считать смыслом выражения «сознательное»; и наоборот, латентные представления, если у нас есть основания предполагать, что они содержатся в душевной жизни — как это было в

случае памяти, — должны быть обозначены термином «бессознательное».

Тогда бессознательным представлением будет такое, которое мы не замечаем, но существование которого мы все же готовы признать на основании других признаков и доказательств.

Наверное, к этому можно было бы отнестись как к совершенно неинтересной работе по описанию или классификации, если бы кроме фактов памяти или ассоциаций через бессознательные промежуточные звенья мы не учитывали в своей оценке и другие сведения. Однако хорошо известный эксперимент с постгипнотическим внушением показывает нам важность разграничения *сознательного* и *бессознательного* и, как мне кажется, повышает его ценность.

В ходе этого эксперимента, как его проводил Бернгейм, человека вводят в гипнотическое состояние, а затем будят. Когда он находился в гипнотическом состоянии под влиянием врача, ему давали задание совершить определенное действие в точно определенное время, например, через полчаса. После пробуждения, судя по всем признакам, к испытуемому вновь возвращаются полное сознание и обычное расположение духа, а воспоминание о гипнотическом состоянии отсутствует; и тем не менее в заранее установленный момент времени в его душе появляется навязчивый импульс совершить то-то и то-то, и действие совершается осознанно, хотя и без знания, почему. Едва ли можно описать этот феномен иначе, как следующими словами: намерение существовало в душе того человека *в латентной форме или бессознательно,* пока не наступил назначенный момент, когда оно стало осознанным. Однако оно всплыло в сознании не во всей своей полноте, а лишь как представление об акте, который требуется совершить. Все остальные идеи, ассоциативно связанные с этим представлением (задание, воздействие врача, воспоминание о гипнотическом состоянии), потом также оставались бессознательными.

Однако благодаря подобному эксперименту мы можем научиться еще кое-чему. От чисто описательного мы приходим к *динамическому* пониманию феномена. Представление о заданном во время гипноза действии в определенный момент оказалось не только объектом сознания, но и стало *действенным,* а это и является наиболее любопытной стороной данного факта: оно перешло в действие, как только оказалось замеченным сознанием. Поскольку истинным побуждением к действию было

задание врача, то, пожалуй, не остается ничего иного, как допустить, что представление о задании стало действенным.

Тем не менее эта последняя мысль сознанием не была воспринята, как это произошло с ее дериватом — представлением о действии; она осталась бессознательной и поэтому была одновременно и *действенной*, и *бессознательной*.

Постгипнотическое внушение — это продукт лаборатории, искусственно созданный факт. Но если мы примем теорию истерических феноменов, которая вначале была предложена П. Жане, а затем разработана Брейером и мною, то в нашем распоряжении окажется множество естественных фактов, проявляющих психологический характер постгипнотического внушения даже еще отчетливее и яснее. Душевная жизнь больного истерией полна действенных, но бессознательных мыслей; от них происходят все симптомы. Действительно, самая яркая особенность истерического расположения духа заключается в том, что оно находится во власти бессознательных представлений. Если истерическую женщину рвет, то это может произойти у нее из-за идеи, что она беременна. И тем не менее она ничего не знает об этой идее, хотя с помощью одной из технических процедур психоанализа эту мысль легко можно выявить в ее душевной жизни и довести до ее сознания. Если у нее возникают подергивания и жесты, составляющие ее «приступ», то она сознательно даже не представляет себе, что собирается делать, и, возможно, наблюдает их с чувствами безучастного зрителя. Тем не менее анализ способен доказать, что она играла свою роль, в драматической форме воспроизводя сцену из своей жизни, воспоминание о которой во время припадка было бессознательным, но действенным. То же самое преобладание действенных бессознательных представлений раскрывается психоанализом как главный аспект в психологии всех остальных форм невроза.

Итак, из анализа невротических феноменов мы узнаем, что латентная или бессознательная мысль не обязательно будет слабой и что наличие такой мысли в душевной жизни можно доказать самыми убедительными косвенными свидетельствами, которые практически равноценны прямым доказательствам, предоставляемым сознанием. Мы считаем себя вправе привести свою классификацию в соответствие с нашими новыми знаниями, указав на принципиальное различие между разными видами латентных и бессознательных мыслей. Мы привыкли считать, что любая латентная мысль была такой вследствие соб-

ственной слабости и становилась сознательной, как только получала энергию. Теперь мы убедились, что существуют некоторые латентные мысли, которые не проникают в сознание, какими бы сильными они ни были. Поэтому мы назовем латентные мысли первой группы *предсознательными*[1], зарезервировав выражение *«бессознательные»* (в собственном смысле слова) для второй группы, которую мы наблюдали при неврозах. Выражение *«бессознательные»*, которое мы до сих пор использовали лишь в описательном смысле, получает теперь более широкое значение. Оно обозначает не просто латентные мысли в целом, а прежде всего латентные мысли, носящие определенный динамический характер, то есть такие мысли, которые, несмотря на свою интенсивность и действенность, держатся вдалеке от сознания.

Прежде чем продолжить изложение, я хочу коснуться двух возражений, которые, по-видимому, возникнут по этому пункту. Первое можно сформулировать следующим образом: вместо того чтобы принять гипотезу о бессознательных мыслях, о которых мы ничего не знаем, не лучше ли предположить, что сознание могло разделиться, в результате чего отдельные мысли или иные душевные процессы образовали обособленное сознание, которое отделилось от основной сознательной психической деятельности и стало ей чуждой. Хорошо всем известные патологические случаи, например, случай доктора Азама[2], кажутся вполне пригодными для доказательства того, что разделение сознания — отнюдь не фантастический вымысел.

Я позволю себе возразить на эту теорию, что она просто извлекает выгоду из неправильного употребления слова «сознательный». Мы не имеем права настолько расширять значение этого слова, чтобы стало возможным обозначать им также сознание, о котором его обладателю ничего не известно. Если философам трудно поверить в существование бессознательной мысли, то существование бессознательного сознания кажется

---

[1] [В исходном английском тексте в качестве эквивалента термина «предсознательный» постоянно используется слово «foreconscious». Сегодня общеупотребительное английское выражение — «preconscious».]

[2] [Имеется в виду случай Фелиды Х., впечатляющий пример меняющейся или двойственной личности, вероятно, первый, который был детально запротоколирован и изучен. История больной была впервые описана доктором Э. Азамом (Бордо) в 1876 году. См. также работу Азама 1887 года.]

мне еще более спорным. Случаи, описываемые как пример разделения сознания, такие, как случай доктора Азама, можно рассматривать, скорее, как блуждание сознания, когда эта функция — или что бы это ни было — колеблется между двумя психическими комплексами, которые попеременно становятся сознательными и бессознательными.

Второе возражение, которое, вероятно, будет выдвинуто, состоит в том, что мы применяем к психологии нормальных людей выводы, проистекающие главным образом из изучения патологических состояний. Мы можем отмести это возражение, сославшись на один факт, знанием которого мы обязаны психоанализу. Известные функциональные нарушения, очень часто встречающиеся у здоровых людей, например оговорки, ошибки памяти и речи, забывание имен и т. д., можно легко объяснить действенностью интенсивных бессознательных мыслей, точно так же, как и невротические симптомы. В следующем разделе данных рассуждений мы познакомимся со вторым, еще более убедительным аргументом.

Разграничение предсознательных и бессознательных мыслей побуждает нас оставить область классификации и сформировать некоторое суждение о функциональных и динамических отношениях в деятельности психики. Мы обнаружили *действенное предсознательное,* которое без труда переходит в сознание, и *действенное бессознательное,* которое остается бессознательным и кажется отрезанным от сознания.

Мы не знаем, идентичны ли эти два вида психической деятельности с самого начала или по своей сути они противоположны, но можем задать себе вопрос, почему они должны были стать различными в процессе психического функционирования. На этот вопрос психоанализ без колебаний дает нам ясный ответ. Нельзя сказать, что продукту действенного бессознательного невозможно проникнуть в сознание, но чтобы добиться этого, необходимы некоторые усилия. Когда мы пытаемся сделать это на самих себе, то получаем четкое ощущение *защиты*[1], которую нужно преодолеть, а когда побуждаем к этому пациента, то получаем самые несомненные признаки того, что мы называем *сопротивлением.* Таким образом, мы узнаем, что бессознательная мысль исключается из сознания активными силами, ко-

---

[1] [В исходном английском тексте для обозначения защиты употребляется слово «repulsion». Сегодня предпочитают термины «defence» или «fending off».]

торые противятся ее восприятию, тогда как другим мыслям, предсознательным, они никак не противодействуют. Психоанализ не оставляет возможности для сомнений в том, что отвержение бессознательных мыслей вызывается только тенденциями, воплощенными в их содержании. Самая естественная и вероятная теория, которую мы можем построить на данной стадии развития наших знаний, такова: бессознательное — это закономерная и неизбежная фаза в процессах, лежащих в основе нашей психической деятельности; каждый психический акт начинается как бессознательный и может либо оставаться таким, либо, развиваясь дальше, продвигаться в сознание, в зависимости от того, встречает он сопротивление или нет. Различие между предсознательной и бессознательной деятельностью не первичное, а возникает лишь после того, как в действие вступает «защита». Только тогда различие между предсознательными мыслями, которые появляются в сознании и в любое время могут туда вернуться, и бессознательными мыслями, которым этого не дано, приобретает теоретическое и практическое значение. Грубую, но вполне приемлемую аналогию этого предполагаемого отношения сознательной деятельности к бессознательной представляет обычная фотография. Первая стадия фотографии — негатив; каждое фотографическое изображение должно пройти через «негативный процесс», и некоторые из этих негативов, выдержавшие проверку, допускаются до «позитивного» процесса, который заканчивается изображением.

Однако различение предсознательной и бессознательной деятельности и познание разделяющих их границ не является ни окончательным, ни самым важным результатом психоаналитического исследования душевной жизни. Существует психический продукт, который встречается у совершенно нормальных людей и тем не менее представляет собой в высшей степени поразительную аналогию с самыми дикими продуктами безумия; этот продукт был столь же непонятен философам, как и само безумие. Я имею в виду сновидения. Психоанализ основывается на анализе сновидений; толкование сновидений — это самая совершенная часть работы, проделанной до сих пор этой молодой наукой. Типичный случай образования сновидения можно описать так: умственная работа, проведенная днем, вызвала ход мыслей, отчасти сохранивших свою дееспособность, благодаря которой они избежали общего снижения интереса, вызываемого сном и представляющего собой психическую подготовку

к засыпанию. Ночью этому ходу мыслей удается установить связь с одним из бессознательных желаний, которые с самого детства всегда присутствуют в душевной жизни сновидца, но, как правило, были *вытеснены* и исключены из его сознательного бытия. Благодаря энергии, полученной от такой бессознательной поддержки, эти мысли — остатки дневной работы — могут снова стать действенными и проявиться в сознании в виде сновидения. Таким образом, произошли три вещи:

1. Мысли подверглись превращению, маскировке и искажению, в чем, собственно, и выражается участие бессознательного союзника.

2. Мыслям удалось завладеть сознанием в такое время, когда оно, казалось бы, не должно было быть для них доступным.

3. Часть бессознательного проявилась в сознании, что при обычных условиях было бы невозможно.

Мы научились искусству выявлять *«остатки дня»* и *скрытые мысли сновидения*[1]; сравнивая их с *явным*[2] *содержанием сновидения*, мы можем составить суждение об изменениях, которым они подверглись, а также о том, каким образом эти изменения произошли.

Скрытые мысли сновидения ничем не отличаются от продуктов нашей обычной сознательной душевной деятельности. Они заслуживают названия предсознательных мыслей и действительно в некоторые моменты бодрствующей жизни могут осознаваться. Но из-за связи с бессознательными стремлениями, возникшей в течение ночи, они были ассимилированы последними, в известной степени низведены до состояния бессознательных мыслей и оказались подчинены законам, которыми управляется бессознательная деятельность. Здесь появляется возможность узнать то, о чем мы не могли бы догадаться на основе рассуждений или исходя из какого-либо другого источника эмпирических знаний, а именно: законы бессознательной душевной деятельности в значительной мере отличаются от законов сознательной деятельности. Благодаря тщательной проработке мы получаем знание об особенностях *бессознательного* и мо-

---

[1] [В тексте английского оригинала эта часть предложения звучит так: «We have learnt the art of finding out the "residual thoughts", the *latent thoughts of the dream* ..»]

[2] [В английском оригинале здесь употребляется слово «apparent».]

жем надеяться в результате более основательного изучения процессов при образовании сновидений узнать о них еще больше.

Это исследование едва ли завершено даже наполовину, и невозможно изложить полученные к настоящему времени результаты, не остановившись подробно на чрезвычайно запутанных проблемах толкования сновидений. Но я не хотел бы завершить свои рассуждения, не указав на изменения и успехи в нашем понимании бессознательного, которыми мы обязаны психоаналитическому изучению сновидений.

Вначале бессознательное казалось нам всего лишь загадочной особенностью определенного психического процесса; теперь оно означает для нас нечто большее, оно есть признак того, что этот процесс по своей природе относится к известной психической категории, знакомой нам по другим, более значимым характеристикам, и что он принадлежит к системе психической деятельности, заслуживающей нашего самого серьезного внимания. Ценность бессознательного как индекса гораздо больше, чем его значение как свойства. Систему, которая с помощью условных знаков дает нам понять, что отдельные процессы, ее составляющие, бессознательны, мы называем — за недостатком лучшего и не столь неопределенного выражения — «бессознательное». Я предлагаю обозначить эту систему буквами *«Бсз»*, аббревиатурой слова «бессознательный».

Таково третье и самое главное значение, которое выражение *«бессознательный»* приобрело в психоанализе.

О введении понятия «нарцизм»
(1914)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1914 *Jb. Psychoanalyse*. т. 6, 1–24.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 78–112. (1922, 2-е изд.)
1924 Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство. 35 страниц.
1925 *G. S.*, т. 6, 153–187.
1931 *Theoretische Schriften*. 25–57.
1946 *G. W.*, т. 10, 137–170.

Идея написания данной статьи появилась в письмах Фрейда в июне 1913 года; первый ее вариант он завершил во второй половине сентября того же года, будучи в отпуске в Риме. Но только в конце февраля 1914 года он приступил к работе над окончательным вариантом статьи, который был завершен месяц спустя.

Хотя в заглавии статьи Фрейд говорит о «введении» понятия «нарцизм», к тому времени он уже употреблял этот термин в течение нескольких лет. Эрнест Джонс (1962*a*, 322) сообщает, что на собрании Венского психоаналитического объединения 10 ноября 1909 года Фрейд сказал, что нарцизм — это необходимая переходная стадия между аутоэротизмом и объектной любовью. Примерно в это же время Фрейд подготовил для печати второе издание своих «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*) (в предисловии указана дата «в декабре 1909 года»; так, например, в одно из этих изданий добавлена сноска (*Studienausgabe*, т. 5, с. 56, прим.) — пожалуй, самое раннее опубликованное упоминание этого нового термина, но при условии, что новое издание действительно появилось в первые месяцы 1910 года. Ибо в конце мая того же года вышла книга Фрейда, посвященная Леонардо (1910*c*), в которой есть гораздо более обстоятельное примечание о нарцизме (*Studienausgabe*, т. 10, с. 125). Упомянутая Фрейдом в начале данного очерка работа Ранка на эту тему появилась в 1911 году; сам Фрейд несколько позже обсуждал нарцизм и в других сочинениях, например, в разделе III анализа Шребера (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 184–188, а также в работе «Тотем и табу» (1912–1913), *Studienausgabe*, т. 9, с. 376–378.

Эта статья относится к важнейшим сочинениям Фрейда и может считаться поворотным пунктом в развитии его теорий. Фрейд подыто-

живает в ней свои прежние высказывания о нарцизме и обсуждает место нарцизма в сексуальном развитии; но помимо этого он также занимается более глубокими проблемами отношений между Я и внешними объектами и впервые проводит различие между «либидо Я» и «объектным либидо». Далее — и это, пожалуй, самый важный аспект — он вводит понятия «Я-идеала» и связанной с ним инстанции самонаблюдения, то есть закладывает основы того, что позднее им было описано в работе «Я и Оно» (1923*b*) как «Сверх-Я». Наконец, в двух местах работы — в конце первого и в начале третьего разделов — он останавливается также на расхождениях с Адлером и Юнгом, которые представляют главную тему опубликованной примерно в это же время «Истории психоаналитического движения» (1914*d*), написанной в первые месяцы 1914 года. Возможно, одной из причин написания этой работы было желание Фрейда противопоставить понятие нарцизма в качестве альтернативы несексуальному «либидо» по Юнгу и «мужскому протесту» по Адлеру.

Но это далеко не все рассматриваемые в работе темы, и поэтому неудивительно, что она кажется необычайно насыщенной, а ее рамки чуть ли не разрываются обилием материала. Очевидно, и сам Фрейд чувствовал это; Эрнест Джонс (1962*a*, 360) сообщает, что Фрейд был очень недоволен достигнутым результатом; а в одном письме Абрахаму от 16 марта 1914 года Фрейд пишет: «Завтра я отошлю Вам "Нарцизм", который родился в тяжких муках и обнаруживает все деформации, присущие таким родам» (Freud, 1965*a*, S. 163).

Как бы то ни было, эта работа требует и заслуживает интенсивного изучения; в ней содержатся наметки многих последующих идей Фрейда. Некоторые из них прослеживаются, например, в «Печали и меланхолии» (1917*e*), с. 209 и далее в этом томе, в главах VIII и IX «Психологии масс» (1921*c*). Следует также упомянуть, что тема нарцизма составляет основную часть 26-й лекции Фрейда по введению в психоанализ (1916–1917). Дальнейшее развитие этих новых представлений о структуре психики, наметки которых можно найти в данной работе, позднее побудило Фрейда пересмотреть некоторые изложенные здесь идеи; в частности, это относится к функционированию Я. В связи с этим следует отметить, что значение термина «Я» постепенно изменялось. Вначале Фрейд использовал это понятие без особых уточнений — сегодня мы бы говорили о «самости». Но в своих поздних работах он все же дал ему более точное, более узкое определение. В этом смысле настоящее сочинение занимает промежуточную позицию. Более подробно данная тема рассматривается в «Предисловии издателей» к работе «Я и Оно» (1923*b*), с. 293 и далее в этом томе.

I

Термин «нарцизм» происходит из клинического описания; в 1899 году он был выбран П. Некке[1] для обозначения такого поведения, при котором индивид обращается с собственным телом как с сексуальным объектом, то есть рассматривает его с сексуальным вожделением, поглаживает, ласкает до тех пор, пока благодаря таким действиям не достигает полного удовлетворения. В этой форме нарцизм имеет значение перверсии, поглотившей всю сексуальную жизнь человека, и поэтому к нему относятся также те ожидания, с которыми мы обычно приступаем к изучению всех перверсий.

Затем в ходе психоаналитических наблюдений обратил на себя внимание тот факт, что отдельные черты нарциссического поведения обнаруживаются у многих людей, страдающих другими расстройствами, например, согласно Задгеру, у гомосексуалистов; в конце концов возникло предположение, что распределение либидо, обозначаемое как нарцизм, наблюдается в гораздо большем объеме и что, возможно, оно занимает определенное место в обычном сексуальном развитии человека[2]. К такому же предположению приходишь в связи с трудностями, возникающими во время психоаналитической работы с невротиками, ибо складывается впечатление, что такое нарциссическое поведение

---

[1] [В одном из добавленных в 1920 году примечаний к «Трем очеркам» (1905*d*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 122, прим. 3) Фрейд указывает, что в представленной здесь работе ошибочно назвал Некке создателем термина «нарцизм» и что, скорее, его авторство можно приписать Хэвлоку Эллису. Однако позднее сам Эллис в небольшой статье (1927) уточняет поправку Фрейда: на самом деле приоритет принадлежит им обоим — ему и Некке: им, Эллисом, выражение *«narcissus-like»* использовалось в 1898 году для описания определенной психической установки, тогда как Некке в 1899 году использовал термин «Narcismus» для описания сексуальной перверсии. В работе, посвященной случаю Шребера (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 184, Фрейд объясняет свой выбор слова «нарцизм» вместо, возможно, более корректного, но менее благозвучного «нарциссизм».]

[2] О. Ранк (1911).

создает одно из препятствий для возможности влиять на них. Нарцизм в этом смысле можно считать не перверсией, а либидинозным дополнением к эгоизму влечения к самосохранению, известную долю которого по праву приписывают каждому живому существу.

Настоятельная потребность заняться вопросом о первичном и нормальном нарцизме появилась после того, как была предпринята попытка соотнести представления о dementia praecox (Крепелин), или шизофрении (Блейлер), с положениями теории либидо. У больных, которых я предложил назвать парафрениками[1], проявляются две фундаментальные особенности: мания величия и потеря интереса к внешнему миру (к людям и вещам). Вследствие последнего из названных изменений на них невозможно повлиять с помощью психоанализа, и наши старания не помогают им исцелиться. Однако отстранение парафреника от внешнего мира требует более точного обозначения. Истерик и человек, страдающий неврозом навязчивых состояний, в зависимости от тяжести своей болезни также утрачивают связь с реальностью. Однако анализ показывает, что эротическое отношение к людям и вещам у них отнюдь не исчезло. Оно сохраняется у них в фантазии, то есть, с одной стороны, они заменяют реальные объекты воображаемыми, взятыми из воспоминаний, или смешивают их; с другой стороны, они отказываются совершать моторные действия для достижения своих целей, касающихся этих объектов. Только к этому состоянию либидо следует отнести выражение «*интроверсия* либидо», которое Юнг употребляет без каких-либо отличий[2]. Иначе обстоит дело у парафреника. По всей видимости, он действительно отдалил свое либидо от людей и предметов внешнего мира, не заменив их другими в своей фантазии. Там, где затем такая замена происходит, она кажется чем-то вторичным и относящимся к попытке исцеления, благодаря которой либидо должно вернуться к объекту[3].

---

[1] [Об употреблении Фрейдом этого термина см. примечание издателей в конце 3-го раздела анализа случая Шребера (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 198, прим. 1.]

[2] [Ср. примечание в начале работы «О динамике переноса» (1912*b*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 161–162, прим. 3.]

[3] Ср. в этой связи дискуссию о «конце света» в анализе председателя судебной коллегии Шребера (1911[с. *Studienausgabe*, т. 7, с. 191–195]). Далее: Abraham, 1908. [См. также ниже с. 53.]

Возникает вопрос: какова дальнейшая судьба либидо, лишенного объектов, при шизофрении? Здесь путь нам указывает мания величия при таких состояниях. Вероятно, она возникла за счет объектного либидо. Либидо, лишенное внешнего мира, стало обращенным на Я, в результате чего возникло поведение, которое мы можем назвать нарцизмом. Но сама мания величия — это не новое образование, а, как мы знаем, усиление и проявление состояния, которое уже существовало раньше. Тем самым мы приходим к пониманию нарцизма, существующего благодаря привлечению объектных катексисов, как вторичного, надстраивающегося над первичным, который завуалирован разного рода влияниями.

Отмечу еще раз, что не хочу здесь разъяснять или углублять проблему шизофрении — я просто подытоживаю то, что уже было сказано в других работах[1], чтобы обосновать введение понятия нарцизма.

Третий источник такого, как мне кажется, законного развития теории либидо — это наши наблюдения за душевной жизнью детей и примитивных народов. У последних мы обнаруживаем черты, которые, будь они единичными, можно было отнести к мании величия: переоценку силы своих желаний и психических актов, «всемогущество мыслей», веру в волшебную силу слов, приемы воздействия на внешний мир, «магию», которая предстает как последовательное использование этих напоминающих манию величия предпосылок[2]. Совершенно аналогичное отношение к внешнему миру мы ожидаем встретить и у современного ребенка, развитие которого нам гораздо менее ясно[3]. Таким образом, мы создаем представление об исходном либидинозном катексисе Я, который затем передается объектам. Но, в сущности, он сохраняется и относится к объектным катексисам как тело протоплазматического организма к выпущенным им псевдоподиям[4]. В нашем исследовании, исходившем из не-

---

[1] [См. прежде всего труды, указанные в предыдущем примечании. Ниже, на с. 56, Фрейд действительно весьма обстоятельно освещает эту проблему.]

[2] См. соответствующие разделы в моей книге «Тотем и табу» (1912–1913). [Прежде всего они содержатся в третьей статье. *Studienausgabe*, т. 9, с. 371 и далее.]

[3] См. Ferenczi, 1913*a*.

[4] [Это и подобные сравнения Фрейд также использовал позднее во многих местах, например, в 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. 1, с. 402. — Некоторые из вышеизложенных представлений Фрейд в дальнейшем скорректировал. См. выше (с. 42) заключительную часть «Предварительных замечаний издателей».]

вротических симптомов, эта часть распределения либидо вначале оставалась скрытой. Нам бросались в глаза лишь эманации этого либидо, объектные катексисы, которые могут посылаться и снова отводиться обратно. В общем-то мы видим также противоречие между либидо Я и объектным либидо[1]. Чем больше потребляется одно, тем больше скудеет другое. Высшей фазой развития, до которой доходит последнее, нам представляется состояние влюбленности, которое, по нашему мнению, представляет собой отказ от собственной личности в пользу объектного катексиса и находит свою противоположность в фантазии (или самовосприятии) параноиков о конце света[2]. И, наконец, относительно разделения психических энергий мы заключаем, что вначале, в состоянии нарциссизма, они слиты и не различимы для нашего предварительного анализа; и только с катексисом объекта появляется возможность отделить сексуальную энергию, либидо, от энергии влечений Я[3].

Прежде чем продолжить, я должен затронуть два вопроса, которые ведут нас в самую сердцевину проблем, связанных с этой темой. Во-первых: как относится нарцизм, о котором мы здесь говорим, к аутоэротизму, описанному нами как раннее состояние либидо[4]? Во-вторых: если мы приписываем Я первичный катексис либидо, то зачем вообще нужно отделять сексуальное либидо от несексуальной энергии влечений Я? Нельзя ли было бы избежать всех трудностей, вытекающих из разделения на энергию влечений Я и либидо Я, либидо Я и объектное либидо, если бы мы приняли за основу единую психическую энергию[5]? По поводу первого вопроса замечу: то, что изначально у индивида нет единства, сравнимого с Я, — это неизбежное предположение; Я должно развиться. Аутоэротические же вле-

---

[1] [Этого различия Фрейд здесь касается впервые.]

[2] [См. прим. 3 на с. 44.] Существует два механизма такого конца света: когда весь катексис либидо устремляется на объект любви и когда он весь возвращается в Я.

[3] [О развитии представлений Фрейда о влечениях см. ниже, на с. 81–83, «Предварительные замечания издателей» к работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*).]

[4] [См. второй из трех очерков Фрейда по теории сексуальности (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 88–89.]

[5] [По поводу этого пассажа см. ниже, на с. 83, «Предварительные замечания издателей» к работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*).]

чения изначальны; следовательно, к аутоэротизму должно добавиться нечто, новое психическое действие, чтобы сформировать нарцизм.

Требование дать определенный ответ на второй вопрос должно вызвать у любого психоаналитика явное неудовольствие. Он защищается от чувства того, что заменяет наблюдение бесплодными теоретическими спорами, но не вправе уклониться от попытки дать объяснение. Разумеется, такие представления, как либидо Я, энергия влечений Я и так далее, не отличаются ни особой ясностью, ни богатством содержания; в качестве основы умозрительной теории таких отношений хотелось бы прежде всего иметь некое строго очерченное понятие. Но, на мой взгляд, в этом и состоит различие между умозрительной теорией и наукой, которая строится на толковании эмпирических данных. Последняя не будет завидовать преимуществам умозрительных рассуждений — их гладким, логически безупречным обоснованиям, — а охотно удовлетворится неясными, словно исчезающими в тумане, непредставимыми основными идеями, которые она надеется яснее понять в ходе своего развития и, возможно, готова даже заменить другими. То есть эти идеи не составляют фундамент науки, на котором все зиждется; такой фундамент скорее дает наблюдение. Они находятся не внизу, а на самом верху всего строения, и их можно заменить или вообще убрать без какого-либо ущерба. В наше время мы видим подобное в физике, основные воззрения которой о материи, центрах силы, притяжении и т.д. вряд ли внушают меньше сомнений, чем соответствующие воззрения в психоанализе[1].

Ценность понятий «либидо Я», «объектное либидо» заключается в том, что они возникли в результате анализа интимных особенностей невротических и психотических процессов. Разделение либидо на либидо, присущее Я, и либидо, которое привязывается к объектам, — это естественное продолжение первой гипотезы, разграничивающей сексуальные влечения и влечения Я. К такому разграничению меня побудил анализ чистых неврозов переноса (истерии и невроза навязчивых состояний), и я знаю только, что все попытки объяснить эти феномены с помощью других средств потерпели полную неудачу.

При полном отсутствии теории влечений, задающей некие ориентиры, позволительно или, лучше сказать, необходимо вначале про-

---

[1] [Эту же мысль Фрейд высказывает в самом начале своей работы «Влечения и их судьбы» (1915*c*), см. ниже с. 85.]

верить какое-нибудь предположение, последовательно развивая его до тех пор, пока оно не окажется несостоятельным или не оправдается. В пользу гипотезы об исходном разделении на сексуальные влечения и влечения Я — наряду с ее пригодностью для анализа неврозов переноса — говорит очень многое. Я признаю, что сам по себе этот момент не был бы однозначным, ибо речь могла бы идти об индифферентной психической энергии[1], которая становится либидо только благодаря катексису объекта. Но такое разделение понятий, во-первых, соответствует общепринятому разделению на голод и любовь. Во-вторых, в его пользу говорят *биологические* соображения. Индивид действительно ведет двойное существование — как самоцель и как звено в цепи, которой он служит вопреки или, во всяком случае, помимо собственной воли. Даже сексуальность он принимает за одно из своих намерений, тогда как, если смотреть с другой позиции, она представляет собой лишь придаток к его зародышевой плазме, которому он предоставляет свои силы в награду за удовольствие, будучи смертным носителем, возможно, бессмертной субстанции, подобно тому, как старший в роду — лишь временный владелец сохраняющегося и после его смерти имущества. Отделение сексуальных влечений от влечений Я отражало бы только эту двойную функцию индивида[2]. В-третьих, необходимо помнить о том, что все наши временные психологические данности когда-нибудь нужно будет соотнести с их органическими носителями. Вполне вероятно, что особые вещества и химические процессы оказывают влияние на сексуальность и содействуют тому, что индивидуальная жизнь продолжается в жизни рода[3]. Мы считаемся с такой вероятностью, заменяя особые химические вещества особыми психическими силами.

Именно потому, что обычно я стараюсь оградить психологию от всего чуждого ей, в том числе и от биологического мышления, я хочу здесь открыто признать, что гипотеза об отдельных влечениях Я и сексуальных влечениях, то есть теория либидо, обоснована, по существу, биологически и лишь отчасти покоится на психологической почве. Поэтому я буду также вполне последовательным и откажусь от этой гипотезы, если в ре-

---

[1] [Эта идея вновь появляется в работе «Я и Оно» (1923*b*), см. ниже с. 85.]

[2] [Психологическое значение теории Вейсмана о зародышевой плазме Фрейд гораздо подробнее рассматривает в главе VI работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), см. ниже с. 270 и далее.]

[3] [См. ниже на с. 94, прим. 3 к работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*).]

зультате психоаналитической работы как таковой появится другое, более пригодное предположение, касающееся влечений. Но этого до сих пор не произошло. Вполне возможно, что сексуальная энергия, либидо — в глубочайшей основе и в конечном счете — лишь дифференцированный продукт общей энергии, которая действует в психике. Но такое утверждение большого значения не имеет. Оно относится к вещам, которые столь далеки от проблем, связанных с нашими наблюдениями, и в нем так мало познавательного содержания, что совершенно бессмысленно пытаться его оспаривать или использовать. Пожалуй, это первичное тождество имеет столь же мало общего с нашими аналитическими интересами, как первичное родство всех человеческих рас — с доказательством родства с завещателем, которое требует ведомство по делам о наследии. С помощью всех этих умозрительных рассуждений мы ни к чему не приходим; поскольку не можем ждать, пока какая-нибудь другая наука одарит нас выводами, касающимися теории влечений; гораздо целесообразнее попытаться узнать, как можно разгадать эту фундаментальную биологическую загадку благодаря синтезу психологических феноменов. Мы будем иметь в виду возможность ошибки, но это не должно нас удерживать от последовательного прослеживания выбранной первой[1] гипотезы о противоположности влечений Я и сексуальных влечений, которая возникла у нас в результате анализа «неврозов переноса», с точки зрения возможности ее непротиворечивого и плодотворного развития, а также применения к другим поражениям, например к шизофрении.

Разумеется, дело обстояло бы иначе, если бы было приведено доказательство, что при объяснении последнего заболевания теория либидо уже потерпела фиаско. К. Г. Юнг (1912) высказал это утверждение, вынудив меня этим к данным рассуждениям, без которых я мог бы вполне обойтись. Я предпочел бы пройти до конца путь, проторенный в анализе случая Шребера, ничего не говоря о своих предположениях. Но утверждение Юнга, по меньшей мере, поспешно. Его доводы не очень убедительны. Сначала он ссылается на мое собственное свидетельство, что я сам из-за трудностей при анализе Шребера чувствовал себя вынужденным расширить понятие либидо, то есть отказаться от его сексуально-

---

[1] [В изданиях до 1924 года: «выбранной первой». В последующих изданиях: «упомянутой первой», что не совсем понятно и, возможно, является опечаткой.]

го значения и отождествить либидо с психическим интересом в целом. Все, что необходимо сказать для исправления такого неверного истолкования моих слов, уже привел Ференци в обстоятельной критической статье, посвященной работе Юнга (1913*b*). Я могу только согласиться с критиком и повторить, что нигде не заявлял о подобном отказе от теории либидо. Второй аргумент Юнга: нельзя полагать, что потеря нормальной функции реальности[1] может вызываться только отводом либидо, — это не аргументация, а декретирование; *it begs the question*[2], решение предопределено и дискуссия становится излишней, ибо возможно ли это вообще и, если да, то каким образом, как раз и должно быть исследовано. В следующей своей крупной работе (1913 [339–340]) Юнг вплотную подошел к давно уже обозначенному мною решению: «При этом, однако, нам нужно еще учитывать — на что, впрочем, указывает Фрейд в своей работе о случае Шребера [1911*c*], — что интроверсия libido sexualis ведет к катексису "Я", в результате чего, возможно, и проявляется тот эффект потери реальности. Это и в самом деле заманчивая возможность объяснить таким образом психологию потери реальности». Но только Юнг не останавливается долго на этой возможности. Несколькими строками[3] ниже он отмахивается от нее замечанием, что при таких условиях «возникла бы психология аскетического анахорета, но не dementia praecox». Насколько мало такое непригодное сравнение позволяет решить вопрос, становится ясным из замечания, что у такого анахорета, который «стремится искоренить всякий след сексуального интереса» (но только в общепринятом значении слова «сексуальный»), совершенно не обязательно проявится патогенное распределение либидо. Он может полностью потерять сексуальный интерес к людям, но сублимировать его в повышенный интерес к божественному, к природе, к животному миру, не допуская интроверсии либидо к своим фантазиям или его возвращения к своему Я. В этом сравнении, по-видимому, исходно игнорируется возможное различие интересов, проистекающих из эротических и

---

[1] [Эта формулировка принадлежит Жане (1909): *«La fonction du réel»*. См. выше, на с. 19. вводные замечания к работе «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*).]

[2] [Спорный вопрос считается решенным (*англ.*). — *Примечание переводчика.*]

[3] [Во всех предыдущих немецких изданиях здесь опечатка — вместо правильного слова «строками» стоит слово «страницами».]

других источников. Кроме того, вспомним о том, что исследования швейцарской школы при всех их достоинствах дали объяснение только двум моментам в картине *dementia praecox* — существованию определенных комплексов, встречающихся как у здоровых людей, так и у невротиков, и сходству фантазий больных с народными мифами. Но они не смогли пролить свет на механизм заболевания, и поэтому мы можем отвергнуть утверждение Юнга, что теория либидо потерпела фиаско при объяснении dementia praecox и, следовательно, исчерпала себя в отношении и других неврозов.

II

Непосредственное изучение нарцизма, как мне кажется, невозможно из-за особых сложностей. Главным подходом к нему останется, пожалуй, анализ парафрений. Подобно тому, как неврозы переноса позволили нам проследить либидинозные импульсы влечений, точно так же изучение dementia praecox и паранойи позволит нам понять психологию Я. И опять мы должны будем разгадать кажущуюся простоту нормального человека на основе искажений и огрубений в патологии. И тем не менее, чтобы приблизиться к пониманию нарцизма, у нас остаются открытыми некоторые другие пути, которые я хочу теперь описать по порядку: рассмотрение органической болезни, ипохондрии и любовной жизни полов.

В оценке влияния органической болезни на распределение либидо я следую идеям, высказанным Ш. Ференци. Всем нам известно и кажется совершенно естественным, что человек, которого мучают органическая боль и неприятные ощущения, теряет интерес к предметам внешнего мира, если они не касаются его страданий. Более точное наблюдение показывает, что у него пропадает также и либидинозный интерес к объектам любви, он перестает любить, пока страдает. И пусть нас не смущает банальность этого факта, когда мы хотим дать его перевод в термины теории либидо. В таком случае мы бы сказали: больной возвращает катексисы либидо к своему Я, чтобы после выздоровления излучать их снова. «Лишь в тесном дупле коренного зуба пребывает душа», — говорит В. Буш о поэте, страдающем зубной болью[1]. Либидо и интересы Я постигает при этом одна и та же судьба, и их снова нельзя отделить друг от друга. Известный эгоизм больных покрывает и то, и другое. Мы считаем его

[1] [«Balduin Bählamm», глава VIII.]

совершенно естественным, ибо не сомневаемся, что в такой ситуации будем вести себя точно так же. Исчезновение по-прежнему весьма интенсивной готовности любить вследствие физических расстройств, внезапная ее замена полным равнодушием находят соответствующее отображение в комедиях.

Как и болезнь, состояние сна также означает нарциссический отвод позиций либидо к собственной персоне, точнее, к желанию спать. Эгоизм сновидений вполне соответствует этим взаимосвязям[1]. В обоих случаях мы имеем дело не с чем иным, как с изменениями распределения либидо вследствие изменения Я.

Ипохондрия, как и органическая болезнь, выражается в мучительных и болезненных физических ощущениях и точно так же влияет на распределение либидо. Ипохондрик не обнаруживает интереса к объектам внешнего мира и не направляет на них либидо (последнее проявляется особенно отчетливо), а сосредоточивает и то, и другое на занимающем его органе. Здесь становится очевидным различие между ипохондрией и органической болезнью: в последнем случае неприятные ощущения объясняются [органическими] изменениями, которые можно выявить, а в первом случае таких изменений нет. Но если бы мы решились сказать, что ипохондрия в чем-то права и органические изменения должны быть и в этом случае, то это отвечало бы другим нашим представлениям о невротических процессах. В чем же тогда состояли бы эти изменения?

Мы будем здесь руководствоваться наблюдением, что неприятные телесные ощущения, сходные с ипохондрическими, присутствуют и при других неврозах. Однажды я уже высказывал свое желание представить ипохондрию как третий актуальный невроз наряду с неврастенией и неврозом страха[2]. Наверное, не

---

[1] [См. ниже на с. 192, работу «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917*d*).]

[2] [Пожалуй, самое первое указание на это содержится в сноске в конце раздела II анализа Шребера (1911*c*). *Studienausgabe*, т. 7, с. 181, прим. 2. Следующее короткое, но более определенное упоминание содержится в заключительных замечаниях Фрейда к дискуссии об онанизме в Венском психоаналитическом объединении (1912*f*). Позднее, в 24-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 378, он еще раз возвращается к этой теме. Однако в еще более ранний период своего творчества Фрейд ставил вопрос об отношении между ипохондрией и другими «актуальными неврозами». См. раздел I (2) его первой работы, посвященной неврозу страха (1895*b*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 29.]

будет преувеличением сказать, что, как правило, и при других неврозах отчасти формируется ипохондрия. Нагляднее всего это проявляется, пожалуй, при неврозе страха и надстраивающейся на нем истерии. Хорошо известный нам пример болезненно-чувствительного, в некотором смысле измененного, но не больного в обычном понимании органа — возбужденные гениталии. К ним притекает кровь, они разбухают, увлажняются и становятся источником разнообразных ощущений. Если мы назовем деятельность части тела, состоящую в том, чтобы посылать в психику сексуально возбуждающие раздражители, *эрогенностью* и если мы вспомним о том, что в соответствии с положениями теории сексуальности определенные части тела — *эрогенные* зоны — могут заменять гениталии и вести себя аналогично им[1], то мы должны отважиться сделать здесь еще один шаг. Мы можем решиться рассматривать эрогенность как общее свойство всех органов, и тогда мы будем вправе говорить о ее повышении или снижении в определенной части тела. Каждое такое изменение эрогенности в органах может сопровождаться изменением либидинозного катексиса в Я. В таких моментах нам следовало бы искать то, что нами положено в основу ипохондрии и что может оказывать такое же воздействие на распределение либидо, как и материальное заболевание органов.

Продолжая этот ход мыслей, мы заметим, что сталкиваемся с проблемой не только ипохондрии, но и других актуальных неврозов, неврастении и невроза страха. Поэтому давайте здесь остановимся; в намерения нашего чисто психологического исследования не входит переступать границы и так далеко вдаваться в область физиологического исследования. Следует только упомянуть вытекающую из этого гипотезу, что ипохондрия находится с парафренией в таких же отношениях, в каких другие актуальные неврозы находятся с истерией и неврозом навязчивых состояний, то есть она зависит от либидо Я, как те зависят от объектного либидо. С точки зрения либидо Я ипохондрический страх представляет собой противоположность невротического страха. Далее, если мы уже знакомы с представлением, что механизм заболевания и симптомообразования при неврозах переноса, то есть шаг вперед от интроверсии к регрессии, сле-

---

[1] [Ср. «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 90.]

дует связать с застоем объектного либидо[1], то мы должны также ближе познакомиться с представлением о застое либидо Я и связать его с феноменами ипохондрии и парафрении.

Разумеется, здесь наша любознательность заставляет нас задать вопрос: почему подобный застой либидо в Я должен ощущаться как неприятный? Я хотел бы ограничиться ответом, что неудовольствие в целом является выражением более высокого напряжения, то есть представляет собой некоторое количество материального события, которое здесь, как и везде, превращается в психическое качество неудовольствия; тем не менее решающим моментом в развитии чувства неудовольствия является не абсолютная величина этого материального процесса, а, скорее, определенная функция этой абсолютной величины[2]. С этих позиций можно решиться подойти к вопросу о том, откуда вообще берется необходимость в душевной жизни выходить за границы нарцизма и направлять либидо на объекты[3]. Ответ, вытекающий из наших рассуждений, следующий: эта необходимость возникает тогда, когда либидинозный катексис Я достиг определенных пределов. Выраженный эгоизм защищает от заболевания, но в конце концов человек должен начать любить для того, чтобы не заболеть, и будет больным, если не может любить из-за отказа. Это похоже на то, как Г. Гейне изображает психогенез сотворения мира:

Моих всех творческих порывов
Болезнь — последняя причина;
Творя сумел я исцелиться,
Творя я стал здоров[4].

---

[1] Ср. [первые страницы работы] «О типах невротического заболевания» (1912*c*) [*Studienausgabe*, т. 6, с. 219 и далее.]

[2] [Этот комплекс вопросов гораздо подробнее обсуждается в работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), см. ниже с. 82 и далее. Относительно употребления термина «количество» в первой части данного предложения см. «Проект», написанный Фрейдом в 1895 году (1950*a*, часть I, первый раздел, «Первый главный тезис: количественный подход».]

[3] [Гораздо более подробное обсуждение этой проблемы также можно найти в работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), см. ниже с. 104 и далее.]

[4] [Эти слова поэт вкладывает в уста Бога. H. Heine, *Neue Gedichte*, «Schöpfungslieder», VII.]

В нашем душевном аппарате мы прежде всего обнаружили одно средство, позволяющее справляться с возбуждениями, которые в противном случае воспринимались бы как мучительные или оказывали бы патогенное воздействие. Психическая переработка имеет необычайное значение для внутреннего отведения возбуждений, которые неспособны к непосредственному внешнему отводу или для которых такой отвод в данный момент был бы нежелателен. Но для такой внутренней переработки вначале не важно, с какими объектами — реальными или воображаемыми — она совершается. Различие проявляется только позднее, когда обращение либидо на нереальные объекты (интроверсия) привело к его застою. Аналогичная внутренняя переработка вернувшегося к Я либидо приводит при парафрении к возникновению мании величия; возможно, только после ряда разочарований застой либидо в Я становится патогенным и стимулирует процесс исцеления, который производит впечатление болезни.

Здесь я попытаюсь несколько углубиться в механизм парафрений и сопоставлю точки зрения, которые, на мой взгляд, уже сегодня заслуживают внимания. Отличие этих заболеваний от неврозов переноса я отношу к тому обстоятельству, что либидо, ставшее свободным в результате фрустрации, не остается фиксированным на объектах фантазии, а возвращается к Я; в таком случае мания величия соответствует психическому преодолению этих количеств либидо, то есть интроверсии на продукты фантазии при неврозах переноса; вследствие осечки этой психической деятельности возникает ипохондрия при парафрении, гомологичная страху при неврозах переноса. Мы знаем, что этот страх может смениться дальнейшей психической переработкой, то есть конверсией, реактивными образованиями, защитными образованиями (фобией). При парафрении вместо этого совершается попытка реституции, которой мы и обязаны бросающимися в глаза болезненными явлениями. Поскольку парафрения часто — если не в большинстве случаев — сопровождается лишь частичным отделением либидо от объектов, то в ее картине можно выделить три группы явлений: 1) сохранившиеся нормальные или невротические явления (остаточные явления); 2) проявления болезненного процесса (отделение либидо от объектов, кроме того, мания величия, ипохондрия, аффективные нарушения, все виды регрессии); 3) явления реституции, в результате которой по схеме при истерии (dementia praecox, истинной парафрении) или по схеме не-

вроза навязчивых состояний (паранойи) либидо снова устремляется на объекты. Этот новый либидинозный катексис происходит с другого уровня и при других условиях по сравнению с первичным[1]. Различие между возникшими в данном случае неврозами переноса и соответствующими образованиями нормального Я, по-видимому, позволит нам получить самое глубокое понимание структуры нашего душевного аппарата.

Третий подход к изучению нарцизма открывает нам любовная жизнь людей в ее различной дифференциации у мужчины и женщины. Подобно тому, как в наших наблюдениях объектное либидо вначале было закрытым либидо Я, точно так же при выборе объекта ребенком (и подростком) мы сначала заметили, что свои сексуальные объекты он выбирает в соответствии со своими переживаниями удовлетворения. Первое аутоэротическое сексуальное удовлетворение переживается в связи с жизненно важными функциями, служащими самосохранению. Сексуальные влечения сначала примыкают к удовлетворению влечений Я и только позднее становятся независимыми от последних; но это примыкание проявляется также и в том, что люди, имеющие дело с кормлением, охраной ребенка и уходом за ним, то есть в первую очередь мать или тот, кто ее заменяет, становятся его первыми сексуальными объектами. Наряду с этим типом и этим источником выбора объекта, который можно назвать *примыкающим*[2], аналитическое исследование познакомило нас со вторым типом, встретить который мы никак не ожидали. Мы обнаружи-

---

[1] [Некоторые дополнительные замечания по этому поводу см. ниже, на с. 174–175, в заключительной части работы «Бессознательное» (1915*e*).]

[2] [Пожалуй, термин «примыкающий тип» в печатном виде появляется здесь впервые. И наоборот, представление о том, что ребенок через потребность в пище обретает свой первый сексуальный объект, можно найти еще в первом издании «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 125–126; однако два или три места, в которых там встречается термин «примыкающий тип», были добавлены лишь в издании 1915 года. Похоже, что введение этого понятия было подготовлено во второй работе Фрейда, посвященной психологии любви (1912*d*), там же, с. 200. Выражение «примыкающий» в аналогичном смысле употреблялось в начале 3-го раздела анализа Шребера (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 185, однако гипотеза, лежащая в его основе, приведена не была. Следует заметить, что в данном контексте слово «примыкающий» обозначает отношение сексуальных влечений к влечениям Я, но не отношение ребенка к матери.]

ли — особенно четко у лиц, либидинозное развитие которых было нарушено, например, у извращенцев и гомосексуалистов, — что позднее они выбирают объект любви не по прообразу матери, а по прототипу собственной персоны. В качестве объекта любви они явно ищут самих себя, обнаруживая тип выбора объекта, который следует назвать *нарциссическим.* В этом наблюдении можно увидеть самый сильный мотив, склонивший нас к гипотезе о нарцизме.

Мы не пришли к заключению, что люди четко делятся на две разные группы в зависимости от того, к какому типу выбора объекта они принадлежат — нарциссическому или примыкающему, а скорее предполагаем, что каждому человеку открыты оба пути выбора объекта, причем он может предпочесть как тот, так и другой. Мы говорим, что у человека есть два первоначальных сексуальных объекта — он сам и заботящаяся о нем женщина, предполагая при этом, что у каждого человека существует первичный нарцизм, который при случае может оказывать доминирующее воздействие при выборе им объекта.

Сравнение мужчины и женщины показывает, что по отношению к типу выбора объекта у них наблюдаются фундаментальные, хотя, разумеется, и не регулярные различия. Абсолютная любовь к объекту по примыкающему типу, в сущности, характерна для мужчины. Она обнаруживает поразительную сексуальную переоценку, которая, видимо, проистекает из первоначального нарцизма ребенка и, следовательно, соответствует переносу нарцизма на сексуальный объект. Эта сексуальная переоценка способствует возникновению своеобразного состояния влюбленности, напоминающего невротическую навязчивость, которое, таким образом, объясняется оскудением либидо у Я в пользу объекта[1]. Иначе происходит развитие у самого распространенного, вероятно, самого чистого и настоящего типа женщины. Здесь в ходе пубертатного развития благодаря формированию дотоле латентных женских половых органов, по-видимому, происходит усиление первоначального нарцизма, которое неблагоприятно сказывается на развитии настоящей, сопряженной с сексуальной переоценкой объектной любви. Особенно в том случае, когда в процессе своего развития женщина становится кра-

[1] [К этой теме Фрейд снова возвращается при обсуждении состояния влюбленности в 8-й главе «Психологии масс» (1921*c*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 106–106.]

сивой, у нее возникает самодовольство, возмещающее ее социально ограниченную свободу в выборе объекта. Строго говоря, такие женщины любят только самих себя, причем так же сильно, как их любит мужчина. Они и нуждаются не в том, чтобы любить, а в том, чтобы быть любимой, и им нравятся мужчины, которые выполняют это условие. Значение этого типа женщин для любовной жизни людей следует оценить весьма высоко. Такие женщины наиболее привлекательны для мужчин, причем не только по эстетическим причинам, поскольку обычно они очень красивы, но и в силу любопытных психологических констелляций. Нетрудно заметить, что нарцизм человека обладает большой притягательной силой для тех людей, которые полностью отказались от собственного нарцизма ради объектной любви; очарование ребенка во многом основывается на его нарцизме, самодовольстве и недоступности, равно как и очарование некоторых животных, например кошек и крупных хищников, которых словно ничего не заботит. И даже в художественных произведениях великий преступник и юморист увлекают нас той нарциссической последовательностью, с которой они умеют отстранять от своего Я все, что его принижает. Мы словно завидуем тому, что они сохранили счастливое душевное состояние, неприступную позицию либидо, от которой сами мы давно уже отказались. Однако большая привлекательность нарциссической женщины не лишена и оборотной стороны; неудовлетворенность влюбленного мужчины, сомнения в любви женщины, сетования на загадочность ее души во многом объясняются этим несовпадением типов выбора объекта.

Наверное, нелишне будет заверить, что, изображая в таком виде женскую любовную жизнь, я далек от какого-либо стремления принизить женщину. Помимо того, что мне вообще чужды такие тенденции, я знаю также, что это развитие в различных направлениях соответствует дифференциации функций в необычайно сложных биологических взаимосвязях; кроме того, я готов признать, что существует огромное множество женщин, которые любят по мужскому типу и обнаруживают соответствующую сексуальную переоценку.

Но и у нарциссических, оставшихся холодными к мужчине женщин есть путь, который ведет их к полноценной объектной любви. В ребенке, который у них рождается, они соприкасаются с частью собственного тела как посторонним объектом, которому, основываясь на нарцизме, могут теперь подарить полно-

ценную объектную любовь. Другим женщинам не надо дожидаться ребенка, чтобы в своем развитии сделать шаг от (вторичного) нарцизма к объектной любви. До пубертата они сами ощущали себя мальчиками и отчасти развивались как мальчики; после того как с наступлением женской зрелости это устремление пропадает, у них сохраняется способность тянуться к мужскому идеалу, являющемуся, собственно говоря, продолжением того мальчишеского существа, которым они сами когда-то были[1].

Эти вскользь затронутые наблюдения завершит краткий обзор способов выбора объекта. Человек любит:

1) по нарциссическому типу:

а) такого, как он сам (самого себя),

б) такого, каким он был когда-то,

в) такого, каким он хотел бы быть,

г) человека, который прежде был частью его самого;

2) по примыкающему типу:

а) кормящую женщину,

б) защищающего мужчину

и весь ряд замещающих их людей. Случай в) первого типа мы сможем объяснить лишь в ходе последующих рассуждений. [См. ниже с. 71.]

Значение нарциссического объекта при гомосексуальности у мужчин необходимо будет рассмотреть в другом контексте[2].

Предполагаемый нами первичный нарцизм ребенка, составляющий одну из предпосылок нашей теории либидо, гораздо труднее распознать путем непосредственного наблюдения, нежели доказать логически, отталкиваясь от другого исходного пункта. Рассматривая отношение нежных родителей к своим детям, необходимо понимать его как оживление и воспроизводство собственного нарцизма, от которого они давно отказались. В этих чувственных отношениях, как известно, явно преобладает признак переоценки, который мы расценили как стигму нарцизма еще при рассмотрении выбора объекта. Так, например,

---

[1] [Свои взгляды на женскую сексуальность Фрейд развивал в ряде более поздних работ, таких, как «Психогенез одного случая женской гомосексуальности» (1920*e*), «Некоторые психические последствия анатомического различия между полами» (1925*j*), «О женской сексуальности» (1931*b*), а также в 33-й лекции «Нового цикла» (1933*a*).]

[2] [Этот вопрос Фрейд затронул еще в 3-м разделе своего очерка, посвященного Леонардо (1910*c*), *Studienausgabe*, т. 10, с. 124 и далее.]

существует потребность приписывать ребенку все совершенства, к чему при здравом наблюдении не было бы никакого повода, а также скрывать и забывать все его недостатки, с чем связано также и отрицание детской сексуальности. Но существует также склонность избавить ребенка от всех требований культуры, с которыми пришлось считаться собственному нарцизму, и возродить у него претензии на давно уже отвергнутые привилегии. Ребенку должно быть лучше, чем его родителям, он не должен подчиняться необходимостям, которые царят в жизни. Ни болезнь, ни смерть, ни отказ от наслаждений, ни ограничение собственной воли не должны касаться ребенка; законы природы и общества к нему не относятся, он действительно должен стать центром и средоточием мироздания. *His Majesty the Baby*[1] — таким взрослый человек когда-то казался себе. Он должен исполнить неисполненные желания родителей, стать вместо отца великим человеком, героем, дочь должна получить в мужья принца в качестве позднего вознаграждения матери. Самый уязвимый момент нарциссической системы — жестоко попираемое реальностью бессмертие Я — сохраняется, найдя свое прибежище в ребенке. Трогательная, по сути, такая детская родительская любовь — это не что иное, как возрожденный нарциссизм родителей, который при превращении в объектную любовь совершенно открыто проявляет свою прежнюю сущность.

III

Каким нарушениям подвержен первоначальный нарцизм ребенка и какие реакции используются для их предотвращения, а также на какие пути он при этом оттесняется — все эти вопросы я хотел бы пока отложить как важный рабочий материал, который все еще ждет своего разъяснения. Наиболее важную его часть можно выделить как «комплекс кастрации» (страх за пенис у мальчика, зависть к пенису у девочки) и обсудить ее во

---

[1] [По-видимому, намек на относящееся к эпохе правления Эдуарда VII известное в свое время изображение Королевской академии, снабженное этой надписью, где двое лондонских полицейских останавливают оживленное уличное движение, чтобы няня смогла перевезти через дорогу детскую коляску. Выражение «Его Величество Я» встречается в более ранней работе Фрейда «Поэт и фантазирование» (1908*e*). *Studienausgabe*, т. 10, с. 176.]

взаимосвязи с влиянием сексуального запугивания в раннем детстве. Психоаналитическое исследование, которое обычно дает нам возможность проследить судьбу либидинозных влечений, когда они, будучи изолированными от влечений Я, находятся к ним в оппозиции, позволяет нам сделать выводы о том времени и той психической ситуации, когда оба типа влечений проявляются в виде нарциссических интересов, пока еще действующих заодно в неразделимом смешении. Из этой взаимосвязи А. Адлер [1910] создал свое понятие «мужской протест», который он объявляет чуть ли не единственной движущей силой образования характера и неврозов, объясняя его не нарциссическим, то есть все-таки либидинозным, стремлением, а социальной оценкой. С точки зрения психоаналитического исследования существование и значение «мужского протеста» признавалось с самого начала, но вопреки Адлеру отстаивалась его нарциссическая природа и происхождение из «комплекса кастрации». Он относится к характерологическому образованию, в развитии которого он участвует наряду с другими факторами, и совершенно непригоден для объяснения проблемы неврозов, где Адлер учитывает только то, каким образом они служат интересам Я. Я считаю абсолютно невозможным поставить генез неврозов на узкую основу «комплекса кастрации», как бы сильно он ни проявлялся даже у мужчин среди других видов сопротивления лечению невроза. Наконец, мне также известны случаи неврозов, в которых «мужской протест», или — в нашем понимании — «комплекс кастрации», патогенной роли не играет или вообще отсутствует[1].

---

[1] [В письме от 30 сентября 1926 года Леонардо Вайсу (которому мы благодарны за эти сведения) Фрейд пишет: «Ваш вопрос по поводу моего высказывания во «Введении понятия "нарцизм"», бывают ли неврозы, при которых комплекс кастрации никакой роли не играет, приводит меня в замешательство. Не знаю, о чем я тогда думал. Сегодня, однако, я не смог бы назвать ни одного невроза, в котором не встречался бы этот комплекс, и уж во всяком случае сегодня я бы этой фразы не написал. Но пока обо всей этой области мы знаем еще слишком мало, и я предпочел бы не привязываться окончательно ни к одной странице» (Freud, 1970*a*, нем. изд., 1973, с. 70). — Другие критические замечания относительно представлений Адлера о «мужском протесте» содержатся в очерке «История психоаналитического движения» (1914*d*) и — более подробные — в работе «"Ребенка бьют"» (1919*e*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 251–253.]

Наблюдение за нормальным взрослым человеком показывает, что его прежняя мания величия приглушена, а психические особенности, по которым мы судим о его детском нарцизме, сглажены. Что сталось с его либидо Я? Должны ли мы предполагать, что все его количество израсходовано на объектные катексисы? Эта возможность явно противоречит всему ходу наших рассуждений; но для другого ответа на этот вопрос мы можем также заимствовать сведения из психологии вытеснения.

Мы уже знаем, что импульсы либидинозного влечения подвергаются патогенному вытеснению, если они вступают в конфликт с культурными и этическими представлениями индивида. Под этим условием отнюдь не понимается, что человек обладает только интеллектуальным знанием о существовании этих представлений; всякий раз здесь имеется в виду, что он считает их определяющими для себя и подчиняется вытекающим из них требованиям. Вытеснение, как мы сказали, исходит из Я; мы могли бы уточнить: из самоуважения Я. Те же впечатления, переживания, импульсы, желания, которые один человек допускает у себя или, по крайней мере, сознательно перерабатывает, отвергаются другим с полным негодованием или подавляются еще до их осознания[1]. Но различие между ними как условие вытеснения легко облечь в выражения, которые позволяют его понять благодаря теории либидо. Мы можем сказать, что один соорудил в себе *идеал*, с которым он сверяет свое фактическое Я, тогда как другому такого образования идеала недостает. Таким образом, образование идеала является условием вытеснения со стороны Я[2].

Этому идеалу Я принадлежит теперь та любовь к себе, которой в детстве наслаждалось действительное Я. Нарцизм переместился на это идеальное Я, которое, как и инфантильное, обладает всеми ценными совершенствами. Человек оказался здесь, как это всегда бывает в сфере либидо, неспособным отказаться от некогда испытанного удовлетворения. Он не хочет лишиться нарциссического совершенства своего детства, и если не смог сохранить его, то, сдерживаемый предостережениями, получен-

---

[1] [Некоторые другие замечания см. ниже, на с. 120, в работе о вытеснении (1915*d*).]

[2] [Комментарий к этому положению содержится в сноске к главе XI работы «Психология масс и анализ Я» (1921*c*). *Studienausgabe*, т. 9, с. 122, прим. 2.]

ными в период своего развития, и побуждаемый собственными суждениями, он пытается вновь обрести его в форме Я-идеала. То, что он проецирует как свой идеал, есть замена утраченного нарцизма своего детства, в котором он сам для себя был идеалом[1].

Напрашивается мысль исследовать отношение этого образования идеала к сублимации. Сублимация представляет собой процесс, происходящий с объектным либидо, который состоит в том, что влечение устремляется на другую цель, далекую от сексуального удовлетворения; при этом акцент делается на отвлечении от сексуальной сферы. Идеализация представляет собой процесс, происходящий с объектом, в результате которого этот объект, не меняясь по существу, психически возвеличивается и превозносится. Идеализация возможна как в области либидо Я, так и в области объектного либидо. Например, сексуальная переоценка объекта представляет собой его идеализацию. Поскольку, стало быть, сублимация описывает то, что происходит с влечением, а идеализация — то, что происходит с объектом, в понятийном отношении их следует отличать друг от друга[2].

Часто в ущерб пониманию образование Я-идеала путают с сублимацией влечения. Если кто-то сменил свой нарцизм на почитание высокого Я-идеала, то это еще не означает, что ему удалась сублимация своих либидинозных влечений. Хотя Я-идеал и требует такой сублимации, он не может вынудить к ней; сублимация остается особым процессом, начало которого может быть стимулировано идеалом, но его осуществление совершенно не зависит от этого стимулирования. Именно у невротиков можно обнаружить наивысшую разность напряжений между формированием Я-идеала и степенью сублимации их примитивных либидинозных влечений, и в целом гораздо труднее заставить убедиться в нецелесообразном использовании своего либидо идеалиста, нежели простого и скромного в своих притязаниях человека. Отношение образования идеала и сублимации к причинам возникновения невроза также совершенно различное. Образование идеала, как мы уже слышали, повышает требования Я и является мощнейшим фактором, способствую-

---

[1] [В изданиях до 1924 года здесь говорится «... есть лишь замена...»]

[2] [К вопросу идеализации Фрейд возвращается в 8-й главе «Психологии масс» (1921*c*). *Studienausgabe*, т. 9. с. 105.]

щим вытеснению; сублимация представляет собой выход из положения, когда требование может быть выполнено, не приводя к вытеснению[1].

Было бы неудивительно, если бы мы обнаружили особую психическую инстанцию, задача которой состоит в том, чтобы следить за обеспечением нарциссического удовлетворения от Я-идеала и с этой целью непрерывно наблюдать за фактическим Я, сверяя его с идеалом[2]. Если такая инстанция существует, то выявить ее для нас оказывается невозможным; мы можем только распознать ее как таковую, сказав себе: то, что мы называем своей *совестью,* отвечает этой характеристике. Признание этой инстанции позволяет нам понять так называемый бред соблюдения, или, вернее, *наблюдения,* который столь ясно проявляется в симптоматологии параноидных заболеваний, но также может встречаться в качестве самостоятельного заболевания или вкрапляться в невроз переноса. Тогда больные жалуются на то, что все их мысли известны, за всеми их действиями наблюдают и надзирают; об их действиях эту инстанцию информируют голоса, которые — что характерно — говорят о них в третьем лице («сейчас она снова об этом думает», «сейчас он уходит»). Эта жалоба правильна, она отражает истину; такая сила, которая следит за всеми нашими намерениями, узнает их и критикует, действительно существует, причем у всех нас в обычной жизни. Бред наблюдения изображает ее в регрессивной форме, при этом раскрывает ее возникновение и причину, отчего больной и восстает против нее.

Собственно говоря, стимул к образованию Я-идеала, стражем которого назначена совесть, исходил из передаваемого через голос критического воздействия родителей, к которым с течением времени примкнули воспитатели, учителя и все необозримое, не поддающееся определению множество других лиц из внешнего окружения (окружающие люди, общественное мнение).

---

[1] [Возможность взаимосвязи между сублимацией и превращением сексуального объектного либидо в нарциссическое Фрейд обсуждает в начале 3-й главы работы «Я и Оно» (1923*b*), см. ниже с. 318–319.]

[2] [Позднее Фрейд разработал понятие Сверх-Я, которое представляет собой комбинацию этой инстанции и Я-идеала. Ср. 11-ю главу «Психологии масс» (1921*c*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 120 и далее, а также 2-ю главу работы «Я и Оно» (1923*b*), с. 288 и далее в этом томе.]

Большие количества преимущественно гомосексуального либидо были привлечены для образования нарциссического Я-идеала, и они отводятся и удовлетворяются в процессе его сохранения. Институт совести вначале был, по существу, воплощением родительской, а в дальнейшем — общественной критики; этот же процесс повторяется при возникновении склонности к вытеснению вследствие вначале внешнего запрета или препятствия. Теперь голоса, а также оставшаяся неопределенной масса повелевавших людей вновь появляются при болезни, и тем самым регрессивно воспроизводится история развития совести. Сопротивление же этой *цензорской инстанции* объясняется тем, что в соответствии с основным характером заболевания человек хочет избавиться от всех этих влияний, начиная с родительского, отводя от них гомосексуальное либидо. В регрессивном отображении их совесть враждебно противостоит им в виде воздействия извне.

Жалоба при паранойе показывает также, что самокритика совести, в сущности, совпадает по времени с самонаблюдением, на котором она основывается. Та же самая психическая деятельность, взявшая на себя функцию совести, стала также служить внутреннему исследованию, которое поставляет философии материал для ее мыслительных операций. С этим, пожалуй, связан импульс к построению спекулятивных систем, который характерен для паранойи[1].

Разумеется, если мы сможем выявить признаки деятельности этой критически наблюдающей инстанции, возросшей до совести и философской интроспекции, и в других областях, то это будет иметь для нас большое значение. К этим признакам я отношу то, что Г. Зильберер описал в качестве «функционального феномена» — одно из немногих дополнений к теории сновидений, ценность которого неоспорима. Как известно, Зильберер показал, что в состояниях между сном и бодрствованием можно непосредственно наблюдать превращение мыслей в зрительные

[1] Только в качестве предположения добавлю, что с формированием и усилением этой наблюдающей инстанции, возможно, связано последующее появление (субъективной) памяти и восприятия времени, которое для бессознательных процессов не имеет никакого значения. [Дальнейшие пояснения по этому вопросу содержатся в работе «Бессознательное» (1915*e*), с. 157–160 в этом томе.]

образы, но что при таких условиях зачастую изображается не содержание мыслей, а состояние (готовкости, усталости и т.д.), в котором находится борющийся со сном человек. Он также показал, что иногда заключительные части снов и фрагменты содержания сновидения означают не что иное, как самовосприятие человеком сна и пробуждения. Таким образом, он доказал участие самонаблюдения — в смысле паранойяльного бреда наблюдения — в образовании сновидений. Это участие непостоянно; наверное, я и не обратил на него внимания потому, что в моих собственных снах оно особой роли не играет; у философски одаренных, привыкших к интроспекции людей оно может быть очень отчетливым[1].

Вспомним, что образование сновидения, как мы обнаружили, происходит под властью цензуры, вынуждающей к искажению мыслей сна. Но под этой цензурой мы не имеем в виду какую-то особую силу — мы выбрали это слово для обозначения обращенной к мыслям сновидения стороны вытесняющих, властвующих над Я тенденций. Внимательно рассмотрев структуру Я, в Я-идеале и в динамических проявлениях совести мы сможем распознать также и *цензора сновидений*[2]. Если этот цензор хоть немного продолжает следить также и во время сна, то мы поймем, что условие его деятельности — самонаблюдение и самокритика — вносит свой вклад в содержание сновидения в виде таких замечаний, как «Сейчас он слишком сонный, чтобы думать», «Теперь он просыпается» и т. д.[3]

---

[1] [Г. Зильберер (1909 и 1912). В 1914 году, то есть в том же году, когда Фрейд написал данную работу, он добавил в «Толкование сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 483–485, гораздо более подробное обсуждение этого явления.]

[2] [Здесь, а также в начале следующего предложения и ниже, на с. 69, Фрейд употребляет личную форму «цензор» вместо обычно используемого слова «цензура». Ср. пассаж в «Толковании сновидений», на который указывалось в предыдущем примечании (*Studienausgabe*, т. 2, с. 485 и прим. 1). Различие между обоими выражениями Фрейд поясняет в конце своей 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917): «Самонаблюдающая инстанция известна нам как цензор Я, как совесть; это та же самая инстанция, которая ночью осуществляет цензуру сновидения...» (*Studienausgabe*, т. 1, с. 413.)]

[3] Я не могу здесь определенно сказать, способно ли отделение этой цензорской инстанции от остального Я психологически обосновать философское разделение сознания и самосознания.

С этих позиций мы можем попытаться обсудить вопрос о чувстве собственной значимости у нормального человека и у невротика.

Чувство собственной значимости кажется нам прежде всего выражением величины Я, а то, из чего оно состоит, далее не учитывается. Все, чем владеет и чего достиг человек, всякий подтвержденный опытом остаток примитивного чувства всемогущества помогает повысить чувство собственной значимости.

Если мы введем наше разграничение сексуальных влечений и влечений Я, то должны будем признать за чувством собственной значимости особую внутреннюю зависимость от нарциссического либидо. При этом мы опираемся на два основных факта: что при парафрениях чувство собственной значимости повышено, а при неврозах переноса понижено и что в любовной жизни у нелюбимого человека чувство собственной значимости снижается, а у любимого оно повышается. Мы отмечали, что цель при нарциссическом выборе объекта — быть любимым, и это дает удовлетворение[1].

Далее нетрудно заметить, что либидинозный катексис объектов не повышает чувство собственной значимости. Зависимость от любимого объекта действует уничижительно; кто влюблен — тот покурен. Кто любит, тот, так сказать, лишился части своего нарцизма, и он может его сохранить лишь будучи любимым. Во всех этих отношениях чувство собственной значимости, по-видимому, остается связанным с нарциссическим компонентом в любовной жизни.

Ощущение бессилия, собственной неспособности любить вследствие душевных или телесных расстройств в значительной степени подрывает чувство собственной значимости. Здесь, по моему мнению, следует искать один из источников столь охотно проявляемых невротиками чувств неполноценности. Но главный источник этих чувств — обеднение Я, возникающее из-за чрезвычайно сильных катексисов, лишающих Я либидо, то есть повреждение Я вследствие сексуальных стремлений, которые уже не поддаются контролю.

Адлер [1907] справедливо отметил, что ощущение собственной органической неполноценности стимулирует дееспособную

---

[1] [На эту тему Фрейд рассуждает в 8-й главе в своей «Психологии масс» (1921с), *Studienausgabe*, т. 9, с. 136–137.]

душевную жизнь и посредством сверхкомпенсации ведет к повышению продуктивности. Но было бы большим преувеличением объяснять все высокие достижения этой первоначальной неполноценностью органов. Не у всех художников были дефекты зрения, не все ораторы вначале заикались. Многие превосходные результаты были достигнуты благодаря исключительной одаренности органов. В этиологии неврозов органическая неполноценность играет второстепенную роль — примерно такую же, какую актуальное восприятие материала играет в образовании сновидения. Невроз пользуется ею как предлогом, как и всякими другими подходящими обстоятельствами. Но если поверить невротической пациентке, что она заболела из-за того, что некрасива, уродлива, непривлекательна, и поэтому ее никто не может полюбить, то следующая больная, которая застревает в неврозе и отвергает половую жизнь, хотя кажется привлекательной и пользуется успехом, доказывает обратное. Большинство истерических женщин принадлежит к привлекательным и даже красивым представительницам своего пола, а, с другой стороны, многочисленные уродства, обезображенные органы и физические недостатки у представителей низших слоев нашего общества никак не влияют на частоту невротических заболеваний в их среде.

Отношение чувства собственной значимости к эротике (к либидинозным катексисам объектов) можно сформулировать следующим образом: необходимо различать два случая — *сообразны ли Я* любовные катексисы, или, наоборот, подверглись ли они вытеснению. В первом случае (при сообразном Я использовании либидо) любовь ценится подобно любой другой активности Я. Сама по себе любовь — как страдание, лишение — снижает чувство собственной значимости, но взаимная любовь, обладание любимым объектом снова его повышает. В случае вытеснения либидо любовный катексис воспринимается как неприятное уменьшение Я, любовное удовлетворение невозможно, новое обогащение Я возможно лишь посредством отведения либидо от объектов. Такое возвращение объектного либидо к Я, его превращение в нарцизм, так сказать, опять представляет собой счастливую любовь[1], а с другой стороны, также и реальная

[1] [В первом издании и только в нем вместо «представляет собой» стоит «создает»].

счастливая любовь соответствует первичному состоянию, в котором объектное либидо и либидо Я неразличимы.

Ввиду важности и неясности предмета, наверное, будет позволительно добавить здесь некоторые другие положения без соблюдения строгой очередности.

Развитие Я состоит в удалении от первичного нарцизма, которое вызывает интенсивное желание обрести его вновь. Это удаление происходит посредством смещения либидо на навязанный извне Я-идеал, на удовлетворение благодаря осуществлению этого идеала.

Одновременно Я создает либидинозные объектные катексисы. Ради этих катексисов, таких, как катексис Я-идеала, оно оскудевает и снова обогащается благодаря удовлетворению, полученному от объектов, а также благодаря осуществлению идеала.

Одна часть чувства собственной значимости первичная, она представляет собой остаток детского нарцизма, другая часть происходит из подтвержденного опытом всемогущества (осуществления Я-идеала), третья часть — из удовлетворения объектного либидо.

Я-идеал поставил либидинозное удовлетворение от объектов в тяжелые условия, с помощью своего цензора[1] заставляя отказаться от некоторых его форм как от недопустимых. Там, где такой Я-идеал не развился, упомянутое сексуальное стремление входит в состав личности без изменений в виде перверсии. Снова быть своим собственным идеалом даже в отношении сексуальных стремлений, как это было в детстве, — вот чего люди желают добиться как высшего счастья.

Влюбленность состоит в перетекании либидо Я на объект. Она обладает достаточной силой, чтобы устранить вытеснения и восстановить перверсии. Она возвышает сексуальный объект до сексуального идеала. Поскольку она происходит по объектному типу или типу примыкания на основе исполнения инфантильных условий любви, можно сказать: то, что отвечает этим условиям любви, идеализируется.

Сексуальный идеал может вступать с Я-идеалом в любопытные отношения взаимопомощи. Там, где нарциссическое удовлетворение наталкивается на реальные препятствия, сексуальный идеал может использоваться для получения эрзац-удовлетворе-

---

[1] [См. прим. 2 на с. 66.]

ния. В таком случае человек по типу нарциссического выбора объекта любит то, чем он был и чего лишился, или то, что обладает достоинствами, которыми он вообще не обладает (см. выше пункт *в* [с. 59]). Формула, соответствующая предыдущей, гласит: человек любит то, чего не хватает Я для достижения идеала. Этот случай поддержки имеет особое значение для невротика, Я которого оскудевает из-за чрезмерных объектных катексисов и не в состоянии осуществить свой идеал. В таком случае от расточительного расходования своего либидо на объекты он хочет вернуться к нарцизму, выбирая себе сексуальный идеал по нарциссическому типу, который обладает недостижимыми для него достоинствами. Это и есть исцеление через любовь, которое он, как правило, предпочитает аналитическому. Более того, он не может поверить в другой механизм исцеления, с ожиданием этого он приступает к лечению и направляет это свое ожидание на персону лечащего его врача. Разумеется, этому плану исцеления препятствует неспособность больного любить вследствие его обширных вытеснений. Если в процессе лечения ему удалось оказать определенную помощь, то зачастую за этим следует непредвиденный результат — больной отказывается от дальнейшего лечения для того, чтобы сделать выбор в любви и доверить дальнейшее выздоровление совместной жизни с любимым человеком. Таким исходом можно было бы удовлетвориться, не будь он чреват всеми опасностями тягостной зависимости от этого помощника в беде.

От Я-идеала важный путь ведет к пониманию психологии масс. Этот идеал, помимо индивидуального, имеет и социальный компонент, он также является общим идеалом семьи, сословия, нации. Кроме нарциссического либидо, он связал также большое количество гомосексуального либидо человека[1], которое таким способом возвращается в Я. Неудовлетворенность из-за неосуществления этого идеала высвобождает гомосексуальное либидо, которое превращается в сознание вины (социальный страх). Сознание вины было первоначально страхом перед родительским наказанием, точнее сказать: перед утратой их любви; место родителей позднее заняла неопределенная масса това-

[1] [Значение гомосексуальности для организации групп отмечалось еще в работе «Тотем и табу» (1912–1913). *Studienausgabe*, т. 9, с. 428; Фрейд также указывает на него в «Психологии масс» (1921*c*), там же, с. 116, прим. и с. 132.]

рищей. Таким образом, становится более понятным частое возникновение паранойи вследствие обиды, переживаемой Я, невозможности удовлетворения в сфере Я-идеала, а также совпадение образования идеала и сублимации в идеале Я, прекращение сублимации и возможное преобразование идеалов при парафренических заболеваниях.

Метапсихологические сочинения 1915 года

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА К МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИМ СОЧИНЕНИЯМ 1915 ГОДА

Первое подробное изложение своих представлений о психологической теории Фрейд опубликовал в седьмой главе «Толкования сновидений» (1900*a*), которая, хотя и в измененной форме, содержит значительную часть материала из неопубликованного «Проекта» (1900*a* [1895]). Не считая кратких рассуждений по конкретным поводам, Фрейд снова обратился к теоретическим проблемам лишь десять лет спустя, а именно в исследовании под названием «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*) (см. «Предварительные замечания издателей» к этой работе, с. 17–18 выше). Затем были сделаны некоторые другие попытки — например, в части III анализа Шребера (1911*c*), в работе о бессознательном (1912*g*), написанной на английском языке, а также в подробном обсуждении нарцизма (1914*c*). В конце концов, весной и летом 1915 года он вновь подготовил подробное и систематизированное изложение своих психологических теорий.

Следующие пять работ образуют взаимосвязанную серию. Как следует из примечания к четвертой работе (с. 191 ниже), Фрейд первоначально планировал опубликовать весь сборник в форме книги под названием «Подготовительные работы по метапсихологии»[1]. Он добавил, что этой серией преследовал цель предоставить солидный теоретический фундамент для психоанализа.

Впрочем, из этих произведений только первые три были опубликованы в 1915 году, а два последних увидели свет лишь в 1917 году. Однако от Эрнеста Джонса (1962*a*, 223) мы узнаем, что в действительности все пять работ были написаны примерно за семь недель в период между 15 марта и 4 мая 1915 года. Также от Джонса (там же, 224) мы знаем, что эта серия за следующие два месяца была дополнена семью другими работами, так что весь сборник из двенадцати статей был готов к 9 августа. Однако эти семь работ Фрейд так и не опубликовал: вероятно, позднее он уничтожил их, ибо они бесследно исчезли. Об их

---

[1] [В «Собрании трудов», т. 5 (1924), с. 432, под общим заголовком «Метапсихология» содержится также работа, написанная Фрейдом для «Общества исследования психики» (1912*g*). Однако в первоначально запланированный сборник она не вошла.]

существовании либо вообще ничего не знали, либо не помнили, пока Эрнест Джонс не решил просмотреть все письма Фрейда. В то время, когда Фрейд приступил к написанию этих статей, он сообщал Абрахаму, Ференци и Джонсу о том, как продвигалась работа. Позднее в переписке с этими тремя корреспондентами встречается лишь единственное указание, а именно в письме Абрахаму в ноябре 1917 года, то есть незадолго до публикации двух статей, вышедших последними. Из него можно сделать вывод, что эти семь других работ в то время еще существовали и что Фрейд по-прежнему намеревался их опубликовать, хотя и считал, что их время пока еще не пришло[1].

Тем не менее мы знаем темы пяти из семи потерянных статей: сознание, страх, конверсионная истерия, невроз навязчивых состояний и неврозы переноса в целом; некоторые указания на них содержатся в оставшихся работах. Мы даже можем догадаться о темах статей, которые четко обозначены не были, — сублимация и проекция[2] (или паранойя), ибо на этот счет есть довольно четкие указания. Тем самым сборник из двенадцати работ охватывал бы все важнейшие проблемы. В нем рассматривались бы основные неврозы и психозы (конверсионная истерия, истерия страха, невроз навязчивых состояний, маниакально-депрессивный психоз и паранойя), а также процессы, лежащие в основе сновидений, далее, психические механизмы вытеснения, сублимации, интроекции и проекции, наконец, две психические системы — сознание и бессознательное.

Вряд ли можно оценить всю тяжесть утраты этих работ. В то время, когда Фрейд писал их, существовала уникальная констелляция благоприятных условий. Последний раз Фрейд подробно излагал теоретические положения за пятнадцать лет до этого (глава VII «Толкования сновидений»), то есть в относительно ранний период своих психологических исследований. Теперь же, в 1915 году, за его плечами двадцатипятилетний опыт психоаналитической работы, на который он мог опираться, создавая свои теоретические построения, и вместе с тем он находился в зените своей интеллектуальной силы. Далее, вследствие того случайного обстоятельства, что в связи с началом Первой мировой войны ему пришлось прервать практику, у него на протяжении пяти месяцев было необходимое время для осуществления своего замысла.

---

[1] [См. также прим. 1 на следующей странице.]

[2] [В части III анализа Шребера (1911*c*) Фрейд обсуждает механизм проекции, но заявляет, что своими рассуждениями не удовлетворен и что более детально рассмотрит его в последующей работе. Но, похоже, это обещание он так и не выполнил, разве что в одной из пропавших работ.]

Пожалуй, мы можем попытаться утешиться мыслью, что содержание потерянных работ большей частью могло войти в поздние сочинения Фрейда. Но мы бы многое отдали за возможность обладать связным изложением таких вопросов, как сознание или сублимация, а не разбросанными в разных местах и относительно скудными указаниями, которыми нам теперь приходится довольствоваться[1].

Ввиду особого значения этой серии статей, убедительности их аргументации, а также сохраняющейся порой неясности вопросов представляется уместным предпослать им более подробные комментарии, чем это обычно делается в настоящем издании. Мы также считаем нужным снабдить текст большим количеством примечаний, в частности, ссылками на те места в других сочинениях Фрейда, которые могут пролить свет на имеющиеся неясности.

---

[1] То, что эти работы когда-то существовали, подтверждается и многими другими высказываниями в корреспонденции Фрейда. Так, например, в письме от 8 июля 1915 года Джеймсу Дж. Патнему он пишет: «Сам я в настоящее время использую перерыв в работе [из-за начала войны] для подготовки книги, в которую должно войти двенадцать психологических статей» (Freud, 1960*a*). А в письме от 30 июля 1915 года, адресованном Лу Андреас-Саломе, говорится: «Плодом этого времени, наверное, станет книга, состоящая из двенадцати статей, которая начинается с влечений и их судеб. [...] Она уже готова, кроме необходимой доработки, связанной с соединением и компоновкой отдельных частей». В другом письме, написанном Лу Андреас-Саломе 25 мая 1916 года, говорится: «Моя книга, состоящая из 12 таких статей, не может быть напечатана до конца войны. И кто знает, сколько еще времени пройдет после этого страстно ожидаемого срока» (Freud, 1966*a*). Далее Фрейд упоминает о существовании тех «12» статей и о своем намерении опубликовать их по окончании войны в письме от 17 декабря 1915 года Людвигу Бинсвангеру (Freud, 1955*f*). — Предположение, что Фрейд в конце концов забраковал последние семь статей, подтверждается перепиской с Лу Андреас-Саломе. В письме от 18 марта 1919 года она спрашивает : «...а где же метапсихология, ибо напечатанные главы вошли в 4-й том «Т[еории] н[еврозов]» [*S. K. S. N.*]? Где остальные, которые уже были готовы?» Фрейд отвечает 2 апреля: «Где моя метапсихология? Во-первых, она так и остается ненаписанной. Систематическая обработка материала для меня невозможна; фрагментарная природа моего опыта и спорадический характер моих мыслей не позволяют этого сделать. Но если я проживу еще лет десять, оставаясь в это время дееспособным, не умру с голоду, если меня не убьют, не будут чересчур докучать убогостью мнений или всем тем, что меня окружает — многовато условий, — то тогда я обещаю подготовить к ней и другие статьи. Первым вкладом подобного рода станет эссе "По ту сторону принципа удовольствия"...» (Freud, 1966*a*).

Среди бумаг, оставленных в наследство Шандором Ференци, в 1983 году неожиданно обнаружился черновой вариант двенадцатой метапсихологической статьи, который, согласно приложенному письму Фрейда от 28 июня 1915 года, почти не отличается от исчезнувшего чистовика (Freud, 1985*b*). Неизвестный доселе текст был опубликован в 1985 году (Freud, 1985*b*). Он носит название «Обзорный очерк неврозов переноса» и четко делится на две части. Первая часть содержит в тезисной форме систематизированное сравнение шести моментов, относящихся к неврозам переноса (вытеснения, контркатексиса, замещающих и симптоматических образований, отношения к сексуальной функции, регрессии и предрасположенности). То, о чем здесь говорит Фрейд, ограничивается онтогенетическим уровнем и демонстрирует многообразные связи с опубликованными позднее пятью метапсихологическими сочинениями, в частности, со статьями «Вытеснение» (1915*d*) и «Бессознательное» (1915*e*) (ср. раздел «Контекст трудов» в работе И. Грубрих-Зимитис (Grubrich-Simitis, 1985, 95 etc.). Во второй части черновика, который чуть ли не сплошь усыпан формулировками, с учетом «нарциссических неврозов», то есть dementia praecox, паранойи и меланхолии/мании, в форме смелого филогенетического умозрительного заключения осуществляется реконструкция эволюционных истоков неврозов и психозов. При этом Фрейд опирается на гипотезы, разработанные в четвертом эссе работ «Тотем и табу» (1912–1913), об убийстве праотца и возникновении чувства вины. Читателю метапсихологических сочинений 1915 года особенно рекомендуем изучить первую часть «Обзорного очерка неврозов переноса».

Ильза Грубрих-Зимитис

Влечения и их судьбы
(1915)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1915 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 3 (2), 84–100.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4. 252–278. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 443–465.
1924 *Technik und Metapsychol.*, 165–187.
1931 *Theoretische Schriften*, 58–82.
1946 *G. W.*, т. 10, 210–232.

Фрейд приступил к написанию этой работы 15 марта 1915 года; это исследование было завершено вместе с последующим («Вытеснение») 4 апреля.

В самом начале необходимо обратить внимание на то, что в использовании выражений «влечение» и «репрезентация влечения» Фрейд не всегда был последователен. На с. 91, ниже, он говорит о влечении, что оно предстает как «пограничное понятие между душевным и соматическим, как психический репрезентант[1] возникающих внутри тела и достигающих души раздражителей». Ранее он уже дважды давал сходные определения. Так, за несколько лет до этого в своем обсуждении случая Шредера (1911*c*), в конце раздела III он констатирует: «Мы понимаем влечение как пограничное понятие между соматическим и душевным, видим в нем психические репрезентанты органических сил...» (*Studienausgabe*, т. 7, с. 196). А в одном пассаже, который, вероятно, был написан за несколько месяцев до представленной здесь работы и подготовлен к третьему изданию его «Трех очерков» (1905*d*) (оно вышло в 1915 году, но было снабжено предисловием от октября 1914 года), он описывает влечение как «психическую репрезентацию непрерывно текущих, интрасоматических источников раздражения... Таким образом, влечение — это одно из понятий, разграничивающих душевное и телесное» (*Studienausgabe*, т. 5, с. 76). Эти три высказывания создают впечатление, что Фрейд не делал никакого различия между «влечением» и его «психической репрезентацией». Очевидно, само

[1] Термин «репрезентант», который появляется здесь и в анализе Шредера (1911*c*), обычно используется в юриспруденции, в частности в конституционном праве. Во всех последующих цитатах, равно как и почти во всех поздних работах, Фрейд употребляет более абстрактную форму «репрезентация».

влечение он рассматривал как психическую репрезентацию соматических сил. Но если мы теперь обратимся к последующим работам этой серии, складывается впечатление, что в них он проводит четкое различие между влечением и его психической репрезентацией. Отчетливее всего это, пожалуй, проявляется в одном пассаже в работе «Бессознательное» (1915*e* с. 147 ниже): «Влечение никогда не бывает объектом сознания, им может быть только представление, которое его репрезентирует. Но и в бессознательном оно не может быть репрезентировано иначе, кроме как через представление... И если мы все-таки говорим о бессознательном импульсе влечения или о вытесненном импульсе влечения… [то] имеем здесь в виду лишь импульс влечения, репрезентация которого бессознательна…» Эту же идею можно встретить и в других местах. Например, в работе «Вытеснение» (1915*d*, с. 117 ниже) Фрейд говорит о «психической репрезентации (представлении) влечения» и продолжает: «… данная репрезентация отныне остается неизменной, и с нею связано влечение». Далее в этой работе (с. 122) он описывает репрезентацию влечения как «представление или группу представлений, которые со стороны влечения катектированы определенной суммой психической энергии (либидо, интереса)», и добавляет, «что наряду с представлением необходимо учитывать еще и нечто иное, репрезентирующее влечение…» Таким образом, в этой второй серии цитат влечение рассматривается уже не как психическая репрезентация соматических импульсов, а, собственно, как нечто непсихическое. Эти явно различные представления о сущности влечения встречаются также и в более поздних сочинениях Фрейда, при этом преобладает второе. Возможно, это противоречие все же кажущееся, а не реальное, и ключ к разгадке заключается, быть может, в двусмысленности самого понятия — а именно пограничного понятия между соматическим и психическим.

Фрейд неоднократно высказывал неудовлетворенность состоянием психологических знаний о влечениях. Так, совсем незадолго до этого в своей работе, посвященной нарцизму (1914*c*, с. 48 выше), он сетовал на «полное отсутствие теории влечений, задающей некие ориентиры». Позднее, например, в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*, с. 260 ниже) он также говорит о влечениях, что они представляют собой «самый важный, равно как и самый непонятный элемент психологического исследования». Данная работа представляет собой сравнительно раннюю попытку подробного рассмотрения данного предмета. Хотя многочисленные последующие сочинения на эту тему скорректировали и дополнили ее в целом ряде моментов, тем не менее ее можно считать наиболее ясным изложени-

ем того, что Фрейд понимал под влечениями и способами их воздействия. Разумеется, в ходе последующих рассуждений Фрейд изменил свои взгляды на классификацию влечений и представления об их более глубоких детерминантах; однако данная работа остается незаменимым исходным базисом для понимания всего последующего развития теории.

Представляется уместным подытожить здесь те изменения, которым подверглись взгляды Фрейда на классификацию влечений. Как ни странно, в явной форме понятие «влечение» появилось в трудах Фрейда сравнительно поздно. В период работы с Брейером, в письмах Флиссу (1950*a*) и даже в «Толковании сновидений» (1900*a*) выражение «влечение» почти не встречалось. И только в «Трех очерках» (1905*g*) мы обнаруживаем обстоятельное и непосредственное описание «сексуального влечения» как такового; «импульсы влечения», один из терминов, наиболее часто употребляемых Фрейдом позднее, появляется, по-видимому, в работе «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907*b*). Но это, собственно говоря, относится лишь к *языковому* аспекту; само собой разумеется, термин «влечение» уже существовал раньше, хотя и обозначался по-другому. Вместо влечений Фрейд преимущественно говорил о «возбуждениях», «об аффективных представлениях», «импульсах желаний», «эндогенных раздражителях» и т.д. Так, например, далее (с. 86) проводится различие между «раздражителем» как некой силой, действующей, подобно единовременному толчку, и влечением как постоянной энергией. Однако точно такое же различие почти в тех же словах Фрейд проводил еще за двадцать лет до этого, разве что вместо «раздражителей» и «влечений» он говорил тогда об «экзогенных» и «эндогенных возбуждениях»[1]. Точно так же Фрейд далее (с. 86–87) указывает на то, что примитивный организм не способен избегать потребностей, исходящих от влечений, с помощью бегства, как он это может сделать в случае внешних раздражителей. И эту мысль Фрейд также уже высказывал за двадцать лет до этого, причем снова использовав термин «эндогенные раздражители». Речь идет о «Проекте» 1895 года (1950*a*), где в первом разделе части I («Первое основное положение: количественный подход») говорится, что эндогенные раздражители «возникают из телесных клеток и порождают главные потребности: голод, дыхание, сексуальность», но само слово «влечение» здесь пока еще нигде не упоминается.

---

[1] См. в конце раздела III первой работы Фрейда, посвященной неврозу страха (1895*b*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 46.

Конфликт, лежащий в основе психоневрозов, в этот ранний период иногда описывается как конфликт между «Я» и «сексуальностью», и хотя термин «либидо» встречается часто, оно понимается как проявление «соматического сексуального напряжения», которое Фрейд в свою очередь трактует как химический процесс. И только в «Трех очерках» (1905*d*) термин «либидо» *expresses verbis* вводится для обозначения сексуального влечения. «Я» как вторая сторона в конфликте оставалось неопределенным гораздо дольше. Оно в основном рассматривалось в связи с его функциями — в частности, с «вытеснением», «сопротивлением» и «проверкой реальности», но о его структуре или динамике речь пока еще не шла[1] (не считая очень ранней попытки в четырнадцатом разделе части I «Проекта» 1895 года (1950*a*) под названием «Введение понятия Я». Понятие «влечения к самосохранению» пока еще не упоминалось, за исключением косвенной взаимосвязи с теорией, согласно которой либидо примыкает к ним на ранних стадиях развития[2]; очевидно, более веского основания, чтобы связать их с ролью, которую играет Я в качестве вытесняющей инстанции в невротическом конфликте, не существовало. Затем Фрейд в краткой работе, посвященной психогенному нарушению зрения (1910*i*), как бы неожиданно ввел термин «влечения Я» совершенно независимо, отождествляя их, с одной стороны, с влечениями к самосохранению, а с другой — с функцией вытеснения. Отныне этот конфликт всегда изображается как борьба между двумя видами влечений, либидинозными и влечениями Я.

Вместе с тем введение концепции «нарцизма» создало дополнительные сложности. В своей работе об этой теории (1914*c*) Фрейд развивает идею о существовании «либидо Я» (или «нарциссического либидо»), которое катектирует Я, и в противоположность «объектному либидо», катектирующему объекты (см. 46 выше). Однако один пассаж в той работе (там же), а также одно замечание в данной (с. 92–93) свидетельствуют о том, что уже в то время его одолевало сомнение в правильности своей дуалистической классификации влечений. В анализе Шребера (1911*c*) он по-прежнему категорически настаивал на необходимости проводить разграничение между «катексисами Я» и «ли-

---

[1] Ср. заключительную часть «Предварительных замечаний издателей» к работе о нарцизме (см. 42 выше), а также обсуждение «проверки реальности» в «Предварительных замечаниях издателей» к работе «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (с. 189–190 ниже).

[2] См., например, пассаж в «Трех очерках» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 88; однако фраза, где упоминается влечение к сохранению жизни, была все же добавлена только в 1915 году.

бидо», между «интересами из эротических источников» и «интересами вообще», и к этому разграничению он возвращается, возражая Юнгу в работе, посвященной нарцизму (с. 49–50 выше). Выражение «интерес» встречается также и в данном сочинении (с. 105), а в 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917) «интересы Я», или просто «интересы», постоянно противопоставляются «либидо». Тем не менее свойства этих нелибидинозных влечений оставались непонятными. Поворотным пунктом во фрейдовской классификации влечений стала работа «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*). В главе VI этого сочинения он выражает неудовлетворенность своей прежней позицией и категорически заявляет: «Разумеется, это нарциссическое либидо являлось также выражением силы сексуальных влечений в аналитическом смысле, которое с самого начала нужно было идентифицировать с санкционированными "влечениями к самосохранению"» (с. 276 и далее ниже). Однако он по-прежнему считал, что, помимо либидинозных, существуют также объектные влечения, и, придерживаясь дуалистической позиции, выдвинул в этой работе гипотезу о существовании влечения к смерти. Развитие своих представлений о классификации влечений Фрейд излагает в обстоятельном примечании в конце главы VI работы «По ту сторону принципа удовольствия», с. 287 ниже; дальнейшее обсуждение этой темы в свете новой структурной модели психики составляет главу IV работы «Я и Оно» (1923*b*), ниже с. 329 и далее. В главе VI работы «Неудовлетворенность культурой» (1930*a*) Фрейд еще раз подробно обсуждает эту проблему, при этом впервые особое внимание уделяя агрессивным и деструктивным влечениям. До сих пор он не придавал им большого значения, за исключениям тех феноменов, где они (как, например, в садизме и мазохизме) слиты с либидинозными элементами; теперь он рассматривает эти влечения в чистом виде и объявляет их производными влечения к смерти[1]. Еще более позднее обсуждение этой темы содержится во второй половине 32-й лекции «Нового цикла» (1933*a*) и, наконец, последнее резюме — в главе II опубликованного уже после смерти Фрейда «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]).

---

[1] В «Предварительных замечаниях издателей» к работе «Неудовлетворенность культурой» развитие взглядов Фрейда на эту тему излагается более подробно (см. *Studienausgabe*, т. 9, с. 194 и далее). Некоторые замечания о деструктивном влечении и возможности его сублимации содержатся в двух письмах Фрейда принцессе Марии Бонапарт от 27 мая и 17 июля 1937 года. Важные в этой связи положения приведены в конце упомянутого примечания (с. 196).

Мы часто слышали требование о том, чтобы наука строилась на ясных и строго определенных фундаментальных понятиях. В действительности ни одна наука не начинается с таких определений, даже самая точная. Правильное начало научной деятельности состоит, скорее, в описании явлений, которые затем группируются, классифицируются и вводятся во взаимосвязи. Но уже при описании нельзя не применить к материалу некоторые абстрактные идеи, которые берутся, конечно, не только из нового опыта. Еще более необходимы такие идеи, — которые впоследствии становятся базисными понятиями науки, — при дальнейшей обработке материала. Сначала они неизбежно характеризуются известной степенью неопределенности; о четко очерченном их содержании не может быть и речи. Пока они находятся в таком состоянии, об их значении договариваются, постоянно ссылаясь на эмпирический материал, из которого они вроде бы берутся, но который на самом деле им подчиняется. Строго говоря, они носят характер конвенций, но при этом главное то, что они все же не выбираются произвольно, а определяются важными взаимосвязями с эмпирическим материалом, которые, как полагают, разгаданы еще до того, как их удается выявить и доказать. И только после основательного исследования данной области феноменов появляется также возможность более строго очертить ее основные научные понятия и последовательно изменять их таким образом, чтобы они стали пригодными в большом объеме и при этом непротиворечивыми. И тогда, возможно, настанет время, чтобы запечатлеть их в определениях. Но прогресс познания не терпит также и закостенелости определений. Как блестяще показывает пример физики, содержание «базисных понятий», установленных в определениях, тоже подвергается постоянному изменению[1].

Такое общепринятое, пока еще довольно туманное базис-

---

[1] [Аналогичные мысли Фрейд уже развивал в своей работе, посвященной нарциссизму (1914*c*, с. 46–47 ниже.]

ное понятие, без которого мы, однако, не можем обойтись в психологии, — понятие *влечения*. Попытаемся с разных сторон наполнить его содержанием.

Сначала со стороны физиологии. Она дала нам понятие *раздражителя* и схему рефлекса, по которой раздражитель, действующий на живую ткань (нервную субстанцию) *извне*, в результате действия отводится *вовне*. Это действие становится целесообразным благодаря тому, что избавляет раздраженную субстанцию от воздействия раздражителя, выводит ее из сферы этого воздействия.

Как же относится «влечение» к «раздражителю»? Нам ничто не мешает подвести понятие влечения под понятие раздражителя: влечение — это раздражитель для психики. Но сразу же остережемся отождествлять влечение и психический раздражитель. Несомненно, что для психики существуют и другие раздражители, а не только исходящие от влечений, — такие раздражители, которые во многом ведут себя как физиологические. Если, например, на глаз падает яркий свет, то это не будет раздражителем, относящимся к влечению; но таковым, пожалуй, будет сухость слизистой оболочки глотки или разъедание слизистой оболочки желудка[1].

Итак, мы получили материал для разграничения раздражителей, связанных с влечениями, и других (физиологических) раздражителей, воздействующих на психику. Во-первых, раздражитель, относящийся к влечению, исходит не из внешнего мира, а изнутри самого организма. Поэтому он действует на психику иначе и для своего устранения требует иных действий. Далее: все самое важное для характеристики раздражителя заключено в предположении, что он действует как однократный толчок; в таком случае его можно также устранить однократным целесообразным действием; типичный пример — моторное бегство от источника раздражения. Разумеется, эти толчки могут повторяться и суммироваться, но в нашем понимании процесса и в условиях устранения раздражителя это ничего не меняет. Влечение же, наоборот, никогда не действует как *одномоментная ударная сила* — оно всегда действует как *постоянная* сила. Так как оно воздействует не извне, а изнутри

[1] Разумеется, при условии, что эти внутренние процессы являются органической основой потребностей — жажды и голода.

тела, против него не в силах помочь также и бегство. Раздражитель, связанный с влечением, мы называем «потребностью»; то, что устраняет эту потребность, представляет собой *«удовлетворение»*. Его можно достичь только путем целесообразного (адекватного) изменения источника внутреннего раздражения.

Представим себя на месте почти совершенно беспомощного, пока еще не ориентирующегося в мире живого существа, воспринимающего раздражители своей нервной субстанцией[1]. Это существо очень скоро станет способным делать первые различия и ориентироваться. С одной стороны, оно будет ощущать раздражители, от которых сможет уклоняться с помощью мышечного действия (бегства), относя эти раздражители к внешнему миру. Но с другой стороны, оно будет ощущать и другие раздражители, против которых такое действие остается бесполезным и которые, несмотря на это, сохраняют свой постоянный настойчивый характер; эти раздражители представляют собой отличительный признак внутреннего мира, проявление инстинктивных потребностей. Таким образом, эффективность мышечной деятельности дает воспринимающей субстанции живого существа отправную точку для разграничения «внешнего» и «внутреннего»[2].

Итак, мы раскрываем сущность влечения сначала в его глав-

---

[1] [Следующая гипотеза о поведении примитивного живого существа, наряду с постулатом о «принципе константности», лежащем в основе этого поведения, в аналогичной форме содержится уже в самых ранних психологических работах Фрейда, например, в главе VII (разделы В и Е) «Толкования сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 538–540 и 568–570. Еще до этого она была сформулирована, правда, в *неврологических* терминах, в написанном в 1895 году и опубликованном уже после смерти автора «Проекте» (1950*a*, часть I, первый раздел: «Первый главный тезис: количественный подход»), а также — хотя и в кратком виде — в докладе Фрейда (1893*b*) об опубликованном вместе с Брейером «Предварительном сообщении» (1893*a*) и в предпоследнем абзаце работы, написанной на французской языке, об истерических параличах (1893*c*). Фрейд еще раз вернулся к этой гипотезе в главах I и IV работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*, с. 231–233 и 252–254 в этом томе и вновь обсуждал ее «В экономической проблеме мазохизма» (1924*c*, см. ниже с. 365 и далее). Ср. примечание на с. 90–91.]

[2] [См. ниже, на с. 96 и далее. Позднее Фрейд еще раз обратился к этой теме в своей статье «Отрицание» (1925*b*, с. 400–401 в этом томе) и в главе I работы «Недомогание культуры» (1930*a*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 197 и далее.]

ных характеристиках — в происхождении источников раздражения внутри организма, в проявлении в виде константной силы, и выводим из этого одну из других его особенностей — невозможность избавиться от него путем избегания. Однако в ходе этих рассуждений наше внимание должно было привлечь одно обстоятельство, вынуждающее нас еще к одному признанию. Мы не только привносим в наш эмпирический материал определенные условности в качестве базисных понятий, но и пользуемся некоторыми сложными *предположениями*, руководствуясь ими при анализе мира психологических явлений. Самое важное из этих предположений мы уже привели; нам остается лишь особо подчеркнуть его. По своей природе оно относится к *биологии*, оперирует понятием тенденции (иногда целесообразности) и гласит: нервная система — это аппарат, наделенный функцией устранения доходящих до него раздражителей, низведения их до самого низкого уровня, или, если бы это было возможно, желающий вообще не испытывать раздражений[1]. Пока не будем обращать внимания на неопределенность этой идеи и будем считать предназначением нервной системы, вообще говоря — *преодоление раздражения*. Тогда мы увидим, насколько введение влечений усложняет простую физиологическую схему рефлекса. Внешние раздражители ставят только одну задачу — уклониться от них, и это осуществляется посредством мышечных движений, одно из которых в конце концов достигает цели и в таком случае в качестве целесообразного становится наследственным предрасположением. Раздражители, исходящие от влечений и возникающие внутри организма, с помощью этого механизма устранить нельзя. Следовательно, они предъявляют гораздо более высокие требования к нервной системе, побуждают ее к сложным, тесно взаимосвязанным действиям, которые настолько изменяют внешний мир, что он делает возможным удовлетворение внутренних источников раздражения; но прежде всего они заставляют ее отказаться от своей идеальной цели — держаться вдали от раздражителей, — постоянно поддерживая неизбежный приток стимулов. Поэтому, пожалуй, мы можем заключить, что именно они, влечения, а не внешние раздражители, — настоящий двигатель прогресса, выведший бесконечно дееспособную нервную систему на современный уровень развития. Разумеется, ничто не мешает предположить, что сами влечения,

---

[1] [Речь идет о «принципе константности». См. прим. 1 на с. 88.]

по крайней мере отчасти, представляют собой отражение действия внешних раздражителей, которые в процессе филогенеза вызвали изменения в живой субстанции.

Если мы затем обнаружим, что деятельность даже самых высокоразвитых душевных аппаратов подчинена *принципу удовольствия*, то есть автоматически регулируется ощущениями удовольствия и неудовольствия, то нам трудно будет отказаться от другого предположения, что эти ощущения отражают способ, которым осуществляется преодоление раздражения. Разумеется, в том смысле, что ощущение неудовольствия связано с усилением раздражения, а ощущение удовольствия — с его снижением. Но мы будем постоянно обращать внимание на значительную неопределенность этого предположения, пока нам не удастся разгадать, какого рода отношения существуют между удовольствием и неудовольствием, с одной стороны, и колебаниями величин раздражителей, воздействующих на душевную жизнь, — с другой. Разумеется, здесь возможны самые разнообразные и весьма непростые отношения[1].

Если мы обратимся к рассмотрению душевной жизни с био-

---

[1] [Очевидно, что здесь задействовано два принципа. Один из них — «принцип константности» (см. выше, с. 88–89 и с. 88, прим. 1). В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), глава I (с. 233 в этом томе), Фрейд снова говорит о «предположении, что душевному аппарату присуща тенденция сохранять имеющееся в нем количество возбуждения на как можно более низком уровне или, по крайней мере, константным». В этой же работе (с. 283) для обозначения этого принципа Фрейд вводит термин «принцип нирваны». Второй принцип — это «принцип удовольствия», упоминаемый в тексте в самом начале абзаца, к которому относится данное примечание. Он также еще раз формулируется в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (с. 231 ниже): «В психоаналитической теории мы без сомнений предполагаем, что течение психических процессов автоматически регулируется принципом удовольствия... что оно... принимает такое направление, которое в конечном счете совпадает с уменьшением этого напряжения, то есть с избеганием неудовольствия или получением удовольствия». Таким образом, Фрейд, по-видимому, предполагал, что два этих принципа тесно взаимосвязаны или даже тождественны. Так, например, еще в «Проекте» 1895 года (1950*a*, часть I, восьмой раздел, «Сознание») он писал: «Поскольку нам, несомненно, известна тенденция психической жизни к *избеганию неудовольствия*, мы испытываем искушение отождествить ее с первичной инерционной тенденцией [то есть с тенденцией к избеганию возбуждения]». Аналогичную точку зрения он отстаивает в главе VII, раздел Д, «Толкования сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 568. И все же в вышеупомянутом пассаже сквозит сомнение в том, что меж-

логической стороны, то «влечение» предстанет перед нами как пограничное понятие между душевным и соматическим, психический репрезентант возникающих внутри тела и достигающих души раздражителей, мера рабочей нагрузки, возложенной на душевное вследствие его связи с телесным[1].

Теперь мы можем рассмотреть некоторые термины, употребляемые в связи понятием влечения, как-то: напор, цель, объект, источник влечения.

Под *напором* влечения понимают его моторный момент, сумму энергии или меру требований к работе, которую он представляет. Свойство настойчивости представляет собой общую особенность влечений, более того, их суть. Любое влечение обладает известной долей активности; когда не совсем корректно говорят о пассивных влечениях, под этим следует понимать разве что влечения с пассивной целью[2].

Целью влечения всякий раз бывает удовлетворение, которого можно достичь, только устранив состояние возбуждения в источнике влечения. Но даже если эта конечная цель для любого влечения остается неизменной, все же к одной и той же

ду обоими принципами существуют тесные отношения. Это сомнение еще сильнее проявляется в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (см. ниже с. 231–232 и 289) и довольно подробно обсуждается в очерке «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*, с. 365 и далее в этом томе). В нем Фрейд излагает, что оба принципа могут быть и неидентичными, поскольку, без сомнения, существуют состояния возрастающего напряжения, которые исполнены удовольствия (например, сексуальное возбуждение); затем он высказывает предположение (которое уже подспудно содержится в обеих только что приведенных цитатах из работы «По ту сторону принципа удовольствия»), что качественное состояние удовольствия или неудовольствия связано с временным фактором (или ритмом) при изменении количественных характеристик раздражения. Он приходит к выводу, что оба принципа все же нельзя рассматривать как идентичные: принцип удовольствия представляет собой *модификацию* принципа нирваны. Принцип нирваны относится к «влечению к смерти», а его преобразование в принцип удовольствия объясняется влиянием «влечения к жизни», или либидо.]

[1] [См. обсуждение в «Предварительных замечаниях издателей» на с. 80–81.]

[2] [Некоторые замечания об активной природе влечений содержатся в добавленной в 1915 году сноске в 4-м разделе третьего из очерков Фрейда по теории сексуальности (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 123–124. — Критика Адлера за его неверное понимание «настойчивого» характера влечений представлена в конце второго раздела части III анализа «маленького Ганса» (1909*b*). *Studienausgabe*, т. 8, с. 117–118.]

конечной цели могут вести различные пути, а потому у влечения могут появиться самые разные близлежащие или промежуточные цели, которые комбинируются или смешиваются друг с другом. Опыт позволяет нам говорить также о *«целезаторможенных»* влечениях, когда вначале допускается следование процессов в направлении удовлетворения влечения, но затем они тормозятся или отклоняются от цели. Можно предположить, что и с такими процессами связано частичное удовлетворение.

Объект влечения — это объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели. Это самый изменчивый элемент влечения, изначально с ним не связанный, а присоединенный к нему только благодаря его свойству делать возможным удовлетворение. Им может быть не только посторонний предмет, но и часть собственного тела. В зависимости от того, как в течение жизни складывается судьба влечения, он может сколько угодно меняться; такому смещению влечения выпадают самые важные роли. Бывает и так, что один и тот же объект служит удовлетворению нескольких влечений сразу; по А. Адлеру [1908], это случай *скрещения влечений*[1]. Особенно тесная привязанность влечения к объекту отмечается как его *фиксация*. Нередко она возникает в очень ранние периоды развития влечения, лишая его подвижности и интенсивно сопротивляясь разъединению[2].

Под *источником* влечения понимают тот соматический процесс в органе или части тела, раздражитель которого репрезентируется в душевной жизни через влечение. Неизвестно, всегда ли этот процесс имеет химическую природу или он может соответствовать также высвобождению других, например механических, сил. Изучение источников влечения уже не относится к психологии; хотя происхождение из соматического источника и представляет собой важнейшее свойство влечения, в душевной жизни мы узнаем его не иначе, как по его целям. Точного знания источников влечения вовсе не требуется для психологического исследования. Иногда, исходя из целей влечения, можно с уверенностью судить о его источниках.

Можно ли предположить, что различные влечения, исходя-

---

[1] [Два примера этого Фрейд приводит в анализе «маленького Ганса» (1909*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 93 и 107–108.]

[2] [Ср. ниже с. 117.]

щие из телесной сферы и воздействующие на психику, наделены также различными *качествами* и поэтому в душевной жизни ведут себя по-разному в качественном отношении? Похоже, что для этого нет оснований; скорее, здесь можно удовлетвориться более простой гипотезой, что все влечения в качественном отношении однородны и своим действием обязаны лишь присущей им степени возбуждения, возможно, также определенным функциям этой количественной величины. То, чем отличаются друг от друга психические проявления отдельных влечений, можно объяснить различием источников этих влечений. Однако, что означает проблема качества влечения, может быть разъяснено лишь позднее, в другой связи[1].

Какие влечения можно установить и сколько? Несомненно, при этом остается большой простор для произвола. Нечего возразить, если кто-то употребляет понятия влечения к игре, деструктивного влечения, влечения к общению в тех случаях, когда этого требует предмет и когда допустимо ограничение психологического анализа. Однако не следует оставлять без внимания такой вопрос: нельзя ли разложить эти, с одной стороны, весьма специализированные мотивы влечений дальше в направлении источников влечения, так что только далее неразложимые первичные влечения могут претендовать на определенное значение.

Я предложил выделить две группы таких первичных влечений — *влечения Я*, или *влечения к самосохранению*, и *сексуальные влечения*. Но эта классификация не имеет значения обязательного условия, в отличие, например, от гипотезы о биологической тенденции душевного аппарата (см. выше [с. 88–89]); это всего лишь вспомогательная конструкция, которой нужно придерживаться лишь до тех пор, пока она оказывается полезной, и замена которой другой конструкцией мало что изменит в результатах нашей работы по описанию и систематизации. Повод к такой классификации дала история развития психоанализа, первым объектом которого стали психоневрозы, а именно их группа, обозначаемая как «неврозы переноса» (истерия, невроз навязчивых состояний), при исследовании которой выяснилось, что в основе любого такого заболевания следует искать конфликт между требованиями Я и сексуальности. И все же вполне возможно, что более глубокое изучение других невротических заболеваний

---

[1] [Не ясно, какую «другую связь» Фрейд здесь имеет в виду.]

(прежде всего нарциссических психоневрозов — шизофрений) приведет к изменению этой формулы и тем самым к появлению иной классификации первичных влечений. Но в настоящее время эта новая формула нам не известна, и мы не нашли также ни одного аргумента, который противоречил бы противопоставлению влечений Я и сексуальных влечений[1].

Я вообще сомневаюсь, можно ли будет, основываясь на обработке психологического материала, получить решающие указания для разграничения и классификации влечений. В гораздо большей степени представляется необходимым в целях этой обработки соотнести с материалом определенные гипотезы, касающиеся жизни влечений, и было бы желательно, чтобы эти гипотезы были заимствованы из другой области знаний и перенесены на психологию. То, что нам здесь дает биология, несомненно, не противоречит разделению на влечения Я и сексуальные влечения. Биология учит, что сексуальность нельзя приравнивать к другим функциям индивида, поскольку ее тенденции не ограничиваются индивидом, а ее содержание составляет производство новых индивидов, то есть сохранение вида. Далее она показывает нам, что рядом друг с другом существуют два равноправных понимания отношений между Я и сексуальностью: согласно одному, главным является индивид, сексуальность расценивается лишь как одна из его функций, а сексуальное удовлетворение — как одна из его потребностей; согласно другому, индивид представляет собой преходящий и бренный придаток к чуть ли не бессмертной зародышевой плазме, доверенной ему поколением[2]. Гипотеза, что сексуальная функция отличается от других телесных процессов особым химизмом, насколько мне известно, лежит в основе биологических исследований Эрлиха[3].

Так как изучение половой жизни с позиции сознания сопря-

---

[1] [См. «Предварительные замечания издателей» (с. 83).]

[2] [См. выше, прим. 1 на с. 49. Эту же точку зрения Фрейд отстаивает в начале 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 399. См. также главу VI работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), с. 273 и далее в этом томе.]

[3] [Эту гипотезу Фрейд выдвинул еще в первом издании своих «Трех очерков» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 120, прим. Однако он отстаивал ее уже как минимум за десять лет до этого. См., например, в письмах Флиссу (1950*a*) написанный предположительно в 1895 году «Манускрипт I».]

жено с почти непреодолимыми трудностями, психоаналитическое исследование психических нарушений остается главным источником наших знаний. Но в соответствии с ходом своего развития психоанализ до сих пор мог давать нам более или менее удовлетворительные сведения только о сексуальных влечениях, поскольку он мог наблюдать при психоневрозах, так сказать, изолированно лишь эту группу влечений. С распространением психоанализа на другие невротические заболевания наши знания о влечениях Я, несомненно, также станут более основательными, хотя, наверное, не нужно ожидать, что в этой обширной исследуемой области условия для наблюдения окажутся такими же благоприятными.

По поводу общей характеристики сексуальных влечений можно сказать следующее: они многочисленны, проистекают из разнообразных органических источников, действуют вначале независимо друг от друга и только позднее объединяются в более или менее завершенный синтез. Цель, к которой стремится каждое из них, — получение *удовольствия от органа*[1]; только после осуществленного синтеза они начинают служить *функции продолжения рода* и вместе с тем становятся общеизвестными как сексуальные влечения. При первом своем появлении они вначале примыкают к влечениям к самосохранению, от которых затем постепенно отделяются, и при нахождении объекта следуют путями, которые указывают им влечения Я[2]. Часть их на всю жизнь остается присоединенной к влечениям Я, наделяя их *либидинозными* компонентами, которые в случае нормального функционирования легко не заметить и которые отчетливо проявляются только вследствие заболевания[3]. Они отличаются тем, что в значительной степени могут замещать друг друга и с легкостью менять свои объекты. Благодаря последнему свойству они способны к про-

---

[1] [Термин «удовольствие от органа» (то есть удовольствие, привязанное к определенному органу тела) Фрейд, по-видимому, употребляет здесь впервые. Более подробно он обсуждает этот термин в 21-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 319 и далее. Разумеется, идея, лежащая в его основе, появилась значительно раньше: см., например, вступление к третьему очерку по теории сексуальности (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 112.]

[2] [Ср. «О введении понятия "нарцизм"» (1914*c*), с. 56–57 в этом томе.]

[3] [Там же, с. 52.]

явлениям, которые далеки от их первоначальных целевых действий *(сублимация)*.

Исследование вопроса о том, какие судьбы могут ожидать влечения в ходе развития и в течение жизни, нам придется ограничить более известными нам сексуальными влечениями. Благодаря наблюдению нам знакомы следующие судьбы влечений:

— превращение в противоположность;
— обращение против собственной персоны;
— вытеснение;
— сублимация.

Поскольку я не собираюсь здесь обсуждать сублимацию[1], а для вытеснения требуется особая глава [см. следующую работу, с. 115], нам остается лишь описать и обсудить два первых пункта. С учетом мотивов, противодействующих непосредственному проявлению влечений, судьбы влечений можно рассматривать как виды *защиты* от влечений.

При ближайшем рассмотрении *превращение в противоположность* распадается на два различных процесса — на *обращение* влечения *от активности к пассивности* и на *содержательную инверсию*. Оба процесса по своей сути различны, и поэтому их следует обсудить отдельно.

В качестве примеров первого процесса можно привести пары противоположностей садизм/мазохизм и желание разглядывать/эксгибиционизм. Инверсия касается только *целей* влечения; вместо активной цели (мучить, разглядывать) появляется пассивная — чтобы тебя мучили, разглядывали. Содержательная инверсия происходит только в случае превращения любви в ненависть.

Обращение против собственной персоны становится нам понятным, если принять во внимание то обстоятельство, что мазохизм — это садизм, обращенный против собственного Я, а эксгибиционизм включает в себя также разглядывание собственного тела. Аналитические наблюдения не оставляют никакого сомнения в том, что мазохист наслаждается истязанием самого себя, а эксгибиционист — обнажением своего тела. Таким образом, главное в этом процессе — смена *объекта* при неизменной цели.

Между тем мы не можем не заметить, что в этих примерах

---

[1] [Проблема сублимации уже затрагивалась в работе, посвященной нарцизму (см. ниже с. 65–66); возможно, она была также темой одной из утраченных метапсихологических работ Фрейда. (См. «Предварительные примечания издателей», с. 76.)]

обращение против собственной персоны и обращение от активности к пассивности совпадают. Для прояснения этих отношений необходимо более основательное исследование.

В случае пары противоположностей садизм/мазохизм процесс можно представить следующим образом.

а) Сущность садизма состоит в насилии, проявлении силы по отношению к другому лицу как объекту.

б) Этот объект отвергается и заменяется собственной персоной. Наряду с обращением против собственной персоны происходит также трансформация активной цели влечения в пассивную.

в) В качестве объекта снова подыскивается посторонний человек, который вследствие произошедшего изменения цели должен взять на себя роль субъекта[1].

Случай *в* — это, как правило, случай так называемого мазохизма. Здесь удовлетворение достигается также через первоначальный садизм, когда пассивное Я помещается в фантазии на свое прежнее место, предоставленное теперь постороннему субъекту[2]. Весьма сомнительно, чтобы могло быть также более непосредственное мазохистское удовлетворение. Первоначального мазохизма, который бы не возник описанным способом из садизма, по-видимому, не бывает[3]. То, что допущение ступени *б* нелишне, вытекает, пожалуй, из поведения садистского влечения при неврозе навязчивых состояний. Здесь происходит обращение против собственной персоны без пассивности по отношению к новому лицу. Превращение достигает только ступени *б*. Желание мучить других превращается в самобичевание, са-

---

[1] [Хотя смысл этого тезиса в целом понятен, употребление слова «субъект», пожалуй, нужно пояснить. Как правило, термины «субъект» и «объект» употребляются в том значении, что «субъект» — это человек, у которого возникает импульс влечения (или иное психическое состояние), а «объект» — человек или предмет, на который этот импульс направлен. Однако здесь, по-видимому, под «субъектом» подразумевается человек, который в данных взаимоотношениях взял на себя активную роль, то есть действующий человек. Это значение становится еще более очевидным в аналогичном пассаже на с. 100, а также в других местах ниже.]

[2] [См. предыдущее примечание.]

[3] [*Дополнение, сделанное в 1924 году.*] В последующих работах (см.: «Экономическая проблема мазохизма», 1924 [см. ниже с. 363–364]) в связи с проблемами жизни влечений я объявил себя сторонником противоположной точки зрения.

монаказание, но не в мазохизм. Активный глагол превращается не в страдательный залог, а в возвратный[1].

Понимание садизма затрудняется также тем обстоятельством, что это влечение наряду со своей общей целью (наверное, лучше сказать: в ее рамках), по-видимому, стремится к совершенно особой цели: наряду с унижением, триумфом — к причинению боли. Психоанализ показывает, что среди первоначальных целенаправленных проявлений влечения причинение боли, по-видимому, никакой роли не играет. Садистский ребенок не принимает во внимание причинение боли и не преследует такой цели. Но если превращение в мазохизм однажды произошло, то боль вполне годится для того, чтобы представлять пассивную мазохистскую цель, ибо у нас есть все основания предполагать, что болевые, как и другие неприятные ощущения распространяются на сексуальное возбуждение и вызывают состояние, исполненное удовольствием, из-за которого может понравиться и неудовольствие, доставляемое болью[2]. Если ощущение боли стало однажды мазохистской целью, то обратным путем может возникнуть и садистская цель — причинять боль, которой можно наслаждаться мазохистским образом при идентификации себя со страдающим объектом. Разумеется, в обоих случаях человек наслаждается не самой болью, а сопровождающим ее сексуальным возбуждением, и это особенно приятно садисту. Таким образом, наслаждение болью первоначально является мазохистской целью, но оно может стать целью влечения только у человека, изначально предрасположенного к садизму.

Полноты ради добавлю, что *сострадание* нельзя описывать как результат превращения влечения при садизме — его следует понимать как *реактивное образование* против влечения (о различии см. позднее[3]).

Несколько иные и более простые результаты дает исследо-

---

[1] [Намек относится к направлению греческого глагола.]

[2] [См. пассаж во втором из «Трех очерков» (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 3, с. 108–109.]

[3] [Непонятно, к чему это должно относиться, ибо речь, видимо, снова идет об утерянной работе о сублимации. Правда, некоторые замечания на эту тему содержатся в работе «В духе времени о войне и смерти» (1915*b*). *Studienausgabe*, т. 9, с. 41. Но здесь они не могут иметься в виду, потому что указанная работа первоначально была опубликована в другом томе. В 1915 году (то есть в год выхода данной работы) в сноске, добавленной к «Трем очеркам» (1905*d*), Фрейд

вание другой пары противоположностей — влечений, цель которых — разглядывание и показывание себя (вуайеризм и эксгибиционизм на языке перверсий). И здесь тоже можно установить такие же ступени, что и в предыдущем случае: *а)* разглядывание как активность, направленная на посторонний объект; *б)* отказ от объекта, обращение влечения к разглядыванию на собственное тело, тем самым, превращение в пассивность и появление новой цели: быть разглядываемым; *в)* введение нового субъекта[1], которому человек показывает себя, чтобы тот его разглядывал. Едва ли есть сомнения в том, что активная цель возникает раньше пассивной, что разглядывание предшествует показыванию себя. Однако существенное отличие от случая садизма заключается в том, что во влечении к разглядыванию можно выявить еще более раннюю ступень, чем обозначенную буквой *а*. В самом начале влечение к разглядыванию носит аутоэротический характер, хотя у него и есть объект, но оно находит его в собственном теле. И только позднее оно приходит (путем сравнения) к тому, чтобы заменить этот объект аналогичным объектом постороннего тела (ступень *а)*. Эта предварительная ступень интересна тем, что из нее проистекают обе ситуации получающихся в результате пар противоположностей в зависимости от того, в каком месте происходит замена. Схему влечения к разглядыванию можно представить следующим образом:

б) разглядывать самому половой орган	—	позволить разглядывать свой половой орган
|		|
в) самому разглядывать посторонний объект (активное желание разглядывать)		*г*) быть разглядываемым посторонним человеком в качестве собственного объекта (желание показывать, эксгибиционизм)

Такой предварительной ступени нет у садизма, который

подчеркивает, что сублимацию и реактивное образование следует рассматривать как два разных процесса (*Studienausgabe*, т. 5, с.86). — Другая точка зрения на происхождение сострадания представлена в анализе случая «Вольфсмэнна» (1918*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 201–202; однако он, по всей вероятности, был изложен в конце 1914 года, то есть за несколько месяцев до настоящей работы.]

[1] [То есть действующего человека: см. прим. 1 на с. 97.]

с самого начала направлен на посторонний объект, хотя было бы не столь уж бессмысленно вывести ее из усилий ребенка стать хозяином своих органов[1].

К обоим рассматриваемым здесь примерам влечений относится замечание, что трансформация влечения через превращение активности в пассивность и обращение против собственной персоны, собственно говоря, никогда не распространяется на влечение в его полном объеме. Более позднее, активное направление влечения в известной мере сохраняется наряду с более ранним, пассивным, даже если процесс превращения влечения оказался весьма интенсивным. Единственно верное высказывание о влечении к разглядыванию будет следующим: все ступени развития влечения — предварительная аутоэротическая ступень, а также его активная и пассивная конечная форма — существуют рядом друг с другом, и это утверждение становится очевидным, если взять за основу суждения не действия, продиктованные влечением, а механизм удовлетворения. Впрочем, возможно, вполне обоснован еще и другой способ понимания и объяснения. Любое влечение можно разложить на отдельные, разделенные во времени и одинаковые в рамках (любого) временного отрезка всплески, которые ведут себя по отношению друг к другу подобно последовательным извержениям лавы. В таком случае можно представить себе, что самый первый, изначальный прорыв влечения остается без изменений и вообще не претерпевает никакого развития. При следующем всплеске влечение с самого начала подвергается изменению, например, превращению в пассивность, вместе с этим новым качеством добавляясь к прежнему, и т. д. Если затем проследить импульс влечения с момента его возникновения до некоторой точки, то описанная последовательность всплесков даст нам картину определенного развития влечения.

Тот факт, что в более поздний период развития наряду с импульсом влечения можно наблюдать его (пассивную) противоположность, заслуживает меткого наименования *амбивалентность*[2], которое было введено Блейлером.

Развитие влечения станет более доступным нашему пони-

---

[1] [*Дополнение, сделанное в 1924 году:*] См. примечание [1] на странице 91.

[2] [Термин «амбивалентность» был предложен Блейлером (1910; 1911, 43 и 305), но, по всей видимости, не использовался им в вышеуказанном значении. Блейлер выделяет три вида амбивалентности: 1) аффективную, то есть

манию, если сослаться на историю развития влечения и перманентность промежуточных ступеней. Степень доказуемой амбивалентности, как показывает опыт, существенно меняется у индивидов, групп людей или рас. Значительную амбивалентность влечений у человека, живущего в наши дни, можно понимать как архаическое унаследованное качество, поскольку у нас есть основание полагать, что доля непреобразованных активных импульсов в жизни влечений в первобытные времена была больше, чем ныне[1].

Мы привыкли называть раннюю фазу развития Я, во время которой сексуальные влечения удовлетворяются аутоэротически, *нарцизмом*, не разбирая вначале вопроса об отношении между нарцизмом и аутоэротизмом. В таком случае о предварительной ступени влечения к разглядыванию, на которой его объектом бывает собственное тело, мы должны сказать, что оно относится к нарцизму, представляя собой нарциссическое образование. Из него развивается активное влечение к разглядыванию, когда оно покидает нарцизм, однако пассивное влечение к разглядыванию фиксируется на нарциссическом объекте. Точно так же преобразование садизма в мазохизм означает возврат к нарциссическому объекту, тогда как в обоих случаях [то есть пассивного влечения к разглядыванию и мазохизма] в результате идентификации нарциссический субъект заменяется другим, посторонним Я. Принимая в расчет сконструированную предварительную нарциссическую ступень садизма, мы приближаемся к более общему пониманию того, что судьбы влечений — обращение против собственного Я и превращение активности в пассивность — зависят от нарциссической организации Я и отмечены печатью этой фазы. Возможно, они соответствуют защитным по-

---

колебание между любовью и ненавистью; 2) амбивалентность воли, то есть неспособность решиться на действие; 3) интеллектуальную амбивалентность, то есть колебание между противоположными точками зрения. В целом Фрейд использовал термин в первом значении. Ср., например, самое раннее место, где, насколько нам известно, он употребил его впервые, — в конце работы «О динамике переноса» (1912*b*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 166, а также в данной работе (с. 102 и 109 ниже). Фраза в настоящем тексте — одно из немногих мест, где Фрейд употребляет этот термин в связи с активностью и пассивностью. Еще один пример такого непривычного использования термина — пассаж в разделе III истории болезни «Вольфсманна» (1918*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 146.]

[1] [См. «Тотем и табу» (1912–1913) *Studienausgabe*, т. 9, с. 356.]

пыткам, которые на более высоких ступенях развития Я осуществляются с помощью других средств. [См. выше с. 94–95.]

Вспомним здесь о том, что до сих пор мы обсуждали только две пары противоположностей: садизм — мазохизм и желание разглядывать — желание показывать себя. Это самые известные амбивалентно проявляющиеся сексуальные влечения. Другие компоненты более поздней сексуальной функции пока еще не доступны в достаточной мере анализу, чтобы их можно было обсудить аналогичным образом. В целом мы можем сказать о них, что они ведут себя *аутоэротически*, то есть их объект скрывается за органом, который представляет собой их источник, и, как правило, совпадает с ним. Объектом влечения к разглядыванию, хотя вначале и представляющим собой часть собственного тела, является все же не сам глаз, а при садизме органический источник — вероятно, дееспособная мускулатура — непосредственно указывает на другой объект, пусть даже и на собственном теле. В случае аутоэротических влечений роль органического источника настолько важна, что, согласно интересному предположению П. Федерна (1913) и Л. Йекельса (1913), форма и функция органа определяют активность и пассивность цели влечения.

Преобразование влечения в его (материальную) противоположность[1] наблюдается только в одном случае — при *превращении любви в ненависть*[2]. Так как два этих чувства особенно часто оказываются одновременно направленными на один и тот же объект, это сосуществование представляет собой также важнейший пример амбивалентности чувств. [См. прим. 2 на с.100.]

Случай любви и ненависти становится особенно интересным благодаря тому обстоятельству, что он не подходит под наше описание влечений. В теснейшей связи между двумя этими противоположными чувствами и сексуальной жизнью сомневаться не приходится, но, разумеется, нельзя согласиться с пониманием любви как особым частичным влечением сексуальности, подобным всем остальным. Скорее, любовь необходимо рассматривать как выражение всего сексуального стремления, но и это оказывается не совсем верным, и неизвестно, как надо понимать материальную противоположность этого стремления.

Любовь способна не только на одну, но и на три противопо-

---

[1] [То есть *содержательная* инверсия влечения, ср. с. 95.]

[2] [В изданиях до 1924 года здесь говорилось о «превращении *любви* и *ненависти*».]

ложности. Помимо противоположности любить — ненавидеть, имеется и другая: любить — быть любимым, и, кроме того, любовь и ненависть вместе взятые противопоставляются состоянию индифферентности или равнодушия. Из этих трех противоположностей вторая, то есть «любить — быть любимым», вполне соответствует обращению от активности к пассивности и допускает такое же сведение к основной ситуации, как и в случае влечения к разглядыванию. Она означает: *любить самого себя,* что является для нас характеристикой нарцизма. В зависимости от того, происходит ли замена объекта или субъекта на посторонний, получается активное стремление любить или пассивное стремление быть любимым, последнее из которых остается близким нарцизму.

Наверное, к пониманию различных противоположностей любви можно приблизиться, если вспомнить о том, что в душевной жизни вообще царят *три полярности,* противоположности:

субъект (Я) — объект (внешний мир);

удовольствие — неудовольствие;

активный — пассивный.

Противопоставление Я — не-Я (внешнее), (субъект — объект), как мы уже упоминали [с. 87], невольно возникает у индивида уже в раннем возрасте благодаря тому опыту, что он может усмирить внешние раздражители мышечным действием, однако перед импульсами влечений он беззащитен. Он остается суверенным прежде всего в интеллектуальной деятельности и создает базисную ситуацию для исследования, которую никакими стараниями изменить невозможно. Полярность удовольствие — неудовольствие связана с рядом ощущений, огромное значение которых для определения наших действий (воля) уже подчеркивалось [см. с. 100]. Противоположность активный — пассивный не надо путать с противоположностью Я (субъект) — внешний мир (объект). Я ведет себя пассивно по отношению к внешнему миру, когда получает от него раздражители, активно — когда реагирует на них. К *активности* совершенно особого рода по отношению к внешнему миру его вынуждают влечения, поэтому, выделив самое важное, можно сказать: Я-субъект пассивен к внешним раздражителям, активен благодаря своим собственным влечениям. Противоположность активный — пассивный впоследствии сливается с противоположностью мужской — женский, которая до тех пор, пока это не произошло, психологического значения не имеет. Слияние активности с мужественностью, пассивности с женственностью предстает перед нами как биологический факт; но оно отнюдь не столь регуляр-

но, радикально и исключительно, как мы склонны предполагать[1].

Три психические полярности вступают между собой в важнейшие соединения. Существует первичная психическая ситуация, в которой две из них сталкиваются. Исходно, в самом начале душевной жизни, Я оказывается катектированным влечениями и отчасти способно удовлетворять свои влечения на самом себе. Мы называем это состояние нарцизмом, а возможность удовлетворения — аутоэротической[2]. В это время внешний мир (вообще говоря) не катектирован интересом и без-

---

[1] [Этот вопрос гораздо подробнее обсуждается в сделанном в 1915 году (то есть в год написания данной работы) примечании, которое Фрейд добавил к третьему из своих «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 123–124.]

[2] Как мы знаем, часть сексуальных влечений способна к такому аутоэротическому удовлетворению и, следовательно, может стать носителем описываемого ниже развития [от первоначального «реального Я» в «наслаждающееся Я»] под властью принципа удовольствия. Сексуальные влечения, которые с самого начала предполагают объект, и потребности влечений Я, которые никогда нельзя удовлетворить аутоэротически, разумеется, нарушают это состояние [первичное нарциссическое состояние] и подготавливают дальнейшее развитие. Более того, нарциссическая первозданность и не могла бы развиться, если бы каждое отдельное существо не прошло через стадию *беспомощности и опеки*, когда его настоятельные потребности удовлетворялись за счет участия извне и тем самым задерживались в развитии. — [Это весьма насыщенное по содержанию примечание было бы, наверное, более понятным, если бы было приведено двумя или тремя абзацами позже. Пожалуй, его можно дополнить следующим образом. В своих «Положениях о двух принципах психического события» (1911*b*, с. 21 выше) Фрейд представил идею о превращении раннего «наслаждающегося Я» в «реальное Я». В следующем пассаже настоящего текста он высказывает мнение, что в действительности существует еще более раннее, *изначальное* «реальное Я». Это изначальное «реальное Я» не переходит непосредственно в *окончательное* «реальное Я», а под влиянием господствующего принципа удовольствия заменяется «наслаждающимся Я». В примечании Фрейд перечисляет факторы, способствующие такому преобразованию, а также другие факторы, противодействующие этому. Наличие аутоэротических либидинозных влечений обычно стимулирует к отклонению развития в сторону «наслаждающегося Я»; и наоборот, неаутоэротические либидинозные влечения и влечения к самосохранению имеют тенденцию непосредственно переходить в окончательное «реальное Я» взрослого человека. По мнению Фрейда, последний вариант развития действительно имел бы место, если бы родители своей заботой о беспомощном младенце не удовлетворяли эту вторую группу влечений и, таким образом, искусственно не продлевали первичное состояние нарцизма и не способствовали формированию «наслаждающегося Я».]

различен с точки зрения удовлетворения влечений. То есть в этот период Я-субъект сопряжен с удовольствием, а внешний мир с равнодушием (иногда с источником неприятных раздражителей). Если мы определим любовь как отношение Я к источникам своего удовольствия, то ситуация, в которой оно любит только самого себя и равнодушно относится к миру, проясняет первую из противоположностей, в которых мы отыскали «любовь»[1].

Я не нуждается во внешнем мире, будучи аутоэротическим, но получает из него объекты вследствие переживаний, связанных с влечениями Я к самосохранению, и не может обойтись без того, чтобы в течение некоторого времени не воспринимать внутренние импульсы влечений как неприятные. Теперь при господстве принципа удовольствия в нем происходит дальнейшее развитие. Я вбирает в себя предложенные объекты, поскольку они являются источниками удовольствия, интроецирует их (по выражению Ференци [1909][2]), а с другой стороны, выталкивает из себя все, что внутри него становится поводом к переживанию неудовольствия (см. ниже [с. 154–155 и 192–193] механизм проекции).

Таким образом, из первоначального реального Я, отделившего по верному объективному признаку внутреннее от внешнего[3], оно превращается в ректифицированное *наслаждающееся Я*, которое свойство удовольствия ставит выше всех остальных. Внешний мир распадается у него на ту часть, которая приносит удовольствие и которую оно принимает, и чуждое ему все остальное. От собственного Я оно отделило некую часть, которую извергает во внешний мир и воспринимает как враждебную. После такой перегруппировки обе полярности вновь восстанавливаются:

---

[1] [На с. 96 Фрейд перечисляет противоположности любви, причем в такой последовательности: 1) ненавидеть, 2) быть любимым и 3) испытывать равнодушие. В данном пассаже, а также ниже, на с. 107 и 110, он выбирает другую последовательность: 1) испытывать равнодушие, 2) ненавидеть и 3) быть любимым. Можно предположить, что в этой второй последовательности равнодушие поставлено на первое место в силу того, что в развитии оно проявляется первым.]

[2] [По всей видимости, сам Фрейд впервые употребляет здесь этот термин. Ср. примечание на с. 208.]

[3] [См. выше с. 87 и прим. 2, а также дополнение издателей к прим. 2 на с. 104.]

Я-субъект связывается с удовольствием, внешний мир — с неудовольствием (с прежним безразличием).

С появлением объекта на ступени первичного нарцизма формируется и вторая противоположность любви — ненависть[1].

Как мы уже слышали, вначале объект приносится Я из внешнего мира влечениями к самосохранению, и нельзя не согласиться с тем, что и первоначальный смысл ненависти означает отношение к постороннему, доставляющему раздражители внешнему миру. Индифферентность, возникшая сперва как предтеча ненависти, антипатии, представляет собой ее частный случай. Внешнее, объект, ненавистное в самом начале были идентичны. Если позднее объект оказывается источником удовольствия, то он становится любимым, но вместе с тем присоединяется к Я, а потому для ректифицированного наслаждающегося Я объект опять-таки совпадает с чужим и ненавистным.

Но теперь мы также замечаем, что подобно тому, как пара противоположностей любовь — индифферентность отражает полярность Я — внешний мир, точно так же вторая противоположность любовь — ненависть[2] воспроизводит связанную с первой полярность удовольствие — неудовольствие. После смены чисто нарциссической ступени объектной ступенью удовольствие и неудовольствие означают отношение Я к объекту. Если объект становится источником ощущений удовольствия, то проявляется моторное стремление, благодаря которому объект приближается, присоединяется к Я; в таком случае мы ведем также речь о «притягательной силе» объекта, доставляющего удовольствие, и говорим, что «любим» этот объект. И наоборот, когда объект является источником неприятных ощущений, возникает тенденция увеличить дистанцию между ним и Я, повторить с ним первоначальную попытку сбежать от посылающего раздражения внешнего мира. Мы ощущаем «отталкивание» объекта и ненавидим его; затем эта ненависть может усилиться до склонности к агрессии против объекта, до намерения уничтожить его.

В крайнем случае о влечении можно было сказать, что оно «любит» объект, к которому стремится для своего удовлетворения. Но то, что влечение «ненавидит» объект, звучит для нас странно, поэтому обратим внимание на то, что отношения[3] люб-

---

[1] [См. прим. 1 на предыдущей странице.]

[2] [См. прим. 2 на с. 102.]

[3] [В первом издании в этом месте стояло слово «обозначения», которое, пожалуй, лучше передает смысл.]

ви и ненависти неприменимы к отношениям влечений к своим объектам — они применимы только к отношениям всего Я к объектам. Изучение безусловно глубокого по своему смыслу словоупотребления показывает нам еще одно ограничение значения любви и ненависти. Об объектах, служащих сохранению Я, не говорят, что их любят, а подчеркивают, что нуждаются в них; выражают также отношения другого рода, употребляя слова, которые указывают на весьма ослабленную степень любви, например: нравиться, быть желанным гостем, находить приятным.

Таким образом, слово «любить» все больше смещается в сферу отношения Я к объекту, касающегося удовольствия в чистом виде, и в конечном счете закрепляется за сексуальными объектами в узком значении слова, а также за такими объектами, которые удовлетворяют потребности сублимированных сексуальных влечений. Таким образом, отделение влечений Я от сексуальных влечений, которое мы навязали нашей психологии, согласуется с духом нашего языка. Если мы не привыкли говорить, что отдельное сексуальное влечение любит свой объект, но находим самое адекватное употребление слова «любить» для обозначения отношения Я к своему сексуальному объекту, то это наблюдение показывает нам, что в этом смысле оно становится пригодным для использования только после синтеза всех частичных сексуальных влечений под приматом гениталий в целях функции продолжения рода.

Примечательно, что в употреблении слова «ненавидеть» такая тесная связь с сексуальным удовольствием и сексуальной функцией не проявляется, а решающее значение, по-видимому, имеет только отношение неудовольствия. Я ненавидит, чувствует отвращение, преследует с намерением разрушить все объекты, которые становятся для него источником неприятных ощущений, независимо от того, лишают ли они его сексуального удовлетворения или удовлетворения потребностей в самосохранении. Более того, можно утверждать, что соответствующие прототипы отношений ненависти берутся не из сексуальной жизни, а из борьбы Я за свое сохранение и утверждение.

Любовь и ненависть, которые кажутся нам полными материальными противоположностями, все же не находятся в простых отношениях друг с другом. Они возникли не из расщепления чего-то первоначально единого, а имеют разное происхождение и прошли свой собственный путь развития, прежде чем офор-

миться в противоположности под влиянием отношений удовольствия и неудовольствия. Здесь перед нами встает задача сопоставить то, что мы знаем о происхождении любви и ненависти.

Любовь происходит из способности Я аутоэротически удовлетворять часть своих импульсов влечений благодаря достижению удовольствия, получаемого от органов. Первоначально она является нарциссической, затем переходит на объекты, которые были присоединены к расширившемуся Я, и выражает моторное стремление Я к этим объектам как источникам удовольствия. Она тесно связывается с проявлениями более поздних сексуальных влечений, а после того как произошел их синтез, совпадает с сексуальным стремлением в целом. Предварительные ступени любви выступают в виде предварительных сексуальных целей в период, когда сексуальные влечения проходят свое сложное развитие. В качестве первой из них мы обнаруживаем *присоединение к себе* или *поглощение* — вид любви, которая совместима с прекращением отдельного существования объекта, и поэтому ее можно назвать амбивалентной[1]. На более высокой ступени догенитальной анально-садистской организации[2] стремление к объекту проявляется в форме стремления к овладению, которому безразлично, будет ли объект поврежден или уничтожен. Эта форма предварительной ступени любви по ее поведению в отношении объекта почти неотличима от ненависти. Только с возникновением генитальной организации любовь стала противоположностью ненависти.

Ненависть как отношение к объекту древнее любви, она соответствует первоначальному отторжению раздражающего внешнего мира со стороны нарциссического Я. Как выражение вызванной объектами реакции неудовольствия она постоянно находится в тесной связи с влечениями Я к самосохранению, и поэтому влечения Я и сексуальные влечения легко могут вступать в противоречие, которое повторяет противоречие между ненавистью и любовью. Если влечения Я властвуют над сексуаль-

---

[1] [Первое опубликованное описание Фрейдом оральной фазы содержится в абзаце, который он добавил в 1915 году в третьем издании «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 103. Предисловие к этому изданию датировано октябрем 1914 года, то есть оно было подготовлено за несколько месяцев до написания данной работы. См. также с. 203 и далее в этом томе.]

[2] [См. прим. 2 на с. 102.]

ной функцией, как, например, на ступени анально-садистской организации, то они придают свойства ненависти также и цели влечения.

Из истории возникновения и отношений любви нам становится понятным, почему так часто она проявляется «амбивалентно», то есть сопровождается импульсами ненависти к тому же самому объекту[1]. Ненависть, примешивающаяся к любви, отчасти проистекает из не полностью преодоленных предварительных ступеней любви; отчасти она объясняется реакциями отвержения со стороны влечений Я, которые в случае частых конфликтов между интересами Я и любви могут апеллировать к реальным и актуальным мотивам. Следовательно, в обоих случаях примешивающаяся ненависть восходит к источникам влечений к самосохранению. Если любовное отношение к некоему определенному объекту прерывается, то нередко вместо него появляется ненависть, из-за чего у нас возникает впечатление превращения любви в ненависть. Через это описание мы приходим затем к пониманию того, что при этом мотивированная реальными причинами ненависть усиливается регрессией любви к предварительной садистской ступени, в результате чего ненависть приобретает эротический характер и обеспечивается непрерывность любовных отношений.

Третья противоположность любви, превращение «любить» в «быть любимым», соответствует действию полярности активности и пассивности, и ее следует рассматривать так же, как случаи влечения к разглядыванию и садизма[2].

Подытоживая, мы можем отметить, что судьбы влечений состоят, в сущности, в том, что *импульсы влечения подвергаются воздействию трех важных полярностей, господствующих в душевной жизни*. Из этих трех полярностей активность/пассивность можно было бы назвать *биологической* полярностью, полярность Я/ внешний мир — *реальной* и, наконец, полярность удовольствие/неудовольствие — *экономической*.

Вытеснение как судьба влечения будет предметом следующего исследования[3].

---

[1] [См. прим. 2 на с. 100.]

[2] [Отношения между любовью и ненавистью Фрейд далее рассматривал в связи со своей гипотезой о влечении к смерти в главе IV работы «Я и Оно» (1923*b*), с. 307 и далее в этом томе.]

[3] [См. следующую работу в этом томе.]

Вытеснение
(1915)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1915 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 3 (3), 129–138.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 279–293. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 466–479.
1924 *Technik und Metapsychol.*, 188–201.
1931 *Theoretische Schriften*, 83–97.
1946 *G. W.*, т. 10, 248–261.

В разделе I «Истории психоаналитического движения» (1914*d*) Фрейд заявил: «Теперь теория вытеснения представляет собой краеугольный камень, на котором держится все здание психоанализа». Наиболее подробно он изложил эту теорию в данной статье, а также в разделе IV следующей работы под названием «Бессознательное» (с. 151 и далее).

В историческом отношении понятие вытеснения восходит к истокам психоанализа. В напечатанном виде оно впервые встречается в конце раздела II «Предварительного сообщения» Брейера и Фрейда (1893), которое составляет первую часть «Этюдов об истерии» (1895*d*). Термин «вытеснение» еще в начале XIX столетия использовал психолог Гербарт (1824), и, возможно, Фрейд познакомился с ним благодаря своему учителю Мейнерту, который был почитателем Гербарта[1]. Однако сам Фрейд в процитированном выше отрывке из «Истории» категорически подчеркивает: «В теории вытеснения я, несомненно, был самостоятелен...» Процесс вытеснения, как он пишет в начале раздела III «Автобиографии» (1925*d*), «был новинкой, ничего подобного ему в душевной жизни известно не было». В сочинениях Фрейда есть несколько сообщений о том, как он пришел к этому открытию, например, в «Этюдах об истерии» (1895*d*), часть IV (см. *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 62–63), а также в разделе I «Истории» (1914*d*). Во всех этих описаниях единодушно подчеркивается, что понятие вытеснения возникло в результате явлений сопротивления, наблюдавшихся в процессе терапии, которые, в свою очередь, стали понятными благодаря применению новой техники, а именно благодаря отказу от гипноза при катартическом лечении истерии.

[1] См. ниже, с. 132. Подробное описание этих взаимосвязей даст Эрнест Джонс в своей биографии Фрейда (1960, 429 и далее).

Заметим, что в «Этюдах об истерии» для описания этого процесса фактически используется не термин «вытеснение», а выражение «защита». В тот ранний период Фрейд использовал оба понятия одинаково, почти как тождественные, хотя «защита», пожалуй, встречается несколько чаще. Однако вскоре Фрейд, как он отмечает в своей работе, посвященной сексуальности при неврозах (1906*a*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 154, стал все чаще говорить о «защите», а не о «вытеснении». Так, например, в истории болезни «Раттенманна» (1900*d*) он рассматривал механизм «вытеснения» при неврозе навязчивых состояний, то есть смещение катексиса аффекта с предосудительного представления, в отличие от полного изгнания представления из сознания при истерии, и говорил о «двух видах вытеснения» (*Studienausgabe*, т. 7, с. 64–65). В этом широком смысле термин используется также и в настоящей работе, например, в самом конце, когда Фрейд обсуждает различные механизмы вытеснения при отдельных формах психоневрозов. Вместе с тем представляется достаточно очевидным, что форма вытеснения, которую здесь в основном имеет в виду Фрейд, характерна для истерии; и лишь намного позднее, в главе XI, раздел а *(в)*, работы «Торможение, симптом и страх» (1926*d*) (*Studienausgabe*, т. 6, с. 300 и далее) он предложил ограничить термин «вытеснение» этим специфическим механизмом и «вернуться к старому понятию защиты» в качестве «общего обозначения для всех технических приемов,... которыми Я пользуется в своих конфликтах, при известных обстоятельствах ведущих к неврозу». Значение этого различия он продемонстрировал позднее в разделе V работы «Конечный и бесконечный анализ» (1937*c*) (*Studienausgabe*, дополнительный том, с. 374 и далее).

Фрейд постоянно занимался этой особой проблемой, пытаясь определить, какая побудительная сила приводит в действие вытеснение, хотя в данной работе он ее практически не затрагивает. Кроме того, возник вопрос об отношениях между вытеснением и сексуальностью, на который Фрейд в ранний период давал разные ответы, о чем можно судить по многим местам в письмах Флиссу (1950*a*). Однако позднее он отказался от всяких попыток «сексуализировать» вытеснение. Подробно этот вопрос (включая критику взглядов Адлера) разбирается в последнем разделе работы «“Ребенка бьют”» (1919*e*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 250 и далее. Еще позднее, в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*), в частности, в главе IV и на первых страницах 32-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), он снова затронул эту тему и высказал мысль, что страх — в отличие от того, что он утверждал раньше, а также в настоящей работе, например, на страницах 124 и 125, — это не *следствие* вытеснения, а, скорее, одна из его движущих сил[1].

---

[1] Различие между вытеснением и «отрицанием» Я внешней реальности или ее части Фрейд впервые подробно рассматривает в своей работе под названием «Фетишизм» (1927*e*, см. ниже, с. 190).

Судьба импульса влечения может быть определена тем, что он наталкивается на сопротивление, которое хочет сделать его недейственным. Тогда при определенных условиях, подробное исследование которых нам предстоит провести, он приходит в состояние *вытеснения*. Если бы речь шла о воздействии внешнего раздражителя, то, очевидно, самым подходящим средством было бы бегство. В случае же влечения бегство ничем помочь не может, потому что Я не может убежать от самого себя. Позднее будет найдено хорошее средство против импульсов влечения в виде отвергающего суждения *(осуждения)*. Предварительная ступень осуждения, что-то среднее между бегством и осуждением — это вытеснение, понятие которого до психоаналитических исследований не могло быть сформировано.

Теоретически вывести возможность вытеснения непросто. Почему импульс влечения должна была постигнуть такая участь? Очевидно, здесь должно быть выполнено определенное условие, которое заключается в том, что достижение цели влечения вместо удовольствия вызывает неудовольствие. Но этот случай трудно себе представить. Таких влечений не бывает, удовлетворение влечения всегда исполнено удовольствием. Поэтому следует предположить наличие особых условий, какого-то процесса, в результате которого удовольствие, получаемое от удовлетворения влечения, превращается в неудовольствие.

Для лучшего разграничения вытеснения мы можем включить в обсуждение некоторые другие ситуации, связанные с влечениями. Может случиться так, что внешний раздражитель, например, в результате того, что он разъедает и разрушает орган, становится внутренним и, таким образом, служит новым источником постоянного возбуждения и возрастающего напряжения. Тем самым он приобретает большое сходство с влечением. Мы знаем, что ощущаем в подобном случае *боль*. Однако цель этого псевдовлечения состоит только в том, чтобы прекратить изменение органа и связанное с ним неудовольствие. Другого, не-

посредственного удовольствия в результате прекращения боли получить нельзя. Боль также императивна: ее можно устранить только с помощью токсических средств и психического отвлечения.

Случай боли слишком мало очевиден, чтобы чем-то помочь для достижения нашего намерения[1]. Возьмем другой случай, когда раздражение, проистекающее из влечения, например голод, остается неудовлетворенным. Тогда оно становится императивным, его нельзя ничем успокоить, кроме как с помощью действия, направленного на удовлетворение[2], и оно поддерживает постоянное напряжение. Здесь не может быть и речи о чем-либо похожем на вытеснение.

Таким образом, вытеснения, разумеется, нет, если напряжение, возникшее из-за неудовлетворения импульса влечения, становится невыносимо большим. Какими средствами защиты от этой ситуации располагает организм, будет рассмотрено в другом контексте.

Давайте лучше будем придерживаться клинического опыта, с которым мы сталкиваемся в психоаналитической практике. Он учит нас, что удовлетворение влечения, подлежащего вытеснению, вполне возможно и что оно всякий раз было бы исполнено удовольствия, но было бы несовместимо с другими требованиями и намерениями, то есть оно вызывало бы удовольствие в одном месте и неудовольствие — в другом. В таком случае условием вытеснения становится то, что мотив неудовольствия приобретает большую силу, чем удовольствие от удовлетворения. Далее, психоаналитический опыт работы с неврозами переноса заставляет нас сделать вывод, что вытеснение — это не некий существующий изначально защитный механизм, что оно может возникнуть не раньше, чем произойдет четкое разделение на сознательную и бессознательную душевную деятельность, и что *сущность его состоит лишь в уклонении и отстранении*

---

[1] [Боль и средства организма для преодоления боли рассматриваются в главе IV работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), с. 254–255 ниже. Эта тема была затронута еще в шестом разделе («Боль») части I «Проекта» (1950*a* [1895]): она также упоминается в заключительных абзацах работы «Торможение, симптом и страх» (1926*d*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 307–308).]

[2] [В первом разделе («Первое главное положение: количественный подход») части I «Проекта» (1950*a* [1895]) говорится: с помощью «специфического действия».]

от сознания[1]. Такое понимание вытеснения следовало бы дополнить предположением, что до этой ступени душевной организации с задачей защиты от побуждений справляются другие судьбы влечений, такие, как превращение в противоположность и обращение против собственной персоны [ср. с. 109–110 выше].

Мы теперь считаем также, что вытеснение и бессознательное настолько соотносятся друг с другом, что нам придется отложить углубленное изучение сущности вытеснения, пока мы не узнаем больше о строении психических инстанций и отличии бессознательного от сознательного. [См. следующую работу, с. 151 и далее.] Пока же мы можем лишь только чисто описательно сопоставить некоторые клинически установленные особенности вытеснения, рискуя без изменений повторить многое из того, что уже было сказано в другом месте.

Итак, у нас есть основание предполагать наличие *первичного вытеснения*, первой фазы вытеснения, которая заключается в том, что психическая репрезентация влечения (представление)[2] лишается доступа к сознанию. Этим создается *фиксация*; соответствующая репрезентация отныне остается неизменной, и с нею связано влечение. Это происходит из-за особенностей бессознательных процессов, которые будут обсуждаться позднее [см. с. 1157–158].

Вторая ступень вытеснения, *собственно вытеснение*, касается психических дериватов вытесненной репрезентации или такого хода мыслей, который, происходя из других источников, оказался в ассоциативной связи с ними. Вследствие этой связи эти представления ждет та же участь, что и первично вытесненное. Следовательно, собственно вытеснение — это послеподавление[3]. Впрочем, было бы неправильно делать акцент только на отталкивании, действующем со стороны сознания на вытесняемое. Речь также идет о притяжении, которое первично вытес-

---

[1] [Модификация этой формулы приводится ниже на с. 174.]

[2] [См. «Предварительные замечания издателей» к предыдущей работе, с. 80–81.]

[3] [Фрейд использует это понятие также при описании процесса в анализе Шребера (1911*c*; см. следующее примечание), а также в своей работе «Бессознательное» (1915*e*; см. ниже с. 151 и 152). Однако, когда по прошествии двадцати с лишним лет, в третьем разделе «Конечного и бесконечного анализа» (1937*c*) Фрейд снова обратился к этой теме, он говорил о «послевытеснении» (*Studienausgabe*, дополнительный том, с. 368.]

ненное оказывает на все, с чем оно может вступить в ассоциативную связь. Вероятно, тенденция к вытеснению не достигла бы своей цели, если бы эти силы не взаимодействовали, если бы не было ранее вытесненного, готового принять то, что было отвергнуто сознанием[1].

Под влиянием изучения психоневрозов, демонстрирующего нам важнейшие последствия вытеснения, мы склонны переоценивать его психологическое содержание и слишком легко забываем, что вытеснение не препятствует тому, чтобы репрезентация влечения продолжала существовать в бессознательном, организовывалась, образовывала дериваты и вступала в ассоциативные связи. Фактически вытеснение нарушает только связь с определенной психической системой, с сознанием.

Психоанализ может показать нам еще нечто важное для понимания последствий вытеснения при психоневрозах. Например, то, что репрезентация влечения развивается беспрепятственно и более содержательно, если благодаря вытеснению она лишена сознательного влияния. Она, так сказать, разрастается в темноте и находит крайние формы выражения, которые, если их переводят и предъявляют невротику, не только кажутся ему чуждыми, но и пугают его мистификацией необычайной и опасной силы влечения. Эта обманчивая сила влечения есть результат его свободного проявления в фантазии и запруживания из-за отсутствия удовлетворения. То, что этот последний результат связан с вытеснением, указывает на то, в чем нам нужно искать его истинное значение.

Но, еще раз возвращаясь к противоположному мнению, мы констатируем: совершенно неверно, что вытеснение не допускает в сознание все дериваты первично вытесненного[2]. Если они достаточно отдалены от вытесненной репрезентации, будь то вследствие включения искажений или из-за множества вставленных промежуточных звеньев, доступ в сознание оказывает-

---

[1] [Правда, для описания двухступенчатого вытеснения в этом и предыдущем абзаце есть несколько иная, более ранняя формулировка в третьем разделе анализа Шребера (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 190–191 и в письме к Ференци от 6 декабря 1910 года (Jones, 1962*a*, 525–526). См. также сделанное в 1914 году дополнение к «Толкованию сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 523, прим. 2.]

[2] [Тема, затронутая в этом абзаце, подробнее обсуждается в разделе VI работы «Бессознательное» (1915*e*, с. 1619 и далее в этом томе).]

ся для них совершенно свободным. Получается, как будто сопротивление сознания является функцией их удаления от первично вытесненного. Применяя психоаналитическую технику, мы постоянно требуем от пациента продуцировать такие дериваты вытесненного, которые вследствие своей отдаленности или искажения могут обойти цензуру сознания. Эти дериваты — не что иное, как мысли, которые возникают при отказе по нашему требованию от любых сознательных целевых представлений и всякой критики и из которых мы восстанавливаем в сознании перевод вытесненной репрезентации. При этом мы наблюдаем, что пациент может создавать длинную вереницу таких мыслей, пока в этом процессе не натолкнется на мыслительное образование, в котором связь с вытесненным проявляется настолько сильно, что ему приходится повторять свою попытку вытеснения. Также и невротические симптомы должны отвечать указанному условию, ибо они представляют собой дериваты вытесненного, которое с помощью этих образований в конце концов отвоевало себе доступ к сознанию, в котором ему было отказано[1].

Насколько далеко должно зайти искажение и отдаление от вытесненного, прежде чем прекратится сопротивление сознания, в целом указать невозможно. При этом происходит тщательное взвешивание всех обстоятельств, процесс которого для нас скрыт, но о принципе действия которого можно догадаться. Речь идет о том, чтобы остановиться на определенном уровне интенсивности катексиса бессознательного, при превышении которого оно бы добилось удовлетворения. Следовательно, вытеснение работает *в высшей степени индивидуально;* у каждого отдельного деривата вытесненного может быть своя особая судьба; чуть большее или чуть меньшее искажение приводит к изменению всего результата. В связи с этим также становится понятно, что предпочитаемые объекты людей, их идеалы, проистекают из тех же восприятий и переживаний, что и объекты, внушающие наибольшее отвращение, и что первоначально они отличаются друг от друга лишь незначительными модификациями. [Ср. с. 64.]

[1] [В немецких изданиях до 1924 года конец этой фразы выглядит так: «...которое с помощью этих образований добилось в конце концов отказанного ему доступа сознания». То есть с 1924 года словосочетание «доступа сознания» исправлено на «доступа к сознанию», в результате чего смысл предложения несколько изменился.]

Более того, может получиться так, — как мы это установили при образовании фетиша[1], — что первоначальная репрезентация влечения разделится на две части, одна из которых подверглась вытеснению, а оставшуюся часть — именно из-за ее внутренней связанности — постигла судьба идеализации.

То же самое, к чему приводит большая или меньшая степень искажения, может быть также достигнуто, так сказать, на другом конце аппарата — через изменение условий возникновения удовольствия и неудовольствия. Были выработаны особые технические приемы, цель которых состоит в том, чтобы вызвать во взаимодействии психических сил такие изменения, в результате которых то же самое, что обычно порождает неудовольствие, иногда также приносит и удовольствие; и всякий раз, когда такое техническое средство приводится в действие, вытеснение обычно отвергаемой репрезентации влечения прекращается. До сих пор эти технические приемы были более или менее точно прослежены только в отношении *остроты*[2]. Как правило, устранение вытеснения — явление временное; вскоре оно возникает заново.

Однако наблюдений подобного рода достаточно для того, чтобы обратить наше внимание на другие особенности вытеснения. Оно не просто, как только что говорилось, *индивидуально*, но и в значительной мере *мобильно*. Процесс вытеснения нельзя представлять себе как некое однократное явление со стойким эффектом, подобно тому, как умерщвляют нечто живое, которое отныне становится мертвым; напротив, вытеснение требует постоянных затрат энергии, без которых его результат оказался бы поставленным под сомнение, а потому понадобился бы новый акт вытеснения. Мы можем себе представить, что вытесненное оказывает постоянное давление в направлении сознания, которому для сохранения равновесия необходимо непрерывно оказывать противодействие[3]. Следовательно, сохранение вытеснения предполагает постоянную трату энергии, а прекращение этих затрат с экономической точки зрения означает сбережение сил. Впрочем, подвижность вытеснения находит свое выражение также и в психических характеристиках состояния

---

[1] [Ср. раздел 2 (А) первого из трех очерков Фрейда по теории сексуальности (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 63–65 и примечания к нему.]

[2] [См. главу II книги Фрейда об остроумии (1905*c*).]

[3] [Этот момент далее рассматривается ниже, на с. 151–152.]

сна, благодаря которому становится возможным образование сновидений[1]. Вместе с пробуждением вновь посылаются убранные катексисы вытеснения.

Наконец, мы не должны забывать, что очень мало что сказали об импульсе влечения, констатировав, что он вытеснен. Он может, невзирая на вытеснение, находиться в самых разных состояниях, быть неактивным, то есть катектированным лишь небольшим количеством психической энергии, или способным к активности, поскольку величина катектированной психической энергии меняется. Хотя следствием его активизации и не будет непосредственное устранение вытеснения, она может стимулировать все процессы, которые завершаются проникновением в сознание окольными путями. В случае невытесненных дериватов бессознательного решающим моментом для судьбы отдельного представления часто оказывается степень активации или катексиса. Очень часто бывает так, что такой дериват остается невытесненным до тех пор, пока он репрезентирует незначительное количество энергии, хотя его содержание вполне пригодно для того, чтобы вызывать конфликт с тем, что господствует в сознании. Однако количественный момент имеет решающее значение для возникновения конфликта; как только неприемлемое по существу представление усиливается сверх определенной меры, конфликт становится актуальным, и именно активация влечет за собой вытеснение. То есть увеличение энергетического катексиса действует в отношении вытеснения точно так же, как приближение к бессознательному, а его снижение — как отдаление от бессознательного или как искажение. Мы понимаем, что в ослаблении неприятного вытесняющие тенденции могут найти замену его вытеснению.

В предыдущих рассуждениях мы рассматривали вытеснение репрезентации влечения и понимали под таковой представление или группу представлений, которые со стороны влечения катектированы определенной суммой психической энергии (либидо, интереса). Однако клинические наблюдения заставляют нас разложить на составляющие то, что мы понимали прежде как единое целое, ибо они показывают нам, что наряду с представлением необходимо учитывать еще и нечто иное, репрезентирующее влечение, и что это другое постигает судьба вытесне-

---

[1] [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), глава VII, раздел B, *Studienausgabe*, т. 2, с. 540–541, а также с. 194, ниже.]

ния, которая может полностью отличаться от вытеснения представления. За этим другим элементом психической репрезентации закрепилось название *суммы аффекта*[1]; это соответствует влечению, поскольку последнее отделилось от представления и находит соответствующее выражение своему количеству в процессах, воспринимаемых как аффекты. Отныне, описывая случай вытеснения, мы должны будем по отдельности прослеживать то, что стало с представлением вследствие вытеснения и что произошло со связанной с ним энергией влечения.

Нам бы очень хотелось сказать об обеих судьбах нечто общее. Мы также сможем сделать это, немного сориентировавшись. Общая судьба *представления*, репрезентирующего влечение, едва ли может состоять в чем-то другом, кроме его исчезновения из сознания, если оно раньше было осознанным, или в недопущении в сознание, если оно намеревалось стать осознанным. Это различие уже не важно; оно сводится примерно к следующему: могу ли я выпроводить нежелательного гостя из моей гостиной или из моей передней или, узнав его, вообще не впускать на порог квартиры[2]. Судьба *количественного* фактора репрезентации влечения, как показывает краткий обзор данных, полученных в психоанализе, может быть троякой: либо влечение подавляется полностью, так что нельзя найти никаких его признаков, либо оно проявляется в виде так или иначе качественно окрашенного аффекта, либо оно превращается в страх[3]. Две последние возможности ставят перед нами задачу рассмотреть *превращение* психических энергий *влечений* в *аффекты*, прежде всего в страх, как новую судьбу влечения.

---

[1] [Это выражение восходит к периоду совместной работы с Брейером. Ср., например, последние абзацы статьи Фрейда, посвященной защитным невропсихозам (1894*a*).]

[2] Это пригоднее для процесса вытеснения сравнение можно также распространить на ранее упоминавшуюся особенность вытеснения. Мне следует лишь добавить, что запретную для гостя дверь должен охранять постоянный сторож, ибо в противном случае выпроваженный взломал бы ее. (См. выше [с. 120].)

[3] [Изменившиеся представления Фрейда по этому последнему пункту изложены в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*), в частности, в конце главы IV, а также в главе XI, раздел (б), см. *Studienausgabe*, т. 6, с. 253–254 и с. 298 и далее.]

Мы помним, что мотивом и целью вытеснения было не что иное, как избегание неудовольствия. Из этого следует, что судьба аффективной величины репрезентации гораздо важнее, чем судьба представления, и что именно этот момент является определяющим в оценке процесса вытеснения. Если вытеснению не удается предупредить возникновение ощущений неудовольствия или страха, то мы можем сказать, что оно потерпело неудачу, даже если оно достигло своей цели в части, относящейся к представлению. Разумеется, неудавшееся вытеснение будет вызывать у нас больший интерес, чем удавшееся, которое чаще всего оказывается недоступным нашему исследованию.

Мы хотим понять *механизм* процесса вытеснения и прежде всего узнать, существует ли только один механизм вытеснения или несколько, или, быть может, каждый психоневроз отличается своим собственным механизмом вытеснения. Однако в самом начале этого исследования мы сталкиваемся с осложнениями. Механизм вытеснения становится доступным нашему пониманию только тогда, когда мы делаем о нем вывод по результатам вытеснения. Если мы ограничим наблюдение результатами в части репрезентации, относящейся к представлению, то узнаем, что вытеснение, как правило, создает *замещающее образование*. Каков механизм такого замещающего образования, или здесь следует выделить несколько механизмов? Мы также знаем, что вытеснение оставляет после себя *симптомы*. Можем ли мы объединить замещающее образование и образование симптома, и если в целом дело обстоит именно так, совпадает ли механизм симптомообразования с механизмом вытеснения? Пока с большой вероятностью можно говорить о том, что оба механизма существенно различаются, что не вытеснение как таковое создает замещающие образования и симптомы и что последние как признаки *возвращения вытесненного*[1] обязаны своим возникновением совершенно другим процессам. По-видимому, также имеет смысл сначала, до механизмов вытеснения, подвергнуть исследованию механизмы образования симптомов и замещений.

---

[1] [Понятие «Возвращение вытесненного» появляется уже в ранних сочинениях Фрейда. Оно встречается еще в разделе II его второй работы, посвященной психоневрозам (1896*b*), а также в еще более раннем черновом варианте этой работы, который он отослал 1 января 1896 года Флиссу (1950*a*, манускрипт K).]

Очевидно, что умозрительным рассуждениям дальше здесь делать нечего, и их должен заменить тщательный анализ результатов вытеснения, наблюдаемых при отдельных неврозах. Но я предлагаю отложить и эту работу, пока мы не составим себе ясного представления об отношениях между сознательным и бессознательным[1]. Но чтобы данное обсуждение не оказалось совершенно бесплодным, я хочу заранее оговорить слудующее: 1) механизм вытеснения фактически не совпадает с механизмом или механизмами замещающего образования, 2) существуют очень разные механизмы замещающего образования и 3) у механизмов вытеснения есть, по крайней мере, одно общее — *лишение энергетического катексиса* (или *либидо*, если мы говорим о сексуальных влечениях).

Ограничившись тремя самыми известными психоневрозами, я хочу показать на нескольких примерах, каким образом введенные здесь понятия находят применение при исследовании вытеснения. Из *истерии страха* я выберу хорошо проанализированный пример фобии животных[2]. Подвергающимся вытеснению импульсом влечения является либидинозное отношение к отцу, сочетающееся со страхом перед ним. После вытеснения этот импульс исчез из сознания, отец как объект либидо в нем уже не присутствует. В качестве замены в аналогичном месте находится животное, более или менее пригодное для того, чтобы стать объектом страха. Образование, замещающее часть репрезентации влечения, связанную с представлением, возникло посредством *смещения* вдоль ассоциативной цепи, детерминированной определенным образом. Количественный компонент не исчез, а переместился в страх. Результат — страх перед волком вместо любовных притязаний к отцу. Разумеется, использованных здесь категорий недостаточно для объяснения даже самого простого случая психоневроза. Всегда необходимо учитывать и другие точки зрения.

Такое вытеснение, как в случае фобии животных, можно охарактеризовать как в принципе неудавшееся. Работа вытеснения здесь состоит лишь в устранении и замене представления,

---

[1] [Фрейд обращается к этой задаче в разделе IV своей статьи «Бессознательное» (1915*e*), с. 152 и далее в этом томе.]

[2] [Разумеется, здесь имеется в виду история болезни «Вольфсманна» (1918*b*), которая, несмотря на то, что была опубликована только через три года после выхода в свет данной работы, к тому времени в основном была уже завершена.]

тогда как избежать неудовольствия вообще не удалось. Поэтому работа невроза не прекращается, а продолжается в другом темпе, чтобы достичь ближайшей, более важной цели. Это приводит к возникновению попытки к бегству, собственно *фобии*, многочисленных уклонений, которые должны исключить высвобождение страха. С помощью каких механизмов достигает цели фобия — с этим мы сможем познакомиться в специальном исследовании. [См. ниже с. 153 и далее.]

Совершенно другую оценку процесса вытеснения нас заставляет дать картина настоящей *конверсионной истерии*. Самое примечательное здесь то, что иногда удается свести к нулю всю сумму аффекта. В таком случае больной демонстрирует по отношению к своим симптомам поведение, которое Шарко назвал *«la belle indifférence des hystériques»*. В других случаях это подавление не оказывается столь полным, часть неприятных ощущений связывается с самими симптомами, или не до конца удается избежать высвобождения страха, что в свою очередь приводит в действие механизм образования фобии. Содержание представления, относящегося к репрезентации влечения, полностью устранено из сознания; в качестве замещающего образования — и одновременно симптома — существует слишком сильная (в самых наглядных случаях соматическая) иннервация то сенсорного, то моторного характера, в виде либо возбуждения, либо торможения. Чересчур иннервированное место при ближайшем рассмотрении оказывается частью самой вытесненной репрезентации влечения, которая, словно посредством *сгущения*, привлекла к себе весь катексис. Разумеется, и эти замечания также не охватывают полностью механизм конверсионной истерии; прежде всего, необходимо еще добавить момент *регрессии*, который будет рассмотрен в другом контексте[1].

Вытеснение [конверсионной] истерии можно расценивать как полностью неудавшееся, поскольку оно стало возможным только благодаря многочисленным замещающим образованиям; что же касается освобождения от суммы аффекта — собственно задачи вытеснения, — то, как правило, оно означает полный успех. Процесс вытеснения при конверсионной истерии также завершается симптомообразованием, и в отличие от истерии стра-

---

[1] [По всей видимости, речь идет о пропавшей метапсихологической работе, посвященной конверсионной истерии. См. выше, на с. 76, «Предисловие издателей».]

ха ему не нужно делиться на два этапа или продолжаться неограниченно во времени.

И опять-таки совершенно иначе выглядит вытеснение при третьем заболевании, которое мы привлекаем здесь для сравнения, — при *неврозе навязчивых состояний*. Вначале здесь возникает сомнение по поводу того, что же следует рассматривать в качестве репрезентации, подлежащей вытеснению, — либидинозное стремление или враждебное. Неуверенность проистекает из того, что в качестве предпосылки невроза навязчивых состояний выступает регрессия, вследствие которой вместо нежного стремления возникло садистское. Именно этот враждебный импульс против любимого человека и подлежит вытеснению. Эффект в первой фазе работы вытеснения совершенно иной, чем позднее. Сначала она имеет полный успех, содержание представления отклоняется, а аффект устраняется. В качестве замещающего образования возникает изменение Я, усиление совестливости, которое едва ли можно назвать симптомом. Образование замещения и симптома в данном случае не совпадают. И здесь тоже можно узнать о механизме вытеснения нечто новое. Оно, как всегда, привело к изъятию либидо, но для этой цели воспользовалось *реактивным образованием* в виде усиления противоположного чувства. Следовательно, у замещающего образования здесь тот же механизм, что и у вытеснения; в сущности, оно совпадает с ним, но отличается от симптомообразования во временнум и понятийном отношении. Весьма вероятно, что весь этот процесс становится возможным вследствие амбивалентного отношения к подлежащему вытеснению садистскому импульсу.

Однако удачное вначале вытеснение не удерживается; в дальнейшем процессе на передний план все больше выступает неудача вытеснения. Амбивалентность, способствовавшая вытеснению посредством реактивного образования, является в то же время тем местом, где вытесненному удается вернуться. Исчезнувший аффект возвращается, превратившись в социальный страх, в страх совести, в беспрестанные упреки; отвергнутое представление находит замену посредством *смещения*, нередко смещаясь на самое несущественное, индифферентное[1]. Как правило, тенденция к полному воссозданию вытесненного представления очевидна. Неудача в вытеснении количественного, аффективного фактора приводит в действие тот же механизм бегства посредством уклонений и запретов, с которым мы познакоми-

лись при образовании истерических фобий. Однако отвержение представления сознанием упорно сохраняется, потому что благодаря этому человек воздерживается от действия, то есть происходит моторное сдерживание импульса. Таким образом, работа вытеснения при неврозе навязчивых состояний сводится к безуспешной и бесконечной борьбе.

На основании приведенного здесь небольшого ряда сравнений становится очевидным, что потребуются еще более обширные исследования, прежде чем можно будет надеяться понять процессы, связанные с вытеснением и образованием невротических симптомов. Необычайное переплетение всех учитываемых моментов оставляет нам только один путь описания. Мы вынуждены выхватывать то одну, то другую точку зрения и прослеживать ее, используя материал, до тех пор, пока она не даст нам нечто важное. Каждая такая работа в отдельности сама по себе будет неполной, и мы не сможем избежать неясностей там, где она затронет еще не проработанные вопросы; но мы вправе надеяться, что в результате окончательного сопоставления нам удастся прийти к полному пониманию.

---

[1] [Ср. раздел II (ь) в анализе «Раттенманна» (1909*d*). *Studienausgabe*, т. 7, с. 97.]

Бессознательное
(1915)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1915 *Int, Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 3 (4), 189–203 и (5), 257–269.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 294–338. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 480–519.
1924 *Technik und Metapsychol.*, 202–241.
1931 *Theoretische Schriften*, 98–140.
1946 *G. W.*, т. 10, 264–303.

По всей видимости, написание этой работы заняло менее трех недель — она была подготовлена в период с 4 по 23 апреля 1915 года. В том же году текст был опубликован в двух номерах «Международного журнала»; в первый вошли разделы с I по IV, во второй — разделы с V по VII. Однако в изданиях до 1924 года эта работа еще не была поделена на разделы; нынешние подзаголовки были представлены, скорее, в виде пометок на полях. Единственное исключение — выражение «топический подход», которое теперь присутствует в заглавии к разделу II; первоначально оно находилось в этом разделе перед вторым абзацем, который начинается словами: «В позитивном изложении...» (с. 142). В издании 1924 года в текст были внесены небольшие изменения.

Если рассматривать группу из пяти метапсихологических сочинений, написанных Фрейдом в 1915 году, как его важнейшие теоретические труды, то настоящая работа, посвященная бессознательному, несомненно, может считаться их кульминационным пунктом. Для психоаналитической теории гипотеза о наличии бессознательных душевных процессов, разумеется, является основополагающей. Фрейд неустанно повторял аргументы, свидетельствовавшие в ее пользу, и оспаривал выдвигавшиеся против нее возражения. Более того, даже последний фрагмент теоретического изложения — начатая в 1938 году и оставшаяся незавершенной работа, которой он дал английское название «Some Elementary Lessons in Psycho-Analysis» (1940b) — представляет собой новую попытку отстоять эту концепцию.

Однако с самого начала следует пояснить, что интерес Фрейда к данной гипотезе никогда не был философским — хотя, несомненно, философские проблемы неизбежно с нею связаны. Его интерес был, скорее, *практическим*. Он обнаружил, что без этой гипотезы невоз-

можно объяснить или даже просто описать многообразие явлений, с которыми ему приходилось сталкиваться. Фактически эта гипотеза впервые открыла ему доступ к необычайно плодотворной новой сфере научного познания.

В тот ранний период в ближайшем окружении Фрейда не могло быть большого сопротивления этому представлению. Его непосредственные учителя — например, Мейнерт[1] — находились, если они вообще интересовались психологией, под влиянием теорий Дж. Ф. Гербарта (1776–1841); в гимназии, где учился Фрейд, пользовались учебником по психологии, автор которого последовательно отстаивал принципы Гербарта (Jones, 1960, 432). Гипотеза о бессознательных душевных процессах играла в теории Гербарта важную роль. И тем не менее на ранних стадиях своих психопатологических исследований Фрейд не сразу перенял эту гипотезу. Хотя, по-видимому, он с самого начала признавал важность того аргумента, который подчеркивается на первых страницах данной работы, а именно что попытка ограничить душевные акты сознательными и смешать их с чисто соматическими, неврологическими процессами, «нарушает психическую непрерывность» и оставляет непонятные пробелы в цепочке наблюдаемых явлений. С этой проблемой можно было справиться двумя способами. Можно было бы оставить без внимания соматические процессы и выдвинуть гипотезу о том, что пробелы заполняются бессознательными душевными процессами; или можно было бы оставить без внимания сознательные душевные процессы и сконструировать чисто соматическую цепочку, в которой нет разрывов и объясняются все наблюдаемые факты. Эта вторая возможность была для Фрейда, научные интересы которого с самого начала оказались связанными с физиологией, необычайно притягательной, что, без сомнения, подкреплялось идеями Хьюлингса Джексона, о трудах которого Фрейд с восхищением отзывался в своей монографии, посвященной афазиям (1891*b*). (Важный пассаж из этой работы опубликован в приложении Б, с. 177 ниже.) Таким образом, вначале неврологический метод описания психопатологических явлений был заимствован Фрейдом, и все, что им написано в период сотрудничества с Брейером, как уже было описано, основывается на этом методе. Его вдохновляла возможность создать «психологию» из чисто неврологического материала, и он посвятил этой «виртуозной пьесе» многие месяцы 1895 года. Так, 27 апреля того же года он писал Флиссу (Freud, 1950*a*, письмо № 23): «В научном отношении мне приходится туго; я полностью помешался на "психологии для невролога", которая

---

[1] Влияние, которое в этом отношении, возможно, оказал на Фрейда Эвальд Геринг, обсуждается далее в приложении А (с. 175–176 ниже).

регулярно истощает все мои силы до тех пор, пока я и в самом деле не вынужден прерываться, чувствуя себя переутомленным. Я никогда еще не испытывал такой сильной увлеченности. И выйдет ли что-нибудь из этого? Надеюсь, что да, но дело движется медленно и с трудом». Через несколько месяцев из этого действительно что-то вышло — каркас, известный нам как «Проект психологии», рукопись которого он отослал Флиссу в сентябре-октябре 1895 года. В этом удивительном произведении предпринята попытка описать и объяснить все нормальное и патологическое поведение человека, причем посредством сложной операции с двумя материальными единицами — нейроном и «текучим количеством», психической или физической энергией, которая более четко не была детализирована. Тем самым удалось полностью исключить необходимость постулировать те или иные сознательные процессы: цепочка физических явлений была целостной и завершенной.

Разумеется, было немало причин, по которым Фрейд так и не завершил «Проект» и в течение короткого времени отказался от самого этого подхода. Однако главная причина заключалась в том, что психолог Фрейд перегнал и сменил невролога Фрейда: становилось все более очевидным, что даже сложная аппаратура нейронной системы была все еще слишком громоздка и груба, чтобы объяснить тонкие феномены, которые выявлялись в «психологическом анализе» и которые можно было объяснить только на языке психических процессов. Интересы Фрейда действительно постепенно смещались в другую сторону. К моменту публикации работы об афазии уже прошло два или три года после лечения случая фрау Эмми фон Н., а история ее болезни была описана более чем за год до написания «Проекта». В примечании к записи от 18 мая о течении этой болезни («Этюды об истерии», 1895*d*) выражение «в бессознательном» впервые появилось в печатном виде, и хотя теория, которую отстаивал Фрейд в своей части «Этюдов», пока еще выглядит абсолютно неврологической, психология и вместе с ней необходимая гипотеза о бессознательных душевных процессах неудержимо распространялись. Действительно, обоснование гипотезы о вытеснении при истерии и катартического метода лечения явно требовало психологического объяснения; ее неврологическое обоснование в части II «Проекта» можно было дать только ценой акробатических усилий[1]. Всего через несколько лет, в «Толковании сновидений» (1900*a*),

[1] Как ни странно, именно Брейер в разделе III (5) своей теоретической части в «Этюдах» (1895, 179–180) первым аргументированно выступил в защиту бессознательных представлений.

произошла удивительная перемена: в нем не только полностью исчезло неврологическое объяснение психологии, но и большая часть того, что Фрейд выражал в «Проекте» на языке нервной системы, оказалось теперь обоснованным и гораздо более понятным, после того как он перевел это в психологические термины. Теперь бессознательное было раз и навсегда прочно закреплено.

Однако следует еще раз повторить: то, что постулировал в этой работе Фрейд, не было просто метафизической единицей. То, к чему он пришел в главе VII «Толкования сновидений», было, так сказать, облечением метафизической единицы в плоть и кровь. Он впервые показал, что, собственно говоря, представляет собой бессознательное, как оно работает, чем отличается от других компонентов психики и какие взаимоотношения с ними у него существуют. В следующей работе он обратился к этим основополагающим выводам, расширил и углубил их.

Между тем на еще более ранней стадии выяснилось, что термин «бессознательный» был неоднозначным. За три года до этого в работе, которую Фрейд написал на английском языке для «Общества исследования психики» (1912*g*), он тщательно проанализировал эту многозначность и провел различие между «описательным», «динамическим» и «систематическим» употреблением этого слова. Проведенный в ней анализ более подробный и точный, чем данный в настоящей работе. (См. «Предварительные замечания издателей», выше, с. 28.) В разделе II, на с. 142 и далее в этом томе, он еще раз перечисляет указанные различия, но в несколько иной форме; в главе I работы «Я и Оно» (1923*b*) и еще более подробно в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*) он снова обращается к данному вопросу. То, что противоположность «сознательного» и «бессознательного» не совпадает в точности с различиями между разными системами душевного аппарата, со всей определенностью отмечается ниже (с. 142), однако их взаимосвязи стали по-настоящему понятными только после того, как в работе «Я и Оно» Фрейд ввел новую структурную модель психики. Несмотря на неудовлетворительный результат критерия «сознательный или бессознательный», Фрейд постоянно отмечал (в частности, в двух местах настоящей статьи, с. 142 и 163, далее в работе «Я и Оно» и в «Новом цикле»), что это различие — «единственный светоч во тьме глубинной психологии»[1].

[1] Заключительные слова главы I работы «Я и Оно» (см. ниже, с. 287).

Из психоанализа мы узнали, что сущность процесса вытеснения состоит не в том, чтобы устранить, уничтожить представление, репрезентирующее влечение, а в том, чтобы удержать его от осознания. В таком случае мы говорим, что оно находится в состоянии «бессознательного», и можем привести веские доказательства того, что даже будучи бессознательным, оно может оказывать воздействие, причем и такое, которое в конце концов достигает сознания. Все вытесненное должно оставаться бессознательным, но мы хотим уже с самого начала констатировать, что вытесненное не охватывает всего бессознательного. Бессознательное имеет более широкий объем; вытесненное — это часть бессознательного.

Каким образом мы можем прийти к пониманию бессознательного? Разумеется, мы знаем его лишь как сознательное, после того как оно подверглось превращению или переводу в сознательное. Психоаналитическая работа ежедневно позволяет нам убедиться в том, что такой перевод возможен. Для этого необходимо, чтобы анализируемый преодолел известные сопротивления, а именно те, которые в свое время путем удаления из сознания сделали его вытесненным.

I
ОБОСНОВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Многие оспаривают наше право допустить бессознательное психическое и научно работать с этой гипотезой. Мы же можем привести против этого аргументы, что гипотеза о бессознательном *необходима* и *легитимна* и что мы располагаем многочисленными *доказательствами* существования бессознательного. Она необходима, поскольку в данных сознания очень много пробелов; и у здорового человека, и у больного часто бывают психические акты, объяснить которые можно лишь через другие акты, свидетелем которых сознание, однако, не является. Сюда относятся не только ошибочные действия и сновидения здорового человека или все, что называется психическими симптомами и навязчивыми явлениями у больного, — мы из личного повседневного опыта знаем, что бывают невесть откуда взявшиеся мысли, а результаты раздумий порой приходят скрытыми от нас путями. Все эти сознательные акты остались бы бессвязными и непонятными, если бы мы считали, что все данное нам в душевных актах должно быть пережито сознанием, и упорядочиваются в цепь очевидных взаимосвязей, если мы прибегнем к интерполяции выведенных бессознательных актов. Однако установление смысла и связи — вполне законный мотив, который может вывести нас за рамки непосредственного опыта. Но если при этом еще оказывается, что, основываясь на гипотезе о бессознательном, нам удается успешно и целесообразно влиять на течение сознательных процессов, то в этом успехе мы получаем неопровержимое доказательство существования того, что нами предполагалось. В таком случае необходимо принять ту точку зрения, что требовать, чтобы все происходящее в душевной сфере было известно также и сознанию, есть не что иное, как *безосновательное самомнение*.

Можно пойти еще дальше и привести в доказательство существования бессознательного психического состояния следующий факт: в любой момент сознание охватывает лишь малую часть содержания, а потому большая часть того, что мы называем сознательным знанием, и без того в течение самого длительного времени должна находиться в состоянии латентности, то есть психической бессознательности. Если принять во внимание все наши латентные воспоминания, возражение против бес-

сознательного становится совершенно непонятным. Далее, мы сталкиваемся с возражением, что эти латентные воспоминания уже нельзя называть психическими, что они соответствуют остаткам соматических процессов, из которых снова может возникнуть психическое. На это напрашивается ответ, что латентное воспоминание, напротив, представляет собой несомненный остаток психического процесса. Но еще важнее уяснить себе, что это возражение основывается на невысказанном, но с самого начала фиксированном отождествлении сознательного с психическим. Это отождествление является либо *petitio principii*[1], не допускающим вопроса о том, должно ли все психическое быть также сознательным, либо делом условности, терминологии. В последнем случае оно, как и любая условность, неопровержимо. Только остается открытым вопрос, настолько ли оно целесообразно, что к нему необходимо присоединяться. Можно ответить, что общепринятое отождествление психического с сознательным совершенно нецелесообразно. Оно разрывает психическую непрерывность, ввергает нас в неразрешимые трудности психофизического параллелизма[2], его можно упрекнуть в безосновательной переоценке роли сознания, и заставляет нас преждевременно покинуть область психологического исследования, не давая никакой компенсации из других областей.

И все же ясно, что вопрос о том, следует ли понимать неопровержимые латентные состояния душевной жизни как бессознательные психические или как физические, грозит вылиться в словесный спор. Поэтому имеет смысл на первый план выдвинуть то, что нам точно известно о природе этих спорных состояний. В таком случае по своим физическим характеристикам они нам совершенно недоступны; никакое физиологическое представление, никакой химический процесс не может дать нам понятия об их сущности. С другой стороны, у них, несомненно, есть множество точек соприкосновения с сознательными душевными процессами; проведя определенную работу, их можно превратить в сознательные, заменить ими, и их можно описать с по-

---

[1] [Предвосхищение основания, вывод из недоказанного (разновидность логической ошибки) (лат.) — *Примечание переводчика*.]

[2] [Очевидно, Фрейд сам некоторое время был склонен принимать эту теорию, на что, похоже, указывает отрывок в его книге об афазии (1891*b*, с. 56 и далее), см. приложение Б на с. 177–178 в этом томе.]

мощью всех тех категорий, которые мы применяем к сознательным актам психики: к представлениям, стремлениям, решениям и т.п. Более того, о некоторых этих латентных состояниях мы должны сказать, что они отличаются от сознательных только отсутствием сознания. Поэтому без колебаний мы будем подходить к ним как объектам психологического исследования и рассматривать их в самой тесной взаимосвязи с сознательными душевными актами.

Упорное отрицание психического характера латентных душевных актов объясняется тем, что большинство обсуждаемых феноменов не стало предметом исследования вне психоанализа. Тому, кто не знает патологических фактов, считает ошибочные действия нормальных людей случайностями и довольствуется старой мудростью, что мечты призрачны, остается только пренебречь некоторыми загадками психологии сознания, чтобы оставить в стороне гипотезу о существовании бессознательной психической деятельности. Впрочем, гипнотические эксперименты, особенно постгипнотическое внушение, наглядно доказали наличие и продемонстрировали образ действия психического бессознательного еще до появления психоанализа[1].

Вместе с тем гипотеза о бессознательном вполне *легитимна*, поскольку, выдвигая ее, мы ни на шаг не отступили от своего обычного, считающегося корректным образа мыслей. Каждому из нас сознание передает знание только о собственных душевных состояниях; то, что и другой человек обладает сознанием, является выводом *per analogiam*[2], который делается на основе воспринимаемых высказываний и поступков другого, чтобы понять это его поведение. (Психологически правильнее, пожалуй, сказать, что мы без особых рассуждений приписываем любому другому человеку нашу собственную конституцию, следовательно, и наше сознание, и что эта идентификация является предпосылкой нашего понимания.) Этот вывод — или эта идентификация — когда-то распространился от Я на других людей, животных, растения, неживую природу и на мир в целом и ока-

---

[1] [В своем самом последнем обсуждении этой темы в оставшейся незавершенной работе «Некоторые элементарные уроки психоанализа» (1940*b*) Фрейд приводит доказательный материал, полученный в экспериментах по постгипнотическому внушению.]

[2] [По аналогии (лат.) — *Примечание переводчика.*]

зывался пригодным, пока сходство с индивидуальным Я было необычайно велико; но по мере того, как остальное отдалялось от Я, этот вывод становился все более ненадежным. Наша современная критика уже сомневается в наличии сознания у животных, отказывает в сознании растениям, а гипотезу о наличии сознания у неживого относит к мистике. Но и там, где первоначальная склонность к идентификации выдержала критическую проверку — у близкого нам другого человека, — гипотеза о наличии сознания основывается на выводе и не может разделить непосредственную уверенность нашего собственного сознания.

Психоанализ требует только, чтобы этот же метод умозаключения применялся и к собственной персоне, конституциональной склонности к чему, однако, не существует. При таком подходе придется сказать, что все акты и проявления, которые *я* замечаю у себя, но не могу связать с остальной своей психической жизнью, должны расцениваться так, как если бы они принадлежали другому человеку, и должны найти объяснение через приписываемую ему душевную жизнь. Опыт также показывает, что те же самые акты, которые у самого человека не находят психического признания, он хорошо умеет истолковывать, то есть вводить в общую душевную взаимосвязь, у других людей. Наше исследование, очевидно, из-за особого препятствия отвлекается здесь от собственной персоны и ощущает помехи ее действительному познанию.

Этот метод умозаключения, примененный, несмотря на внутреннее сопротивление, к собственной персоне, ведет здесь не к открытию бессознательного, а, правильнее сказать, к предположению о наличии другого, второго, сознания, которое объединено у меня с известным мне сознанием. Однако здесь критика находит оправданный повод для некоторых возражений. Во-первых, сознание, о котором самому носителю ничего не известно, все же представляет собой нечто иное, чем чужое сознание, и возникает вопрос, заслуживает ли вообще обсуждения такого рода сознание, лишенное важнейшей характеристики. Тот, кто противился гипотезе о наличии бессознательной психики, не сможет удовлетвориться заменой ее на *бессознательное сознание*. Во-вторых, анализ указывает на то, что отдельные латентные душевные процессы, о которых мы делаем вывод, в значительной степени независимы друг от друга, словно между ними нет никакой связи и они ничего друг о друге не знают. Поэтому мы должны быть готовы допустить наличие у нас не только вто-

рого сознания, но и третьего, четвертого, возможно, бесконечного ряда состояний сознания, которые неизвестны ни нам, ни друг другу. В-третьих, в качестве самого веского аргумента добавляется следующее: благодаря аналитическому исследованию нам известно, что часть этих латентных процессов обладает характеристиками и особенностями, которые кажутся нам чуждыми, даже невероятными, и которые явно противоречат известным нам свойствам сознания. Поэтому у нас есть основание изменить вывод, относящийся к собственной персоне, в том смысле, что он доказывает не наличие у нас второго сознания, а существование психических актов, лишенных сознания. Мы можем также отвергнуть термин «подсознательное» как некорректный и вводящий в заблуждение[1]. Известные случаи *«double conscience»* (расщепления сознания) отнюдь не противоречат нашему мнению. Их можно точнее всего описать как случаи расщепления душевной деятельности на две группы, при этом одно и то же сознание поочередно обращается то к одному, то к другому лагерю.

В психоанализе нам не остается ничего другого, как объявить душевные процессы сами по себе бессознательными и сравнить восприятие их сознанием с восприятием органами чувств внешнего мира[2]. Из такого сравнения мы даже надеемся извлечь пользу для наших научных выводов. Психоаналитическая гипотеза о наличии бессознательной душевной деятельности кажется нам, с одной стороны, дальнейшим развитием примитивного анимизма, который повсюду демонстрировал нам подобия нашего сознания, а с другой стороны — продолжением предпринятой Кантом корректировки понимания нами восприятия внешнего мира. Подобно тому, как Кант предостерегал нас, что нельзя

---

[1] [В некоторых своих самых ранних сочинениях Фрейд сам использовал термин *«subconscient»*, то есть «подсознательное», например, в написанной по-французски работе, посвященной истерическим параличам (1983*c*), в «Этюдах об истерии» (1895*d*). Но уже в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 583, он возражал против употребления этого термина. В 19-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 294, он еще раз затрагивает эту тему; несколько подробнее он обсуждает ее в конце главы I «Вопроса о дилетантском анализе» (1926*e*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 288–289.]

[2] [Подробное обсуждение этой идеи содержится уже в главе VII раздела E «Толкования сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 583–585.]

не учитывать субъективную обусловленность нашего восприятия и считать наше восприятие идентичным тому, что воспринимается и не распознается, точно так же психоанализ предупреждает нас, что восприятие с помощью сознания нельзя ставить на место бессознательного психического процесса, являющегося его объектом. Как физическое, так и психическое необязательно в действительности будет таким, каким оно нам кажется. Но мы с удовлетворением готовы узнать, что корректировка внутреннего восприятия не представляет такой большой трудности, как корректировка внешнего, что внутренний объект менее нераспознаваем, нежели внешний мир.

II
МНОГОЗНАЧНОСТЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ТОПИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Прежде чем продолжить, констатируем важный, но вместе с тем создающий для нас затруднения факт, что бессознательность — это только признак психического, но этого отнюдь не достаточно для его характеристики. Существуют психические акты самого разного достоинства, которые все же совпадают по такому качеству, как бессознательность. Бессознательное, с одной стороны, включает в себя акты, которые просто являются латентными, некоторое время бессознательными, но которые в остальном ничем не отличаются от сознательных, а с другой стороны — процессы, например вытесненные, которые, будь они осознанными, должны были бы самым решительным образом отличаться от остальных сознательных процессов. Если бы отныне при описании разнообразных психических актов мы полностью абстрагировались от того, сознательные они или бессознательные, и просто классифицировали их и соотносили друг с другом в зависимости от их отношения к влечениям и целям, их содержания и принадлежности к одной из расположенных друг над другом психических систем, то этим был бы положен конец всяким недоразумениям. Но это невозможно сделать по разным причинам, и вместе с тем мы не можем избежать двусмысленности, употребляя слова «сознательный» и «бессознательный» то в описательном смысле, то в систематическом, где они означают принадлежность к определенным системам и наличие определенных свойств. Можно было бы еще сделать попытку избежать путаницы, дав выявленным психическим системам произвольно выбранные названия, в которых сознательность не затрагивается. Но сначала следовало бы дать отчет в том, на чем основывается различие систем, и при этом нельзя было бы обойти стороной сознательность, ибо она образует исходный пункт всех наших исследований[1]. Пожалуй, некоторую помощь мы можем ждать от предложения заменять, по крайней мере в письменной речи, сознание буквами *Сз*, а бессознательное — соответствующим сокращением *Бсз*, когда мы употребляем оба слова в значении систем[2].

---

[1] [Фрейд возвращается к этому на с. 163.]

[2] [Эти сокращения были введены Фрейдом еще в «Толковании сновидений» (1900*a*); см. *Studienausgabe*, т. 2, с. 517 и далее.]

В позитивном изложении в качестве результата психоанализа мы укажем на то, что в целом психический акт проходит через две стадии состояний, между которыми вклинивается своего рода проверка *(цензура)*. В первой фазе он является бессознательным и относится к системе *Бсз*; если во время проверки он отклоняется цензурой, то переход во вторую фазу для него заказан; тогда он называется «вытесненным» и вынужден остаться бессознательным. Но если он выдерживает эту проверку, то вступает во вторую фазу и принадлежит второй системе, которую мы назовем системой *Сз*. Однако его отношение к сознанию пока еще однозначно не определяется принадлежностью к этой системе. Он еще не сознателен, но *способен к осознанию* (по выражению Й. Брейера)[1], то есть при совпадении известных условий он может без особого сопротивления стать объектом сознания. Учитывая эту способность к осознанию, мы называем систему *Сз* также *«предсознательным»*. Если окажется, что осознание предсознательного определяется также известной цензурой, то мы будем разграничивать системы *Псз* и *Сз* более строго. [Ср. с. 162.] Пока же достаточно зафиксировать, что система *Псз* имеет такие же свойства, что и система *Сз*, и что строгая цензура несет свою службу при переходе от *Бсз* к *Псз* (или *Сз*).

С принятием этих (двух или трех) психических систем психоанализ еще на один шаг отдалился от описательной психологии сознания, дополнился новой постановкой вопроса и новым содержанием. До сих пор он отличался от психологии прежде всего *динамическим* пониманием душевных процессов; теперь добавляется то, что он учитывает также психическую *топику* и, рассматривая любой психический акт, пытается показать, в рамках какой системы или между какими системами он происходит. Из-за такого стремления он получил название *глубинной психологии*[2]. Далее мы узнаем, что он может обогатиться также еще и другой точкой зрения. [См. с. 152.]

Если мы принимаем всерьез топику психических актов, то должны будем проявить интерес к одному неясному вопросу, возникающему в этом месте. Если какой-нибудь психический акт (ограничимся здесь актом, носящим характер представления) переходит из системы *Бсз* в систему *Сз* (или *Псз*), то дол-

---

[1] [См. «Этюды об истерии» (Breuer, Freud, 1895).]

[2] [От Блейлера (1914).]

жны ли мы предположить, что с этим перемещением связана новая фиксация, так сказать, вторая запись данного представления, которая, таким образом, может содержаться в новой психической локальности и наряду с которой продолжает существовать первоначальная, бессознательная запись[1]? Или, скорее, мы должны полагать, что это преобразование состоит в изменении состояния, которое происходит с тем же материалом и с той же локальностью? Этот вопрос может показаться непонятным, но его необходимо задать, если мы хотим составить себе более определенное представление о психической топике, размерах психической глубины. Он сложный, потому что выходит за пределы чисто психологического и касается отношения душевного аппарата к анатомии. Мы знаем, что такие отношения, грубо говоря, существуют. Неопровержимый результат исследования заключается в том, что душевная деятельность связана с функцией мозга в такой степени, которая не сравнится ни с каким другим органом. Еще дальше — и неизвестно, насколько — ведет открытие неравноценности частей мозга и их особая связь с определенными частями тела и видами умственной деятельности. Но все попытки исходя из этого разгадать локализацию душевных процессов, все усилия вообразить, как представления накапливаются в нервных клетках, а возбуждения перемещаются по нервным волокнам, потерпели полную неудачу[2]. Такая же судьба постигла бы учение, которое попыталось бы, например, выявить анатомическое место системы *Сз*, сознательной душевной деятельности, в коре головного мозга, а бессознательные процессы поместить в субкортикальные части мозга[3]. Здесь зияет пробел, заполнить который сейчас невозможно, да это и не входит в задачи психологии. Наша психическая топика *пока* не

---

[1] [Идея о том, что в психике представление может присутствовать более чем в одной «записи», впервые была высказана Фрейдом в письме Флиссу от 6 декабря 1896 года (Freud, 1950*a*, письмо № 52). Он обращается к этой гипотезе в связи с теорией памяти в главе VII, раздел Б, «Толкования сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 515–516, и упоминает ее также в разделе Е этой же главы (там же, с. 578), причем в формулировке, которая уже намечает вышеуказанную аргументацию.]

[2] [Фрейд сам вплотную занимался вопросом о локализации функций мозга в своей работе об афазии (1891*b*).]

[3] [Это Фрейд утверждал еще в предисловии к своему переводу работы Бернгейма «De la suggestion» (Freud, 1888–1889).]

имеет ничего общего с анатомией; она относится к областям душевного аппарата независимо от их местоположения в теле, а не к анатомическим локальностям.

В этом отношении наша работа свободна и может вестись в соответствии с ее собственными потребностями. Будет полезно также помнить о том, что наши предположения претендуют прежде всего лишь на то, чтобы представлять собой ценность с точки зрения наглядного объяснения. Первая из двух рассматриваемых возможностей, а именно, что *сз* фаза представления означает новую запись, находящуюся в другом месте, несомненно, является более приблизительной, но вместе с тем и более удобной. Второе предположение о просто *функциональном* изменении состояния исходно более вероятно, но оно менее пластично, им труднее оперировать. С первым, топическим, предположением связано топическое разделение систем *Бсз* и *Сз* и возможность того, что представление одновременно присутствует в двух местах психического аппарата; более того, если ему не чинит препятствий цензура, то оно постоянно перемещается с одного места на другое, возможно, не теряя своего первого местоположения или записи. Это может показаться странным, но опирается на впечатления из психоаналитической практики.

Если сообщить пациенту вытесненное им в свое время представление, которое было разгадано, то вначале это ничего не меняет в его психическом состоянии. Прежде всего это не устраняет вытеснения и его последствий, как того можно было бы ожидать, поскольку бессознательное ранее представление стало осознанным. Напротив, вначале происходит лишь новое отвержение вытесненного представления. Но фактически теперь одно и то же представление находится у пациента в двух формах в разных местах его душевного аппарата; во-первых, у него есть сознательное воспоминание об акустическом следе представления благодаря сообщению, во-вторых, как нам точно известно, наряду с этим он носит в себе в прежней форме бессознательное воспоминание о пережитом[1]. В действительности же

[1] [Топическое разграничение сознательных и бессознательных содержаний дано в описании Фрейдом случая «маленького Ганса» (1909*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 103–104, еще более подробно оно обсуждается в заключительных абзацах его статьи, посвященной технике психоанализа, «Начало лечения» (1913*c*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 200 и далее.]

вытеснение устраняется лишь после того, как сознательное представление, преодолев сопротивление, вступает в связь с бессознательным следом воспоминания. И только благодаря осознанию последнего достигается успех. Таким образом, при поверхностном рассуждении создается впечатление, что сознательные и бессознательные представления являются различными и в топическом отношении отдельными записями одного и того же содержания. Но в дальнейшем становится ясно, что тождественность сообщения и вытесненного воспоминания пациента — лишь кажущаяся. Услышать и пережить — по своей психологической природе совершенно разные вещи, даже если их содержание одинаково.

Поэтому вначале мы не можем сделать выбор между двумя обсуждаемыми возможностями. Возможно, позднее мы столкнемся с моментами, имеющими решающее значение для одной из них. Быть может, нам еще предстоит сделать открытие, что наша постановка вопроса была недостаточной и что различие между бессознательным и сознательным представлением следует определить совершенно иначе[1].

---

[1] [Эта тема снова затрагивается на с. 173.]

III
БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

В предыдущей дискуссии мы ограничились представлениями и теперь можем задать новый вопрос, ответ на который должен помочь прояснить наши теоретические воззрения. Мы сказали, что существуют сознательные и бессознательные представления; но бывают ли также бессознательные импульсы влечений, чувства, ощущения, или на этот раз нет никакого смысла создавать такие словосочетания?

Я действительно думаю, что противопоставление сознательного и бессознательного неприменимо к влечению. Влечение никогда не может стать объектом сознания, им может быть только представление, которое его репрезентирует[1]. Но и в бессознательном оно не может быть репрезентировано иначе, кроме как через представление. Если бы влечение не привязывалось к представлению или не проявлялось как аффективное состояние, то мы ничего не могли бы знать о нем. И если мы все-таки говорим о бессознательном импульсе влечения или о вытесненном импульсе влечения, то это всего лишь простая неаккуратность в терминологии. Мы здесь имеем в виду лишь импульс влечения, репрезентация которого бессознательна, и ничего другого под этим не подразумевается.

Можно было бы подумать, что так же легко дать ответ на вопрос о бессознательных ощущениях, чувствах, аффектах. Ведь сущность чувства и состоит в том, что оно испытывается, то есть становится известным сознанию. Таким образом, казалось бы, возможность бессознательности чувств, ощущений, аффектов полностью исключена. Но в психоаналитической практике мы привыкли говорить о бессознательной любви, ненависти, ярости и т. д. и считаем неизбежным даже такое странное словосочетание, как «бессознательное сознание вины» или парадоксальное выражение «бессознательный страх». Распространяется ли значение такого словоупотребления на «бессознательное влечение»?

Положение вещей здесь действительно иное. Прежде всего может случиться так, что аффективный или эмоциональный

[1] [См. «Предварительные замечания издателей» к работе «Влечения и их судьбы», с. 80–81 в этом томе.]

импульс воспринимается, но не распознается. Вследствие вытеснения своей действительной репрезентации он вынужден вступить в связь с другим представлением и принимается сознанием за выражение последнего. Когда мы восстанавливаем истинную связь, мы называем первоначальный аффективный импульс «бессознательным», хотя его аффект никогда не был бессознательным, а вытеснению подверглось только его представление. Употребление выражений «бессознательный аффект» и «бессознательное чувство» вообще указывает на судьбы количественного фактора импульса влечения, подвергшегося вытеснению (см. статью о вытеснении [выше, с. 123–124.]). Мы знаем, что эта судьба может быть троякого рода; либо аффект сохраняется как таковой полностью или частично, либо он превращается в качественно другую сумму аффекта, прежде всего в страх, либо он подавляется, то есть его развитие вообще предотвращается. (Пожалуй, эти возможности еще легче изучать на примере работы сновидения, чем при неврозах[1].) Мы также знаем, что подавление развития аффекта и есть истинная цель вытеснения и что его работа остается незавершенной, если эта цель не достигается. Во всех случаях, когда вытеснению удается затормозить развитие аффекта, мы называем «бессознательными» те аффекты, которые восстанавливаются при устранении работы вытеснения. Поэтому такому словоупотреблению нельзя отказать в последовательности; но в сравнении с бессознательным представлением существует важное отличие, которое заключается в том, что после вытеснения бессознательное представление сохраняется в системе *Бсз* как реальное образование, тогда как бессознательному аффекту в ней соответствует только возможность образования, которой не позволили реализоваться. Таким образом, строго говоря, хотя это словоупотребление остается безупречным, нет бессознательных аффектов, как бывают бессознательные представления. Но весьма возможно, что в системе *Бсз* есть аффективные образования, которые наряду с другими становятся сознательными. Все различие объясняется тем, что представления — это, по существу, катексисы следов воспоминаний, тогда как аффекты и чувства соответствуют процессам отвода, конечные проявления которых воспринимаются

---

[1] [Важнейшие идеи, касающиеся аффектов, содержатся в «Толковании сновидений», раздел 3 главы VI. *Studienausgabe*, т. 2, с. 444–469.]

как ощущения. При нынешнем состоянии наших знаний об аффектах и чувствах мы не можем выразить это различие более ясно[1].

Констатация того, что вытеснению иногда удается затормозить перевод влечения в аффективное выражение, представляет для нас особый интерес. Этот факт демонстрирует нам, что в норме система *Сз* владеет аффективностью, равно как и доступом к двигательной сфере, и повышает ценность вытеснения, показывая, что ее следствием может быть не только недопущение в сознание, но и препятствие как развитию аффекта, так и мотивированию мышечной деятельности. Мы можем также сказать, используя обратную формулировку: пока система *Сз* властвует над аффективностью и двигательной сферой, мы называем психическое состояние индивида нормальным. Между тем различие в отношении господствующей системы к двум близким друг другу реакциям, отводящим энергию, очевидно[2]. Если власть *Сз* над произвольной моторикой имеет надежное основание, регулярно выдерживает натиск невроза и терпит поражение лишь при психозе, то в отношении развития аффектов власть *Сз* менее прочна. Еще в нормальной жизни можно видеть, как системы *Сз* и *Бсз* ведут постоянную борьбу за главенство в сфере аффектов, как разграничиваются определенные сферы влияния и происходит смешение действующих сил.

Значение системы *Сз* (*Псз*) с точки зрения доступов к высвобождению аффектов и к действиям также проясняет нам роль, которая выпадает на долю замещающего представления в возникновении болезни. Возможно, что развитие аффекта исходит непосредственно из системы *Бсз*; в этом случае он всегда носит характер страха, на который «обмениваются» все «вытесненные» аффекты. Но часто импульсу влечения приходится ждать, пока он не находит в системе *Сз* замещающего представления. В та-

---

[1] [Дальнейшее обсуждение этого вопроса содержится в главе II работы «Я и Оно» (1923*b*), с. 308 и далее в этом томе. Еще более четкое описание сущности аффектов Фрейд дает в 25-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. 1, с. 382–383, а также в главе VIII работы «Торможение, симптом и страх» (1926*d*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 273–274.]

[2] Аффективность выражается в основном в моторном (секреторном, регулирующем сосуды) отводе энергии, ведущем к (внутреннему) изменению собственного тела, безотносительно внешнего мира; моторика — в действиях, предназначенных для изменения внешнего мира.

ком случае эта сознательная замена содействует развитию аффекта, а качественный характер аффекта определяется его природой. Мы утверждали [с. 113], что при вытеснении происходит отделение аффекта от его представления, после чего каждый из них идет навстречу своей судьбе. С описательной точки зрения это неоспоримо; но реальный процесс, как правило, протекает так, что аффект не проявляется до тех пор, пока ему не удается прорыв к новому представительству в системе *Сз*.

IV
ТОПИКА И ДИНАМИКА ВЫТЕСНЕНИЯ

В итоге мы пришли к тому, что вытеснение, по существу, — это такой процесс, который происходит с представлениями на границе систем *Бсз* и *Псз* (*Сз*), и теперь можем попытаться описать этот процесс более подробно. При этом речь должна идти об *изъятии* катексиса, но возникает вопрос, в какой системе происходит изъятие и к какой системе относится изъятый катексис.

Вытесненное представление остается в *Бсз* дееспособным; то есть оно должно было сохранить свой катексис. Изъятое должно представлять собой нечто иное. [См. ниже с. 173.] Возьмем случай собственно вытеснения (послеподавления [с. 117]), которое совершается с предсознательным или даже уже осознанным представлением; вытеснение здесь может состоять только в том, что представление лишается (пред)сознательного катексиса, относящегося к системе *Псз*. Тогда представление остается некатектированным, или получает катексис из *Бсз*, или сохраняет *бсз* катексис, который у него уже был раньше. Следовательно, происходит изъятие предсознательного, сохранение бессознательного катексиса или замена предсознательного катексиса бессознательным. Заметим, кстати, что в основу этих рассуждений мы ненамеренно положили гипотезу, что переход из системы *Бсз* в следующую происходит не посредством создания новой записи, а через перемену состояния, изменение катексиса. Функциональная гипотеза без большого труда одержала верх над топической. [См. выше с. 143–145.]

Однако этого процесса изъятия либидо[1] недостаточно для того, чтобы прояснить другую особенность вытеснения. Нельзя понять, почему бы представлению, оставшемуся катектированным или снабженному катексисом со стороны *Бсз*, не возобновить попытки благодаря своему катексису проникнуть в систему *Псз*. В таком случае с ним должно было бы повториться изъятие либидо, и все та же игра продолжалась бы бесконечно, но результатом не было бы вытеснение. Точно так же описанный механизм изъятия предсознательного катексиса не сработал бы и в том случае, если бы речь шла о первичном вытеснении; ведь в этом случае есть бессознательное представление, которое еще не получило катексиса из *Псз*, а потому и не может его лишиться.

---

[1] [Об употреблении в данном месте выражения «либидо» см. с. 152.]

Следовательно, здесь нам нужен другой процесс, который в первом случае [то есть в случае послеподавления] поддерживает вытеснение, а во втором [то есть в случае первичного вытеснения] — обеспечивает его возникновение и поддержание, и мы можем найти его только в гипотезе о *контркатексисе*, благодаря которому система *Псз* защищается от натиска бессознательного представления. В чем выражается такой контркатексис, происходящий в системе *Псз*, мы посмотрим на клинических примерах. Именно он репрезентирует продолжительные затраты [энергии] на первичное вытеснение и вместе с тем обеспечивает его долговечность. Контркатексис — это единственный механизм первичного вытеснения; при собственно вытеснении (послеподавлении) добавляется изъятие *псз* катексиса. Вполне возможно, что именно катексис, изъятый у представления, используется для контркатексиса.

Заметим, как при описании психических феноменов мы постепенно пришли к использованию третьего (помимо динамического и топического) [с. 143], подхода — *экономического*, стремящегося проследить судьбы величин возбуждения и получить, по меньшей мере, сравнительную их оценку. Мы не сочтем несправедливым удостоить подход, представляющий собой завершение психоаналитического исследования, особого наименования. Я предлагаю назвать такое изложение *метапсихологическим*[1], если нам удастся описать этот процесс в его *динамическом, топическом* и *экономическом* отношениях. Можно сказать заранее, что на нынешнем уровне наших знаний это удастся нам только отчасти.

Давайте сделаем робкую попытку дать метапсихологическое описание процесса вытеснения в случае трех известных неврозов переноса. При этом мы можем заменить «катексис» на «либидо»[2], ведь, как нам известно, речь идет о судьбах сексуальных влечений.

---

[1] [Фрейд впервые употребил данный термин примерно за двадцать лет до этого в письме Флиссу от 13 февраля 1896 года (Freud, 1950*a*, письмо № 41). В сочинениях, которые Фрейд опубликовал за эти годы, этот термин встречается еще только один раз, а именно в «Психопатологии обыденной жизни» (1901*b*), глава XII, раздел C. См. также некоторые дальнейшие замечания по этому поводу выше, в разделе «Об этом томе», с. 7–8.]

[2] [Это Фрейд уже сделал тремя абзацами выше.]

Первая фаза процесса при истерии страха часто упускается из виду, возможно, и в самом деле не замечается, но при тщательном наблюдении ее легко выделить. Она заключается в том, что появляется страх, но не ясно — страх перед чем. Можно предположить, что в *Бсз* был любовный импульс, требовавший перемещения в систему *Псз*; однако обращенный к нему из этой системы катексис оказался изъятым на манер попытки к бегству, а бессознательный либидинозный катексис отвергнутого представления был отведен в виде страха. При повторении этого процесса предпринимается первый шаг к преодолению нежелательного развития страха[1]. Обращенный в бегство [*бсз*] катексис направляется на замещающее представление, которое, с одной стороны, ассоциативно связано с отвергнутым представлением, а с другой стороны, вследствие отдаленности от него избежало вытеснения *(замена посредством смещения)* [см. с. 125] и содействовало рационализации развития страха, пока еще не поддающегося торможению. Теперь замещающее представление играет в системе *Сз* (*Псз*) роль контркатексиса, предохраняя от появления вытесненного представления в *Сз*; с другой стороны, оно является отправным пунктом тем более не поддающегося теперь торможению высвобождаемого аффекта страха или ведет себя как аффект. Клиническое наблюдение показывает, например, что ребенок, страдающий фобией животных, испытывает страх при двух условиях: во-первых, когда усиливается вытесненный любовный импульс, и, во-вторых, когда воспринимается животное, внушающее страх. Замещающее представление ведет себя в одном случае как место перехода из системы *Бсз* в систему *Сз*, в другом случае — как самостоятельный источник развития страха. Распространение господства системы *Сз* обычно выражается в том, что первый способ возбуждения замещающего представления все больше уступает место второму. Возможно, в конечном итоге ребенок будет вести себя так, словно он совсем не расположен к отцу, полностью от него освободился и как будто действительно боится животного. Но только этот страх перед животным черпает силы из бессознательного источника, оказывается слишком сильным и не поддается воздействиям из системы *Сз*, выдавая этим свое происхождение из системы *Бсз*.

---

[1] [Это «вторая фаза» процесса.]

Таким образом, контркатексис из системы *Сз* во второй фазе развития истерии страха привел к появлению замещающего образования. Этот же механизм вскоре находит новое применение. Как мы знаем, процесс вытеснения еще не завершен и находит дальнейшую цель в задаче затормозить развитие страха, исходящего от этой замены[1]. Это происходит следующим образом: все близкие к замещающему представлению ассоциации катектируются особенно интенсивно, в результате чего могут проявить высокую чувствительность к возбуждению. Возбуждение какого-нибудь места этой конструкции из-за связи с замещающим представлением должно дать толчок к развитию незначительного по интенсивности страха, который теперь используется как сигнал, чтобы через новую смену *[псз]* катексиса затормозить дальнейшее развитие страха[2]. Чем дальше от внушающей страх замены размещаются чувствительные и чуткие контркатексисы, тем точнее может функционировать механизм, который должен изолировать замещающее представление и не допускать к нему новые возбуждения. Разумеется, эти меры предосторожности защищают только от возбуждений, которые поступают к замещающему представлению извне через восприятие, но не могут защитить от импульса влечения, который затрагивает замещающее представление из-за его связи с вытесненным представлением. Таким образом, они начинают действовать только тогда, когда замена взяла на себя функцию представительства вытесненного, и никогда не могут действовать абсолютно надежно. При любом усилении импульса влечения защитный вал вокруг замещающего представления должен отодвигаться чуть дальше. Вся конструкция, которая аналогичным образом создается при других неврозах, носит название *фобии*. Бегство от сознательного катексиса замещающего представления выражается в избегании, отказах и запретах, по которым судят об истерии стра-

---

[1] [«Третья фаза».]

[2] [Идея о том, что высвобождение небольшого количества неудовольствия служит «сигналом», чтобы воспрепятствовать развитию гораздо более сильного неудовольствия, содержится уже в «Проекте», написанном Фрейдом в 1895 году (1950*a*, часть II, раздел «Нарушения мышления из-за аффекта») и далее в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 571–572. Разумеется, гораздо подробнее она обсуждается в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*), например, в главе XI, раздел «А(б)», *Studienausgabe*, т. 6, с. 298 и далее.]

ха. Если окинуть взором весь этот процесс, можно сказать, что третья фаза повторила в большем масштабе работу второй фазы. Система *Сз* защищается от активирования замещающего представления посредством контркатексиса близких ассоциаций, подобно тому как раньше она защищалась посредством катексиса замещающего представления от появления вытесненного представления. Образование замены посредством смещения продолжалось таким же образом. Необходимо также добавить, что прежде системе *Сз* принадлежало лишь небольшое место, служившее вратами для вторжения вытесненного импульса влечения, а именно замещающее представление, но что в конечном счете вся эта фобическая конструкция соответствует анклаву бессознательного влияния. Далее можно подчеркнуть ту интересную точку зрения, что благодаря всему этому приведенному в действие защитному механизму была достигнута внешняя проекция опасности, исходящей от влечения. Я ведет себя так, словно опасность развития страха угрожает ему не со стороны импульса влечения, а со стороны восприятия, и поэтому может реагировать на эту внешнюю опасность попытками бегства в форме фобических избеганий. В этом процессе вытеснению удается одно — до некоторой степени ограничить развитие страха, но только ценой больших жертв, а именно личной свободы. Однако попытки бегства перед требованиями влечений в целом бесполезны, а результат фобического бегства все же остается неудовлетворительным.

Значительная часть условий, выявленных нами при истерии страха, относится также и к двум другим неврозам, а потому мы можем ограничиться рассмотрением различий и роли контркатексиса. При конверсионной истерии катексис вытесненного представления превращается в иннервацию симптома. В какой степени и при каких обстоятельствах благодаря такому оттоку энергии в иннервацию дренируется бессознательное представление, в результате чего может прекратиться его давление на систему *Сз*, — этот и аналогичные вопросы лучше оставить для специального исследования истерии[1]. Роль контркатексиса, ис-

---

[1] [Возможно, это ссылка на пропавшую метапсихологическую работу о конверсионной истерии. (См. «Предисловие редактора» на с. 72.) — Фрейд затронул этот вопрос еще в «Этюдах об истерии» (1895*d*), а именно при анализе случая «Фрейлин Элизабет фон Р.» в первой трети раздела «Эпикриз».]

ходящего из системы *Сз* (*Псз*), при конверсионной истерии понятна и проявляется в симптомообразовании. Именно от контркатексиса зависит выбор того, на какой части репрезентации влечения может сконцентрироваться весь ее катексис. Эта выбранная для симптома часть отвечает следующему условию: она точно так же выражает желанную цель импульса влечения, как и стремление к защите или наказанию системы *Сз*; следовательно, она гиперкатектируется и поддерживается с двух сторон, подобно замещающему представлению при истерии страха. Из этих отношений мы сразу же можем сделать вывод, что затраты энергии на вытеснение со стороны системы *Сз* не должны быть такими же по величине, как катектическая энергия симптома, ибо сила вытеснения измеряется израсходованным контркатексисом, а симптом опирается не только на контркатексис, но и на сконденсированный в нем катексис влечения из системы *Бсз*.

Что касается невроза навязчивых состояний, то к замечаниям, содержащимся в предыдущей статье [с. 127–128], мы бы добавили только, что здесь контркатексис системы *Сз* выступает на первый план наиболее ощутимо. Именно он, организованный в виде реактивного образования, обеспечивает первое вытеснение, и именно на нем позднее происходит прорыв вытесненного представления. Можно предположить, что причина того, что работа вытеснения при истерии страха и неврозе навязчивых состояний оказывается менее удачной, чем при конверсионной истерии, заключается в преобладании контркатексиса и отсутствии отвода энергии[1].

---

[1] [Темы данного раздела снова обсуждаются Фрейдом в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*). См. *Studienausgabe*, т. 6, в частности, с. 269–271, 282, прим., и с. 285–286.]

V
ОСОБЫЕ СВОЙСТВА СИСТЕМЫ *БСЗ*

Разграничение двух психических систем приобретает новое значение, если мы обратим внимание на то, что процессы, происходящие в одной системе, системе *Бсз*, проявляют такие свойства, которые не обнаруживаются в следующей более высокой системе.

Ядро *Бсз* состоит из репрезентаций влечений, которые стремятся отвести свой катексис, то есть из побуждений. Эти импульсы влечения скоординированы друг с другом, существуют рядом, не оказывая влияния друг на друга и не противореча друг другу. Когда одновременно активируются два побуждения, цель которых кажется нам несовместимой, то оба этих побуждения не отдаляются друг от друга и не устраняют друг друга, а объединяются для образования промежуточной цели, компромисса.

В этой системе нет отрицания, нет сомнения, нет степеней безопасности. Все это привносится только работой цензуры между *Бсз* и *Псз*. Отрицание представляет собой замену вытеснения более высокого уровня[1]. В *Бсз* есть только в той или иной степени катектированные содержания.

Господствует гораздо большая подвижность интенсивностей катексиса [в *Бсз*]. Благодаря процессу *смещения* одно представление может отдать всю сумму своего катексиса другому, благодаря процессу *сгущения* оно может вобрать в себя весь катексис многих других представлений. Я предложил рассматривать два этих процесса как признаки так называемого *первичного психического процесса*. В системе *Псз* господствует *вторичный процесс*[2]; там, где такой первичный процесс может разыгрываться на элементах системы *Псз*, он выглядит «комичным» и вызывает смех[3].

---

[1] [Ср. аналогичное определение в работе Фрейда «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*), с. 17 выше, а также другие ссылки в следующем примечании.]

[2] См. рассуждения в главе VII «Толкования сновидений» [1900*a*, *Studienausgabe*, т. 2, с. 559 и далее], которые основываются на идеях, развиваемых Й. Брейером в «Этюдах об истерии» [Breuer, Freud, 1895]

[3] [Более подробно это рассматривается в книге Фрейда об остроумии (1905*c*), в частности, во втором и третьем разделах главы VII, *Studienausgabe*, т. 4, с. 185 и далее.]

Процессы системы *Бсз* находятся *вне времени*, то есть они не упорядочены во времени, не меняются с течением времени, вообще не связаны со временем. Также и временные отношения связаны с системой *Сз*[1].

Столь же мало процессы *Бсз* считаются с *реальностью*. Они подчинены принципу удовольствия; их судьба зависит только от того, насколько они сильны и отвечают ли они требованиям регуляции удовольствия и неудовольствия[2].

Подытожим: *непротиворечивость, первичный процесс* (подвижность катексисов), *вневременность* и *замена внешней реальности психической* — таковы характеристики, которые мы вправе ожидать найти в процессах, относящихся к системе *Бсз*[3].

Бессознательные процессы становятся для нас познаваемыми только в условиях сновидения и неврозов, то есть когда процессы высшей системы *Псз* возвращаются на прежнюю ступень вследствие снижения (регрессии). Сами по себе они непознаваемы, даже неспособны существовать, поскольку на систему *Бсз*

---

[1] [Только в издании 1915 года в этом месте говорится *«Псз»*. — Замечания о «безвременности» бессознательного содержатся во многих работах Фрейда. Наверное, самое раннее из них относится к 1897 году (Freud, 1950*a*, «Рукопись "M"»), где он заявляет: «Пренебрежение временным характером является существенным отличием деятельности в предсознательном и бессознательном». Косвенное упоминание содержится в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2. с. 550: однако первым опубликованным в печати высказыванием, по всей видимости, была сноска, добавленная в 1907 году к работе «Психопатология обыденной жизни» (1901*b*). Еще одно, сделанное мимоходом, указание содержится в примечании в работе, посвященной нарцизму (см. выше с. 67). В последующих сочинениях Фрейд также не раз возвращался к этой теме, прежде всего в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), с. 238 ниже, а также в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*).]

[2] [Ср. раздел 8 работы «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*), с. 23–24 в этом томе. Более детально принцип удовольствия рассматривается в следующей работе, с. 200 и далее.]

[3] Упоминание о другом важном преимуществе *Бсз* мы оставим для иного контекста. [Фрейд обсуждает его в письме Георгу Гроддеку от 5 июня 1917 года (Freud, 1960*a*): «В моей статье о Бсз, которую Вы упоминаете, Вы найдете... незначительную пометку: "Упоминание о другом важном преимуществе *Бсз* мы оставим для иного контекста". Я хочу раскрыть Вам то, что здесь было скрыто: утверждение, что бессознательный акт обладает интенсивным пластичным воздействием на соматические процессы, которое совершенно не свойственно акту сознательному».]

очень рано напластовывается система *Псз*, отрезающая доступ к сознанию и к подвижности как таковой. Отвод энергии в системе *Бсз* через телесную иннервацию ведет к развитию аффекта, но, как мы уже слышали [с. 148–149], *Псз* оспаривает у нее и этот путь к разрядке. При нормальных условиях сама по себе система *Бсз* не могла бы произвести ни одного целесообразного мышечного действия, за исключением тех, что уже организованы в рефлексы.

Полное значение описанных свойств системы *Бсз* могло бы стать нам ясным только в том случае, если бы мы сопоставили и сравнили их с особенностями системы *Псз*. Но это завело бы нас так далеко, что я предлагаю опять повременить и приступить к сравнению обеих систем только после оценки вышестоящей системы[1]. Здесь же упомянем только самое неотложное.

Процессы системы *Псз* — причем не важно, осознаны ли они уже или только способны к осознанию — обнаруживают тенденцию к торможению отвода катектированных представлений. Если процесс переходит с одного представления на другое, то первое представление сохраняет часть своего катексиса, и только незначительный его компонент подвергается смещению. Смещения и сгущения, как при первичном процессе, исключены или существенно ограничены. Это обстоятельство побудило Й. Брейера предположить наличие двух разных состояний катектической энергии в душевной жизни — состояние тонически связанной энергии и состояние свободно подвижной энергии, стремящейся к отводу[2]. Я полагаю, что это разграничение до сих пор представляет собой наиболее глубокое понимание нами сущности нервной энергии, и не вижу, как можно без него обойтись. Настоятельной потребностью метапсихологического описания — но, возможно, пока еще слишком смелым предприятием — было бы продолжение здесь этой дискуссии.

Далее, на долю системы *Псз* выпадает создание возможности сообщения между содержанием представлений, благодаря чему они могут влиять друг на друга, временное их упорядочивание[3], введение одной или нескольких цензур, проверка реальности и принцип реальности. Также и сознательная память, по-

---

[1] [Вероятно, указание на пропавшую работу о сознании.]

[2] [Ср. прим. 2 на с. 157.]

[3] [Указание на механизм, посредством которого *Псз* справляется с этим, содержится в работе Фрейда «Заметка о чудо-блокноте» (1925*a*), ниже, с. 395.]

видимому, зависит от *Псз*[1]; ее следует строго отличать от следов воспоминаний, в которых фиксируются переживания *Бсз*, и она, вероятно, соответствует особой записи, которую мы хотели было предположить при описании отношений между сознательными и бессознательными представлениями, но уже отказались от этого [см. с. 143 и далее]. В связи с этим мы найдем также средства для того, чтобы покончить с нашими колебаниями при обозначении высшей системы, которую мы сейчас без определённого направления называем то *Псз*, то *Сз*.

Будет уместным также предупреждение не обобщать преждевременно то, что мы узнали здесь о распределении душевных функций между двумя системами. Мы описываем условия так, как они проявляются у зрелого человека, у которого система *Бсз*, строго говоря, функционирует лишь как предварительная ступень высшей организации. Какое содержание и какие отношения существуют у этой системы в ходе индивидуального развития и каково ее значение у животного, — это должно быть не выведено из нашего описания, а исследовано самостоятельно[2]. Мы должны также быть готовы к тому, чтобы выявить у человека болезненные условия, при которых обе системы меняют содержание, а также свойства или сами меняются местами друг с другом.

---

[1] [См. выше, прим. на с. 67. — Только в издании 1915 года в этом месте стоит «*Сз*».]

[2] [Одно из немногих замечаний, сделанных Фрейдом о метапсихологии животных, содержится в конце главы I «Очерка о психоанализе» (1940*a*): «Эта общая схема психического аппарата будет относиться также к высшим животным, в психическом отношении сходным с человеком. Сверх-Я следует предполагать везде там, где, как у человека, был долгий период детской зависимости. Безусловно необходимо предположить разделение на Я и Оно. Психология животных пока еще не взялась за интересную задачу, которая здесь возникает».]

VI
СООБЩЕНИЕ МЕЖДУ ДВУМЯ СИСТЕМАМИ

Однако было бы неверно представлять себе, что *Бсз* остается в покое, тогда как вся психическая работа совершается в *Псз*, что *Бсз* — это нечто, с чем уже было покончено, рудиментарный орган, остаточное явление развития. Или предполагать, что сообщение между двумя системами ограничивается актом вытеснения, когда *Псз* сбрасывает в пропасть *Бсз* все, что кажется ему помехой. Скорее, *Бсз* живо, способно развиваться и поддерживает с *Псз* множество других отношений, в том числе и отношения кооперации. Обобщая, надо сказать, что *Бсз* продолжает свое существование в так называемых дериватах[1], оно доступно воздействиям жизни, постоянно влияет на *Псз* и в свою очередь даже подвергается влияниям со стороны *Псз*.

Изучение дериватов *Бсз* принесет нашим надеждам на схематически четкое разделение между двумя психическими системами сильнейшее разочарование. Несомненно, это вызовет неудовлетворенность нашими результатами и, вероятно, будет использовано для того, чтобы подвергнуть сомнению ценность нашего способа разделять психические процессы. Но мы выдвинем довод, что у нас нет другой задачи, кроме как перевести в теорию результаты наблюдений, и мы не берем на себя обязательства сходу создать безукоризненную теорию, подкупающую своей простотой. Мы принимаем ее сложности, пока они кажутся адекватными наблюдению, и не отказываемся от надежды, что именно благодаря им мы придем к окончательному пониманию истинного положения вещей, простому самому по себе, но отвечающему сложностям реальности.

Среди дериватов *бсз* импульсов влечений описанного характера есть такие, которые объединяют в себе противоположные определения. С одной стороны, они высокоорганизованны, непротиворечивы, обладают всеми свойствами системы *Сз*, и едва ли мы смогли бы отличить их от образований этой системы. С другой стороны, они бессознательны и не способны осознаваться. То есть качественно они относятся к системе *Псз*, но фактически — к *Бсз*. Их происхождение остается решающим фактором в определении их судьбы. Их нужно сравнить с помесями

---

[1] [См. «Вытеснение» (1915*d*), с. 118 выше.]

человеческих рас, которые в общем и целом уже похожи на белых, но их цветное происхождение выдает та или иная бросающаяся в глаза черта, и поэтому они остаются исключенными из общества и не пользуются ни одной из привилегий белых. Таковы по своему характеру фантазии нормальных людей и невротиков, которые мы выявили в качестве предварительной ступени образования снов и симптомов и которые, несмотря на свою высокую организацию, остаются вытесненными и как таковые осознаваться не могут[1]. Они близко подступают к сознанию, не встречают помех, пока не обладают интенсивным катексисом, но отбрасываются, как только их катексис превышает определенный уровень. Точно такими же более высокоорганизованными дериватами *Бсз* являются замещающие образования, которым, однако, удается прорваться в сознание благодаря благоприятным условиям, например, благодаря совпадению по времени с контркатексисом *Псз*.

Когда в другом месте[2] мы подробнее исследуем условия осознания, часть возникающих здесь проблем окажется для нас разрешимой. Здесь нам представляется полезным противопоставить прежнему рассмотрению, исходящему из *Бсз*, подход, отталкивающийся от сознания. Сознанию противостоит вся сумма психических процессов в качестве сферы предсознательного. Значительная часть этого предсознательного происходит из бессознательного, носит характер его дериватов и подлежит цензуре прежде, чем сможет стать осознанной. Другая часть *Псз* способна стать осознанной без цензуры. Здесь мы вступаем в противоречие с предыдущим предположением. При рассмотрении вытеснения мы были вынуждены поместить цензуру, определяющую осознание, между *Бсз* и *Псз* [см. с. 132]. Теперь у нас напрашивается мысль о наличии цензуры между *Псз* и *Сз*[3]. Но мы сделаем правильно, если не будем видеть в таком осложнении трудности, а предположим, что каждому переходу от одной системы к ближайшей более высокой, то есть каждому шагу

---

[1] [Более подробно этот вопрос рассматривается в примечании, которое Фрейд в 1920 году добавил к разделу 5 третьего из своих «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 129, прим. 2.]

[2] [Вероятно, вновь указание на пропавшую работу о сознании.]

[3] [См. выше, с. 143. Фрейд затронул этот вопрос еще в главе VII, раздел «Е», своего «Толкования сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 582 и с. 585. Более подробно он обсуждает это ниже, на с. 164.]

вперед к более высокой ступени психической организации, соответствует новая цензура. Однако это опровергает гипотезу о непрерывном обновлении записей [см. с. 143–144].

Причину всех этих трудностей следует искать в том, что осознанность, единственное непосредственно данное нам свойство психических процессов, совсем не годится для разделения на системы. [Ср. с. 142 выше.] Помимо того, что сознательное не всегда сознается, а иногда бывает и латентным, наблюдение показало нам, что многое из того, что обладает свойствами системы *Псз.* не осознается, и нам еще предстоит узнать, что осознание ограничено определенными направлениями своего внимания[1]. Таким образом, сознание не находится в простых отношениях ни с системами, ни с вытеснением. Истина в том, что чуждым сознанию остается не только психически вытесненное, но и часть господствующих в нашем Я побуждений, то есть сильнейшая функциональная противоположность вытесненного. По мере того как мы с большим трудом продвигаемся к метапсихологическому пониманию душевной жизни, мы должны на-

---

[1] [Местоимение «своего» относится, скорее всего, к *Псз.* Эта несколько непонятная фраза, наверное, была бы яснее, если бы мы располагали потерянной работой о сознании. Здесь особенно досадно, что существует этот пробел, поскольку можно предположить, что ссылка относится к рассмотрению функции внимания — темы, которая в более поздних работах Фрейда практически не проясняется. В «Толковании сновидений» (1900*a*) есть два или три места, кажущиеся важными в этом отношении: «...что процессы возбуждения в ней [в системе предсознательного] безо всякой задержки могут достигать сознания, если при этом выполнены определенные условия, например... известное распределение той функции, которую следует назвать вниманием» (*Studienausgabe*, т. 2, с. 517). «Осознание связано с привлечением определенной психической функции, внимания» (там же, с. 563). Система *Псз* не только преграждает доступ к сознанию, — она также... распоряжается передачей мобильной катектической энергии, часть которой знакома нам в форме внимания» (там же, с. 582). В отличие от незначительного количества ссылок на эту тему в более поздних сочинениях Фрейда, в «Проекте» 1895 года внимание обсуждается очень подробно и выступает в качестве одной из важнейших действенных сил в душевном аппарате. (Freud, 1950*a*, в частности, первый раздел части III.) Фрейд связывает его здесь (как и в своих «Положениях о двух принципах психического события», 1911*b*, с. 18 выше) с функцией «проверки реальности». См. «Предварительные замечания издателей» к работе «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (с. 189–190 ниже), где разбирается связь внимания с системой *В*.]

учиться эмансипироваться от значения симптома «сознательность»[1].

До тех пор, пока мы к нему привязаны, мы видим, как наши обобщения постоянно нарушаются исключениями. Мы видим, что дериваты *Бсз*[2] осознаются в виде замещающих образований и симптомов, как правило, после больших искажений в сравнении с бессознательным, но зачастую сохраняя многие свойства, требующие вытеснения. Мы обнаруживаем, что многие предсознательные образования остаются бессознательными, хотя, как нам кажется, по своей природе они вполне могут осознаваться. Вероятно, на них сказывается более сильное притяжение со стороны *Бсз*. Мы ориентированы на то, чтобы искать более значимое различие не между сознательным и предсознательным, а между предсознательным и бессознательным. *Бсз* отвергается цензурой на границе с *Псз*, но его дериваты могут обойти эту цензуру, добиться высокой организации, дорасти в *Псз* до определенной интенсивности катексиса, но затем, когда они превышают этот уровень и хотят проникнуть в сознание, они распознаются как дериваты *Бсз* и снова подвергаются вытеснению на новой цензурной границе между *Псз* и *Сз*. Таким образом, первая цензура действует против самого *Бсз*, а последняя против его *псз* дериватов. Можно было бы подумать, что в ходе индивидуального развития цензура немного выдвинулась вперед.

В ходе психоаналитического лечения мы приводим неопровержимое доказательство существования второй цензуры, расположенной между системами *Псз* и *Сз*. Мы требуем от больного образовывать множество дериватов *Бсз*, обязываем его преодолевать возражения цензуры против осознания этих предсознательных образований и благодаря победе над этой цензурой прокладываем себе путь к устранению вытеснения, которое представляет собой продукт прежней цензуры. Добавим еще

---

[1] [Обсуждаемая в этом абзаце сложность еще энергичнее подчеркивается Фрейдом в конце главы I работы «Я и Оно» (1923*b*); затем в следующей главе этой работы он представляет новую структурную модель психики, в значительной мере облегчившую ему описание ее функционирования. (Ср. с. 286–287 ниже.)]

[2] [Во всех прежних немецких изданиях здесь стоит «*Псз*». Как подтвердилось при сравнении с оригинальной рукописью, речь идет об опечатке — следует читать «*Бсз*».]

замечание, что существование цензуры между *Псз* и *Сз* напоминает нам, что осознание является не просто актом восприятия, а, вероятно, также *гиперкатексисом* [ср. ниже с. 173], еще одним шагом вперед в развитии психической организации.

Обратимся теперь к вопросу о сообщении *Бсз* с другими системами — не столько ради того, чтобы установить нечто новое, сколько ради того, чтобы не пропустить самого очевидного. У истоков деятельности влечений системы сообщаются между собой самым активным образом. Часть возникших здесь процессов проходит через *Бсз*, словно через подготовительную ступень, и достигает наивысшего психического развития в *Сз*, другая часть задерживается в качестве *Бсз*. Но *Бсз* затрагивают также переживания, исходящие из внешнего восприятия. В норме все пути от восприятия к *Бсз* остаются свободными; и только пути, ведущие дальше от *Бсз*, подлежат заграждению посредством вытеснения.

Весьма примечательно, что *Бсз* одного человека может в обход *Сз* влиять на *Бсз* другого. Этот факт заслуживает более детального исследования, особенно в направлении того, можно ли при этом исключить предсознательную деятельность, но в качестве описания он неоспорим[1].

Содержание системы *Псз* (или *Сз*) частично происходит из жизни влечений (благодаря содействию *Бсз*), частично — из восприятия. Неясно, в какой степени процессы этой системы могут оказывать непосредственное воздействие на *Бсз*; изучение патологических случаев зачастую выявляет почти невероятную самостоятельность *Бсз* и его неподверженность посторонним влияниям. Полное расхождение стремлений, абсолютный распад обеих систем — это вообще характеристика болезненного состояния. Однако психоаналитическое лечение построено на влиянии на *Бсз* через *Сз*, и во всяком случае оно показывает, что оказать такое влияние, хотя и с трудом, все-таки можно. Как мы уже упоминали [с. 163–164], дериваты *Бсз*, служащие посредниками между двумя системами, прокладывают путь к достижению этого результата. Но мы вполне можем предположить, что спонтанно происходящее изменение *Бсз* под влиянием *Сз* — трудный и медленно протекающий процесс.

---

[1] [Ср. для примера «Предрасположение к неврозу навязчивых состояний» (1913*i*). *Studienausgabe*, т. 7, с. 111–112.]

Кооперация между предсознательным и бессознательным, даже интенсивно вытесняемым импульсом, может произойти, если возникнет такая ситуация, что бессознательный импульс может в одинаковом направлении взаимодействовать с одним из господствующих стремлений. В этом случае вытеснение устраняется, а вытесненная активность допускается как подкрепление преднамеренной активности Я. Для этой констелляции бессознательное становится сообразным Я, не меняя ничего другого в своем вытеснении. При такой кооперации успех *Бсз* очевиден: и все же усилившиеся стремления ведут себя иначе, чем обычные, они позволяют достичь особенно совершенных результатов и оказывают такое же противодействие возражениям, как, например, симптомы невроза навязчивых состояний.

Содержание *Бсз* можно сравнить с психическими аборигенами. Если у человека есть унаследованные психические образования, нечто аналогичное инстинкту животных, то это составляет ядро *Бсз*[1]. Позднее к нему добавляется то, что было устранено в ходе детского развития как неприемлемое и что по своей природе не должно отличаться от унаследованного. Резкое и окончательное разделение содержания обеих систем, как правило, происходит только с наступлением пубертата.

---

[1] [Вопрос о наследственности психических образований Фрейд обсуждал несколько позже в 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. 1, с. 361–362, а также при анализе случая «Вольфсманна» (1918*b*). *Studienausgabe*, т. 8, с. 209–210.]

VII
РАСПОЗНАВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о *Бсз*, пока черпаешь материал только из сведений о жизни во сне и неврозах переноса. Разумеется, это немного; из-за этого порой возникает ощущение неясности и запутанности и, главное, нет возможности соотнести *Бсз* с уже известной взаимосвязью или включить это *Бсз* в нее. И только анализ заболеваний, которые мы называем нарциссическими психоневрозами, обещает дать нам понимание, благодаря которому загадочное *Бсз* станет для нас более близким, так сказать, осязаемым.

С тех пор как появилась работа Абрахама (1908), повод к которой, по мнению добросовестного автора, дал я, мы пытаемся охарактеризовать *dementia praecox* по Крепелину (шизофрению по Блейлеру) ее отношением к противоположности между Я и объектом. При неврозах переноса (истерии страха и конверсионной истерии, неврозе навязчивых состояний) не было ничего такого, что бы выдвинуло эту противоположность на передний план. Хотя было известно, что недоступность объекта ведет к возникновению невроза и что невроз влечет за собой отказ от реального объекта, а также что изъятое у реального объекта либидо возвращается к воображаемому объекту, а оттуда к вытесненному (интроверсия)[1]. Однако объектный катексис как таковой удерживается в этих случаях с большой энергией, а более тонкое исследование процесса вытеснения заставило нас предположить, что объектный катексис в системе *Бсз* продолжает существовать, несмотря на вытеснение, точнее, вследствие вытеснения. [Ср. с. 119.] Ведь способность к переносу, которую мы в терапевтических целях используем при этих заболеваниях, предполагает сохранение объектного катексиса.

И наоборот, по поводу шизофрении у нас возникло предположение, что после процесса вытеснения изъятое либидо не ищет новый объект, а отступает в Я, что, стало быть, объектные катексисы здесь исчезают и восстанавливается примитивное безобъектное состояние нарцизма. Неспособность этих больных к

---

[1] [Этот процесс описывается, в частности, в разделе а) работы Фрейда «О типах невротического заболевания» (1912*c*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 219–221.]

переносу — в зависимости от того, насколько распространен болезненный процесс, — вытекающая из этого их недоступность для терапии, присущее им отвержение внешнего мира, появление признаков гиперкатексиса собственного Я, уход в полную апатию — все эти клинические особенности, по-видимому, целиком согласуются с гипотезой об исчезновении объектных катексисов. Что касается отношений между двумя психическими системами, то внимание всех наблюдателей привлекло к себе то обстоятельство, что при шизофрении сознательно выражается многое из того, что при неврозах переноса нам еще только нужно выявить в *Бсз* при помощи психоанализа. Однако первое время не удавалось установить понятную связь между отношением Я с объектом и соотношениями в сознании.

Искомая связь, похоже, выявляется следующим непредвиденным способом. При шизофрении, особенно на столь поучительных начальных стадиях, наблюдаются многочисленные изменения *речи*, причем некоторые из них заслуживают того, чтобы рассмотреть их с определенной точки зрения. Форма выражения часто оказывается предметом особой заботы, становится «изысканной», «напыщенной». Построение фраз подвергается особой дезорганизации, в результате чего они становятся для нас непонятными, и мы считаем высказывания больных бессмысленными. В содержании этих высказываний на передний план часто выдвигается отношение к органам тела или телесным иннервациям. К этому можно добавить, что в симптомах шизофрении, похожих на замещающие образования при истерии или при неврозе навязчивых состояний, отношения между заменой и вытесненным все же обнаруживают особенности, которые показались бы нам странными при обоих упомянутых неврозах.

Доктор В. Тауск (Вена) предоставил в мое распоряжение некоторые свои наблюдения при начинающейся шизофрении, которые отличаются тем преимуществом, что больная пока еще сама желала дать объяснение своим речам[1]. На двух его примерах я покажу, какую точку зрения намереваюсь отстаивать; впрочем, я не сомневаюсь в том, что любому наблюдателю не составило бы труда привести такой материал в большом количестве.

---

[1] [Работа, в которой также обсуждается эта пациентка, была опубликована Тауском (1919) позднее.]

Одна из больных Тауска, девушка, попавшая в клинику после ссоры со своим возлюбленным, жалуется:

Глаза неправильные, они закатаны. Она сама это объясняет, в связной речи выдвигая ряд упреков в адрес возлюбленного. «Она совсем не может понять его, он каждый раз выглядит по-другому, он лицемер, *закатывает глаза*, он закатил ей глаза, теперь у нее закатившиеся глаза, это уже не ее глаза, она теперь смотрит на мир другими глазами».

Высказывания больной по поводу своей непонятной речи имеют ценность анализа, поскольку содержат ее эквивалент в общепонятных выражениях; в то же время они разъясняют значение и происхождение шизофренического словообразования. Соглашаясь с Тауском, я подчеркиваю в этом примере то, что отношение к органу (глазу) выступило как замена всего содержания [ее мыслей]. Шизофреническая речь имеет здесь ипохондрическую черту, она стала *языком органа*[1].

Другое сообщение той же больной: «Она стоит в церкви, вдруг ее толкают, она *должна встать по-другому, как будто ее кто-то поставил, как будто ее поставили*».

К этому относится анализ нового ряда упреков в адрес возлюбленного, «который вульгарен, который сделал ее, такую утонченную с малолетства, тоже вульгарной. Он сделал ее похожей на себя, заставив ее поверить, что превосходит ее; теперь она стала такой же, как он, потому что думала, что станет лучше, если будет похожа на него. Он притворялся, теперь она такая же, как и он (идентификация!), он ее *подменил*»[2].

Движение «встать по-другому», — замечает Тауск, — это изображение слова «подменить» и идентификации с возлюбленным. Я снова подчеркиваю превалирование того элемента из всего хода мыслей, который имеет своим содержанием телесную иннервацию (точнее, ее ощущение). Впрочем, в первом случае истеричка судорожно закатила бы глаза, во втором — действительно произвела бы толчок, вместо того чтобы почувствовать импульс к этому или ощущение этого, и в обоих случаях у нее не было бы сознательной мысли об этом и впоследствии она была бы не в состоянии эту мысль выразить.

---

[1] [Ср. обсуждение Фрейдом ипохондрии в его работе о нарцизме (1914*c*), с. 53 и далее в этом томе.]

[2] [Непереводимая игра слов: встать, поставить (stellen), притворяться (sich verstellen) и подменить (verstellen). — *Примечание переводчика.*]

В общем и целом эти два наблюдения свидетельствуют в пользу того, что мы назвали ипохондрическим языком или языком органов. Но они напоминают также — и это кажется нам более важным — о другом положении вещей, которое можно подтвердить бесконечным числом примеров, собранных, в частности в монографии Блейлера [1911], и свести к определенной формуле. При шизофрении *слова* подвергаются тому же процессу, который из скрытых мыслей сновидения делает образы сновидения и который был назван нами *первичным психическим процессом*. Они сгущаются и без остатка переносят друг на друга свои катексисы посредством смещения; этот процесс может зайти так далеко, что подходящее благодаря своим многочисленным связям одно-единственное слово заменяет целую цепочку мыслей[1]. Работы Блейлера, Юнга и их учеников содержат богатый материал в поддержку этого утверждения[2].

Прежде чем сделать вывод из таких впечатлений, упомянем еще одно тонкое, но кажущееся странным различие между замещающими образованиями при шизофрении, с одной стороны, и при истерии и неврозе навязчивых состояний — с другой. Пациент, которого я в настоящее время наблюдаю, из-за плохого состояния кожи лица оказался лишен всех жизненных интересов. Он утверждает, что на лице у него угри и глубокие дыры, которые видны каждому. Анализ доказывает, что на своей коже он проигрывает комплекс кастрации. Сначала он без сожаления занимался своими угрями, выдавливание которых доставляло ему большое удовлетворение, потому что, как он говорит, при этом из них что-то брызгало. Затем он начал считать, что везде, где он удалял угри, возникала глубокая ямка, и он нещадно бранил себя за то, что из-за этой «постоянной возни с рукой» навсегда загубил свою кожу. Очевидно, что выдавливание содержимого угрей является для него заменой онанизма. Ямка, возникающая после этого по его вине, — это женские гениталии, то есть ис-

---

[1] [«Толкование сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 565.]

[2] Иногда работа сновидения обращается со словами как с вещами и тогда создает очень сходные «шизофренические» речи или словесные новообразования. [См. «Толкование сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 297 и далее. В «Метапсихологическом дополнении к теории сновидений», с. 198–199 ниже, Фрейд, напротив, проводит различие между процессами сновидения и процессами при шизофрении.]

полнение спровоцированной онанизмом угрозы кастрации (или замещающей ее фантазии). Это замещающее образование, несмотря на свой ипохондрический характер, имеет много общего с истерической конверсией. И все же возникает чувство, что здесь, должно быть, происходит нечто другое, что на такое замещающее образование истерия не способна, причем еще до того, как появляется возможность сказать, на чем это различие основано. Крохотную ямку, такую, как кожная пора, истерик едва ли превратит в символ вагины, которую он обычно сравнивает со всевозможными предметами, содержащими полость. Мы также считаем, что множество ямок будет удерживать его от того, чтобы использовать их как замену женских гениталий. То же самое относится к одному юному пациенту, о котором Тауск несколько лет назад сообщал в Венском психоаналитическом обществе. Обычно этот пациент вел себя в точности как человек, страдающий неврозом навязчивых состояний, часами совершал свой туалет и т.п. Но обращало на себя внимание то, что он безо всякого сопротивления мог рассказывать о значении своих затруднений. Когда, например, он надевал чулки, ему мешала идея, что он может растянуть петли ткани, то есть отверстия, а каждое отверстие было для него символом женского полового отверстия. Такого также нельзя предполагать у невротика, страдающего навязчивостями. Такой больной (которого наблюдал Р. Райтлер), страдавший такими же затруднениями при надевании чулок, после преодоления сопротивлений нашел следующее объяснение: нога — это символ пениса, а натягивание чулка — акт онанизма, и он был вынужден постоянно надевать и снимать чулок отчасти для того, чтобы усовершенствовать картину онанизма, отчасти, чтобы ее аннулировать.

Если задать вопрос, что придает странный характер шизофреническому замещающему образованию и симптому, то в конце концов мы поймем: это преобладание словесных отношений над предметными. Между выдавливанием угря и эякуляцией из пениса существует весьма незначительное предметное сходство, и еще меньшее — между многочисленными мелкими порами кожи и вагиной; но в первом случае оба раза что-то выбрызгивается, а ко второму случаю буквально относится циничная фраза: «Дырка есть дырка». Сходство словесного выражения, а не сходство обозначаемых вещей продиктовало замену. Там, где они — слово и вещь — не совпадают, шизофреническое замещающее образование отличается от такового при неврозах переноса.

Сопоставим этот выявленный факт с гипотезой, что при шизофрении объектные катексисы исчезают. В таком случае мы должны модифицировать формулировку: катексис словесных представлений объектов сохраняется. То, что мы можем назвать сознательным объектным представлением, теперь распадается для нас на *словесное представление* и *предметное представление*[1], которое состоит в катексисе, если не непосредственных образов воспоминания о предметах, то, по меньшей мере, отдаленных и произошедших от них следов воспоминаний. Теперь нам сразу становится ясным, чем сознательное представление отличается от бессознательного [см. с. 146]. И то, и другое не являются, как мы полагали, разными записями одного и того же содержания в разных психических местах или разными функциональными состояниями катексиса в том же самом месте — сознательное представление включает в себя предметное представление плюс соответствующее словесное представление, а бессознательное представление состоит только из предметного. Система *Бсз* содержит предметные катексисы объектов, первые и настоящие объектные катексисы; система *Псз* возникает, когда это предметное представление гиперкатектируется благодаря связи с соответствующими ему словесными представлениями. Именно такие гиперкатексисы, как мы можем предположить, приводят к появлению более высокой психической организации и содействуют замене первичного процесса господствующим в *Псз* вторичным процессом. Мы также можем теперь точно сказать, в чем именно отказывает вытеснение при неврозах переноса отвергнутому представлению [см. с. 163]: в переводе в слова, которые должны оставаться связанными с объектом. В таком случае необлеченное в слова представление или негиперкатектированный психический акт остается в *Бсз* в виде вытесненного.

---

[1] [В «Печали и меланхолии» (ниже, с. 223) Фрейд для выражения «предметное представление» употребляет синоним «вещественное представление»; этот термин он использовал еще раньше, а именно в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 297, а также в своей книге об остроумии (1905*c*), *Studienausgabe*, т. 4, с. 113. — Таким образом, он уже «в духе» проводил различие между «словесными представлениями» и «предметными», когда писал эти более ранние сочинения; это различение, несомненно, можно датировать исследованиями афазии, проведенными Фрейдом. В своей монографии на эту тему (1891*b*) он детально останавливается на этом, но использует несколько иную терминологию. Важный пассаж из этой работы приведен в приложении В (с. 180 и далее в этом томе).]

Я должен обратить внимание на то, как давно мы уже обладали знанием, благодаря которому нам сегодня становится понятной одна из самых удивительных особенностей шизофрении. На последних страницах опубликованного в 1900 году «Толкования сновидений» отмечается, что мыслительные процессы, то есть более отдаленные от восприятия акты катексиса, сами по себе не обладают качеством , являются бессознательными и приобретают способность стать осознанными только благодаря связи с остатками словесных восприятий[1]. В свою очередь словесные представления происходят от чувственных восприятий точно так же, как и предметные представления, поэтому возникает вопрос, почему объектные представления не могут осознаваться благодаря их собственным остаткам восприятия. Но, вероятно, процесс мышления осуществляется в таких системах, которые настолько удалены от изначальных остатков восприятия, что в них больше ничего не остается от их качеств и для осознания требуется усиление новыми качествами. Кроме того, благодаря связи со словами могут наделяться качеством также такие катексисы, которые от самих восприятий никакого качества получить не могли, потому что они просто соответствуют отношениям между объектными представлениями. Такие отношения, ставшие понятными только благодаря словам, являются главной составляющей наших мыслительных процессов. Мы понимаем, что связь со словесными представлениями еще не совпадает с осознанием, а лишь создает возможность для этого, то есть, что она характеризует только одну систему — систему *Пс* *з*[2]. Однако тут мы замечаем, что этими рассуждениями мы уходим от нашей непосредственной темы и попадаем в самую гущу проблем предсознательного и бессознательного, которые мы считаем целесообразным отложить до отдельного обсуждения[3].

---

[1] [«Толкование сновидений» (1900*а*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 584–585. См. там же, с. 547. На самом деле Фрейд изложил эту гипотезу еще раньше, а именно в своем (хотя и неопубликованном) «Проекте» 1895 года (1950*a*, примерно в начале первого раздела части III). Он также упоминает ее в своей работе «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*), см. выше с. 20.]

[2] [Фрейд снова обратился к этой теме в начале главы II работы «Я и Оно» (1923*b*), см. ниже с. 309.]

[3] [Вероятно, это снова является указанием на неопубликованную работу о сознании. См., однако, с. 200–201 ниже.]

В случае шизофрении, которой мы здесь касаемся лишь в той мере, в какой нам это кажется необходимым для общего распознавания *Бсз*, нам приходится усомниться в том, имеет ли вообще процесс, названный здесь вытеснением, что-нибудь общее с вытеснением при неврозах переноса. Формулировка, что вытеснение — это процесс, происходящий между системами *Бсз* и *Псз* (или *Сз*), результатом которого является отдаление от сознания [с. 116], несомненно, нуждается в корректировке, чтобы можно было включить в нее случай dementia praecox и других нарциссических заболеваний. Однако попытка к бегству Я, выражающаяся в изъятии сознательного катексиса, в качестве общего признака [двух этих классов неврозов] все-таки остается. Насколько основательнее и радикальнее совершается эта попытка к бегству, это бегство Я при нарциссических неврозах, становится ясным даже из самого поверхностного рассуждения.

Если при шизофрении это бегство состоит в изъятии катексиса влечений из мест, которые репрезентируют *бессознательное* объектное представление, то, пожалуй, покажется странным, что часть этого же объектного представления, относящаяся к системе *Псз* (соответствующие ему словесные представления), должна подвергнуться гораздо более интенсивному катексису. Скорее можно было бы ожидать, что словесное представление как предсознательный компонент должно выдержать первый удар вытеснения и что оно становится абсолютно недоступным катексису после того, как вытеснение продолжалось вплоть до бессознательных предметных представлений. Однако понять это сложно. Получается, что катексис словесного представления к акту вытеснения не относится, а представляет собой первую из попыток исцеления или выздоровления, которые столь явно преобладают в клинической картине шизофрении[1]. Эти усилия направлены на то, чтобы обрести заново потерянные объекты, и вполне возможно, что с этой целью больной прокладывает путь к объекту через его словесную часть, но при этом он вынужден довольствоваться словами вместо предметов. Ведь наша душевная деятельность как таковая осуществляется в двух противоположных направлениях: либо от влечений через систему *Бсз*

---

[1] [См. часть III проведенного Фрейдом анализа Шребера (1911*с*), *Studienausgabe*, т. 7, в частности, с. 193–194 и 198. Еще одна попытка шизофренического восстановления обсуждается ниже, на с. 186.]

к сознательной мыслительной работе, либо под воздействием извне через систему *Сз* и *Псз* — к бессознательным катексисам Я и объектов. Этот второй путь, несмотря на произошедшее вытеснение, должно быть, остается проходимым и отчасти открыт для попыток невроза вновь обрести объекты. Когда мы мыслим абстрактно, нам угрожает опасность упустить из виду отношения между словами и бессознательными предметными представлениями, и нельзя отрицать, что тогда наше философствование приобретает по содержанию и форме выражения нежелательное сходство с методом работы больных шизофренией[1]. С другой стороны, можно попытаться охарактеризовать образ мышления шизофреников: они обходятся с конкретными вещами так, словно они абстрактные.

Если мы действительно распознали *Бсз* и верно определили отличие бессознательного представления от предсознательного, то наши исследования должны привести нас из многочисленных других мест к такому пониманию.

---

[1] [Эту точку зрения Фрейд изложил еще в конце второго эссе в книге «Тотем и табу» (1912–1913), *Studienausgabe*, т. 9, с. 363.]

ПРИЛОЖЕНИЕ А
ФРЕЙД И ЭВАЛЬД ГЕРИНГ

[К числу преподавателей, работы которых Фрейд изучал в студенческие годы, принадлежал также физиолог Эвальд Геринг (1834–1918), который, как мы узнаем от Джонса (1960, 265), однажды предложил молодому человеку место ассистента в Праге; вероятно, это было примерно в 1882 году, когда Фрейд еще работал в Физиологическом институте у Брюкке; Геринг приехал в Прагу в 1870 году в качестве ординарного профессора. Примечание, написанное Фрейдом примерно пятьдесят лет спустя, на которое обратил внимание Эрнст Крис (1956), пожалуй, указывает на то, что Геринг оказал некоторое влияние на представления Фрейда о бессознательном. (Ср. выше, с. 132.) В 1880 году Сэмюель Батлер опубликовал книгу под названием «Бессознательная память» и включил в нее перевод доклада, прочитанного Герингом в 1880 году, под названием «О памяти как общей функции организованной материи», с содержанием которого Батлер был в основном согласен. Затем в 1923 году в Англии вышла книга Израэля Ливайна, озаглавленная «Бессознательное»; в 1926 году появился немецкий перевод этой работы, сделанный Анной Фрейд. Однако раздел, написанный Сэмюелем Батлером (часть I, § 13), Фрейд перевел сам. Хотя автор, Ливайн, упоминает доклад Геринга, он все же уделяет больше внимания идеям Батлера, а не Геринга, и здесь (с. 34–35 немецкого перевода) Фрейд добавил следующее примечание:]

«Немецкий читатель, которому вышеупомянутый доклад Геринга известен как творение великого мастера, разумеется, далек от того, чтобы выдвигать на передний план рассуждения Батлера. Между тем у Геринга можно найти меткие замечания, которые признают за физиологией право принятия бессознательной душевной деятельности: "Кто мог бы после этого надеяться, что сумеет распутать тысячекратные переплетения в ткани нашей внутренней жизни, если они происходят только в сознании? — [...] Такие цепочки бессознательных материальных нервных процессов, к которым в конечном счете добавляется звено, сопровождаемое сознательным восприятием, назвали рядами представлений и бессознательными умозаключениями, и с точки зрения физиологии это тоже можно обосновать. Ибо психология довольно часто упускала из виду душу, если не желала фиксироваться на ее бессознательных состояниях"» [Hering, 1870, 11 и 13.][1].

---

[1] [В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g) еще одна ссылка на Эвальда Геринга свидетельствует о том, что его представления повлияли также на теорию Фрейда о дуалистическом разделении влечений. См. ниже, с. 275–276.]

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
ПСИХОФИЗИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ

[Выше (с. 132) уже отмечалось, что на ранние представления Фрейда об отношениях между психикой и нервной системой значительное влияние оказал своими идеями Хьюлингс Джексон. Особенно это проявляется в следующем пассаже, взятом из его монографии об афазиях (1891*b*, 56–58). Интересно также сравнить последние тезисы на тему латентных воспоминаний с более поздней позицией Фрейда.]

После этого отступления возвратимся к пониманию афазии и вспомним о том, что на основе теории Мейнерта возникло предположение, согласно которому речевой аппарат состоит из различных корковых центров, в клетках которых содержатся словесные представления, и эти центры разделяются не имеющей функции корковой областью и соединяются белыми волокнами (ассоциативным пучком). Теперь вначале можно задать вопрос, корректна и допустима ли вообще гипотеза подобного рода, которая отсылает представления в клетки. Думаю, нет.

В отличие от стремления прежних медицинских эпох локализовать в определенных участках мозга все душевные способности подобно тому, как они разграничиваются в лексиконе психологии, должно было показаться большим шагом вперед, когда Вернике заявил, что можно локализовать только самые простые психические элементы, отдельные чувственные представления, а именно в центральном окончании периферических нервов, которое восприняло впечатления. Но не совершают ли, в сущности, ту же самую принципиальную ошибку, когда пытаются теперь локализовать сложное понятие, всю душевную деятельность или один психический элемент? Правомерно ли погружать нервное волокно, которое на всем своем протяжении представляло собой всего лишь физиологическое образование и подвергалось физиологическим модификациям, одним его концом в психическое, а этот конец наделять представлением или образом воспоминания? Если «воля», «интеллект» и т.п. признаны искусственно образованными психологическими понятиями, которым в физиологическом мире соответствуют очень сложные отношения, то разве известно с большей определенностью о «простом чувственном представлении», что оно есть нечто иное, чем такое искусственно образованное понятие?

Вероятно, цепочка физиологических процессов в нервной системе не находится в отношениях каузальности с психическими процессами. Физиологические процессы не прекращаются, как только начались психические; напротив, физиологическая цепочка продолжается, разве что каждое ее звено (или отдельные звенья) с какого-то опреде-

ленного момента соответствует психическому феномену. Тем самым, психическое выступает как параллельный процесс физиологического («a dependent concomitant»)[1].

Мне прекрасно известно, что ученых, взгляды которых я здесь оспариваю, нельзя подозревать в том, что, не имея на то оснований, они пошли бы на такое изменение научного подхода[2]. Очевидно, они имели в виду только следующее: видоизменение нервных волокон — относящееся к физиологии — при чувственном возбуждении создает другое видоизменение в центральных нервных клетках, которое теперь становится физиологическим коррелятом «представления». Поскольку они могут сказать о представлении гораздо больше, чем о неизвестных видоизменениях, которые пока еще не удалось охарактеризовать физиологически, они пользуются эллиптическим выражением: в нервной клетке локализовано представление. Однако это сразу же приводит к смешению двух вещей, у которых нет между собой никакого сходства. В психологии простое представление является для нас чем-то элементарным; мы можем четко отделить его от его соединений с другими представлениями. Таким образом, мы приходим к предположению, что и его психологический коррелят, видоизменение, которое исходит от возбужденных, оканчивающихся в центре нервных волокон, является чем-то простым, и его можно локализовать в определенном пункте. Разумеется, такой перенос не совсем оправдан; свойства этого видоизменения должны определяться сами по себе и независимо от его психологического коррелята [3].

Что же является физиологическим коррелятом простого или повторяющегося представления? Очевидно, отнюдь не нечто неподвиж-

---

[1] [«Зависимое сопутствующее обстоятельство» (*англ.*). — Это выражение принадлежит Хьюлингсу Джексону.]

[2] [То есть перешли от физиологического способа рассмотрения к психологическому.]

[3] Хьюлингс Джексон строго-настрого предостерегал от такого смешения физического с психическим в речевом процессе: *«In all our studies of diseases of the nervous system we must be on our guard against the fallacy, that what are physical states in lower centres fine away into psychical states in higher centres; that for example, vibrations of sensory nerves become sensations, or that somehow or another an idea produces a movement»* (1878, 306). [«Во всех наших исследованиях заболеваний нервной системы мы должны остерегаться ошибки — полагать, что физические состояния в низших центрах утончаются, переходя в психические состояния в высших центрах; что, например, колебания чувствительных нервов *становятся* ощущениями или что тем или иным образом идея порождает движение».]

ное, а что-то. носящее характер процесса. У этого процесса есть локализация, он исходит из особого места коры головного мозга и оттуда распространяется по всей коре или вдоль особых путей. Если этот процесс произошел, то в пораженной им коре головного мозга он оставляет после себя видоизменение, возможность воспоминания. Весьма сомнительно, чтобы это видоизменение точно так же соответствовало чему-то психическому; наше сознание не обнаруживает ничего такого, что с психической стороны могло бы оправдать название «латентный образ воспоминания». Но всякий раз, когда опять создается то же самое состояние коры, в виде образа воспоминания вновь возникает психическое…

ПРИЛОЖЕНИЕ В
СЛОВО И ПРЕДМЕТ

[Создается впечатление, что заключительный раздел статьи Фрейда «Бессознательное» имеет свои корни в ранней монографии об афазиях (1891b). Поэтому здесь, наверное, будет интересно представить отрывок из той работы, который, хотя и не прост для понимания, может все же пролить свет на гипотезы, лежащие в основе некоторых более поздних представлений Фрейда. Кроме того, данный отрывок интересен еще и тем, что Фрейд совершенно непривычно для нас предстает в нем ученым, говорящим профессиональным языком «академической» психологии конца XIX столетия. Процитированному здесь фрагменту предшествует целый ряд отрицающих и подтверждающих анатомических и физиологических аргументов, в конечном счете приведших Фрейда к той гипотетической схеме неврологических функций, которую он затем описывает как «речевой аппарат». Однако следует отметить, что между используемой здесь терминологией и словоупотреблением в статье «Бессознательное» существует важное и, пожалуй, сбивающее с толку различие. То, что он здесь называет «объектным представлением», в работе «Бессознательное» называется «предметным представлением»; и наоборот, под тем, что в «Бессознательном» обозначается термином «объектное представление», понимается комплекс, состоящий из «предметного представления» и «словесного представления». В процитированном далее отрывке этот комплекс пока еще названия не имеет. В оригинальном немецком издании приведенный фрагмент находится на с. 74–81.]

Теперь мы хотим посмотреть, какие гипотезы потребуются нам для объяснения нарушений речи на основе такого строения речевого аппарата, другими словами, что дает нам изучение нарушений речи для понимания функции этого аппарата. При этом мы хотим по возможности отделить друг от друга психологическую и анатомическую стороны предмета.

В психологии единицей речевой функции является «слово», комплексное представление, состоящее из акустических, зрительных и кинестетических элементов. Знанием об этом составе мы обязаны патологии, которая показывает нам, что при органических поражениях в речевом аппарате происходит распад речи на эти составляющие. Таким образом, мы готовы к тому, что выпадение одного из этих элементов словесного представления окажется важнейшим признаком, который позволит нам сделать вывод о локализации заболевания. Обычно приводят

четыре компонента словесного представления: «звуковой образ», «зрительный образ букв», «образ речевой моторики» и «образ движений при письме». Однако этот состав окажется еще более сложным, если рассмотреть вероятный ассоциативный процесс при осуществлении отдельных речевых функций.

(1) Мы учимся говорить, ассоциируя *«образ звучания слова»* с *«чувством словесной иннервации»*. Сказав слово, мы приобрели *«представление о речевой моторике»* (центростремительные ощущения от органов речи), а потому в смысле моторики «слово» определено для нас двояким образом. Из двух определяющих элементов, первый — представление о словесной иннервации — в психологическом отношении, по-видимому, имеет самое ничтожное значение, более того, мы вообще можем оспорить его наличие как психического фактора. Кроме того, после произнесения слова мы получаем его «звуковой образ». До тех пор, пока наша речь не особенно развита, этот второй звуковой образ нужен первому лишь ассоциативно и ему не подобен[1]. На этой ступени (речевого развития ребенка) мы пользуемся самостоятельно созданным языком, при этом мы ведем себя, как люди, страдающие моторной афазией, ассоциируя различные незнакомые звучания слов с одним-единственным словом, созданным самостоятельно.

(2) Мы учимся языку других людей, стараясь по возможности уподобить продуцированный нами самими звуковой образ тому, что дало повод к речевой иннервации. Так мы учимся *«повторять за другими»*. Затем при *«взаимосвязанной речи»* мы упорядочиваем слова, благодаря иннервации ожидая следующего слова до тех пор, пока звуковой образ или представление о речевой моторике (или то и другое) не достигнет предыдущего слова. Поэтому надежность нашей речи кажется сверхдетерминированной, и мы можем легко переносить выпадение того или иного определяющего момента. Между тем таким отсутствием корректировки со стороны второго звукового образа и образа речевой моторики объясняются некоторые особенности — физиологической и патологической — парафазии.

(3) Мы учимся *читать по складам*, соединяя зрительные образы букв с новыми звуковыми образами, которые между тем

---

[1] [Второй звуковой образ — это образ слова, которое мы произносим сами: первый (упомянутый в начале абзаца) звуковой образ — это образ слова, которому мы подражаем.]

должны нам напоминать об уже известных звучаниях слов. Звуковой образ, обозначаемый буквами, мы сразу же произносим, так что буква опять-таки, по-видимому, определяется двумя звуковыми образами, которые совпадают, и двумя моторными представлениями, соответствующими друг другу.

(4) Мы учимся *читать*, по определенным правилам соединяя последовательность представлений о словесных иннервациях и о речевой моторике, которые мы получаем при произнесении отдельных букв, в результате чего возникают новые моторные словесные представления. После того как последние были произнесены, благодаря образу звучания этих новых словесных представлений мы обнаруживаем, что оба образа речевой моторики и звучания слова, полученные нами таким способом, нам давно известны и идентичны образам, которые использовались при произнесении. Мы ассоциируем эти речевые образы, полученные при чтении по складам, со значением, которое придавалось первичным звучаниям слова. Теперь мы читаем с пониманием. Если первоначально мы говорили не на литературном языке, а на диалекте, то теперь мы должны сверхассоциировать образы речевой моторики и образы звучания, полученные при чтении по складам, со старыми; тем самым мы обучаемся новому языку, что облегчается сходством диалекта и письменной речи.

Из этого описания обучения чтению видно, что оно представляет собой сложный процесс, которому должно соответствовать повторяющееся колебание ассоциативного направления. Далее, мы готовы к тому, что нарушения чтения при афазии должны возникать самым разным способом. Определяющим для выпадения зрительного элемента при чтении будет просто *нарушение чтения букв*. Составление букв в слово происходит при переносе на речевой путь, следовательно, при моторной афазии оно будет отсутствовать. Понимание прочитанного происходит только посредством звуковых образов, полученных при произнесении слов, или посредством образов речевой моторики, возникших при говорении. Следовательно, это оказывается такой функцией, которая выпадает не только при моторной, но и при акустической афазии, кроме того, функцией, которая не зависит от чтения. Самонаблюдение показывает каждому, что существует несколько видов чтения, из которых тот или иной не связан с пониманием прочитанного. Если я читаю корректуру и при этом намерен уделить особое внимание зрительным образам букв и другим шрифтовым символам, то смысл прочитанного ускользает от меня настолько, что для стилистических исправлений мне потребуется специально прочесть ее еще раз. Если я читаю книгу, которая меня заинтересовала, например роман, то я не замечу никаких опечаток, и может слу-

читься так, что в моей голове ничего не останется от имен действующих там персонажей, кроме беспорядочной вереницы и воспоминания о том, длинные они или короткие, и что они содержат запоминающиеся буквы *x* или *z*. Если мне нужно читать вслух и при этом уделять особое внимание звуковым образам своих слов и интервалам между ними, то я снова рискую слишком мало заботиться о смысле, и стоит мне устать, как я начинаю читать так, что другой человек, возможно, еще что-то и поймет, но сам я уже не знаю, что прочитал. Это феномены распределенного внимания, которые именно здесь следует рассмотреть, поскольку понимание прочитанного происходит только таким длинным окольным путем. То, что о таком понимании уже не может быть и речи, если сам процесс чтения вызывает трудности, станет ясным по аналогии с нашим поведением при обучении чтению, и мы должны остерегаться считать отсутствие такого понимания признаком прерывания пути. Чтение вслух нельзя считать другим процессом по сравнению с чтением про себя, разве что оно помогает отвлечь внимание от сенсорной части процесса чтения.

(5) Мы учимся *писать*, воспроизводя зрительные образы букв посредством образов иннервации руки, пока не возникают такие же или похожие зрительные образы. Как правило, образы написанного лишь подобны образам прочитанного и сверхассоциированны, поскольку мы читаем типографский шрифт и учимся писать рукописным шрифтом. Письмо оказывается относительно более простым процессом, который не так легко нарушить, как чтение.

(6) Можно предположить, что и в дальнейшем мы осуществляем отдельные речевые функции по тем же ассоциативным путям, по которым мы им обучились. При этом могут совершаться сокращения и замещения, но не всегда легко сказать, каковы они по своей природе. Их значение умаляется еще и тем замечанием, что в случаях органического поражения речевой аппарат, вероятно, в определенной степени повреждается в целом и становится вынужденным вернуться к первоначальным, надежным и более обстоятельным формам ассоциации. При чтении у людей, обладающих соответствующим навыком, несомненно, сказывается влияние «зрительного *образа слова*», и поэтому отдельные слова (имена собственные) могут быть прочитаны также без разбора по буквам.

Итак, слово — это комплексное, состоящее из указанных образов представление, или, выражаясь иначе, слову соответствует сложный ассоциативный процесс, в котором указанные элементы визуального, акустического и кинестетического происхождения вступают в связь друг с другом.

Вместе с тем слово получает свое значение благодаря соединению с «объектным представлением»[1], по крайней мере, если мы ограничим свое рассмотрение существительными. Само объектное представление — это опять-таки ассоциативный комплекс, состоящий из самых разных визуальных, акустических, тактильных, кинестетических и прочих представлений. Кроме того, мы знаем из философии, что объектное представление ничего другого не содержит, что видимость «вещи», о различных «свойствах» которой говорят те чувственные впечатления, возникает только благодаря тому, что при перечислении чувственных впечатлений, которые мы получили от предмета, мы учитываем также возможность наличия целого ряда новых впечатлений в той же самой ассоциативной цепочке (Дж. С. Милль)[2]. Следовательно, объектное представление не кажется нам закрытым, едва ли способным быть закрытым, тогда как словесное представление кажется нам чем-то закрытым, хотя и способным к расширению.

Утверждение, которое мы теперь должны сделать на основании патологии речевых нарушений, сводится к тому, *что словесное представление своим чувствительным концом (посредством звуковых образов) привязано к объектному представлению.* Тем самым мы приходим к тому, чтобы предположить наличие двух классов нарушений речи: (1) афазии первого порядка, *вербальной афазии,* при которой нарушены лишь ассоциации между отдельными элементами словесного представления, и (2) афазии второго порядка, *асимволической афазии,* при которой нарушена ассоциация словесных и объектных представлений.

Я использую название «асимволия» в другом значении, а не в том, которое вошло в употребление после Финкельнбурга[3], поскольку, на мой взгляд, отношение между словесным [представлением] и объектным представлением скорее заслуживает наименования «символический», нежели отношение между объектом и объектным представлением. Нарушения распознавания предметов, которые Финкельнбург объединяет названием «асимволия», я бы предложил называть *«агнозией».* Тогда было бы возможно, что агностические нарушения, которые могут возникать только при двухсторонних обширных поражениях коры головного мозга, влекут за собой также нарушение речи,

---

[1] [«Предметное представление» в статье «Бессознательное» (с. 172 и далее выше).]

[2] J. St. Mill, *Logik* I, глава III, и *An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy* [1865].

[3] По Шпамеру (1876). [Этот термин был введен Финкельнбургом (1871).]

поскольку все стимулы к спонтанной речи происходят из области объектных ассоциаций. Такие нарушения речи я бы назвал *афазиями третьего порядка* или *агностическими афазиями*. Клиника действительно познакомила нас с несколькими случаями, которые требуют такого понимания...

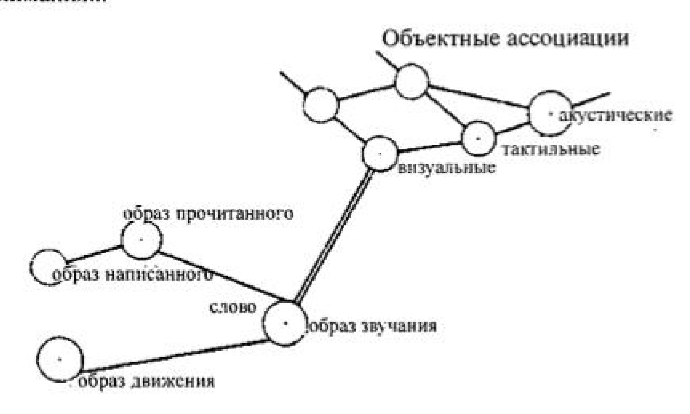

Рис. 1 [Изображение работы афазии]
Психологическая схема словесного представления

Словесное представление проявляется как закрытый комплекс представлений, объектное представление, напротив, как открытое. Словесное представление связано с объектным представлением не всеми своими составными частями, а только звуковым образом. Из объектных ассоциаций только визуальные представляют объект подобно тому, как звуковой образ представляет слово. Связи звукового образа слова с объектными ассоциациями, отличными от визуальных, на рисунке не представлены.

Метапсихологическое дополнение к теории сновидений (1917 [1915])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1917 *Int, Z. ärztl, Psychoanal.*, т. 4 (6), 277–287.
1918 *S. K. S. N.* . т. 4, 339–355. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5. 520–534.
1924 *Technik und Metapsychol.*, 242–256.
1931 *Theoretische Schriften.* 141–156.
1946 *G. W.*, т. 10, 412–426.

Очевидно, эта работа вместе со следующей («Печаль и меланхолия») была написана всего за одиннадцать дней, между 23 апреля и 4 мая 1915 года. Однако опубликована она была только два года спустя. Как следует из названия, речь в ней идет в основном о применении новых теоретических представлений Фрейда к гипотезам, изложенным в главе VII «Толкования сновидений» (1900*a*). Тем не менее статья большей частью состоит из обсуждения воздействия, которое состояние сна оказывает на различные «системы» психики. А это обсуждение в свою очередь сосредоточено главным образом на проблеме галлюцинации и на исследовании вопроса о том, как происходит, что в нормальном состоянии человек способен отличать фантазию от действительности.

Фрейд стал заниматься этой проблемой очень рано. Он уделил ей много внимания в «Проекте» 1895 года (1950*a*, особенно в части I, разделах «Первичный и вторичный процессы в *ψ*» и «Распознавание и репродуцирующее мышление», и в части III, первом разделе). Предложенное там решение во многом похоже на представленное здесь, хотя и изложено другими терминами. Оно включает в себя главным образом две идеи. Фрейд доказывает, что «первичные психические процессы» не делают никакого различия между представлением и восприятием; сначала они должны быть заторможены «вторичными психическими процессами»; со своей стороны они могут вступать в действие только тогда, когда есть «Я», обладающее достаточно большим запасом катексиса, который может предоставить необходимую для торможения энергию. В таком случае цель торможения состоит в выигрыше времени, необходимого для того, чтобы от аппарата восприятия могли поступить «признаки реальности». Но, кроме того, Я наряду с функциями торможения и отсрочки отвечает также за направление «катексисов внимания» (см. выше, с. 163 и прим. 1) во внешний мир, без чего признаки реальности нельзя было бы обнаружить.

В «Толковании сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 539 и далее, а также с. 568 и далее, Фрейд вновь подчеркивает важную функцию торможения и отсрочки для вынесения суждения о том, реально что-либо или нереально, и снова приписывает эту функцию «вторичному процессу», хотя само Я он уже не упоминает. Дальнейшее более подробное обсуждение темы последовало в работе «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*), с. 15 и далее в этом томе, где впервые появляется термин «проверка реальности». Также и здесь снова упоминается отсрочивающий характер процесса, но теперь снова подчеркивается функция внимания. Она описывается как периодическое осматривание внешнего мира и связывается прежде всего с органами чувств и сознанием. В этом состоит последний аспект проблемы — роль систем *В* и *Сз* в данной взаимосвязи, — и он изучается прежде всего в следующей работе.

Но этим интерес Фрейда к данной теме отнюдь не был исчерпан. Так, например, в работе «Психология масс и анализ Я» (1921*c*) он приписал функцию проверки реальности Я-идеалу (*Studienausgabe*, т. 9, с. 107), но вскоре отказался от этого понимания в примечании в начале главы III работы «Я и Оно» (1923*e*), см. ниже, с.317. Только теперь, после тех ранних формулировок в «Проекте» функция проверки реальности окончательно была отнесена к Я. В еще более позднем, особенно интересном обсуждении этой темы в статье «Отрицание» (1925*b*) Фрейд утверждает, что проверка реальности зависит от тесных генетических связей Я с аппаратами чувственного восприятия (ср. с. 401 и далее в этом томе). В той работе (как и в появившейся почти одновременно с ней «Заметке о "чудо-блокноте"», 1925*a*) есть также дальнейшие указания на то, что Я периодически посылает во внешний мир зондирующие катектические количества — очевидно, это несколько иными словами описывает то, что первоначально обозначалось как «внимание». (Ср. ниже с. 395 и 402.) Однако в работе «Отрицание» Фрейд продолжил свой анализ проверки реальности и проследил все ее развитие вплоть до самых ранних объектных отношений индивида. Возрастающий интерес к психологии Я побудил Фрейда в более поздние годы к более точному исследованию отношений Я с внешним миром. В двух небольших статьях (1924*e* и 1924*e*), опубликованных им вскоре после работы «Я и Оно», он рассматривает различие отношения Я к реальности при неврозе и психозе. А в работе «Фетишизм» (1927*e*) он дает первое подробное описание одной из защитных мер Я, «отрицания», которое прежде не было четко отделено от вытеснения и которое описывает реакцию Я на невыносимую внешнюю реальность. (Три вышеупомянутых работы представлены в данном томе.) Наконец, эта тема разрабатывалась в некоторых последних работах Фрейда, в частности в главе VIII опубликованного уже после его смерти исследования «Очерк психоанализа» (1940*a*) [1938]).

У нас будет возможность по разным поводам убедиться, насколько выгодно в наших исследованиях привлекать для сравнения известные состояния и психические феномены, которые можно понимать как *нормальные прообразы* болезненных проявлений. К ним относятся такие аффективные состояния, как печаль и влюбленность, но также состояние сна и феномен сновидения.

Мы не привыкли подолгу задумываться над тем, что каждую ночь человек сбрасывает с себя покровы, которые он надел поверх своей кожи, и, кроме того, дополнительные приспособления органов своего тела, если заменами ему удалось восполнить его недостатки, — очки, искусственные волосы, зубы и т.д. Можно добавить, что, отправляясь спать, он совершенно аналогичным образом «разоблачает» свою психику, отказываясь от большинства своих психических завоеваний, и таким образом с обеих сторон чрезвычайно близко подходит к ситуации, которая была исходным пунктом его жизненного развития. В соматическом отношении сон представляет собой реактивацию пребывания в утробе матери с соблюдением условий покоя, тепла и отсутствия раздражителей; более того, многие люди во сне вновь принимают эмбриональное положение тела. Психическое состояние спящего характеризуется чуть ли не полным уходом из окружающего мира и исчезновением всякого интереса к нему.

Когда исследуешь психоневротические состояния, возникает необходимость подчеркивать в каждом из них так называемую *временную регрессию*, степень присущей ему инверсии в

[Фрейд сделал к названию следующее примечание:] Обе последующие статьи взяты из сборника, который я сначала хотел опубликовать отдельной книгой под названием «Подготовительные работы по метапсихологии». Они следуют за работами, опубликованными в 3-м выпуске «Международного журнала врачебного психоанализа» («Влечения и их судьбы», «Вытеснение», «Бессознательное» [содержатся в данном томе]). Цель этой серии — прояснение и углубление теоретических гипотез, которые можно было бы положить в основу психоаналитической системы. [Ср. выше с. 75.]

развитии. Можно выделить две таких регрессии — регрессию в развитии Я и регрессию в развитии либидо. Последняя в состоянии сна доходит до восстановления *примитивного нарцизма*, первая — до ступени *галлюцинаторного удовлетворения желания*. [См. ниже с. 197.]

То, что мы знаем о психических особенностях состояния сна, стало известным, разумеется, благодаря изучению сновидений. Хотя сновидение и показывает нам человека таким, каким он бывает, когда не спит, при этом оно все же не может не выдать нам также свойства самого сна. Благодаря наблюдениям мы познакомились с некоторыми особенностями сновидения, которых вначале не могли понять, а теперь без большого труда можем классифицировать. Так, нам известно, что сновидение абсолютно эгоистично[1], а в человеке, играющем в его сценах главную роль, всегда можно распознать самого сновидца. Нетрудно понять, что это объясняется нарцизмом состояния сна. Ведь нарцизм и эгоизм совпадают по смыслу; словом «нарцизм» только подчеркивается, что эгоизм — феномен тоже либидинозный, или, выражаясь иначе, нарцизм можно охарактеризовать как либидинозное дополнение эгоизма[2]. Столь же понятной становится и общепризнанная и считавшаяся загадочной «диагностическая» способность сновидения, в котором начинающийся телесный недуг нередко ощущается раньше и отчетливее, чем в бодрствовании, а текущие телесные ощущения усиливаются до гигантских размеров[3]. Это усиление имеет ипохондрическую природу, его предпосылкой является то, что весь психический катексис из внешнего мира был перенесен на собственное Я, и оно позволяет теперь заранее распознать телесные изменения, которые в бодрствующей жизни еще какое-то время оставались бы незамеченными.

Сновидение показывает нам, что произошло нечто такое, что намеревалось нарушить сон, и позволяет понять, каким образом можно защититься от этого нарушения. В конце концов спяще-

---

[1] [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), глава V, раздел Г. *Studienausgabe*, т. 2, с. 271 и далее. См. также сделанное в 1925 году дополнение к одной сноске, там же, с. 274, прим. 2.]

[2] [Более обстоятельное обсуждение отношений между нарцизмом и эгоизмом содержится в 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. 1, с. 402–403.]

[3] [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 30 и 59.]

му снится сон, и он может продолжать спать; вместо внутреннего требования, которое должно было его занимать, возникло внешнее переживание, требование которого было выполнено. Таким образом, сновидение также представляет собой *проекцию*, вынесение наружу внутреннего процесса. Мы помним, что в другом месте уже встречались с проекцией как одним из средств защиты. Также и механизм истерической фобии сводится к тому, что индивид смог с помощью попыток бегства защититься от внешней угрозы, которая заняла место внутреннего требования влечения[1]. Однако обстоятельное обсуждение проекции мы отложим до тех пор, когда приступим к разбору того нарциссического поражения, при котором этот механизм играет самую заметную роль[2].

Но каким образом может случиться так, что намерение поспать испытывает помехи? Эти помехи могут исходить от внутреннего возбуждения или от внешнего раздражителя. Рассмотрим сначала менее ясный и более интересный случай помехи, возникающей изнутри. Опыт показывает нам, что возбудителями сновидения являются «остатки дня», катексисы мыслей, которые не подчинились общему изъятию катексисов и вопреки ему в известной степени сохранили либидинозные или иные интересы[3]. Следовательно, нарцизм сна здесь заранее должен был допустить исключение, и с этого начинается образование сновидения. С этими остатками дня мы знакомимся в анализе в качестве скрытых мыслей сна и по их сущности, равно как и вследствие ситуации в целом, должны считать их предсознательными представлениями, принадлежащими системе *Псз*.

Дальнейшее объяснение образования сновидения невозможно без преодоления некоторых трудностей. Нарцизм состояния сна означает изъятие катексиса у всех объектных представлений, а также у их предсознательных и бессознательных компонентов. Стало быть, если «остатки дня» остались катектированными, то следует усомниться в том, что ночью они приобретают так много энергии, чтобы силой привлечь к себе внимание сознания; скорее можно предположить, что сохранившийся у них

---

[1] [См. статью «Бессознательное» (1915*e*), с. 153 и далее в этом томе.]

[2] [Возможно, это ссылка на пропавшую работу о паранойе (ср. выше с. 76).]

[3] [В связи с этим и по поводу следующего абзаца см. «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 528–529.]

катексис намного слабее, чем катексис, который был им присущ в течение дня. Анализ избавляет нас здесь от дальнейших умозрительных рассуждений, доказывая нам, что эти остатки дня должны получить подкрепление из источников *бсз* импульсов влечений, если они должны выступать в качестве элементов, образующих сновидение. Эта гипотеза не встречает пока никаких затруднений, ибо мы должны полагать, что цензура между *Псз* и *Бсз* во сне весьма ослаблена, и, следовательно, сообщение между двумя системами облегчается[1].

Но нельзя умолчать и о другом сомнении. Если нарциссическое состояние сна повлекло за собой изъятие всех катексисов систем *Бсз* и *Псз*, то отпадает также возможность того, что предсознательные остатки дня получают подкрепление от бессознательных импульсов влечений, которые сами уступили свои катексисы Я. Теория образования сновидений приходит здесь к противоречию, или ее приходится спасать посредством изменения гипотезы о нарцизме сна.

Такое же ограничивающее предположение, как выявится позднее[2], неизбежно и в теории *dementia praecox*. Оно может означать только одно: вытесненная часть системы *Бсз* не подчиняется желанию спать, исходящему от Я, сохраняет полностью или частично свой катексис и вообще вследствие вытеснения обрела известную степень независимости от Я. В соответствии с этим в течение ночи должна сохраняться некоторая сумма затрат на вытеснение *(контркатексиса)*, чтобы совладать с угрозой, исходящей от влечения, хотя из-за недоступности всех путей к высвобождению аффекта и к моторике степень необходимого контркатексиса может оказаться существенно сниженной[3]. Поэтому мы изобразили бы ситуацию, ведущую к возникновению сновидения, следующим образом: желание во сне пытается изъять все посланные от Я катексисы и создать состояние абсолютного нарцизма. Это всегда удается сделать только отчасти, ибо вытесненное в системе *Бсз* не подчиняется желанию спать. Следовательно, должна сохраняться часть контркатексиса и оставаться, пусть и не в полной мере, цензура между *Бсз* и *Псз*. Насколько рас-

---

[1] [Там же, с. 503.]

[2] [Неясно, к чему относится эта ссылка.]

[3] [«Толкование сновидений» (1900a). *Studienausgabe*, т. 2, с. 540–541. См. также с. 121 выше.]

пространяется власть Я, обе системы лишаются катексисов. Чем сильнее катексисы влечений в *Бсз*, тем лабильнее сон. Нам известен также крайний случай, когда Я отказывается от желания спать, поскольку чувствует себя неспособным сдержать высвободившиеся во время сна вытесненные побуждения, другими словами, когда оно отказывается от сна, потому что боится своих сновидений[1].

Позднее[2] мы сможем оценить все важные последствия гипотезы о сопротивляемости вытесненных побуждений. Теперь же проследим ситуацию при образовании сновидения дальше.

В качестве второго вторжения в нарцизм[3] мы должны рассмотреть упомянутую выше [с. 181] возможность того, что и некоторые из дневных предсознательных мыслей также оказываются резистентными и сохраняют часть своего катексиса. По существу оба случая могут быть идентичными; резистентность следов дневных впечатлений может объясняться уже существующей в бодрствующей жизни связью с бессознательными побуждениями, или же дело обстоит не столь просто, и не совсем опустошенные следы дневных впечатлений только в состоянии сна вступают в связь с вытесненным материалом благодаря облегченной коммуникации между *Бсз* и *Псз*. В обоих случаях совершается решающий шаг вперед в образовании сновидения: в сновидении формируется предсознательное желание, *выражающее бессознательный импульс в материале предсознательных остатков дня*. Это желание сновидения следует строго отличать от остатков дня; его не могло быть в бодрствующей жизни, оно уже может проявлять иррациональный характер, присущий всему бессознательному, когда его переводят в сознательное. Желание сновидения также нельзя смешивать с побуждениями, которые, возможно, но, разумеется, не обязательно, находились в предсознательных (скрытых) мыслях сна. Но если такие предсознательные желания существовали, то желание сновидения присоединяется к ним в качестве самого действенного подкрепления.

Речь идет о дальнейших судьбах этого импульса желания, который образовался в *Псз* в виде желания сновидения (фан-

---

[1] [Там же, с. 552.]

[2] [Эта ссылка также неясна.]

[3] [Первое — это «сопротивляемость вытесненных побуждений».]

тазии, исполняющей желание) и, по сути, заменил бессознательное требование влечения. Разум подсказывает нам, что это может быть реализовано тремя разными способами. Либо путем, который был бы обычным в состоянии бодрствования, когда из *Псз* импульс проникает в сознание, либо в обход *Сз* он создает себе непосредственный моторный отвод, либо избирает неожиданный путь, который мы действительно можем установить благодаря наблюдению. В первом случае он превратился бы в *бредовую идею,* содержание которой составляет исполнение желания, но в состоянии сна этого никогда не происходит. (Будучи так мало знакомы с метапсихологическими условиями душевных процессов, мы можем, пожалуй, извлечь из этого факта намек на то, что полное опустошение системы делает ее малочувствительной). Второй случай, то есть непосредственный моторный отвод, следует исключить по тому же принципу[1], ибо доступ к двигательной сфере обычно находится в некотором отдалении от цензуры сознания, но как исключение его можно наблюдать в виде *сомнамбулизма.* Мы не знаем, какие условия ему содействуют и почему он не встречается чаще. То, что действительно происходит при образовании сновидения, представляет собой весьма удивительное и совершенно непредвиденное решение. Процесс, начавшийся в *Псз* и подкрепленный благодаря *Бсз*, идет обратным

---

[1] [«Принцип невозбудимости некатектированных систем» (см. ниже, с. 202, прим. 2), по-видимому, встречается еще в нескольких местах в более поздних сочинениях Фрейда, например, в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g), с. 240 ниже, в конце очерка о «чудо-блокноте» (1925a), с. 395 ниже. В неврологических терминах этот принцип излагается еще в «Проекте» 1895 года (1950*a*). В нем, в части I раздела «Переживание удовлетворения», Фрейд констатирует, «что количеству из нейрона проще перейти в катектированный, нежели в некатектированный». А в разделе «Анализ сновидений» он применяет эту гипотезу как раз к проблеме моторного отвода в сновидениях, о котором идет речь в приведенном выше пассаже. Он говорит: «Сновидения *лишены моторного отвода*, а также в большинстве случаев моторных элементов. Человек в сновидении парализован. Самое удобное объяснение этой особенности состоит в упразднении спинального предкатексиса... Моторное возбуждение не может преодолеть барьер, когда нейроны не катектированы». Несколькими абзацами ниже он говорит об «обратном» потоке в случае галлюцинаторных по своему характеру катексисов в сновидении, что опять-таки соответствует идее, высказанной в конце процитированного абзаца.]

путем через *Бсз* к восприятию, навязывающемуся сознанию. Эта *регрессия* — третья фаза образования сновидения. В качестве резюме повторим предыдущее: подкрепление *псз* остатков дня со стороны *Бсз* — возникновение желания сновидения.

Такую регрессию мы называем *топической* в отличие от вышеупомянутой [с. 191–192] временнуй, или генетической[1]. Они не обязательно должны всегда совпадать, но в нашем примере так именно и происходит. Разворот течения возбуждения от *Псз* через *Бсз* к восприятию одновременно есть возврат к ранней стадии галлюцинаторного исполнения желания.

Из «Толкования сновидений» известно, каким образом происходит регрессия предсознательных остатков дня при образовании сновидения[2]. При этом мысли превращаются в — преимущественно зрительные — образы, то есть словесные представления сводятся к соответствующим предметным представлениям, и в целом это происходит так, словно в этом процессе учитываются прежде всего *изобразительные возможности*[3]. После произошедшей регрессии в системе *Бсз* остается ряд катексисов, катексисы предметных воспоминаний, на которые первичный психический процесс воздействует до тех пор, пока посредством сгущения и смещения этих катексисов не сформируется явное содержание сновидения. Только там, где словесные представления в остатках дня бывают свежими, актуальными остатками восприятий, а не выражением мыслей, с ними обходятся как с предметными представлениями, и они сами по себе подвергаются сгущению и смещению. Отсюда приведенное в «Толковании сновидений» и с тех пор со всей очевидностью подтвержденное правило, что слова и фразы в содержании сновидения не образуются заново, а лишь строятся по образцу слов и речей предшествующего дня (или иных свежих впечатлений, в том числе и из прочитанного)[3]. Весьма примечательно, насколько мало работа сновидений придерживается словесных представлений; она в любое время готова заменять одни слова другими, пока не найдет того выражения,

---

[1] [*Studienausgabe*, т. 2, с. 518 и далее.]

[2] [Там же, с. 523.]

[3] [Там же, с. 406 и далее.]

которое предоставит самую благоприятную возможность для пластичного изображения[1].

В этом пункте проявляется важнейшее различие между работой сновидения и шизофренией. При шизофрении предметом переработки посредством первичного процесса становятся сами слова, в которых была выражена предсознательная мысль; в сновидении переработке подвергаются не слова, а предметные представления, к которым были сведены слова[2]. Сновидению ведома топическая регрессия, шизофрении — нет; в сновидении сообщение между *(псз)* катексисами слов и *(бсз)* катексисами предметов свободно; для шизофрении характерно то, что оно перекрыто. Впечатление от этого различия ослабляется как раз благодаря толкованию сновидений, которым мы занимаемся в психоаналитической практике. Выявляя течение работы сновидений, прослеживая пути, которые ведут от скрытых мыслей к элементам сновидения, раскрывая, как используется двусмысленность слов и демонстрируя словесные мостики между различными группами материала, толкование сновидений производит впечатление то остроты, то шизофрении и заставляет нас позабыть, что все операции со словами являются для сновидения лишь подготовительной работой к предметной регрессии.

---

[1] Учету изобразительных возможностей я также приписываю факт, который подчеркивал Зильберер [1914] и которому он, возможно, придавал слишком большое значение, что некоторые сновидения допускают одновременно два верных и все же по существу различных толкования, одно из которых Зильберер называет *аналитическим*, а другое — *анагогическим*. В таких случаях речь всегда идет о мыслях весьма абстрактного свойства, которые должны доставлять большие трудности изображению в сновидении. Для сравнения представим себе задачу заменить иллюстрациями передовицу политической газеты! В таких случаях работа сновидения должна сначала заменить текст абстрактных мыслей более конкретным, который каким-то образом связан с ним через сравнения, символику, аллегорические намеки, но лучше всего генетически, и который теперь вместо него становится материалом для работы сновидения. Абстрактные мысли подлежат так называемому анагогическому истолкованию, которое нам при толковании найти проще, чем собственно аналитическое. Согласно верному замечанию О. Ранка, некоторые сны пациентов, подвергающихся аналитическому лечению, представляют собой лучшие образцы для понимания таких снов, допускающих несколько толкований. [По поводу анагогических толкований см. также дополнение, сделанное Фрейдом в 1919 году, к «Толкованию сновидений», *Studienausgabe*, т. 2, с. 501–502.]

[2] [Ср. «Бессознательное» (1915*e*), с. 169–170 выше.]

Завершение процесса сновидения состоит в том, что регрессивно преобразованное, переработанное в фантазию-желание содержание мыслей осознается в виде чувственного восприятия; при этом оно подвергается вторичной переработке, которой подлежит любое содержание восприятия. Мы говорим, что желание сновидения *галлюцинируется* и в качестве галлюцинации обретает веру в реальность своего исполнения. Именно с этой заключительной частью образования сновидения связана наибольшая неопределенность, для прояснения которой мы и хотим сравнить сновидение с родственными ему патологическими состояниями.

Образование фантазии-желания и ее регрессия к галлюцинации — самые важные части работы сновидения, однако они присущи не только ему одному. Напротив, они встречаются также в двух болезненных состояниях — при острой галлюцинаторной спутанности, *аменции* (Мейнерта)[1], и в галлюцинаторной фазе шизофрении. В галлюцинаторном делирии при аменции легко распознать фантазию-желание, зачастую полностью упорядоченную, подобно прекрасной грезе. Можно было бы вообще говорить о *галлюцинаторном психозе, выражающем желание*, и приписать его сновидению точно так же, как и аменции. Бывают также сновидения, состоящие исключительно из весьма содержательных, неискаженных фантазий-желаний[2]. Галлюцинаторная фаза шизофрении изучена не столь хорошо; как правило, кажется, что она имеет комбинированный характер, но, в сущности, пожалуй, соответствует новой попытке восстановления путем возвращения либидинозного катексиса к объектным представлениям[3]. Я не могу привести для сравнения другие галлюцинаторные состояния при разнообразных патологических проявлениях, поскольку не располагаю личным опытом и не могу использовать опыт других.

Уясним себе, что галлюцинаторный психоз, выражающий желание — в сновидении или каким-либо другим способом, — осуществляет две совершенно разные функции. Он не только

---

[1] [Также и далее в данной работе под аменцией следует понимать это состояние.]

[2] [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 149, прим.]

[3] В качестве первой такой попытки в статье «Бессознательное» (1915*e*) мы познакомились с гиперкатексисом словесных представлений. [см. выше с. 174–175.]

доводит до сознания скрытые или вытесненные желания, но и с полной верой представляет их исполненными. Важно понять это совпадение. Отнюдь нельзя утверждать, что бессознательные желания должны приниматься за реальность после того, как они однажды стали осознанными, потому что наше суждение, как известно, вполне способно отличать действительность от самых интенсивных представлений и желаний. Напротив, есть все основания предположить, что вера в реальность связана с восприятием с помощью органов чувств. Если какая-нибудь мысль нашла путь к регрессии к бессознательным следам объектных воспоминаний и оттуда к восприятию, то ее восприятие мы считаем реальным[1]. Следовательно, галлюцинация приносит с собой веру в реальность. Теперь возникает вопрос: что является условием возникновения галлюцинации? Первый ответ гласит: регрессия, и тем самым вопрос о возникновении галлюцинации заменяется вопросом о механизме регрессии. Ответ на него относительно сновидения не заставил бы нас долго ждать. Регрессия *псз* мыслей сновидения к образам предметных воспоминаний, очевидно, является следствием притягательной силы, которой эти *бсз* репрезентации влечений — например, вытесненные воспоминания о переживаниях — обладают для мыслей, облеченных в слова[2]. Но вскоре мы замечаем, что пошли по неправильному пути. Если бы тайна галлюцинации заключалась только в регрессии, то в результате любой достаточно интенсивной регрессии должна была бы возникнуть галлюцинация, сопровождающаяся верой в ее реальность. Но нам хорошо известны случаи, в которых регрессивное раздумье приносит в сознание очень отчетливые зрительные образы воспоминаний, которые мы, однако, ни на миг не считаем реальным восприятием. Мы можем также очень хорошо представить себе, что работа сновидения доходит до подобных образов воспоминаний, делает для нас сознательными образы, которые до сих пор не осознавались, и мистифицирует нас желанием-фантазией, которую мы воспринимаем как желанную, но не принимаем за реальное исполнение желания. Следовательно, галлюцинация должна быть чем-то большим, нежели регрессивное оживление собственно бессознательных образов воспоминаний.

---

[1] [Это указание принадлежит Брейеру, см. примечание к разделу (1) его теоретической статьи к «Этюдам об истерии» (1895, *Taschenbuchausgabe*, с. 152, прим. 2). По-видимому, он приписывает эту мысль Мейнерту.]

[2] [«Толкование сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 519 и далее.]

Будем также иметь в виду, что умение отличать восприятия от представлений, которые по-прежнему живо всплывают в памяти, имеет большое практическое значение. Все наше отношение к внешнему миру, к реальности, зависит от этой способности. Мы высказали предположение[1], что не всегда обладали этой способностью и что в начале своей душевной жизни мы действительно галлюцинировали объект, приносящий удовлетворение, когда ощущали в нем потребность. Но в таких случаях удовлетворения не наступало, и неудача очень скоро должна была подвигнуть нас к тому, чтобы создать приспособление, с помощью которого мы могли бы отличать такое восприятие желания от реального исполнения и в дальнейшем избегать его. Другими словами, мы очень рано отказались от галлюцинаторного удовлетворения желания и наладили своего рода *проверку реальности*[2]. Теперь возникает вопрос: в чем состояла эта проверка реальности и каким образом сновидению и аменции — галлюцинаторным психозам, которые выражают желание, — удается ее устранить и восстановить старый способ удовлетворения?

На этот вопрос можно ответить, если точнее определить третью из наших психических систем, систему *Сз*, которую мы до сих пор строго не отделяли от *Псз*. Еще в «Толковании сновидений»[3] нам пришлось решиться на то, чтобы рассматривать сознательное восприятие как функцию особой системы, которой мы приписали некие необычные свойства и которую с полным основанием мы наделим еще и другими качествами. Эту систему, названную там *В*, мы соединим с системой *Сз*, с работой которой, как правило, связано осознание. Однако факт осознания не совпадает полностью с принадлежностью к той или иной системе, ибо мы ведь знаем, что могут замечаться чувственные образы воспоминаний, за которыми мы не можем признать психической локализации в системах *Сз* или *В*.

Однако обсуждение этой проблемы опять-таки следует отложить до тех пор, когда мы саму систему *Сз* сможем сделать средоточием нашего интереса[4]. В контексте настоящего изложения мы можем предположить, что галлюцинация состоит в ка-

---

[1] [См. главу VII, раздел В «Толкования сновидений», там же, с. 538–539.]
[2] [См. выше, на с. 190, «Предварительные замечания издателей».]
[3] [Глава VII, раздел Б. *Studienausgabe*, т. 2, с. 510 и далее.]
[4] [Вероятно, снова ссылка на утерянную работу о сознании.]

тексисе системы *Сз* (*В*), который, однако, возникает не извне, как обычно, а изнутри, и что условием ее возникновения является такая степень регрессии, что она достигает самой системы *Сз* и может при этом пренебречь проверкой реальности[1].

В предыдущей статье («Влечения и их судьбы») [с. 88–89 выше] мы наделили пока еще беспомощный организм способностью посредством восприятий создавать себе первую ориентировку в мире, различая «внешнее» и «внутреннее» по отношению к мышечному действию. Восприятие, исчезающее в результате действия, распознается как внешнее, как реальность; там, где такое действие ничего не меняет, восприятие исходит изнутри собственного тела, оно нереально. Для индивида важно, что он обладает таким признаком реальности[2], который одновременно означает помощь в конфронтации с ней, и ему хотелось бы располагать аналогичной силой и в отношении зачастую неумолимых требований влечений. Поэтому он прилагает такие усилия для того, чтобы перенести вовне, *спроецировать* все, что доставляет ему затруднения изнутри[3].

После обстоятельного анализа душевного аппарата мы должны приписать эту функцию ориентации в мире посредством различения внутреннего и внешнего только системе *Сз* (*В*). *Сз* должно располагать моторной иннервацией, благодаря которой можно установить, исчезает ли восприятие или оказывается резистентным. Ничего другого, кроме этого устройства, *проверкой реальности* быть не должно[4]. Ничего более конкретного мы сказать об этом не можем, поскольку природа и принцип действия системы *Сз* пока еще слишком мало изучены. Проверку реальности мы считаем одним из важнейших *институтов Я* наряду с известными нам уже *цензурами* между психическими системами и надеемся, что анализ нарциссических нарушений поможет нам выявить другие подобные институты. [Ср. с. 214 ниже.]

---

[1] Добавлю, что, пытаясь объяснить галлюцинацию, мы должны рассматривать, скорее, не позитивную, а *негативную* галлюцинацию.

[2] [Ср. «признаки реальности» в «Проекте» (1950*a*), часть I, раздел «Распознавание и репродуцирующее мышление».]

[3] [Ср. ниже, с. 401 и далее, дальнейшее обсуждение «внешнего» и «внутреннего» в работе «Отрицание» (1925*h*), написанной гораздо позднее, а также в главе I «Недомогания культуры» (1930*a*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 198–200.]

[4] По поводу различия между проверкой актуальности и проверкой реальности см. ниже. [Однако «проверка актуальности» нигде дальше не упоминается, так что речь здесь, по-видимому, снова идет об утраченной работе.]

И наоборот, уже сейчас из патологии мы можем узнать, каким образом прекращается или выводится из строя проверка реальности, причем при психозе, выражающем желание, аменции, мы распознаем это более определенно, чем в сновидении: аменция — это реакция на потерю, которую утверждает реальность, но которую Я отрицает как невыносимую. Вслед за этим Я порывает связи с реальностью, оно оставляет систему восприятий *Сз* без катексиса или, пожалуй, лучше сказать, без такого катексиса, особая природа которого еще может стать предметом исследования. Вместе с таким поворотом устраняется проверка реальности, желания-фантазии — невытесненные, совершенно осознанные — могут проникнуть в систему и оттуда быть признанными в качестве лучшей реальности. Такого рода изъятие можно связать с процессами вытеснения; аменция являет нам интересную картину размолвки Я с одним из своих органов, который, возможно, служил ему вернее всего и был связан с ним самым тесным образом[1].

То, что при аменции совершает «вытеснение», в сновидении делает добровольный отказ. В состоянии сна человек ничего не хочет знать о внешнем мире, реальность его не интересует или интересует лишь постольку, поскольку принимается во внимание выход из состояния сна, пробуждение. Следовательно, он лишает катексиса систему *Сз*, равно как и другие системы, *Псз* и *Бсз*, в зависимости от того, насколько содержащиеся в них позиции повинуются желанию спать. Вместе с этой некатектированностью системы *Сз* устраняется возможность проверки реальности, и возбуждения, которые независимо от состояния сна прокладывали путь регрессии, обнаружат его незанятым вплоть до системы *Сз*, в которой они будут считаться неоспоримой реальностью[2]. По поводу галлюцинаторного психоза при

[1] Отсюда можно отважиться сделать предположение, что и токсические галлюцинозы, например алкогольный делирий, следует понимать аналогичным образом. Невыносимая потеря, навязываемая реальностью, состоит как раз в лишении алкоголя, прием которого устраняет галлюцинации.

[2] По-видимому, здесь принцип невозбудимости некатектированных систем [ср. с. 196–197] по отношению к *Сз* (*В*) силы не имеет. Однако речь может идти только о частичном устранении катексиса, и именно в отношении системы восприятия мы должны будем допустить наличие множества условий возбуждения, которые существенно отличаются от условий возбуждения других систем. — Разумеется, никоим образом не следует скрывать или приукрашивать предварительный, зондирующий характер этих метапсихологических рассуждений. И только дальнейшее углубление может в известной степени подтвердить правдоподобие наших взглядов.

dementia praecox мы делаем из своих рассуждений вывод, что он не может относиться к числу начальных симптомов заболевания. Он становится возможным только тогда, когда Я больного распалось настолько, что проверка реальности уже не может предотвратить галлюцинацию.

По поводу психологии процессов сновидения мы приходим к выводу, что все важные особенности сновидения детерминированы условиями состояния сна. Философ древности Аристотель во всех отношениях прав в своем непритязательном заявлении, что сновидение — это душевная деятельность спящего человека[1]. Мы можем сказать: это остаток душевной деятельности, ставший возможным благодаря тому, что нарциссическому состоянию сна не удалось утвердиться повсюду без исключения. Эта фраза мало чем отличается от того, что с давних пор говорили психологи и философы, но основывается на совершенно иных представлениях о строении и действии душевного аппарата, которые выгодно отличаются от прежних своей способностью помочь нам во всех деталях понять сновидение.

Напоследок еще раз окинем взглядом то значение, которое приобретает *топика* процесса вытеснения для нашего понимания механизма душевных расстройств. В сновидении лишение катексиса (либидо, интереса) затрагивает все системы одновременно, при неврозах переноса изымается *псз* катексис, при шизофрении — катексис *Бсз*, при аменции — катексис *В*.

Печаль и меланхолия
(1917 [1915])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1917 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 4 (6), 288–301.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 356–377. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 535–553.
1924 *Technik und Metapsychol.*, 257–275.
1931 *Theoretische Schriften*, 157–177.
1946 *G. W.*, т. 10, 428–446.

Как мы знаем от Эрнеста Джонса (1962*a*, 388–389), тему настоящей работы Фрейд изложил ему еще в январе 1914 года, а 30 декабря того же года он выступил с соответствующим докладом перед Венским психоаналитическим объединением. Первый вариант статьи Фрейд подготовил в феврале 1915 года. Он направил его Абрахаму, который ответил длинными комментариями; среди них оказалось важное указание на то, что существует связь между меланхолией и оральной фазой развития либидо (см. ниже, с. 218–219). (См. письмо Абрахама от 31 марта и ответ Фрейда от 4 мая 1915 года; оба письма опубликованы в книге: Freud, 1965*a*, 206 etc., 211–212.) Подготовка окончательного варианта была завершена 4 мая 1915 года, но эта работа, как и написанное до нее «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917*d*), была опубликована только два года спустя.

Вместе с тем еще задолго до этого (предположительно в январе 1895 года) Фрейд послал Флиссу рукопись, в которой попытался подробно объяснить меланхолию (под которой он всегда понимал то, что сегодня мы назвали бы депрессивными состояниями), однако в чисто неврологических терминах (Freud, 1950*a*, рукопись «G»). Эта попытка была не особенно плодотворной, но вскоре она сменилась психологическим рассмотрением меланхолии. Менее чем через два года мы встречаем один из самых примечательных примеров предвидения Фрейда — в рукописи, также посланной Флиссу, которая озаглавлена «Заметки III». Эта рукопись, датированная 31 мая 1897 года, содержит, помимо прочего, первое указание на эдипов комплекс (Freud, 1950*a*, рукопись «N»). Данный пассаж, который настолько насыщен по содержанию, что в отдельных местах остается неясным, заслуживает того, чтобы процитировать его полностью:

«Враждебные импульсы против родителей (желание, чтобы они умерли) точно так же являются неотъемлемым компонентом невроза.

Сознательно они обнаруживаются в виде навязчивого представления. При паранойе им соответствует самое худшее в мании преследования (патологическое недоверие властителей и монархов). Порой эти импульсы вытесняются, когда пробуждается сострадание к родителям из-за их болезни, смерти. Тогда выражение печали заключается в том, чтобы упрекать и обвинять себя в их смерти (так называемые меланхолии) или истерически, посредством идеи об искуплении, наказывать себя теми же [болезненными] состояниями, которые были у них. Происходящая при этом идентификация, как видно, представляет собой не что иное, как способ мышления, и делает нелишним поиск мотива» (там же, с. 221).

От дальнейшего развития хода мыслей, намеченного в общих чертах в этом пассаже, в применении к меланхолии Фрейд, по-видимому, тогда полностью отказался. И действительно, это состояние вплоть до настоящей работы почти нигде не упоминается, за исключением нескольких замечаний в рамках дискуссии о самоубийстве, сделанных в выступлениях перед Венским психоаналитическим объединением (1910*g*), где Фрейд подчеркивал важность сравнения меланхолии и нормальной печали, однако саму эту психологическую проблему, заключенную в ней, объявил пока еще неразрешимой.

То, что Фрейд вновь обратился к этой теме, разумеется, было связано с введением понятий нарцизма и Я-идеала. В этом отношении данную работу можно рассматривать как продолжение статьи о нарцизме, которую Фрейд написал годом ранее (1914*c*). Если в той работе он описал действие «критической инстанции» в случаях паранойи (см. выше, с. 66–67), то теперь он видит действие этой инстанции также при меланхолии. Однако значение данной работы выходит за рамки объяснения механизма и картины отдельного патологического состояния, хотя это и не было понято сразу. То есть содержащийся в ней материал привел к дальнейшим рассуждениям о «критической инстанции», которые появились в главе XI «Психологии масс» (1921*c*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 120 и далее, а они в свою очередь привели к гипотезе о Сверх-Я в работе «Я и Оно» (1923*b*), а также к новой трактовке чувства вины.

На другом уровне эта работа также потребовала пересмотра понятия идентификации. Фрейд, по-видимому, вначале был склонен рассматривать идентификацию в тесной связи с оральной или каннибальской фазой развития либидо и, пожалуй, даже как зависящую от нее. Так, в работе «Тотем и табу» (1912–1913), *Studienausgabe*, т. 9, с. 426, по поводу отношения сыновей к отцу первобытной орды он писал: «Теперь в акте поедания они осуществляли идентификацию с ним...»

Точно так же в пассаже, который он добавил к своим «Трем очеркам» в третьем издании (опубликованном в 1915 году, но написанном за несколько месяцев до настоящей работы), он охарактеризовал орально-каннибальскую фазу как «прототип того, что позднее в качестве *идентификации* будет играть столь значимую психическую роль». (*Studienausgabe*, т. 5, с. 103.) В данной работе он говорит об идентификации (ниже, с. 216) как о «предварительной ступени выбора объекта», как о первом «способе, которым Я выделяет объект», и продолжает: «Ему хотелось бы поглотить этот объект, а именно в соответствии с оральной или каннибальской фазой развития либидо, путем пожирания»[1].

Таким образом, если Абрахам и указывал на значение оральной фазы для меланхолии, то Фрейд уже был подготовлен к этому; ибо он еще раньше интересовался этим, о чем свидетельствуют соответствующие рассуждения в истории болезни «Вольфсманна» (1918*b*), которая была написана осенью 1914 года и в которой важнейшую роль играет оральная фаза. (См. *Studienausgabe*, т. 8, с. 217–218.) Через несколько лет, в работе «Психология масс и анализ Я» (1921*c*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 98 и далее, Фрейд снова возвращается к подробному освещению темы идентификации в продолжение дискуссии данной работы; между тем представления Фрейда, по-видимому, изменились или, быть может, просто прояснились. Идентификация, как утверждается в ней, — это процесс, который *предшествует* объектному катексису и отличается от него, хотя затем вновь говорится: «Она ведет себя как производная первой *оральной* фазы...» Такое понимание идентификации постоянно подчеркивается также во многих более поздних сочинениях Фрейда, например, в работе «Я и Оно» (1923*e*), глава III, где Фрейд пишет, что идентификация с родителями «по-видимому, не является следствием или результатом катексиса объекта, эта идентификация прямая, непосредственная и более ранняя, чем любой объектный катексис». (См. с. 320 ниже.)

Тем не менее сам Фрейд позднее определенно считал самым важным результатом настоящей работы описание процесса того, как ка-

[1] Термин «интроекция» в этой работе не встречается, хотя Фрейд уже использовал его в другом контексте в первой из этой группы метапсихологических работ (выше, с. 98). Возвращаясь в упомянутой выше главе «Психологии масс» к теме идентификации, он неоднократно использовал понятие «интроекция», и оно также появляется, хотя и не очень часто, в последующих сочинениях Фрейда.

тексис объекта при меланхолии заменяется идентификацией. В главе III работы «Я и Оно» (с. 317 и далее в этом томе) он утверждает, что этот процесс не ограничивается меланхолией, а, скорее, является универсальным. По его мнению, такие регрессивные идентификации во многом представляют собой основу того, что мы называем «характером» человека. Но еще более важным было его указание на то, что самые ранние из этих регрессивных идентификаций — те, которые происходят от крушения эдипова комплекса, — занимают совершенно особое место в душевной жизни, образуя ядро Сверх-Я.

После того как сновидение послужило нам нормальным образцом нарциссических душевных расстройств, мы попытаемся прояснить сущность меланхолии, сравнив ее с обычным аффектом печали. Но на этот раз нам надо заранее сделать признание, которое должно предостеречь от переоценки результата. Меланхолия, понятийное определение которой шатко также и в описательной психиатрии, встречается в разнообразных клинических формах, объединение которых в единое целое представляется необоснованным, а некоторые из них напоминают скорее соматические, нежели психогенные поражения. Помимо впечатлений, имеющихся в распоряжении любого наблюдателя, наш материал ограничивается небольшим числом случаев, психогенная природа которых не подлежит никакому сомнению. Таким образом, мы с самого начала отказываемся от притязаний на всеобщее значение наших результатов и утешаем себя тем соображением, что с помощью своих нынешних средств исследования мы вряд ли можем обнаружить что-нибудь, что было бы *нетипично* — если не для всего класса поражений, то, по крайней мере, для небольшой группы.

Сопоставление меланхолии и печали представляется обоснованным в связи с общей картиной обоих состояний[1]. Поводы к их возникновению под влиянием жизненных обстоятельств — там, где они вообще ясны — тоже совпадают. Печаль — это, как правило, реакция на потерю любимого человека или занявшей его место абстракции, как-то: родины, свободы, идеала и т. д. При одинаковых воздействиях у иных людей, которых мы поэтому подозреваем в предрасположенности к болезни, вместо печали проявляется меланхолия. Примечательно также и то, что нам никогда не приходит в голову рассматривать печаль как бо-

[1] Также и Абрахам, которому мы обязаны самым важным из немногочисленных аналитических исследований этого предмета, исходил из этого сравнения (1912). [Сам Фрейд рассматривал эту связь еще в 1910 году и даже раньше. (См. выше на с. 194–195 «Предварительные замечания издателей».)]

лезненное состояние и обращаться к врачу за помощью, хотя она сопровождается серьезными отклонениями от обычного образа жизни. Мы уповаем на то, что через какое-то время сумеем ее преодолеть, и считаем, что беспокоиться из-за этого нецелесообразно и даже вредно.

В психическом отношении меланхолия отличается очень болезненным дурным настроением, потерей интереса к внешнему миру, утратой способности любить, торможением всякой дееспособности и снижением чувства собственной значимости, которое выражается в самообвинениях, самобичеваниях, усиливающихся до бредового ожидания кары. Эта картина станет для нас более понятной, если учесть, что печаль обнаруживает точно такие же черты, кроме единственной; нарушения чувства собственной значимости при ней не возникает. В остальном это то же самое. Тяжелая печаль, реакция на утрату любимого человека, содержит упомянутое болезненное настроение, потерю интереса к внешнему миру (поскольку он не напоминает об умершем), потерю способности выбрать какой-либо новый объект любви (что означало бы замену оплакиваемого), отход от всякой деятельности, которая не связана с памятью об умершем. Нетрудно понять, что это торможение и ограничение Я являются выражением исключительного проявления печали, при этом для других намерений и интересов ничего больше не остается. Собственно говоря, такое поведение не кажется нам патологическим только потому, что мы очень хорошо знаем, как его объяснить.

Мы также одобрим такое сравнение, где печальное настроение называется «болезненным». Его правомерность, вероятно, станет для нас очевидной, если мы сумеем охарактеризовать боль экономически[1].

В чем состоит работа, которую совершает печаль? Я думаю, что не будет никакой натяжки, если изобразить ее следующим образом. Проверка реальностью показала, что любимого объекта больше не существует, и теперь требуется отвлечь все либидо от связей с этим объектом. В ответ на это возникает понятное сопротивление — очень часто приходится наблюдать, что человек неохотно покидает позицию либидо даже тогда, когда уже маячит замена. Это сопротивление может быть таким интенсивным, что происходит отход от реальности, и

[1] [См. выше с. 116, прим. 1.]

объект удерживается с помощью галлюцинаторного психоза-желания (см. предыдущую статью). Нормой же является то, что победу одерживает принятие реальности. Однако эта задача не может быть выполнена сразу. Она решается в каждом отдельном случае с большими затратами времени и катектической энергии, при этом утраченный объект продолжает существовать психически. Каждое отдельное воспоминание или ожидание, в которых либидо было привязано к объекту, ослабевает, катектируется по-другому, и в нем происходит растворение либидо[1]. Почему этот компромиссный результат осуществления принципа реальности так болезнен, экономически обосновать совсем не просто. Примечательно, что это болезненное неудовольствие кажется нам совершенно естественным. Фактически же по завершении работы печали Я снова становится свободным и ничем не стесненным[2].

Применим теперь к меланхолии то, что мы узнали о печали. В ряде случаев очевидно, что она тоже может быть реакцией на утрату любимого объекта; при иных поводах можно обнаружить, что утрата носит, скорее, воображаемый характер. Допустим, объект не умер реально, но он потерян как объект любви (например, в случае покинутой невесты). В других случаях человек считает, что нужно признать такую утрату, но не может ясно понять, что было утрачено, и тем скорее можно предположить, что и больной тоже не может осознать, что же именно он потерял. Более того, такой случай возможен также тогда, когда утрата, послужившая причиной меланхолии, известна больному, когда он знает, *кого*, но не знает, *что* он при этом потерял. Таким образом, напрашивается мысль так или иначе связать меланхолию с недоступной сознанию утратой объекта в отличие от печали, при которой в утрате ничего неосознанного нет.

Мы обнаружили, что при печали заторможенность и безразличие полностью объясняются работой печали, которая поглощает Я. Сходная внутренняя работа будет также следствием неизвестной утраты при меланхолии, и именно ею объясняется присущая меланхолии заторможенность. Меланхолическая заторможенность

---

[1] [Это представление, похоже, встречается еще в «Этюдах об истерии» (1895*d*): процесс, аналогичный вышеизложенному, описывается в начале «Эпикриза» случая « «Фрейлин Элизабет фон Р.».]

[2] [Экономические аспекты этого процесса обсуждаются ниже, на с. 222–223.]

производит на нас впечатление таинственности лишь потому, что мы не можем понять, чем же настолько поглощены больные. Меланхолик демонстрирует нам еще нечто такое, чего нет при печали, — необычайное принижение чувства своего Я, грандиозное оскудение Я. При печали мир становится пустым и жалким, при меланхолии таким бывает само Я. Больной характеризует свое Я как недостойное, недееспособное и морально предосудительное, он упрекает, ругает себя и ожидает изгнания и наказания. Он унижается перед любым человеком, жалеет всех своих близких за то, что они связаны с таким недостойным человеком, как он. У него нет суждения о перемене, которая с ним произошла, и он распространяет свою самокритику на прошлое; он утверждает, что лучше никогда и не было. Картина такой — преимущественно моральной — мании уничижения дополняется бессонницей, отказом от пищи и в высшей степени удивительным в психологическом смысле преодолением влечения, которое заставляет все живое держаться за жизнь.

Было бы бесполезно с позиций науки, да и терапии противоречить больному, предъявляющему такие обвинения против своего Я. Должно быть, он в чем-то прав и описывает нечто, что ведет себя так, как ему кажется. Ведь с некоторыми его словами нам приходится сразу же безоговорочно согласиться. Он действительно так безучастен, так неспособен к любви и к работе, как говорит. Но, как мы знаем, это вторичный феномен, следствие внутренней, неизвестной нам, сопоставимой с печалью работы, изнуряющей его Я. В случае некоторых других самообвинений он тоже нам кажется правым и просто острее других, не подверженных меланхолии, понимающим истину. Когда он с усилившейся самокритикой изображает себя ничтожным, эгоистичным, неискренним, несамостоятельным человеком, который всегда стремился только к тому, чтобы скрыть слабости своего существа, он, пожалуй, достаточно близок к тому, что нам известно о самопознании, и мы лишь спрашиваем себя, почему нужно сначала заболеть, чтобы дойти до этой истины. Ведь не вызывает сомнения, что тот, кто пришел к подобной самооценке и высказывает ее перед другими — оценке, подобной той, что держит наготове для себя и для других принц Гамлет[1], — тот болен,

---

[1] *«Use every man after his desert, and — who shall "scape whipping?»* («Гамлет», акт II. 2-я сцена). [«Если с каждым обходиться по заслугам, кто уйдет от порки?» (Пер. Б. Пастернака). — *Примечание переводчика.*]

независимо от того, говорит он правду или в той или иной мере несправедлив по отношению к себе. Нетрудно также заметить, что между степенью самоуничижения и его реальными основаниями, по нашему мнению, нет соответствия. Прежде порядочная, трудолюбивая и верная своему долгу жена при меланхолии будет говорить о себе не лучше, чем и в самом деле никчемная; более того, у первой, возможно, даже больше шансов заболеть меланхолией, чем у второй, о которой и мы тоже не могли бы сказать ничего хорошего. В конце концов, наше внимание должно привлечь то, что меланхолик ведет себя не совсем так, как обычный человек, терзаемый раскаянием и самообвинениями. У него нет стыда перед другими, который прежде всего характеризовал бы это последнее состояние, или, по меньшей мере, он проявляется не столь явно. У меланхолика можно было бы выделить чуть ли не противоположную черту — назойливую общительность, которая находит удовлетворение в компрометации таким человеком себя самого.

Следовательно, не важно, прав ли меланхолик в своем болезненном самоуничижении, когда эта критика совпадает с оценкой других. Видимо, речь скорее идет о том, что он верно описывает свою психологическую ситуацию. Он утратил уважение к самому себе и, должно быть, небезосновательно. Но тогда мы оказываемся перед противоречием, которое загадывает нам трудноразрешимую загадку. По аналогии с печалью нам пришлось сделать вывод, что он потерял объект; из его высказываний следует, что речь идет о потере своего Я.

Прежде чем заняться этим противоречием, остановимся ненадолго на понимании конституции человеческого Я в том виде, как она проявляется в болезненном состоянии меланхолика. Мы увидим, как одна часть его Я противопоставляется другой, критически ее оценивает, превращает, так сказать, в объект. Все последующие наблюдения подтверждают наше подозрение, что отколовшаяся здесь от Я критикующая инстанция может проявить свою самостоятельность и при других обстоятельствах. Мы и впрямь найдем основание отделить эту инстанцию от остального Я. То, с чем мы здесь столкнулись, есть инстанция, обычно называемая *совестью*; мы причислим ее, вместе с цензурой сознания и проверкой реальностью, к важнейшим институтам Я[1] и

---

[1] [См. предыдущую статью, с. 201–202.]

где-нибудь также найдем доказательства того, что она может заболеть сама по себе. Картина болезни при меланхолии характеризуется прежде всего моральным недовольством собственным Я в сравнении с другими замечаниями: физические недостатки, уродство, бессилие, социальная неполноценность значительно реже становятся предметом самооценки; лишь обнищание занимает привилегированное место среди опасений и утверждений больного.

Далее к разъяснению ранее [в конце предпоследнего абзаца] указанного противоречия приводит наблюдение, которое совсем не трудно сделать. Если терпеливо выслушивать разнообразные самообвинения меланхолика, то в конце концов невозможно отделаться от впечатления, что зачастую самые сильные среди них очень мало относятся к его собственной персоне, но с незначительными изменениями применимы к другому человеку, которого больной любит, любил или должен был бы любить. Всякий раз, когда изучаешь положение дел, это предположение подтверждается. Таким образом, ключ к пониманию картины болезни появляется только в том случае, если самообвинения трактовать как упреки в адрес объекта любви, которые перекладываются с него на собственное Я.

Жена, вслух жалеющая своего мужа за то, что он связался с такой нерадивой женщиной, желает, собственно говоря, обвинить в нерадивости мужа, что бы под этим ни подразумевалось. Не следует слишком удивляться тому, что некоторые настоящие самообвинения вкраплены в обвинения, бьющие рикошетом; они могут пробиваться вперед, потому что способствуют маскировке других и препятствуют пониманию действительного положения вещей, ведь они происходят из «за» и «против» в любовной ссоре, приведшей к утрате любви. Также и поведение больных становится теперь намного понятнее. Их *жалобы* [Klagen] — это *обвинения* [Anklagen], в соответствии со старым значением слова[1]; они не стыдятся и не скрываются, потому что все уничижительное, сказанное ими про себя, в сущности относится к кому-то другому; и они далеки от того, чтобы проявлять перед своим окружением смирение и покорность, которые подобали бы таким недостойным особам. Скорее, они в высшей степени му-

---

[1] [В немецком языке оба эти слова однокоренные. — *Примечание переводчика.*]

чительны, всегда как будто обижены и словно столкнулись с огромной несправедливостью. Все это возможно лишь потому, что реакции в их поведении по-прежнему исходят из душевной констелляции сопротивления, которая затем в результате определенного процесса была преобразована в меланхолическую подавленность.

В таком случае не составит труда реконструировать этот процесс. Произошел выбор объекта, либидо было связано с определенным человеком; под влиянием *реальной обиды или разочарования* со стороны любимого человека это отношение к объекту было поколеблено. Результатом стало не нормальное отвлечение либидо от этого объекта и его смещение на новый объект, а нечто иное, по-видимому, требующее нескольких условий для своего осуществления. Катексис объекта оказался не очень устойчивым, он прекратился, но свободное либидо не сместилось на другой объект, а вернулось в Я. Но там оно не нашло никакого применения, а служило только *идентификации* Я с потерянным объектом. Тень объекта упала таким образом на Я, которое могло быть теперь оценено особой[1] инстанцией как объект, как покинутый объект. Таким образом утрата объекта превратилась в утрату Я, а конфликт между Я и любимым человеком — в раздор между критикой, направленной на Я, и Я, изменившимся вследствие идентификации.

О некоторых предпосылках и результатах такого процесса можно догадаться сразу. С одной стороны, должна существовать сильная фиксация на объекте любви, но, с другой стороны, в противоречии с этим — низкая сопротивляемость объектного катексиса. Это противоречие, по меткому замечанию О. Ранка, по-видимому, требует того, чтобы выбор объекта происходил на нарциссической основе, а потому объектный катексис, когда возникают препятствия, может регрессировать к нарцизму. В таком случае нарциссическая идентификация с объектом становится заменой любовного катексиса, и в результате этого любовные отношения, несмотря на конфликт с любимым человеком, не нужно прекращать. Такая замена объектной любви идентификацией — важный механизм при нарциссических заболеваниях; недавно К. Ландауэр (1914) сумел его обнаружить в процессе лечения одного случая шизофрении. Он, разумеется, соответству-

[1] [В первом издании (1917) это слово отсутствовало].

ет *регрессии* от некоторого типа выбора объекта к первоначальному нарцизму. В другом месте мы показали, что идентификация — это предварительная ступень выбора объекта и первый, амбивалентный в своем выражении, способ выделения объекта со стороны Я. Ему хотелось бы поглотить этот объект, а именно в соответствии с оральной или каннибальской фазой развития либидо, путем пожирания[1]. К этой взаимосвязи Абрахам, пожалуй, по праву сводит отказ от приема пищи, который встречается в тяжелой форме меланхолического состояния[2].

Напрашивающийся вывод из теории, согласно которому предрасположенность к меланхолическому заболеванию или его части объясняется преобладанием нарциссического типа выбора объекта, к сожалению, пока еще не подтвержден исследованием. Во вступлении к данной статье я признал, что эмпирический материал, на котором строится это исследование, не соответствует нашим требованиям. Если бы мы сочли, что наблюдения согласуются с нашими выводами, то регрессию от объектного катексиса к нарциссической оральной фазе либидо, не колеблясь, отнесли бы к характеристике меланхолии. Идентификации с объектом отнюдь не редки и при неврозах переноса; более того, это известный механизм симптомообразования, особенно при истерии. Но мы можем усмотреть различие между нарциссической и истерической идентификацией в том, что в первом случае объектный катексис ликвидируется, тогда как во втором случае он сохраняется и оказывает влияние, которое обычно ограничивается отдельными действиями и иннервациями. Все-таки также и при неврозах переноса идентификация есть выражение общности, которая может означать любовь. Нарциссическая идентификация — более ранняя, и она открывает нам доступ к пониманию не столь хорошо изученной истерической идентификации[3].

---

[1] [См. выше с. 109. См. также «Предварительные замечания издателей», с. 208–209.]

[2] [Абрахам первым обратил внимание Фрейда на эту гипотезу в своем письме от 31 марта 1915 года. (Ср. Freud. 1965*a*, S. 208.)]

[3] [Общая тема идентификации еще раз рассматривается Фрейдом в главе VII «Психологии масс» (1921*c*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 98 и далее. Ранее истерическая идентификация обсуждалась в «Толковании сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 165–166.]

Таким образом, меланхолия заимствует одну часть своих свойств у печали, а другую часть — у процесса регрессии от нарциссического выбора объекта к нарцизму. С одной стороны, как и печаль, она представляет собой реакцию на реальную утрату объекта любви, но, с другой стороны, она обременена таким условием, которого нет при нормальной печали или которое — если оно добавляется — превращает ее в патологическую. Утрата объекта любви — прекрасный повод для того, чтобы выявить и показать амбивалентность любовных отношений[1]. Там, где есть предрасположенность к неврозу навязчивых состояний, конфликт амбивалентности придает печали патологическую форму и заставляет ее выражаться в виде самообвинений: ты сам повинен в утрате объекта любви, то есть хотел этого. На примере таких депрессий при неврозе навязчивых состояний после смерти любимого человека мы видим, к чему приводит сам по себе конфликт амбивалентности, если при этом не происходит регрессивного изъятия либидо. Поводы к меланхолии чаще всего не ограничиваются ясным случаем потери вследствие смерти и охватывают все ситуации обиды, пренебрежения и разочарования, из-за которых в отношения может быть привнесено противоречие между любовью и ненавистью или усилиться существующая амбивалентность. Этому конфликту амбивалентности, то скорее реального, то скорее конститутивного происхождения, нельзя не придавать значения как одной из предпосылок развития меланхолии. Если любовь к объекту, от которой нельзя отречься, тогда как сам объект потерян, нашла спасение в нарциссической идентификации, то по отношению к этому эрзац-объекту проявляется ненависть — его бранят, унижают, заставляют страдать и получают от этого страдания садистское удовлетворение. Несомненно, доставляющее удовольствие самоистязание при меланхолии означает, как и соответствующий феномен при неврозе навязчивых состояний, удовлетворение садистских тенденций и тенденций к ненависти[2], которые были направлены на объект и на этом пути обратились против собственной персоны. При обоих поражениях больным

[1] [Значительная часть того, о чем здесь идет речь, подробно обсуждается в главе V работы «Я и Оно» (1923*b*). (См. ниже с. 339 и далее.)]

[2] Об их различии см. статью «Влечения и их судьбы» [(1915*c*), с. 108–110 в этом томе].

обычно все еще удается окольным путем через самонаказание отомстить первоначальным объектам и мучить своих любимых через посредство болезненного состояния, после того как они впали в болезнь, чтобы избавиться от необходимости показывать им свою враждебность непосредственно. Человека, который вызвал у больного расстройство чувств и на которого направлено его болезненное состояние, обычно следует искать в ближайшем окружении больного. Таким образом, любовный катексис меланхолика, направленный на его объект, постигла двоякая участь; одной частью он регрессировал к идентификации, а другая его часть под влиянием конфликта амбивалентности была возвращена на более близкую ему ступень садизма.

Только этот садизм позволяет нам раскрыть загадку склонности к самоубийству, из-за которой меланхолия становится столь интересной и столь опасной. В качестве первичного состояния, из которого происходит жизнь влечений, мы выявили столь грандиозную любовь Я к себе, а в страхе, возникающем при угрозе жизни, освобождается такое огромное количество нарциссического либидо, что мы не можем понять, каким образом это Я может согласиться на самоуничтожение. Хотя нам давно известно, что ни один невротик, который не обращает на себя импульс к убийству другого, не испытывает намерений самоубийства, оставалось непонятным, вследствие взаимодействия каких сил этот импульс может осуществиться на деле. Анализ же меланхолии показывает, что Я может убить себя только тогда, когда в результате возвращения объектного катексиса оно может обращаться с собой как с объектом, когда оно может направить на себя враждебность, относящуюся к объекту и представляющую собой первоначальную реакцию Я на объекты внешнего мира. (См. «Влечения и их судьбы» [выше, с. 106].) Так, хотя при регрессии от нарциссического выбора объекта этот объект был устранен, он оказался сильнее, чем само Я. В двух противоположных ситуациях — сильнейшей влюбленности и самоубийства — объект одолевает Я, пусть даже и совершенно разными способами[1].

В таком случае напрашивается еще мысль вывести одну бросающуюся в глаза особенность меланхолии [см. выше

---

[1] [Последующие рассуждения на тему самоубийства содержатся в работе «Я и Оно» (1923*b*), глава V, а также на последних страницах статьи «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*), см. ниже с. 341–342 и 376–378.]

с. 202] — возникновение страха обнищания — из вырванной из своих взаимосвязей и регрессивно преобразованной анальной эротики.

Меланхолия ставит перед нами и другие вопросы, ответы на которые от нас отчасти ускользают. То, что по прошествии определенного времени она проходит, не оставляя после себя явно выраженных сильных изменений, — это свойство она разделяет с печалью. Там мы выявили [с. 211–212 выше], что для тщательного осуществления требования проверки реальностью необходимо время, и после этой работы Я высвобождает свое либидо от утраченного объекта. Мы можем предположить, что в период меланхолии Я занимается аналогичной работой; экономическое понимание хода событий как здесь, так и там отсутствует. Бессонница при меланхолии, пожалуй, доказывает закостенелость состояния, невозможность осуществить необходимое для наступления сна общее изъятие катексисов. Меланхолический комплекс ведет себя, как открытая рана, со всех сторон притягивает к себе катектическую энергию (которую в случае неврозов переноса мы называем «контркатексисы») и опустошает Я до полного оскудения[1]; он может легко сопротивляться желанию Я спать. Вероятно, в регулярном ослаблении состояния в вечернее время проявляется соматическое, психогенно не объяснимое обстоятельство. К этим рассуждениям добавляется вопрос, достаточно ли утраты Я без внимания к объекту (чисто нарциссической обиды Я), чтобы создать картину меланхолии, и не может ли непосредственное токсическое оскудение либидо Я приводить к известным формам заболевания.

Самая необычная и наиболее нуждающаяся в объяснении особенность меланхолии состоит в ее склонности превращаться в симптоматически противоположное состояние мании. Как известно, не всякую меланхолию постигает такая участь. Некоторые случаи протекают с периодическими рецидивами, в интервалах между которыми можно выявить разве что весьма незначительный оттенок мании, либо его нет вообще. В других

---

[1] [Это сравнение с открытой раной (проиллюстрированное двумя рисунками) содержится уже в весьма сложном для понимания разделе VI ранних заметок Фрейда о меланхолии (Freud, 1950*a*, рукопись «G», написанная предположительно в январе 1895 года). См. также «Предварительные замечания издателей», с. 207.]

случаях происходит то постоянное чередование меланхолических и маниакальных фаз, которое нашло выражение в циклическом помешательстве. Эти случаи, наверное, можно было бы не подвергать психогенному объяснению, если бы благодаря психоаналитической работе не удавалось устранить многие такие заболевания посредством терапевтического воздействия. Таким образом, не только позволительно, но и даже необходимо распространить аналитическое объяснение меланхолии также и на манию.

Не могу обещать, что эта попытка окажется полностью удовлетворительной. Речь идет, скорее, не более чем о возможности некоторой первой ориентации. Здесь в нашем распоряжении две отправные точки, первая — психоаналитическое впечатление, вторая — можно, пожалуй, сказать: общий экономический опыт. Впечатление, о котором уже говорили многие исследователи-психоаналитики, состоит в том, что содержание мании ничем не отличается от содержания меланхолии, что оба болезненных состояния борются с одним и тем же «комплексом», которому при меланхолии Я, вероятно, уступает, тогда как при мании Я преодолевает его или отодвигает в сторону. Опыт дает нам другую точку опоры: во всех состояниях радости, восторга, триумфа, которые демонстрирует нам обычная картина мании, можно распознать ту же самую экономическую обусловленность. Речь здесь идет о воздействии, в результате которого большие, долго сохранявшиеся или ставшие привычными психические затраты в конце концов оказываются излишними и поэтому готовыми к разнообразному применению и к отводу. Например: когда какой-нибудь бедняк, выиграв большую сумму денег, внезапно избавляется от хронической заботы о хлебе насущном, когда продолжительная и тяжелая борьба в конце концов заканчивается успехом, когда человек становится способным одним махом покончить с гнетущей нуждой, долго продолжавшимся лицемерием и т.п. Все подобные ситуации отличаются приподнятым настроением, признаками отвода радостного аффекта и повышенной готовностью к разного рода действиям, совсем как при мании и в полную противоположность депрессии и заторможенности при меланхолии. Можно рискнуть сказать, что мания есть не что иное, как такой триумф, разве что от Я опять-таки остается скрытым то, что оно сумело преодолеть и из-за чего оно торжествует. Видимо, алкогольное опьянение, относящееся к этому же ряду состояний — поскольку оно характеризуется

весельем — можно объяснить себе точно так же; речь здесь, вероятно, идет о достигнутом токсическим способом устранении затрат на вытеснение. Неспециалист охотно сочтет, что в таком маниакальном настроении человек так подвижен и предприимчив потому, что он «в таком хорошем настроении». Разумеется, эту ошибочную связь следует исключить. Просто было выполнено то упомянутое экономическое условие в душевной жизни, и поэтому человек, с одной стороны, пребывает в столь веселом настроении, а с другой стороны, ничем не стеснен в поступках.

Если объединить оба признака[1], то получим: при мании Я должно было преодолеть утрату объекта (или печаль по утрате, или сам объект) и теперь получило в свое распоряжение всю сумму контркатексиса, который болезненное страдание при меланхолии перенесло с Я на себя и связало [см. с. 220]. Несомненно, человек, одержимый манией, тоже демонстрирует нам свое освобождение от объекта, от которого он страдал, набрасываясь, словно изголодавшийся, на новые объектные катексисы.

Это объяснение звучит убедительно, но, во-первых, оно еще слишком неопределенное, а во-вторых, вызывает больше новых вопросов и сомнений, чем мы можем разрешить. Мы не будем уклоняться от их обсуждения, даже если не можем надеяться с его помощью внести ясность.

Во-первых: нормальная печаль тоже преодолевает утрату объекта и, пока существует, точно так же абсорбирует всю энергию Я. Почему при ней экономическое условие для фазы триумфа по ее истечении не воспроизводится хотя бы в виде намека? Я считаю невозможным ответить на это возражение сразу. Оно обращает наше внимание на то, что мы не можем даже сказать, какими экономическими средствами печаль решает свою задачу [ср. с. 212]; но здесь, возможно, поможет одна догадка. По каждому отдельному воспоминанию и по каждой ситуации ожидания, свидетельствующим о том, что либидо привязано к утраченному объекту, реальность выносит свой вердикт: объект больше не существует, а Я, словно поставленное перед вопросом, хочет ли оно разделить эту участь, благодаря сумме нарциссических удовлетворений решает «остаться в живых» и расторгнуть свою связь с пропавшим объектом. Можно представить себе,

---

[1] [«Психоаналитическое впечатление» и «общий экономический опыт».]

[2] До сих пор экономическая точка зрения в психоаналитических работах почти не учитывалась. В качестве исключения следует выделить статью В. Тауска «Обесценивание мотива вытеснения вследствие компенсации» (1913).

что это расторжение происходит настолько медленно и постепенно, что по окончании работы необходимые для него затраты рассредоточены[2].

Заманчиво начать искать путь к описанию меланхолической работы исходя из предположения о работе печали. Здесь нам в первую очередь мешает неуверенность. До сих пор мы пока еще не учитывали топическую точку зрения и не затрагивали вопроса о том, в каких психических системах и между какими системами совершается работа меланхолии. Какие психические процессы заболевания продолжают разыгрываться после устранения бессознательных объектных катексисов, а какие — после их замены идентификацией в Я?

Можно быстро сказать и легко написать, что «либидо покидает бессознательное (вещное) представление[1] объекта». Но на самом деле это представление основывается на бесчисленных отдельных впечатлениях (их бессознательных следах), и истечение этого либидо не может быть кратковременным процессом — это, несомненно, процесс длительный, постепенно развивающийся, как при печали. Начинается ли он во многих местах одновременно или имеет какую-то четкую последовательность, определить непросто; при анализе часто можно установить, что активировано то одно, то другое воспоминание, а у одинаково звучащих, утомляющих своей монотонностью жалоб все-таки каждый раз находится новое бессознательное обоснование. Если объект не имеет для Я такого большого значения, подкрепленного тысячекратными связями, то и его утрата не может стать причиной печали или меланхолии. Таким образом, свойство отдельных проявлений отслаивания либидо в равной мере можно приписать и меланхолии, и печали; вероятно, оно основывается на одинаковых экономических отношениях и служит одним и тем же тенденциям.

Но, как мы узнали [с. 218–219], содержание меланхолии — нечто большее, нежели обычная печаль. При ней отношение к объекту непростое, оно осложняется конфликтом амбивалентности. Амбивалентность бывает либо конституциональной, то есть присущей всем любовным отношениям этого Я, либо она проистекает именно из тех переживаний, которые приносят с собой угрозу утраты объекта. Поэтому по своим побуждениям ме-

---

[1] [Ср. «Бессознательное» (1915*e*), примечание издателей на с. 171 выше.]

ланхолия может значительно выходить за пределы печали, которая, как правило, вызывается только реальной утратой, смертью объекта. Следовательно, при меланхолии ведется множество отдельных поединков за объект, в которых борются друг с другом ненависть и любовь; первая — чтобы избавить либидо от объекта, вторая — чтобы вопреки натиску утвердить позицию либидо. Эти отдельные поединки мы не можем поместить ни в какую другую систему, кроме как в *Бсз,* в царство реальных следов воспоминаний (в противоположность словесным катексисам). Там же совершаются попытки избавления от печали, но в данном случае нет никаких препятствий тому, чтобы эти процессы продолжали следовать обычным путем через *Псз* к сознанию. Этот путь закрыт для работы меланхолии, возможно, вследствие множества причин или их взаимодействия. Сама по себе конститутивная амбивалентность относится к вытесненному; травматические переживания, связанные с объектом, возможно, активировали другое вытесненное. Таким образом, все в этих амбивалентных поединках исключено из сознания, пока не наступает характерный для меланхолии исход. Он, как мы знаем, заключается в том, что находившийся под угрозой катексис либидо в конце концов покидает объект, но только затем, чтобы вернуться на место Я, из которого он исходил. Таким образом, благодаря своему бегству в Я любовь избежала уничтожения. После этой регрессии либидо процесс может стать осознанным и репрезентируется сознанию как конфликт между частью Я и критической инстанцией.

Таким образом, то, что сознание узнает о работе меланхолии, не составляет ее существенную часть, не является также и тем, что, по нашему мнению, может повлиять на избавление от недуга. Мы видим, что Я унижает себя и проявляет ярость по отношению к себе, и так же мало, как и больной, понимаем, к чему это может привести и как это можно изменить. Такую заслугу мы можем скорее приписать бессознательной части работы, поскольку между работой меланхолии и работой печали нетрудно увидеть важную аналогию. Подобно тому, как печаль побуждает Я отказаться от объекта, объявляя объект мертвым и предлагая Я в виде награды остаться в живых [см. с. 231], точно так же каждый отдельный конфликт амбивалентности ослабляет фиксацию либидо на объекте, обесценивая его и унижая, словно убивая. Есть вероятность того, что процесс заканчивается в *Бсз,* будь то после того, как улеглась ярость, или после того, как

объект оказался отвергнутым как не имеющий ценности. Мы не знаем, какая из двух этих возможностей постоянно или преимущественно ведет к исчезновению меланхолии и как это завершение влияет на дальнейшее течение случая. Возможно, Я при этом наслаждается тем, что может признать себя лучшим, превосходящим объект.

Даже если бы мы допустили такое понимание работы меланхолии, оно все же не может дать нам того, ради чего мы предприняли ее объяснение. Наши ожидания вывести экономические условия возникновения мании после завершения меланхолии из амбивалентности, которая властвует над этим заболеванием, могли бы опираться на аналогии из различных других областей; но есть один факт, с которым необходимо считаться. Из трех предпосылок меланхолии — утраты объекта, амбивалентности и регрессии либидо в Я — два первых мы вновь обнаруживаем в навязчивых упреках после случаев смерти. Там именно амбивалентность, несомненно, представляет движущую пружину конфликта, и наблюдение показывает, что по его завершении от триумфа, присущего маниакальному настроению, ничего не остается. Поэтому обратимся теперь к третьему моменту как к единственно действенному. То накопление поначалу связанной катектической энергии, которая высвобождается по завершении меланхолической работы и содействует проявлению мании, должно быть связано с регрессией либидо к нарцизму. Конфликт в Я, который меланхолия меняет на борьбу за объект, должен действовать подобно болезненной ране, которая требует чрезвычайно высокого контркатексиса. Но здесь опять-таки будет целесообразно остановиться и отложить дальнейшее объяснение мании до тех пор, пока мы не придем к пониманию экономической природы сначала физической, а затем и аналогичной ей душевной *боли*[1]. Ведь мы уже знаем, что взаимосвязь запутанных душевных проблем заставляет нас прерывать всякое исследование и оставлять его незавершенным, пока на помощь ему не смогут прийти результаты другого исследования[2].

---

[1] [См. выше с. 116, прим. 1.]

[2] [*Дополнение, сделанное в 1925 году:*] См. дальнейшее обсуждение проблемы мании в работе «Психология масс и анализ Я» (1921*c*) [*Studienausgabe*, т. 9, с. 121–124].

По ту сторону принципа удовольствия
(1920)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке.

1920 Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство, 60 страниц.
1921 2-е изд., в том же издательстве, 64 страницы.
1923 3-е изд., в том же издательстве, 94 страницы.
1925 *G. S.*, т. 6, 189–257.
1931 *Theoretische Schriften*, 178–247.
1940 *G. W.*, т. 13, 1–69.

Фрейд подготовил множество дополнений для второго издания этой работы, несколько новых для третьего издания, а также для варианта, вошедшего в «Собрание сочинений». В настоящем издании важные дополнения отмечаются в примечаниях к тексту и датируются.

Как известно из переписки Фрейда, в марте 1919 года он приступил к работе над первым вариантом эссе «По ту сторону принципа удовольствия», а в мае сообщил о ее окончании. В том же месяце он завершил статью «Зловещее» (1919*h*), в которой в одном абзаце кратко подытоживается самое главное в настоящей работе. Фрейд говорит там о «навязчивом повторении» как феномене, который проявляется в поведении детей и в ходе психоаналитического лечения; он предполагает, что эта навязчивость возникает в силу внутренней природы влечений и достаточно сильна, чтобы не считаться с принципом удовольствия. (Тем не менее «влечение к смерти» там пока еще не упоминается.) Фрейд добавляет, что он уже завершил подробное изложение этой темы. Работа «Зловещее», содержащая это резюме, была опубликована осенью 1919 года, тогда как эссе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд задержал еще на год. В начале 1920 года он снова приступил к работе над ним, в мае и июне еще раз отредактировал это сочинение и, наконец, завершил его в середине июля. Оно было опубликовано в начале декабря 1920 года.

В ряду метапсихологических сочинений Фрейда работу «По ту сторону принципа удовольствия» можно рассматривать как вступление к заключительной фазе в развитии его представлений. Еще до этого Фрейд обратил внимание на клинический феномен «навязчивого повторения»: здесь же он приписывает этому явлению характер влечения, и здесь он также впервые представляет новое деление на эрос и

влечение к смерти, которое в полностью разработанном виде появляется в «Я и Оно» (1923*b*). Кроме того, в работе «По ту сторону принципа удовольствия» мы обнаруживаем первые наметки новой структурной модели психики, которая является определяющей для всех более поздних трудов Фрейда. Наконец, здесь впервые подробно обсуждается проблема деструктивности, которая затем стала занимать все большее место в его теоретических сочинениях. Нельзя не заметить, что многочисленные аргументы данного обсуждения взяты из его более ранних метапсихологических статей, таких, как «Положения о двух принципах психического события» (1911*e*), «Введение понятия "нарцизм"» (1914*c*) и «Влечения и их судьбы» (1915*c*). Но что особенно бросается в глаза — близкое родство некоторых разделов, содержащихся в начале данной работы, с «Проектом психологии» (1950*a*), который Фрейд написал в 1895 году, то есть за 25 лет до эссе «По ту сторону принципа удовольствия».

I

В психоаналитической теории мы без всяких сомнений предполагаем, что течение психических процессов автоматически регулируется принципом удовольствия. То есть мы считаем, что оно стимулируется неприятным напряжением и затем принимает такое направление, которое в конечном счете совпадает с уменьшением этого напряжения, другими словами — с избеганием неудовольствия или получением удовольствия. Рассматривая изучаемые нами психические процессы с учетом такой последовательности, мы привносим в свою работу экономическую точку зрения. Мы полагаем, что описание, которое наряду с топическим и динамическим моментами пытается оценить еще и экономический, будет самым полным из всех, которые мы можем сегодня себе представить, и оно заслуживает того, чтобы быть отмеченным под названием *метапсихологического*[1].

При этом для нас не представляет интереса исследование того, насколько мы с введением принципа удовольствия приблизились или присоединились к определенной, исторически сложившейся философской системе. К таким умозрительным предположениям мы приходим через описание и учет фактов, получаемых в нашей области благодаря повседневным наблюдениям. Приоритет и оригинальность не относятся к целям, которые стоят перед психоаналитической работой, а впечатления, лежащие в основе установления этого принципа, настолько ярки, что едва ли возможно упустить их из виду. Напротив, мы были бы весьма признательны философской или психологической теории, которая смогла бы показать нам, в чем состоит значение столь императивных для нас ощущений удовольствия и неудовольствия. К сожалению,

---

[1] [См. раздел IV работы «Бессознательное» (1915*c*), с. 151 и далее в этом томе.]

ничего приемлемого нам здесь не предлагают. Это самая темная и недоступная область душевной жизни, и если мы не можем обойтись без того, чтобы ее не затронуть, то, по моему мнению, самое вольное предположение будет и самым лучшим. Мы решились соотнести удовольствие и неудовольствие с количеством имеющегося в душевной жизни — и не связанного как-либо — возбуждения[1] таким образом, что неудовольствие соответствует увеличению, а удовольствие — уменьшению этого количества. При этом мы не имеем в виду простое соотношение между интенсивностью ощущений и изменениями, к которым они относятся, менее же всего — в соответствии со всеми данными психофизиологии — прямую пропорциональность; вероятно, решающий момент для ощущения — это степень уменьшения или увеличения во времени. Возможно, здесь был бы полезен эксперимент; нам, аналитикам, едва ли целесообразно углубляться в эти проблемы, пока у нас нет возможности руководствоваться абсолютно надежными наблюдениями[2].

Но мы не можем оставаться равнодушными, видя, что такой проницательный исследователь, как Г. Т. Фехнер, отстаивает точку зрения на удовольствие и неудовольствие, в сущности совпадающую с той, к которой нас приводит психоаналитическая работа. Положение Фехнера, высказанное в его небольшом сочинении «Некоторые идеи об истории возникновения и развития организмов», 1873 (раздел XI, дополнение, с. 94), сформулировано следующим образом: «Поскольку сознательные побуждения всегда находятся в связи с удовольствием или неудовольствием, можно подумать, что удовольствие и неудовольствие также находятся в психофизической взаимосвязи с условиями стабильности и нестабильности: и это позволяет обосновать развиваемую мной в другом месте гипотезу, что всякое психофизическое возбуждение, переступающее порог сознания,

---

[1] [Представления о «количестве» и «связанном» возбуждении, которые пронизывают все творчество Фрейда, пожалуй, наиболее подробно рассматриваются в раннем «Проекте» (1950*a* [1895]). См., в частности, подробное объяснение термина «связанный» в конце первой трети части III «Проекта». См. также с. 244–245 ниже.]

[2] [Этот момент еще раз упоминается ниже, на с. 289, и затем рассматривается в статье «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*), с. 365 и далее в этом томе. См. также седьмой раздел («Проблема качества») в части I «Проекта» (1950*a* [1895]).]

в известной мере связано с удовольствием, когда оно, перейдя известную границу, приближается к полной стабильности, и в известной мере с неудовольствием, когда оно, также переходя известную границу, от него отклоняется; вместе с тем, между обеими границами, которые можно назвать качественным порогом удовольствия и неудовольствия, существует известная область эстетической индифферентности...»[1]

Факты, побудившие нас поверить в господство принципа удовольствия в душевной жизни, также находят свое выражение в гипотезе, что душевному аппарату присуща тенденция сохранять имеющееся в нем количество возбуждения на как можно более низком уровне или, по крайней мере, константным. Это та же самая мысль, только представленная в другой формулировке, ибо если работа душевного аппарата направлена на удержание количества возбуждения на низком уровне, то все, что может его повысить, должно ощущаться как нечто нефункциональное, то есть как неприятное. Принцип удовольствия выводится из принципа константности; но в действительности принцип константности был выведен из тех же фактов, которые заставили нас выдвинуть гипотезу о принципе удовольствия[2]. При более подробном обсуждении мы обнаружим также, что эта предполагаемая нами тенденция душевного аппарата относится в качестве частного случая к указанному Фехнером принципу *стремления к стабильности*, с которым он связывал ощущения удовольствия и неудовольствия.

Однако тогда нам придется отметить, что говорить о господстве принципа удовольствия над течением душевных процессов, по существу, было бы неверно. Будь это так, подавляющее большинство наших душевных процессов должно было бы сопровождаться удовольствием или вести к удовольствию, тогда как весь наш обычный опыт активно противоречит этому. Поэтому дело может обстоять только так, что в душе существует устойчивая тенденция к проявлению принципа удовольствия.

---

[1] [Ср. «Проект» (1950*a* [1895]), часть I, конец восьмого раздела («Сознание»). — Термин «эстетический» употреблен здесь в старом значении «отношения к ощущению или восприятию».]

[2] [«Принцип константности» восходит к истокам психологических исследований Фрейда. См. выше пояснения издателей к работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), с. 83, прим. 1, с. 90–91, прим. См. также «Предисловие издателей» к работе «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 17–18.]

которой, однако, противостоят некие другие силы или условия, а потому конечный результат не всегда может соответствовать тенденции к удовольствию. Ср. замечание Фехнера по аналогичному поводу (1873, 90): «Однако тем самым стремление к цели еще не означает достижения цели, и вообще цель достижима только в приближении...» Если мы теперь зададимся вопросом, какие обстоятельства могут не допустить осуществления принципа удовольствия, то снова вступим на надежную и известную почву и для ответа на этот вопрос сможем в большом объеме привлечь свой аналитический опыт.

Первый случай такого торможения принципа удовольствия известен нам как закономерный. Мы знаем, что принцип удовольствия присущ *первичному* режиму работы душевного аппарата и что для самоутверждения организма среди трудностей внешнего мира он с самого начала оказывается непригодным и даже во многом опасным. Под влиянием влечений Я к самосохранению он сменяется *принципом реальности*[1], который, не оставляя конечной цели достижения удовольствия, все же предполагает и осуществляет отсрочку удовлетворения, отказ от различных возможностей такового и допущение на какое-то время неудовольствия на длинном окольном пути к удовольствию. Принцип удовольствия еще долгое время остается методом работы с «трудновоспитуемыми» сексуальными влечениями, и снова и снова получается так, что он, будь то под влиянием последних или в самом Я, побеждает принцип реальности во вред всему организму.

Между тем несомненно, что замена принципа удовольствия принципом реальности объясняет нам лишь незначительную часть неприятных переживаний, к тому же не самых сильных. Другой, не менее закономерный источник неудовольствия — это конфликты и расщепления в душевном аппарате в то время, когда Я совершает свое развитие до более сложных форм организации. Почти вся энергия, наполняющая этот аппарат, происходит от привнесенных импульсов влечений, но не все они допускаются на одинаковые фазы развития. Вместе с тем отдельные влечения или компоненты влечений по своим целям или требованиям постоянно оказываются несовместимыми с остальными и не могут объединиться во всеобъемлющее единство Я. В таком случае в резуль-

[1] [См. «Положения о двух принципах психического события» (1911*h*), с. 16 и далее в этом томе.]

тате процесса вытеснения они отделяются от этого единства, задерживаются на низших ступенях психического развития и прежде всего отсекаются от возможности удовлетворения. Если затем им удается — а это очень легко происходит с вытесненными сексуальными влечениями — окольными путями достичь непосредственного или замещающего удовлетворения, то этот результат, который обычно представляет собой возможность для получения удовольствия, воспринимается Я как неудовольствие. Вследствие старого конфликта, оканчивающегося вытеснением, принцип удовольствия вновь прорывается, причем именно в тот момент, когда определенные влечения работали над тем, чтобы, соблюдая этот же принцип, получить новое удовольствие. Детали процесса, благодаря которому вытеснение превращает возможность удовольствия в источник неудовольствия, пока еще недостаточно понятны или недоступны для ясного изложения, но, несомненно, всякое невротическое неудовольствие подобного рода — это удовольствие, которое не может ощущаться как таковое[1].

Оба указанных здесь источника неудовольствия далеко не исчерпывают всего многообразия наших переживаний неудовольствия, но об остальной их части можно, по-видимому, с полным основанием утверждать, что их наличие не противоречит господству принципа удовольствия. Ведь неудовольствие, которое мы чаще всего испытываем, — это неудовольствие, связанное с восприятием, либо восприятие напора неудовлетворенных влечений, либо внешнее восприятие, каким бы оно ни было — мучительным само по себе или вызывающим в душевном аппарате неприятные ожидания, которые расцениваются им как «опасность». Реакция на требования этих влечений и угрозы, в которой, собственно, и выражается деятельность душевного аппарата, может корректно управляться принципом удовольствия или модифицирующим его принципом реальности. Поэтому, видимо, нет надобности признавать продолжающееся ограничение принципа удовольствия, и все же именно исследование психической реакции на внешнюю опасность может дать новый материал и привести к новой постановке обсуждаемой здесь проблемы.

---

[1] [*Дополнение, сделанное в 1925 году:*] Главное, пожалуй, заключается в том, что удовольствие и неудовольствие как сознательные ощущения связаны с Я. [Это более подробно обсуждается в начале 2-й главы работы «Торможение, симптом и страх» (1926*d*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 237–238.]

II

Уже давно было описано состояние, возникающее после сильных механических сотрясений, столкновений поездов и других несчастных случаев, связанных с угрозой для жизни, за которым закрепилось название «травматический невроз». Ужасная, совсем недавно окончившаяся война привела к появлению огромного множества таких заболеваний и, по крайней мере, положила конец искушению сводить их к органическому повреждению нервной системы под воздействием механической силы[1]. Картина состояния при травматическом неврозе приближается к истерии по богатству сходных моторных симптомов, но, как правило, превосходит ее очень резко выраженными признаками субъективного страдания, примерно такими же, как при ипохондрии или меланхолии, и проявлениями всеобъемлющей общей слабости и расстройства психических функций. До сих пор не было достигнуто полного понимания ни военных неврозов[2], ни травматических неврозов мирного времени. В случае военных неврозов казалось, что вопрос, с одной стороны, проясняется, но вместе с тем и осложняется тем обстоятельством, что одна и та же картина болезни иногда возникала[3] без содействия грубой механической силы; в обычном травматическом неврозе выделяются две особенности, на которых нам удалось построить свои рассуждения: во-первых, основное значение в этиологии, по-видимому, приходилось на момент неожиданности, испуга, и во-вторых, одновременно полученное повреждение или ранение чаще всего противодействовало возникновению невроза. Испуг, тревога, боязнь неверно употребляются как синонимы: их легко разграничить по их отношению к опасности. Тревога означает известное состояние ожидания опасности и приготовление к ней, даже если она неизвестна; боязнь предполагает определенный объект, которого боятся: испугом же, подчеркивая момент неожиданности, называют состояние, в котором человек оказывается при возникновении опасности, когда он к ней не подготовлен. Я не думаю, что тревога может вызвать травматический невроз: в тревоге есть нечто

[1] Ср. «К вопросу о психоанализе военных неврозов» со статьями Ференци, Абрахама, Зиммеля, Э. Джонса (1919) [к которым Фрейд написал предисловие (1919*d*]. [См. также опубликованную уже после смерти автора работу «Заключение по вопросу о лечении электричеством больных военным неврозом» (1955*c* [1920]).]

[2] [Слово «полного» было добавлено в 1921 году.]

[3] [Только в первом издании здесь говорится «могла возникать»]

защищающее от испуга, и, следовательно, от невроза, вызываемого испугом. К этому тезису мы вернемся позднее [см. с. 257–258][1].

Изучение сновидения мы можем рассматривать как самый надежный путь к исследованию глубинных душевных процессов. Сновидения при травматическом неврозе обнаруживают такую особенность, что они снова и снова возвращают больного к ситуации произошедшего с ним несчастного случая, от чего он каждый раз просыпается в испуге. Большого удивления это не вызывает. Считается, что это как раз и есть доказательство силы впечатления, произведенного травматическим переживанием, что оно постоянно навязывается больному даже во сне. Больной, так сказать, психически фиксирован на этой травме. Такие фиксации на переживании, которое вызвало болезнь, давно известны при истерии. Брейер и Фрейд в 1893 году[2] утверждали: истерические больные в большинстве своем страдают от реминисценций. Также и в случае военных неврозов исследователи, например, Ференци и Зиммель, смогли объяснить некоторые моторные симптомы фиксацией на моменте травмы.

Однако мне не известно, чтобы люди, страдающие травматическим неврозом, в состоянии бодрствования много времени уделяли воспоминанию о несчастном случае. Скорее, они стараются о нем не думать. Если кто-то принимает как само собой разумеющееся, что сновидение ночью снова возвращает их в ситуацию, сделавшую их больными, то он не понимает сущности снов. Ей скорее соответствовал бы показ больному картин из того времени, когда он был здоров, или картин ожидаемого выздоровления. Чтобы сновидения травматических невротиков не ввели нас в заблуждение по поводу тенденции сна к исполнению желания, нам

---

[1] [Сам Фрейд отнюдь не всегда придерживался проведенного здесь разграничения. Чаще всего он использовал слово «Angst», чтобы охарактеризовать состояние страха без какого-либо отношения к будущему. Вполне вероятно, что здесь мы впервые сталкиваемся с различием, которое Фрейд провел в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*) между страхом как реакцией на травматическую ситуацию — это, пожалуй, тождественно тому, что он здесь называет «испугом» — и тревогой как предупредительным сигналом о приближении такого события. См. также использование выражения «тревожная готовность» на с. 256 ниже.]

[2] [«О психическом механизме истерических феноменов» (1893*a*), в конце раздела I. Ср. также статью Фрейда с тем же названием (1893*b*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 20 и далее.]

остается разве что заключить, что в этом состоянии функция сновидения, подобно многому другому, также оказалась подорванной и отклоненной от своих целей, или мы должны были бы вспомнить о загадочных мазохистских тенденциях Я[1].

Теперь предлагаю оставить темную и мрачную тему травматического невроза и обратиться к изучению принципа действия психического аппарата на примере одного из его самых ранних нормальных проявлений. Я имею в виду детскую игру.

Различные теории детской игры лишь недавно были сопоставлены и оценены с аналитических позиций З. Пфайфером в журнале «Imago» (V/4) [1919]; я могу здесь отослать читателя к этой работе. Авторы этих теорий пытаются разгадать мотивы игры детей, не выдвигая при этом на передний план экономическую точку зрения, получение удовольствия. Не намереваясь охватить все эти проявления в целом, я воспользовался представившейся мне возможностью разъяснить первую самостоятельно созданную игру одного мальчика в возрасте полутора лет. Это было больше чем мимолетное наблюдение, ибо на протяжении нескольких недель я жил под одной крышей с этим ребенком и его родителями, и прошло довольно много времени, прежде чем мне раскрылся смысл этого загадочного и постоянно повторявшегося действия.

Ребенок отнюдь не опережал других в своем интеллектуальном развитии; в полтора года он говорил лишь несколько понятных слов и, кроме того, произносил множество многозначительных звуков, которые были понятны окружающим. Однако он был в хорошем контакте с родителями и единственной служанкой, и его хвалили за «примерный» характер. Он не беспокоил родителей по ночам, добросовестно соблюдал запреты трогать некоторые вещи и заходить в определенные комнаты и, самое главное, никогда не плакал, когда мать покидала его на несколько часов, хотя и был нежно привязан к матери, которая не только сама кормила ребенка, но и ухаживала за ним и заботилась о нем безо всякой посторонней помощи. У этого милого ребенка была лишь одна несколько неприятная привычка, а именно: забрасывать все маленькие предметы, которые попадали ему в руки, далеко от себя в угол комнаты, под кровать и т. д., так что поиск и собирание его игрушек зачастую бывали нелегкой работой. При этом он с выражением интереса и удовлетворения издавал громкое протяжное «о-о-о-о», которое, по единодушному мнению

---

[1] [Последние одиннадцать слов были добавлены в 1921 году. См. также «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 525 и далее.]

матери и наблюдателя, было не просто междометием, а означало «прочь». В конце концов я заметил, что это игра и что ребенок использовал все свои игрушки лишь для того, чтобы поиграть с ними в игру, которую можно было бы назвать «Уходи». Однажды я сделал наблюдение, которое подтвердило мои догадки. У ребенка была деревянная катушка с намотанной на нее бечевкой. Ему никогда не приходило в голову, например, таскать ее за собой по полу, то есть поиграть в тележку, но он с большой ловкостью, держа катушку за веревочку, бросал ее за край своей кроватки, в результате чего она там исчезала; при этом он произносил свое многозначительное «о-о-о-о», а затем снова вытаскивал катушку за бечевку из кровати, приветствуя на этот раз ее появление радостным «вот». В этом и заключалась вся игра — в исчезновении и возвращении, из которых обычно удавалось наблюдать только первое действие. Оно само по себе без устали повторялось в качестве игры, хотя большее удовольствие, несомненно, было связано со вторым актом[1].

Теперь толкование игры напрашивалось само собой. Она была связана с большим культурным достижением ребенка — с осуществленным им самим отказом от влечения (отказом от удовлетворения влечения), то есть с тем, что он не сопротивлялся уходу матери. Но он словно вознаграждал себя за это, самостоятельно разыгрывая с доступными ему предметами подобное исчезновение и возвращение. Для аффективной оценки этой игры, разумеется, безразлично, изобрел ли ребенок ее сам или усвоил ее по чьему-либо примеру. Наш интерес будет сосредоточен на другом моменте. Уход матери не мог быть для ребенка приятным или хотя бы безразличным. Как же согласуется с принципом удовольствия тот факт, что он повторяет эту мучительную для себя игру? На это могут ответить, что уход должен быть сыгран как предварительное условие для радостного возвраще-

[1] Это толкование потом было полностью подтверждено дальнейшим наблюдением. Однажды, когда мать вернулась после нескольких часов отсутствия, мальчик приветствовал ее сообщением: *«Беби о-о-о-о»*, которое вначале осталось непонятным. Однако вскоре выяснилось, что во время этого долгого одиночества ребенок нашел способ, как можно исчезнуть самому. Он обнаружил свое отражение в большом зеркале на подставке, достававшем почти до пола, а затем приседал на корточки, чтобы отражение уходило «прочь». [Об этом же эпизоде — речь идет о внуке Фрейда — уже сообщалось в «Толковании сновидений», *Studienausgabe*, т. 2, с. 444–445, прим.]

ния, что в последнем, собственно, и состоял смысл игры. Но этому противоречило бы то наблюдение, что первое действие, уход, разыгрывалось само по себе, причем несравненно чаще, чем вся сцена, доведенная до приятного конца.

Анализ такого единичного случая не дает надежного решения; если посмотреть беспристрастно, складывается впечатление, что ребенок сделал это переживание предметом своей игры по совсем другим мотивам. Играя, сначала он был пассивен, событие задело его за живое, и теперь он берет на себя активную роль, повторяя это событие в виде игры, несмотря на то, что оно было неприятным. Это стремление можно было бы отнести к влечению к овладению, которое не зависит от того, было ли воспоминание само по себе приятным или нет. Но можно поискать и другое толкование. Выбрасывание предмета, в результате чего он исчезает, может быть удовлетворением подавленного в жизни импульса мести матери за то, что она ушла от ребенка, и тогда может иметь значение своенравия: «Да, иди прочь, ты мне не нужна, я сам тебя отсылаю». Этот же ребенок, которого я наблюдал в возрасте полутора лет во время его первой игры, годом позже имел обыкновение бросать на пол игрушку, на которую он сердился, и говорить при этом: «Иди на войну!» Ему тогда рассказывали, что его отсутствующий отец находится на войне, и он совсем не жалел об отсутствии отца, а демонстрировал самые явные признаки того, что он не хотел, чтобы кто-то помешал ему единолично обладать матерью[1]. Мы знаем и о других детях, что они могут выражать сходные враждебные побуждения, швыряя предметы вместо людей[2]. Здесь возникает сомнение, может ли стремление психически переработать нечто производящее сильное впечатление, полностью им овладеть, проявиться первично и независимо от принципа удовольствия. Ведь в обсуждаемом здесь случае ребенок мог бы повторять в игре неприятное впечатление лишь потому, что с этим повторением связано получение другого, но непосредственного удовольствия.

Дальнейшее прослеживание детской игры также не устраняет этих наших колебаний в выборе между двумя объяснения-

---

[1] Когда ребенку было пять лет и девять месяцев, его мать умерла. Теперь, когда она действительно ушла «прочь» (о-о-о), мальчик не проявлял печали. Но за это время родился другой ребенок, пробудивший в нем сильнейшую ревность.

[2] Ср. «Детское воспоминание из "Вымысла и правды"» (1917*b*).

ми. Мы видим, что дети повторяют в игре все, что произвело на них большое впечатление в жизни, что при этом они могут отреагировать это сильное впечатление и, так сказать, стать хозяевами положения. Но, с другой стороны, достаточно ясно, что вся их игра находится под влиянием желания, доминирующего в этом возрасте: быть большими и вести себя как взрослые. Можно также наблюдать, что неприятный характер переживания не всегда делает его непригодным для игры. Если доктор осматривал у ребенка горло или произвел небольшую операцию, то это пугающее переживание, несомненно, станет содержанием следующей игры, но при этом нельзя не заметить, что ребенок получает удовольствие из другого источника. Переходя от пассивности переживания к активности игры, он доставляет товарищу по игре ту неприятность, которая произошла с ним самим, и таким образом он мстит человеку, которого тот замещает[1].

Тем не менее из этих рассуждений следует, что предположение о наличии особого влечения к подражанию в качестве мотива игры — излишне. Кроме того, напомним, что игра артистов и подражание взрослых, которое, в отличие от поведения ребенка, рассчитано на зрителя, доставляет последнему, например, в трагедии, самые болезненные впечатления, и все же может восприниматься им как высшее наслаждение[2]. Таким образом, мы убеждаемся, что и при господстве принципа удовольствия существует достаточно средств и способов, чтобы сделать само по себе неприятное переживание предметом воспоминания и психической переработки. Пусть этими случаями и ситуациями, завершающимися в итоге получением удовольствия, занимается эстетика, руководствующаяся экономическим принципом; для наших целей они ничего не дают, ибо предполагают существование и господство принципа удовольствия и не свидетельствуют о действенности тенденций, находящихся по ту сторону принципа удовольствия, то есть тенденций, более ранних по происхождению и независимых от него.

---

[1] [Это наблюдение упоминается также в разделе III работы «О женской сексуальности» (1931*b*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 285.]

[2] [Работа на эту тему, написанная предположительно в 1905 или 1906 году, была опубликована под названием «Психопатические характеры на сцене» уже после смерти Фрейда (1942*a*, *Studienausgabe*, т. 10, с. 161 и далее).]

III

Двадцать пять лет интенсивной работы привели к тому, что ближайшие цели психоаналитической техники сегодня стали совсем другими, чем были в начале. Раньше врач-аналитик мог стремиться только к тому, чтобы разгадать скрытое бессознательное, привести его в связный вид и сообщить больному об этом в подходящее время. Психоанализ был прежде всего искусством толкования. Поскольку терапевтическая задача этим не решалась, вскоре появилась новая цель — вынудить больного к подтверждению конструкции его собственными воспоминаниями. В этих усилиях особое внимание уделялось сопротивлениям больного; теперь искусство заключалось в том, чтобы как можно быстрее раскрыть их, продемонстрировать их больному и, по-человечески повлияв на него (здесь есть место для суггестии, действующей как «перенос»), подвигнуть его к отказу от сопротивлений.

Но затем становилось все более ясно, что поставленной цели — осознания бессознательного — нельзя полностью достичь и этим способом. Больной не может вспомнить всего, что было им вытеснено, причем, пожалуй, как раз самого важного, и поэтому не убеждается в правильности сообщенной ему конструкции. Скорее, он вынужден *повторять* вытесненное в качестве нынешнего переживания, вместо того чтобы *вспоминать* его, как того бы хотелось врачу, как часть прошлого[1]. Это воспроизведение, проявляющееся с упорством, достойным лучшего применения, всегда имеет своим содержанием часть инфантильной сексуальной жизни — эдипова комплекса и его ответвлений — и постоянно проигрывается в области переноса, то есть в отношении к врачу. Если в процессе лечения дело зашло так далеко, то можно сказать, что прежний невроз теперь сменился новым неврозом переноса. Врач старался как можно больше ограничить сферу этого невроза переноса, как можно глубже проникнуть в воспоминания и как можно меньше допускать повторение. Отношение, которое устанавливается между вос-

---

[1] См. «Дальнейшие советы по технике психоанализа. II. Воспоминание, повторение и проработка» (1914*g*). [*Studienausgabe*, дополнительный том, с. 207 и далее. — В этой же работе содержится раннее указание на «навязчивое повторение», которое относится к главным темам настоящей работы (См. также «Предварительные замечания издателей», выше, с. 215). Термин «навязчивое повторение» в особом значении, в котором он используется несколькими строками ниже, встречается также и в той работе.]

поминанием и воспроизведением, в каждом случае различается. Как правило, врач не может избавить анализируемого от этой фазы лечения; он должен дать ему заново пережить часть забытой жизни и позаботиться о том, чтобы сохранилась некоторая степень превосходства, благодаря которому мнимая реальность все-таки снова и снова распознается как отражение забытого прошлого. Если это удается, то достигается убеждение больного и зависящий от этого терапевтический эффект.

Чтобы сделать понятнее это *«навязчивое повторение»*, которое проявляется в ходе психоаналитического лечения невротиков, нужно прежде всего избавиться от заблуждения, будто при преодолении сопротивлений имеешь дело с сопротивлением «бессознательного». Бессознательное, то есть вытесненное, не оказывает вообще никакого сопротивления усилиям лечения, ведь оно само стремится лишь к тому, чтобы вопреки оказываемому давлению прорваться в сознание или добиться отвода с помощью реального действия. Сопротивление лечению исходит из тех же высших слоев и систем душевной жизни, которые в свое время произвели вытеснение. Но поскольку, как известно из опыта, мотивы сопротивления и даже оно само во время лечения сначала бывают бессознательными, мы должны подыскать более целесообразную форму выражения. Мы избежим неясности, если будем противопоставлять друг другу не сознательное и бессознательное, а тесно примыкающее к ним *Я*[1] и *вытесненное*. Многое в Я, несомненно, само является бессознательным, а именно то, что можно назвать ядром Я[2]; лишь незначительную часть его мы охватываем названием *предсознательное*[3]. После этой замены чисто описательного выражения выражением систематическим или динамическим мы можем сказать, что сопротивление анализируемых исходит из их Я[4], и тогда нам сразу же становится ясно, что «навязчивое повторение»

---

[1] [Ср. рассмотрение этого вопроса в «Предисловии издателей» к работе «Я и Оно» (1923*b*), с. 293 и далее в этом томе.]

[2] [Это утверждение скорректировано в одном из примечаний в работе «Я и Оно», см. ниже с. 317, прим. 2.]

[3] [В данной формулировке это предложение появилось в 1921 году. В первом издании (1920) говорится: «Многое в Я может быть даже бессознательным; вероятно, лишь часть его мы охватываем названием *предсознательное*».]

[4] [Более подробное и несколько иное описание источников сопротивления содержится в главе XI работы «Торможение, симптом и страх» (1926*d*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 295 и далее.]

следует приписать вытесненному бессознательному. Оно, вероятно, не могло проявиться до тех пор, пока идущая ему навстречу работа лечения не ослабила вытеснения[1].

Нет никакого сомнения, что сопротивление сознательного и предсознательного Я служит принципу удовольствия, ведь оно стремится избавить от неудовольствия, которое возникло бы при высвобождении вытесненного, и наши усилия направлены на то, чтобы, обращаясь к принципу реальности, добиться допущения такого неудовольствия. Но в каком отношении к принципу удовольствия находится навязчивое повторение, проявление силы вытесненного? Очевидно, что большая часть того, что позволяет заново пережить навязчивое повторение, должно принести Я неудовольствие, ибо оно способствует проявлению вытесненных влечений, но это неудовольствие, как мы уже отмечали, не противоречит принципу удовольствия; будучи неудовольствием для одной системы, оно вместе с тем становится удовлетворением для другой[2]. Однако тот новый и удивительный факт, который нам нужно теперь описать, заключается в том, что навязчивое повторение воспроизводит также и такие прошлые переживания, которые не содержат возможности удовольствия, которые и тогда не могли быть удовлетворением даже тех импульсов влечения, которые с тех пор были вытеснены.

Ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни был обречен на гибель из-за несовместимости ее господствовавших желаний с реальностью и недостаточности развития ребенка. Он закончился в связи с самыми неприятными поводами и сопровождался глубокими болезненными переживаниями. Потеря любви и неудачи оставили после себя нарциссический шрам — стойкое нарушение чувства собственного достоинства, которое по моему опыту и по мнению Марциновского (1918), составляет одну из главных причин «чувства неполноценности», часто встречающегося у невротиков. Сексуальная пытли-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* В другом месте [1923c; *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 264–267] я поясняю, что во время лечения здесь на помощь навязчивому повторению приходит именно «влияние суггестии», то есть глубоко коренящаяся в родительском комплексе уступчивость по отношению к врачу.

[2] [Ср. аллегорическое использование Фрейдом сказки о трех желаниях в начале 14-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. 1, с. 219–220 и 222.]

вость ребенка, которого ограничивает его физическое развитие, к удовлетворительному результату не привела; отсюда впоследствии жалобы: «Я не могу ни с чем справиться, мне ничего не удается». Нежная привязанность, как правило, к родителю противоположного пола, иссякла от разочарования, напрасного ожидания удовлетворения или ревности при рождении нового ребенка, которое недвусмысленно указывало на неверность любимого или любимой; собственная, с трагической серьезностью предпринятая попытка самому произвести такого ребенка, постыдным образом не удалась; уменьшение нежности, ранее проявлявшейся к малышу, повышенные требования в воспитании, строгие слова, а иной раз и наказание в конечном счете раскрыли ему в полном объеме выпавшее на его долю *пренебрежение*. Существует несколько типичных, постоянно повторяющихся типов явлений, разрушающих любовь, характерную для этого детского возраста.

Все эти нежелательные поводы и болезненные аффективные состояния повторяются и с большим искусством оживляются невротиком при переносе. Невротики стремятся прервать незаконченное лечение, они умеют снова создать у себя впечатление, что ими пренебрегают, вынуждают врача к резким словам и к холодному обращению, они находят подходящие объекты для своей ревности, заменяют страстно желанное ими в младенчестве дитя намерением или обещанием большого подарка, который в большинстве случаев бывает столь же мало реальным, как и тот. Тогда ничто из всего этого не могло принести удовольствия; следовало бы[1] предположить, что теперь это вызвало бы меньше неудовольствия, если бы проявилось в виде воспоминания или в сновидениях, а не приняло форму нового переживания. Разумеется, речь идет о действии влечений, которые должны были привести к удовлетворению, но знание о том, что и тогда вместо этого они тоже вызывали только неудовольствие, никакой пользы не принесло. И тем не менее они повторяются; какая-то сила вынуждает их к этому.

То же самое, что психоанализ показывает на примере феноменов переноса у невротиков, можно найти и в жизни людей, которые невротиками не являются. В этом случае создается впечат-

---

[1] [В первом издании этот абзац завершается так: «…следовало предположить, что сегодня это должно было бы вызвать меньше неудовольствия, если бы проявилось в виде воспоминания, чем если бы приняло форму нового переживания. Однако какая-то сила вынуждает к последнему».]

ление, что их преследует судьба, что в их переживании есть некая демоническая черта, и психоанализ с самого начала считал, что такая судьба большей частью создается ими самими и предопределяется влияниями раннего детства. Принуждение, которое при этом проявляется, не отличается от «навязчивого повторения» у невротиков, хотя эти люди никогда не обнаруживали признаков невротического конфликта, разрешившегося образованием симптомов. Так, например, известны люди, у которых любые человеческие отношения заканчиваются одним и тем же: благодетелям, которых через какое-то время в озлоблении покидает каждый из их питомцев, какими бы разными они ни были, словно им суждено изведать всю горечь неблагодарности; есть мужчины, у которых любая дружба кончается тем, что друг их предает; есть другие люди, которые в своей жизни очень часто возвеличивают другого человека, возводя его в ранг большого личного или даже общественного авторитета, а затем спустя какое-то время сами низвергают этот авторитет, чтобы заменить его новым; есть влюбленные мужчины, у которых любое нежное отношение к женщине проходит одни и те же фазы и приводит к одинаковому концу, и т. д. Мы мало удивляемся этому «вечному повторению одного и того же», если речь идет об *активном* поведении данного человека и если мы находим в его характере постоянную черту, которая должна выражаться в повторении одних и тех же переживаний. Гораздо большее впечатление на нас производят те случаи, где такой человек переживает нечто, казалось бы, *пассивно*, не оказывая со своей стороны никакого воздействия, и все же повторяет все время одну и ту же судьбу. Вспомним, например, историю женщины, которая выходила замуж три раза подряд, и все ее мужья через короткое время заболевали, а ей приходилось ухаживать за ними до самой их смерти[1]. Самое волнующее поэтическое изображение такой судьбы дал Тассо в романтическом эпосе «Gerusalemme liberata» [«Освобожденный Иерусалим»]. Герой этого произведения Танкред, сам того не ведая, убил свою возлюбленную Клоринду, когда она сражалась с ним в доспехах вражеского рыцаря. После ее похорон он попадает в зловещий заколдованный лес, повергающий войско крестоносцев в ужас. Там он разрубает мечом высокое дерево, но из раны дерева струится кровь,

---

[1] Ср. в этой связи меткие замечания в статье К. Г. Юнга «Значение отца для судьбы индивида» (1909).

и голос Клоринды, душа которой переселилась в дерево, обвиняет его, что он снова ранил возлюбленную.

Основываясь на таких наблюдениях за поведением пациентов при переносе и за судьбой людей, мы осмелимся выдвинуть предположение, что в душевной жизни действительно существует навязчивое повторение, выходящее за рамки принципа удовольствия. Теперь мы склонны отнести к этому принуждению сновидения травматических невротиков и побуждение ребенка к игре. Правда, мы вынуждены признаться себе, что лишь в редких случаях можем осмыслить влияния навязчивого повторения в чистом виде без содействия прочих мотивов. В случае детской игры мы уже отмечали, какие иные толкования допускает ее возникновение. Навязчивое повторение и непосредственное исполненное удовольствия удовлетворение влечения, по-видимому, соединились в ней в единое целое. Феномены переноса, очевидно, служат сопротивлению со стороны настаивающего на вытеснении Я; навязчивое повторение, которое лечение хотело поставить себе на службу, так сказать, перетягивает на свою сторону Я, которое хочет придерживаться принципа удовольствия[1]. В том, что можно было бы назвать навязываемой судьбой, многое, как нам кажется, становится понятным благодаря рациональному объяснению, и поэтому необходимости в выделении нового таинственного мотива не ощущается. Наименьшее подозрение вызывают, пожалуй, сновидения о несчастных случаях, но при ближайшем рассмотрении приходится все же признать, что и в других примерах положение вещей не объясняется влиянием известных нам мотивов. Остается достаточно материала, подтверждающего гипотезу о навязчивом повторении, и оно кажется нам более ранним, более элементарным, более связанным с влечениями, чем оставленный им в стороне принцип удовольствия. Но если в душевной жизни существует такое навязчивое повторение, то нам очень хотелось бы что-нибудь знать о том, какой функции оно соответствует, при каких условиях может проявляться и в каких отношениях оно находится с принципом удовольствия, который мы до сих пор считали главенствующим в течении процессов возбуждения в душевной жизни.

---

[1] [В изданиях до 1923 года эта часть предложения звучит так: «...навязчивое повторение, так сказать, призывается на помощь Я, которое хочет придерживаться принципа удовольствия».]

IV

То, что теперь последует, — это умозрительное рассуждение, часто далеко идущее, которое каждый человек в зависимости от своей собственной установки или принимает, или оставляет без внимания. Итак, мы предпримем попытку последовательной разработки одной идеи из любопытства, желая узнать, куда она приведет.

Психоаналитическое умозрительное рассуждение опирается на впечатление, полученное при исследовании бессознательных процессов, что сознание может быть не самой общей характеристикой душевных процессов, а только их особой функцией. В метапсихологических терминах оно утверждает, что сознание – это функция особой системы, которую называют *Сз*[1]. Поскольку сознание поставляет в основном восприятия возбуждений, поступающих из внешнего мира, а также ощущения удовольствия и неудовольствия, которые могут проистекать лишь изнутри душевного аппарата, системе *В–Сз*[2] можно отвести пространственное положение. Она должна находиться на границе внешнего и внутреннего, быть обращенной к внешнему миру и охватывать другие психические системы. Тогда мы замечаем, что этим предположением не сказали ничего рискованного, нового, а только присоединились к локализирующей анатомии мозга, которая помещает «место» сознания в кору головного мозга, во внешний, покрывающий слой центрального органа. Анатомии мозга нет нужды задумываться над тем, почему — выражаясь анатомически — сознание размещено именно на поверхности мозга, вместо того чтобы надежно укрываться где-нибудь в самых его глубинах. Возможно, мы продвинемся дальше, рассмотрев возникновение такой ситуации с точки зрения нашей системы *В–Сз*.

Сознание — не единственная особенность, которую мы приписываем процессам в этой системе. Мы опираемся на впечатления своего психоаналитического опыта, предполагая, что

---

[1] [См. «Толкование сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 578 и далее, а также «Бессознательное» (1915*e*), раздел II, выше, с. 142 и далее в этом томе.]

[2] [Система *В* (система восприятия) впервые была описана Фрейдом в «Толковании сновидений» (1900*a*). *Studienausgabe*, т. 2, с. 513 и далее. В более поздней метапсихологической работе о сновидениях (1917*d*) он утверждал, что система *В* совпадает с системой *Сз*. См. выше, с. 200 и далее.]

все процессы возбуждения в других системах оставляют в них стойкие следы в качестве основы памяти, то есть следы воспоминаний, ничего общего с осознанием не имеющие. Зачастую они бывают наиболее сильными и прочными, если оставляющий их после себя процесс так и не доходит до сознания. Но нам трудно поверить, что такие длительные следы возбуждения возникают также в системе *В–Сз*. Если бы они все время оставались сознательными, то очень скоро ограничили бы пригодность этой системы к восприятию новых возбуждений[1]; в другом случае, если бы они были бессознательными, то поставили бы перед нами задачу объяснить существование бессознательных процессов в системе, функционирование которой обычно сопровождается феноменом сознания. Своей гипотезой, которая отсылает осознание в особую систему, мы, так сказать, ничего бы не изменили и ничего бы не выиграли. Даже если это и нельзя считать соображением, имеющим обязательную силу, оно все же может подвигнуть нас к предположению, что осознание и оставление следа в памяти в одной и той же системе несовместимы друг с другом. Мы могли бы сказать, что в системе *Сз* процесс возбуждения осознается, но не оставляет длительного следа; все его следы, на которые опирается воспоминание, должно быть, возникают в близлежащих внутренних системах при распространении на них возбуждения. В этом смысле разработана и та схема, которую я в 1900 году включил в умозрительный раздел своего «Толкования сновидений»[2]. Если подумать о том, как мало мы знаем из других источников о возникновении сознания, то тезис, что *сознание возникает на месте следа воспоминания,* по меньшей мере следует расценить как в известной мере определенное утверждение.

Таким образом, система *Сз* отличается той особенностью, что процесс возбуждения, в отличие от всех остальных психических систем, не оставляет в ней после себя длительного изме-

---

[1] Это полностью соответствует рассуждениям Й. Брейера в теоретическом разделе «Этюдов об истерии» ([Breuer, Freud] 1895 *[Taschenbuchausgabe,* 149 etc.]). [Сам Фрейд обсуждал эту тему в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 514–515: еще раньше он подверг ее детальному рассмотрению в «Проекте» 1895 года (1950*a*), часть I, в разделе «Границы контакта». Наконец, он еще раз вернулся к ней в работе о «чудо-блокноте» (1925*a*), с. 390 и далее в этом томе.]

[2] [*Studienausgabe*, т. 2, с. 515.]

нения ее элементов, а, так сказать, растрачивается впустую в феномене осознания. Такое отклонение от общего правила нуждается в объяснении через одно обстоятельство, относящееся исключительно к этой системе, и этим обстоятельством, которого лишены другие системы, вполне может быть открытое, незащищенное положение системы *Сз*, ее непосредственное столкновение с внешним миром.

Представим себе живой организм в его самом упрощенном виде как недифференцированный пузырек, содержащий некую возбудимую субстанцию; тогда его обращенная к внешнему миру поверхность дифференцирована в силу самого своего положения и служит органом, воспринимающим раздражение. Эмбриология как повторение филогенеза и в самом деле показывает, что центральная нервная система возникает из эктодермы и что серая кора головного мозга по-прежнему остается производной примитивной поверхности, которая путем наследования могла перенять ее важные качества. В таком случае вполне можно было бы допустить, что из-за непрекращающегося наступления внешних раздражителей на поверхность пузырька его субстанция до определенной глубины подвергается постоянному изменению, а потому процесс возбуждения на поверхности протекает иначе, чем в более глубоких слоях. Так образовалась кора, которая в конце концов оказалась настолько прожженной воздействием раздражителей, что стала предоставлять самые благоприятные условия для восприятия раздражителей и на дальнейшую модификацию уже не способна. Если перенести это на систему *Сз*, то это означало бы, что ее элементы более не способны к длительному изменению при прохождении возбуждения, поскольку в смысле такого воздействия они и так уже модифицированы до предела. Но в таком случае они способны дать начало сознанию. В чем состоит изменение субстанции и процесса возбуждения в ней — на этот счет могут быть разные представления, которые в настоящее время не поддаются проверке. Можно предположить, что, переходя от одного элемента к другому, возбуждение должно преодолеть сопротивление, и что это уменьшение сопротивления оставляет стойкий след возбуждения (прокладка пути); в системе *Сз* такого сопротивления при переходе от одного элемента к другому уже не возникает[1]. С этим представ-

[1] [Эта точка зрения обозначается уже в «Проекте» 1895 года (1950*a*), часть I, вторая половина третьего раздела («Границы контакта»).]

лением можно соотнести разграничение Брейером бездействующей (связанной) и свободно перемещающейся катектической энергии в элементах психических систем[1]; в таком случае элементы системы *Сз* обладали бы не связанной, а только способной к свободному отводу энергией. Но я думаю, что об этих отношениях пока лучше высказаться как можно более неопределенно. И тем не менее благодаря этим умозрительным рассуждениям мы бы так или иначе связали возникновение сознания с положением системы *Сз* и с особенностями процесса возбуждения, которые ему можно приписать.

Но нам нужно обсудить и еще кое-что, находящееся в живом пузырьке с его воспринимающим раздражители корковым слоем. Эта частица живой субстанции находится посреди заряженного сильнейшей энергией внешнего мира, и она бы погибла под действием его раздражителей, если бы не была снабжена *защитой от раздражающего воздействия*. Она получает эту защиту благодаря тому, что ее наружная поверхность отказывается от своей характерной для живого организма структуры, становится в известной степени неорганической и действует теперь как особая оболочка или мембрана, не пропускающая раздражители, то есть пропускает лишь небольшую по интенсивности часть энергий внешнего мира дальше в близлежащие, оставшиеся живыми слои. Эти слои, находящиеся под защитой от раздражающего воздействия, теперь могут посвятить себя восприятию пропущенных количеств раздражения. Своим отмиранием внешний слой избавил от такой же участи все более глубокие слои, по крайней мере до тех пор, пока не поступают настолько сильные раздражители, что они прорывают защиту от раздражающего воздействия. Для живого организма защита от раздражающего воздействия представляет собой чуть ли не более важную задачу, чем восприятие раздражителей; он снабжен собственным запасом энергии и должен прежде всего стремиться к тому, чтобы уберечь свои особые формы преобразования энергии от уравнивающего, то есть разрушающего влияния чересчур интенсивных энергий, действующих извне. Восприятие раздражителей служит прежде всего намерению узнать направление и характер внешних раздражителей.

---

[1] «Этюды об истерии» Брейера и Фрейда (1895). [См. раздел 2 теоретической части Брейера, в частности, примечание в начале указанного раздела (*Taschenbuchausgabe*, 156). Ср. также прим. 2 выше, на с. 232.]

и для этого должно быть достаточно брать из внешнего мира небольшие пробы, пробовать их в незначительных количествах. У высокоразвитых организмов воспринимающий корковый слой прежнего пузырька давно отодвинулся в глубину организма, но его компоненты остались на поверхности непосредственно под общей защитой от раздражающего воздействия. Это — органы чувств, содержащие приспособления для восприятия специфических воздействий раздражителей, но, кроме того, снабженные особыми устройствами для новой защиты от слишком больших количеств раздражения и для сдерживания неподобающих видов раздражения[1]. Для них характерно то, что они перерабатывают лишь совсем незначительные количества внешнего раздражения, проводят, так сказать, только выборочную проверку внешнего мира; наверное, их можно сравнить со щупальцами, которые протягиваются к внешнему миру, ощупывают его, а затем снова от него отстраняются.

Здесь я позволю себе вкратце затронуть тему, которая заслуживает самого основательного обсуждения. Тезис Канта, что время и пространство — необходимые формы нашего мышления, сегодня может стать предметом дискуссии, основывающейся на определенных психоаналитических данных. Мы узнали, что сами по себе бессознательные душевные процессы — «вневременные»[2]. Это прежде всего означает, что они не упорядочены во времени, что время ничего в них не меняет и что представление о времени нельзя к ним применить. Это — негативные свойства, которые можно ясно представить себе только через сравнение с сознательными душевными процессами. По-видимому, наше абстрактное представление о времени целиком определяется принципом действия системы *В–Сз* и соответствует самовосприятию последней. При таком функционировании системы мог наметиться другой способ защиты от раздражающего воздействия. Я знаю, что эти утверждения кажутся очень туманными, но мне придется пока ограничиться такими намеками[3].

---

[1] [Ср. «Проект» 1895 года (1950*a*), часть I, пятый и девятый разделы («Количественная проблема» и «Функционирование аппарата»).]

[2] [См. раздел V работы «Бессознательное» (1915*e*), с. 157–158 в этом томе.]

[3] [Вопрос о происхождении представления о времени Фрейд снова затрагивает в конце своей «Заметки о "чудо-блокноте"» (1925*a*). В этой работе далее обсуждается также и «защита от раздражающего воздействия»: см. с. 393 и 394 ниже.]

Ранее мы заявляли, что живой пузырек оснащен защитой от раздражающего воздействия внешнего мира. До этого мы установили, что близлежащий его корковый слой должен быть дифференцирован в качестве органа, воспринимающего внешние раздражители. Но этот чувствительный корковый слой, будущая система *Сз*, получает также возбуждения изнутри; положение этой системы между внешним и внутренним и различия условий для воздействия с одной и с другой стороны становятся решающими факторами в работе системы и всего душевного аппарата. Существует защита от внешних воздействий, которая в значительной степени снижает влияние поступающего возбуждения: защита от воздействия внутренних раздражителей невозможна[1], возбуждение более глубоких слоев распространяется непосредственно и в полном объеме на всю систему, при этом определенные особенности его прохождения вызывают ряд ощущений удовольствия и неудовольствия. Вместе с тем возбуждения, возникающие изнутри, по своей интенсивности и по другим качественным характеристикам (например, по своей амплитуде) будут более адекватны принципу действия этой системы, чем раздражения, поступающие из внешнего мира[2]. Однако этими обстоятельствами решающим образом определяются два момента: во-первых, преобладание ощущений удовольствия и неудовольствия, которые служат индикатором процессов, происходящих внутри аппарата, над всеми внешними раздражителями, и, во-вторых, направленность поведения в отношении таких внутренних возбуждений, которые ведут к чрезмерному усилению неудовольствия. Отсюда возникает склонность относиться к ним так, словно они действуют не изнутри, а извне, чтобы можно было применить к ним охранные средства защиты от раздражающего воздействия. Таково происхождение *проекции*, которой принадлежит столь важная роль в возникновении патологических процессов.

У меня создалось впечатление, что благодаря последним рассуждениям мы приблизились к пониманию господства принципа удовольствия; но мы не разъяснили те случаи, которые противоречат ему. Поэтому сделаем еще один шаг вперед. Такие

---

[1] [Ср. «Проект» 1895 года (1950*а*), часть I, начало десятого раздела («*Ш*-функции»).]

[2] [Ср. «Проект» 1895 года (1950*а*), часть I, вторая половина четвертого раздела («Биологическая точка зрения»).]

внешние возбуждения, которые достаточно сильны, чтобы прорвать защиту от раздражающего воздействия, мы называем *травматическими*. Я думаю, что понятие травмы предполагает именно такую связь с обычно действенным предотвращением возбуждения. Такое событие, как внешняя травма, несомненно, вызовет существенное нарушение в энергетике организма и приведет в действие все средства защиты. Но принцип удовольствия при этом оказывается пока не у дел. Переполнения душевного аппарата большими количествами раздражения сдержать уже невозможно; скорее, теперь возникает другая задача — справиться с возбуждением, психически связать массы вторгшихся раздражителей, чтобы затем свести их на нет.

Вероятно, специфическое неудовольствие от физической боли есть следствие того, что защита от раздражающего воздействия была до некоторой степени прорвана. В таком случае от этого места периферии к центральному психическому аппарату устремляется непрерывный поток возбуждений, которые в обычных условиях могли поступать только изнутри аппарата[1]. Какую же реакцию психики мы можем ожидать в ответ на этот прорыв? Со всех сторон мобилизуется катектическая энергия, чтобы в месте прорыва и вокруг него создать соответственно высокие энергетические катексисы. Создается сильнейший «контркатексис», ради которого оскудевают все остальные психические системы, в результате чего существенно парализуется или ослабляется обычная психическая деятельность. На таких примерах мы пытаемся научиться применять свои метапсихологические гипотезы к прототипам подобного рода. Таким образом, из этого обстоятельства мы делаем вывод, что даже высококатектированная система способна воспринимать вновь поступающую энергию, преобразовывать ее в находящийся в состоянии покоя катексис, то есть психически «связывать» ее. Чем выше собственный находящийся в покое катексис, тем больше будет и его связывающая сила; и наоборот, чем ниже собственный катексис, тем меньше система будет способна к восприятию поступающей энергии[2], тем разрушительнее должны быть послед-

---

[1] Ср. «Влечения и их судьбы» (1915*c*) [и «Проект» 1895 года (1950*a*), часть I, шестой раздел («Боль»)]. [Ср. также приложение «В» к работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 305 и далее.]

[2] [Ср. «принцип невозбудимости некатектированных систем» в примечании к метапсихологической работе о сновидении (1917*d*), выше, с. 202–203.]

ствия такого прорыва защиты от раздражающего воздействия. На это мнение можно было бы возразить, что усиление катексиса вокруг места прорыва гораздо проще объяснить непосредственным распространением поступающих раздражений, но это возражение будет неверным. Будь это так, у душевного аппарата произошло бы только усиление энергетических катексисов, а парализующий характер боли и оскудение всех других систем остались бы необъясненными. Даже очень энергичные отводные действия боли не противоречат нашему объяснению, ибо они совершаются рефлекторно, то есть без посредничества психического аппарата. Неопределенность всех наших рассуждений, которые мы называем метапсихологическими, объясняется, разумеется, тем, что мы ничего не знаем о природе процесса возбуждения в элементах психических систем и не чувствуем себя вправе выдвигать на этот счет какие-либо предположения. Таким образом, мы всегда оперируем некоей большой неизвестной величиной, которую переносим в каждую новую формулу. Чтобы этот процесс осуществлялся с разными в количественном отношении энергиями — это требование, которое легко допустить; вполне вероятно также, что он характеризуется также больше, чем одним качеством (например, в виде амплитуды); новое в этом то, что мы принимаем во внимание идею Брейера о том, что речь здесь идет о двух формах наполнения энергией [см. выше с. 251–252], и поэтому следует различать свободно текущий, стремящийся к отводу катексис и катексис психических систем (или их элементов), находящийся в состоянии покоя. Пожалуй, мы остановимся на предположении, что «связывание» проникающей в душевный аппарат энергии состоит в переводе ее из свободно текущего состояния в состояние покоя.

Я думаю, что можно сделать смелую попытку объяснить обычный травматический невроз как последствие обширного прорыва защиты от раздражающего воздействия. Тем самым, казалось бы, будет восстановлено в своих правах старое, наивное учение о шоке, находящееся, по-видимому, в противоречии с более поздней и психологически более взыскательной теорией, в которой этиологическое значение приписывается не воздействию механической силы, а испугу и угрозе жизни. Но эти противоречия не являются непримиримыми, а психоаналитическое понятие травматического невроза не тождественно наиболее грубой форме теории шока. Если последняя объясняет сущность шока непосредственным повреждением молекулярной

или даже гистологической структуры нервных элементов, то мы стремимся понять его эффект исходя из прорыва защиты от раздражающего воздействия и из возникающих из этого задач. Момент испуга сохраняет свое значение и для нас. Его условие — отсутствие тревожной готовности[1], включающей в себя гиперкатексис систем, которые воспринимают раздражение в первую очередь. Вследствие такого пониженного катексиса системы не в состоянии как следует связывать поступающие количества возбуждения, и тем проще проявиться последствиям прорыва защиты от раздражающего воздействия. Таким образом, мы видим, что тревожная готовность вместе с гиперкатексисом воспринимающей системы представляют собой последний рубеж защиты от раздражающего воздействия. Для исхода целого ряда травм различие между неподготовленными системами и системами, подготовленными благодаря гиперкатексису, может быть решающим моментом; начиная с определенной силы травмы это различие, наверное, никакого значения уже не имеет. Если сновидения травматических невротиков регулярно возвращают больных в ситуацию несчастного случая, то этим, разумеется, они не служат исполнению желания, галлюцинаторное осуществление которого при господстве принципа удовольствия стало функцией сновидения. Но мы можем предположить, что они тем самым выполняют другую задачу, которая должна быть решена прежде, чем начнет проявлять свою власть принцип удовольствия. Эти сновидения пытаются задним числом справиться с раздражением, порождая страх, отсутствие которого стало причиной травматического невроза. Таким образом, они дают нам возможность понять функцию душевного аппарата, которая, не противореча принципу удовольствия, все же не зависит от него и, видимо, предшествует стремлению к получению удовольствия и избеганию неудовольствия.

Итак, здесь сначала будет уместно признать исключение из того тезиса, что сновидение есть исполнение желания. Страшные сны таким исключением не являются, как я не раз подробно показывал, так же как и «сновидения о наказании», ибо они лишь ставят на место исполнения предосудительного желания полагающееся за это наказание, и, таким образом, являются исполнением желания чувствующего себя виновным сознания.

---

[1] [См. прим. 1 на с. 237 выше.]

реагирующего на отвергнутое влечение[1]. Однако вышеупомянутые сновидения травматических невротиков уже нельзя рассматривать с точки зрения исполнения желания, точно так же, как и встречающиеся в ходе психоанализа сновидения, которые воспроизводят воспоминания о психических травмах детства. Скорее они повинуются тенденции к навязчивому повторению, которая подкрепляется в анализе желанием, вызванным «суггестией»[2], воскресить забытое и вытесненное. Таким образом, функция сновидения, заключающаяся в устранении поводов к прерыванию сна путем исполнения желаний мешающих порывов, также не является первоначальной; оно могло справиться с ними только после того, как вся душевная жизнь признала господство принципа удовольствия. Если же существует нечто «по ту сторону принципа удовольствия», то будет логичным также допустить период, предшествующий тенденции сновидения к исполнению желания. Это не противоречит его более поздней функции. Но если эта тенденция однажды была нарушена, возникает следующий вопрос: возможны ли и вне анализа такие сны, которые в интересах психического связывания травматических впечатлений следуют тенденции навязчивого повторения? На это вполне можно дать утвердительный ответ.

О «военных неврозах», насколько это название означает больше, нежели просто связь с поводом недуга, я в другом месте говорил, что они вполне могли бы быть травматическими неврозами, возникновению которых способствует конфликт Я[3]. Факт, упомянутый на с. 222, что одновременное грубое повреждение, вызванное травмой, уменьшает шансы на возникновение невроза, уже не будет непонятным, если вспомнить о двух обстоятельствах, особо подчеркиваемых в психоаналитическом исследовании. Во-первых, что механическое сотрясение нужно признать одним из источников сексуального возбуждения (ср. замечания о воздействии тряски и езды по железной дороге в «Трех очерках по теории сексуальности»)[4], и, во-вторых, что болезнен-

---

[1] [См. «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 531–532, и раздел IX в работе Фрейда «Заметки о теории и практике толкования сновидений» (1923*c*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 267 и далее.]

[2] [С 1923 года выражение «вызванным "суггестией"» употребляется вместо прежней формулировки «не бессознательным».]

[3] «О психоанализе военных неврозов», введение (1919*d*).

[4] [*Studienausgabe*, т. 5, с. 106–107.]

ное и лихорадочное состояние, пока оно длится, оказывает сильное влияние на распределение либидо. Таким образом, механическая сила травмы высвобождает определенное количество сексуального возбуждения, которое оказывает травматическое воздействие из-за недостаточной тревожной готовности, а одновременное телесное повреждение связало бы избыток возбуждения посредством нарциссического гиперкатексиса пострадавшего органа (см. «О введении понятия "нарцизм"» [(1914*c*), выше, с. 51]). Известно также, хотя это и недостаточно использовалось в теории либидо, что такие тяжелые нарушения в распределении либидо, как поражения при меланхолии, могут на какое-то время устраняться интеркуррентным органическим заболеванием, более того, даже состояние полностью развившейся dementia praecox в аналогичных условиях способно к временной инволюции.

V

Отсутствие у коркового слоя, воспринимающего раздражители, защиты от воздействия внутренних возбуждений, видимо, приводит к тому, что эти перемещения раздражения приобретают большее экономическое значение и часто дают повод к экономическим нарушениям, которые можно сравнить с нарушениями при травматических неврозах. Самые обильные источники такого внутреннего возбуждения — так называемые влечения организма как репрезентанты всех проистекающих изнутри тела, возникающих внутри организма и перенесенных на душевный аппарат силовых воздействий, самый важный, равно как и самый непонятный элемент психологического исследования.

Наверное, не будет слишком смелым предположение, что импульсы, исходящие от влечений, по своему типу относятся не к связанным, а к свободно подвижным, стремящимся к отводу нервным процессам. Самое главное, что мы знаем об этих процессах, мы почерпнули из изучения сновидений. Причем мы обнаружили, что процессы в бессознательных системах коренным образом отличаются от процессов в (пред)сознательных системах, что в бессознательном катексисы легко могут полностью переноситься, смещаться, сгущаться, что могло бы давать только ошибочные результаты, если бы это происходило на предсознательном материале, и что проявляется в знакомых нам странностях явного содержания сновидения, после того как предсознательные следы дневных впечатлений подверглись переработке по законам бессознательного. Этот вид процессов, протекающих в бессознательном, в противоположность вторичному процессу, характерному для нашей обычной жизни в состоянии бодрствования, я назвал «первичным» психическим процессом. Поскольку все импульсы влечений оказывают воздействие на бессознательные системы, вряд ли будет чем-то новым утверждение, что они следуют первичному процессу; с другой стороны, мало что требуется для отождествления первичного психического процесса со свободно подвижным катексисом, а вторичного процесса — с изменениями связанного или тонического катексиса по Брейеру[1]. В таком случае задача более высоких слоев душевного аппарата состояла бы в связывании возбуждения, про-

---

[1] Ср. раздел VII, «Психология процесса сновидения», в моем «Толковании сновидений» [(1900*a*), глава VII, раздел Д, *Studienausgabe*, т. 2, с. 559 и далее]. [Ср. также «Этюды об истерии» Брейера и Фрейда, 1895, раздел 2 теоретической части, написанной Брейером (*Taschenbuchausgabe*, 155–163).]

истекающего от влечений, при достижении им первичного процесса. Неудача такого связывания вызвала бы поражение, аналогичное травматическому неврозу; только после произошедшего связывания принцип удовольствия (и его модификация в принцип реальности) мог бы беспрепятственно установить свою власть. Но до тех пор душевному аппарату предстояло бы сначала решить другую задачу — справиться с возбуждением или связать его, что хотя и не противоречит принципу удовольствия, но независимо от него и отчасти даже его не учитывает.

Проявления навязчивого повторения, описанные нами на примере душевной деятельности в раннем детском возрасте, а также событий в рамках психоаналитического лечения, в большой степени отличаются инстинктивным, а там, где они находятся в противоречии с принципом удовольствия, «демоническим» характером. В детской игре мы, кажется, понимаем, что ребенок повторяет даже неприятное переживание потому, что благодаря своей активности он более основательно справляется с сильным впечатлением, чем это возможно при пассивном переживании. Похоже, что каждое новое повторение совершенствует это самообладание, к которому он стремится, и даже в случае приятных переживаний ребенок не может удовлетвориться этими повторениями и будет непреклонно настаивать на идентичности этого впечатления. Предопределено, что эта характерная особенность впоследствии исчезнет. Острота, услышанная во второй раз, не производит почти никакого впечатления, театральное представление никогда не окажет во второй раз того воздействия, которое оно произвело в первый; более того, взрослого трудно заставить еще раз перечитать книгу, которая ему очень понравилась, вскоре после первого прочтения. Новизна всегда будет условием получения удовольствия. Ребенок же без устали будет требовать от взрослого повторения показанной ему или сыгранной вместе с ним игры, пока тот в изнеможении не откажется от этого, и если ему рассказали интересную историю, он снова и снова будет хотеть услышать эту историю вместо новой; он непреклонно настаивает на полной идентичности повторения и исправляет всякое изменение, которое позволяет себе рассказчик, даже если тот хотел заслужить таким способом одобрение ребенка[1]. Причем здесь нет никакого противоречия принципу

[1] [Ср. некоторые замечания по этому поводу в конце шестого раздела главы VII книги Фрейда об остроумии (1905*c*). *Studienausgabe*, т. 4, с. 210.]

удовольствия; очевидно, что это повторение, обретение заново идентичности, само по себе означает источник удовольствия. И наоборот, становится ясным, что у анализируемого человека принуждение повторять в ситуации переноса события своего детства в *любом* случае выходит за рамки принципа удовольствия. При этом больной ведет себя совсем как ребенок, демонстрируя нам, что вытесненные следы воспоминаний о его очень давних переживаниях находятся у него в несвязанном состоянии и даже до известной степени не способны к вторичному процессу. Благодаря этому отсутствию связанности они также обладают способностью, присоединяясь к остаткам дня, образовывать фантазию-желание, которая изображается в сновидении. Это же навязчивое повторение очень часто выступает для нас как препятствие в терапевтической работе, когда в конце лечения мы хотим добиться полного отделения больного от врача, и можно предположить, что смутный страх у людей, не знакомых с анализом, которые боятся пробудить что-либо, что, по их мнению, лучше оставить спящим, — это, по существу, страх перед появлением такого демонического принуждения.

Но каким образом связаны между собой влечения и принуждение к повторению? Здесь напрашивается мысль, что мы напали на след некоторой общей, до сих пор четко не распознанной — или, по крайней мере, явно не подчеркивавшейся[1] — характеристики влечений, быть может, даже вообще всей органической жизни. *Влечение, следовательно, можно было бы определить как присущее живому организму стремление к восстановлению прежнего состояния*, от которого под влиянием внешних мешающих сил этому живому существу пришлось отказаться, своего рода органическая эластичность, или — если угодно — выражение инертности в органической жизни[2].

Такое понимание влечений кажется странным, ибо мы привыкли усматривать в них момент, побуждающий к изменению и развитию, а теперь должны признать полностью противоположное — выражение *консервативной* природы живого. С другой стороны, нам вскоре приходят на ум примеры из жизни животных, которые, по-видимому, подтверждают историческую обус-

---

[1] [Слова, выделенные тире, были добавлены в 1921 году.]

[2] Не сомневаюсь, что подобные предположения о природе «влечений» уже не раз высказывались.

ловленность влечений. Когда некоторые рыбы во время нереста отправляются в далекий и трудный путь, чтобы метать икру в определенных водоемах, удаленных на значительные расстояния от их обычных мест обитания, они, по мнению многих биологов, лишь возвращаются на старые места, где когда-то обитал их вид и которые они с течением времени сменили на другие. То же самое относится и к перелетам птиц; но от поисков дальнейших примеров нас вскоре избавит напоминание, что феномены наследственности и факты эмбриологии дают нам прекрасные доказательства органического навязчивого повторения. Мы видим, что зародыш живущего сейчас животного вынужден в своем развитии повторить — пусть даже в беглом сокращении — структуры всех тех форм, от которых происходит это животное, вместо того чтобы кратчайшим путем быстро прийти к своему окончательному внешнему виду. Мы можем лишь в весьма незначительной степени объяснить это обстоятельство механически и не вправе оставлять в стороне историческое объяснение. И точно так же далеко в историю мира животных простирается способность к репродукции, благодаря которой утерянный орган заменяется другим, полностью ему идентичным.

Конечно, нельзя не учитывать напрашивающегося возражения, что помимо консервативных влечений, вынуждающих к повторению, есть также другие — побуждающие к обновлению и прогрессу; впоследствии мы также должны будем включить это в свои рассуждения[1]. Но прежде нам кажется заманчивым проследить все выводы из предположения, что все влечения стремятся восстановить прежнее состояние. Пусть то, что при этом получится, покажется «глубокомысленным» или прозвучит мистически, но мы-то знаем, что не заслуживаем упрека в стремлении к чему-то подобному. Мы хотим получить надежные результаты исследования или основанной на них идеи, и наше желание — лишь придать им характер достоверности[2].

Таким образом, если все органические влечения консервативны, приобретены исторически и направлены на регрессию, на восстановление прежнего состояния, то успехи органическо-

---

[1] [Часть предложения после точки с запятой была добавлена в 1921 году.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1925 году.]* Не следует упускать из виду, что дальнейшее представляет собой развитие до крайности заостренной идеи, которая позднее, при рассмотрении сексуальных влечений, будет ограничена и скорректирована.

го развития мы должны отнести на счет внешних, мешающих и отвлекающих влияний. С самого начала элементарное живое существо не хотело бы изменяться, при неизменных условиях всегда повторяло бы лишь один и тот же жизненный путь. Но в конечном счете именно история развития нашей Земли и ее отношения к Солнцу должна была наложить свой отпечаток на развитие организмов. Консервативные органические влечения восприняли каждое из этих навязанных изменений жизненного пути и сохранили их для повторения: таким образом, они должны были создать обманчивое впечатление о силах, стремящихся к изменению и прогрессу, тогда как они просто-напросто стремятся достичь старой цели и старыми, и новыми способами. На эту конечную цель всякого органического стремления также можно было бы указать. Если бы целью жизни было некое состояние, прежде никогда еще не достигавшееся, то это противоречило бы консервативной природе влечений. Скорее всего, этой целью должно быть старое исходное состояние, в котором некогда пребывало живое существо и к которому оно стремится вернуться любыми окольными путями развития. Если мы примем в качестве не знающего исключений факта тот опыт, что все живое умирает в силу *внутренних* причин, возвращается к неорганическому, то мы можем только сказать: *цель всякой жизни есть смерть,* и, возвращаясь к прежней идее: *неживое существовало раньше живого.*

Когда-то под воздействием неких сил, которые пока еще совершенно невозможно представить себе, в неодушевленной материи были пробуждены свойства живого. Возможно, это был процесс, аналогичный и послуживший образцом другому процессу, который позднее привел к возникновению сознания в определенном слое живой материи. Напряжение, возникшее в неживой дотоле материи, стремилось прийти к равновесию; таково было первое влечение — влечение вернуться к неживому. Жившая в то время субстанция могла легко умереть, ее жизненный путь, вероятно, был короток, а его направление определялось химической структурой молодой жизни. Наверное, на протяжении долгого времени живая субстанция создавалась снова и снова и так же легко умирала, пока внешние определяющие воздействия не изменились настолько, что вынудили субстанцию, перед которой по-прежнему стояла задача выживания, к еще большим отклонениям от первоначального жизненного пути и ко все более сложным окольным путям для

достижения цели смерти. Эти окольные пути к смерти, надежно закрепленные консервативными влечениями, дают нам сегодня картину жизненных явлений. Если придерживаться идеи об исключительно консервативной природе влечений, то к другим предположениям о происхождении и цели жизни прийти невозможно.

В таком случае так же странно, как и эти выводы, звучит то, что можно сказать о больших группах влечений, стоящих, по нашему мнению. за жизненными проявлениями организмов. Идея о существовании влечений к самосохранению, которые мы признаем за любым живым существом, удивительным образом противоречит предположению о том, что вся жизнь, определяемая влечениями, служит достижению смерти. С этой точки зрения теоретическое значение влечения к самосохранению, влечений к власти и к признанию существенно ограничивается; это парциальные влечения, предназначенные для обеспечения организму собственного пути к смерти и недопущения других возможностей возвращения к неорганическому состоянию, кроме внутренне ему присущих. Таким образом, отпадает загадочное, ни с чем не связанное стремление организма утвердить себя наперекор всему миру. Остается признать, что организм лишь хочет умереть по-своему; также и эти защитники жизни первоначально были пособниками смерти. При этом возникает парадокс — живой организм самым энергичным образом сопротивляется воздействиям (опасностям), которые могли бы ему помочь достичь своей цели жизни кратчайшим путем (так сказать, путем короткого замыкания), но это поведение характеризует как раз чисто инстинктивное стремление в противоположность интеллектуальному[1].

Но задумаемся — ведь этого не может быть! Совсем в другом свете предстают сексуальные влечения, которым в учении о неврозах отведено особое место. Не все организмы подчинены внешнему принуждению, побуждавшему их развиваться все дальше и дальше. Многим вплоть до настоящего времени удавалось удерживаться на своей низкой ступени; еще и сегодня жи-

---

[1] [В изданиях до 1925 года к этому месту дается следующее примечание: «Ср., кстати, сделанную позднее корректировку этого экстремального представления о влечениях к самосохранению».]

вут если не все, то все же многие существа, которые, должно быть, аналогичны предшествующим формам высших животных и растений. И точно так же не все элементарные организмы, из которых состоит сложное тело высшего живого существа, проходят весь путь развития до своей естественной смерти. Некоторые из них, например, зародышевые клетки, вероятно, сохраняют, первоначальную структуру живой субстанции и через какое-то время отделяются от организма, наделенные всеми унаследованными и вновь приобретенными задатками влечений. Возможно, именно эти два качества и позволяют им существовать самостоятельно. Оказавшись в благоприятных условиях, они начинают развиваться, то есть повторять весь цикл, которому они обязаны своим существованием, и это завершается тем, что опять-таки одна часть их субстанции продолжает свое развитие до конца, тогда как другая в качестве нового зародышевого остатка начинает развитие с самого начала. Таким образом, эти зародышевые клетки противодействуют умиранию живой субстанции и достигают того, что должно показаться нам потенциальным бессмертием, хотя это, возможно, означает лишь продление смертного пути. Для нас необычайно важен тот факт, что эта функция зародышевой клетки укрепляется или вообще становится возможной лишь благодаря слиянию с другой клеткой, похожей на нее, но все же отличной от нее.

Влечения, заботящиеся о судьбах этих элементарных организмов, которые живут дольше отдельного существа, стремящиеся поместить их в надежное место, пока они беззащитны перед раздражителями внешнего мира, обеспечивающие их встречу с другими зародышевыми клетками и т.д., образуют группу сексуальных влечений. Они консервативны в том же смысле, что и другие, воспроизводя прежние состояния живой субстанции, но они консервативны в большей степени, оказываясь особенно устойчивыми к внешним воздействиям, и, кроме того, еще в более широком смысле, сохраняя саму жизнь на долгие времена[1]. Они, собственно, и есть влечения к жизни; в том, что они противодействуют намерению других влечений, по своей функции ведущих к смерти, проявляется противоречие между ними и

[1] [*Дополнение, сделанное в 1923 году:*] И все же именно их мы можем рассматривать как внутреннюю тенденцию к «прогрессу» и к более высокому развитию! (См. ниже [с. 269–270].)

прочими влечениями, значение которого уже давно было признано в теории неврозов. Это похоже на колебательный ритм в жизни организмов; одна группа влечений стремится вперед, чтобы как можно скорее достичь конечной цели жизни, другая группа на известном этапе этого пути устремляется назад, чтобы начиная с определенного пункта проделать путь снова и тем самым увеличить его продолжительность. Но даже если сексуальность и различие полов в начале жизни наверняка не существовали, то все же остается возможным, что влечения, которые впоследствии стали обозначаться как сексуальные, действовали изначально, и их противоборство с «влечениями Я» началось именно тогда, а не в какое-то более позднее время[1].

Но теперь давайте впервые вернемся назад, чтобы спросить, не лишены ли основания все эти умозрительные заключения. Действительно ли не существует, *если не считать сексуальных влечений*[2], других влечений как таковых, которые стремятся восстановить прежнее состояние, и нет ли таких влечений, которые стремятся к состоянию, еще никогда не достигавшемуся? В органическом мире я не знаю ни одного надежного примера, который противоречил бы предложенной нами характеристике. Разумеется, в мире животных и растений нельзя констатировать всеобщего влечения к высшему развитию, хотя фактически такое направление развития остается неоспоримым. Но, с одной стороны, это, скорее, всего лишь вопрос нашей оценки, когда одну ступень развития мы объявляем более высокой, чем другую, а с другой стороны, наука о живых существах показывает нам, что более высокое развитие в одном очень часто достигается или возмещается за счет регресса в другом. Кроме того, существует достаточно видов животных, ранние формы которых позволяют нам говорить, что их развитие скорее приняло регрессивный характер. Более высокое, равно как и регрессивное, развитие может быть результатом влияния внешних сил, вынуждающих к приспособлению, и роль влечений в обоих случа-

---

[1] [*Дополнение, сделанное в 1925 году:*] Из данного контекста должно стать понятным, что «влечения Я» здесь рассматриваются лишь как предварительное название, связанное с первыми понятиями, введенными в психоанализе. [См. ниже с. 277–278 и с. 286, прим.]

[2] [Эти пять слов стали выделяться типографским способом только с 1921 года.]

ях, возможно, ограничивается тем, что они закрепляют вынужденное изменение в качестве внутреннего источника удовольствия[1].

Наверное, многим из нас трудно будет отказаться от веры в то, что в самом человеке живет влечение к совершенствованию, которое привело его на современную высоту духовных достижений и этической сублимации и от которого можно ждать, что оно обеспечит его развитие до сверхчеловека. Но я лично не верю в существование такого внутреннего влечения и не вижу способа сохранить эту приятную иллюзию. Мне кажется, что все прежнее развитие человека объясняется так же, как и развитие животных, а наблюдаемое у небольшой части людей неустанное стремление к дальнейшему совершенствованию легко можно объяснить последствием вытеснения влечений, на котором и зиждется все самое ценное в человеческой культуре. Вытесненное влечение никогда не перестает стремиться к своему полному удовлетворению, которое состоит в повторении первого переживания удовлетворения; замещающих образований, реактивных образований и сублимаций недостаточно, чтобы устранить его сдерживающее напряжение, а вследствие расхождения между полученным и требуемым удовольствием при удовлетворении возникает побуждающий момент, который не позволяет останавливаться ни на одной из создавшихся ситуаций, а, по словам поэта, «вперед влечет неудержимо» (Мефистофель в «Фаусте», [4-я сцена], «Кабинет Фауста»). Путь назад к полному удовлетворению, как правило, прегражден сопротивлениями, сохраняющими вытеснение, и, таким образом, не остается ничего иного, как продвигаться в другом, пока еще свободном направлении развития, правда, без перспективы завершить процесс и достичь цели. Процессы при образовании невротической фобии, которая, по существу, есть не что иное, как попытка к бегству от удовлетворения влечения, служат нам образцом возникновения этого мнимого «влечения к совершенствованию», которое мы,

[1] Ш. Ференци пришел к возможности такого же понимания другим путем («Ступени развития чувства действительности», 1913*a*, 137): «Если последовательно довести до конца этот ход мыслей, то нужно признать идею о наличии инерционной или даже регрессивной тенденции, господствующей также и в органической жизни, тогда как тенденция поступательного развития, приспособления и т. д. актуализируется лишь в ответ на внешние раздражители».

однако, не можем приписать всем человеческим индивидам. Хотя динамические условия для него существуют повсюду, экономические условия способствуют возникновению этого феномена, по-видимому, лишь в редких случаях.

Однако следует в нескольких словах указать на вероятность того, что стремление эроса объединять органическое во все большие единицы заменяет не признаваемое нами «влечение к совершенствованию». Вкупе с воздействиями вытеснения оно могло бы объяснить феномены, приписываемые последнему[1].

---

[1] [Этот добавленный в 1923 году абзац подводит к описанию эроса в следующей главе, с. 277 и далее.]

VI

Наш предыдущий вывод, устанавливающий полную противоположность между «влечениями Я» и сексуальными влечениями, сводя первые к смерти, а последние — к продолжению жизни, несомненно, во многих отношениях не удовлетворит нас самих. Добавим к этому, что о консервативном или, точнее, регрессивном характере влечений, соответствующем навязчивому повторению, мы могли говорить, собственно, только в случае первых влечений. Ибо, согласно нашему предположению, влечения Я восходят к оживлению неживой материи и стремятся восстановить состояние неживого. Сексуальные влечения ведут себя совершенно иначе — очевидно, что они воспроизводят примитивные состояния живого существа, но цель, к которой они стремятся всеми возможными средствами, состоит в слиянии двух определенным образом дифференцированных зародышевых клеток. Если этого соединения не происходит, зародышевая клетка умирает подобно всем остальным элементам многоклеточного организма. Только при этом условии половая функция может продлевать жизнь и придавать ей видимость бессмертия. Какое же важное событие в ходе развития живой субстанции повторяется благодаря половому размножению или его предтече — копуляции двух индивидов среди одноклеточных[1]? На это мы ничего ответить не можем, и поэтому мы восприняли бы с облегчением, если бы все наши мыслительные построения оказались ошибочными. Тогда противопоставление влечений Я (к смерти[2]) и сексуальных влечений (к жизни) отпало бы само собой, тем самым и навязчивое повторение тоже утратило бы приписываемое ему значение.

Поэтому вернемся к одному из затронутых нами предположений, ожидая, что его можно будет полностью опровергнуть. Основываясь на этой предпосылке, мы далее сделали вывод, что все живое в силу внутренних причин должно умереть. Мы так беспечно высказали это предположение именно потому, что оно таковым нам не кажется. Мы привыкли так думать, наши поэты

---

[1] [В дальнейшем Фрейд, говоря об одноклеточном живом существе, использует обозначения «одноклеточные» или «простейшие».]

[2] [В опубликованных работах Фрейда этот термин здесь появляется впервые.]

подкрепляют нас в этом. Возможно, мы решились на это потому, что подобное верование дает утешение. Если суждено самому умереть и перед тем потерять своих любимых, то лучше уж подчиниться неумолимому закону природы, величественной бнбгчз [необходимости], чем случайности, которой можно было бы избежать. Но, быть может, эта вера во внутреннюю закономерность смерти — тоже всего лишь иллюзия, нами созданная, «чтобы вынести тяготы бытия»[1]? Во всяком случае, эта вера не изначальна, первобытным народам идея «естественной смерти» чужда; они объясняют каждую смерть влиянием врага или злого духа. Поэтому для проверки этого верования обратимся к биологической науке.

Поступив таким образом, мы, возможно, будем удивлены тем, насколько мало согласия между биологами в вопросе о естественной смерти, да и само понятие смерти у них растекается. Факт определенной средней продолжительности жизни, по крайней мере у высших животных, свидетельствует, разумеется, о смерти от внутренних причин, но то обстоятельство, что отдельные крупные животные и гигантские деревья достигают очень большого возраста, который до сих пор оценить невозможно, опять-таки сводит на нет это впечатление. Согласно прекрасной концепции В. Флисса [1906], все жизненные проявления организмов — конечно, также и смерть — связаны с наступлением определенных сроков, в которых выражается зависимость двух живых субстанций — мужской и женской — от солнечного года. Однако наблюдения, свидетельствующие о том, насколько легко и в какой степени под влиянием внешних сил могут измениться — особенно в растительном мире — во временнум аспекте проявления жизни (ускориться или затормозиться) не укладываются в жесткие формулы Флисса и, как минимум, заставляют усомниться в единовластии установленных им законов.

Наибольший интерес вызывает у нас та трактовка, которую вопрос о продолжительности жизни и о смерти организмов получил в работах А. Вейсмана (1882, 1884, 1892 и др.). Этому исследователю принадлежит идея о разделении живой субстанции на смертную и бессмертную половины; смертная половина — это тело в узком значении слова, то есть сома; только она одна подвержена естественной смерти, зародышевые же клетки

[1] [Шиллер, «Мессинская невеста», акт I, 8-я сцена.]

потенциально бессмертны, поскольку при известных благоприятных условиях они способны развиться в новый индивид или, выражаясь иначе, окружить себя новой сомой[1].

Что нас здесь привлекает, так это неожиданная аналогия с нашим собственным пониманием, к которому мы пришли совершенно иным путем. Вейсман, рассматривающий живую субстанцию с морфологической точки зрения, выявляет в ней составную часть, подверженную смерти — сому, тело, — независимо от пола и наследственности, а также бессмертную часть, а именно зародышевую плазму, которая служит сохранению вида, размножению. Мы рассматривали не живую материю, а действующие в ней силы, и пришли к разграничению двух видов влечений — одних влечений, которые хотят привести жизнь к смерти, и других, сексуальных, влечений, которые постоянно стремятся к обновлению жизни. Это выглядит как динамическое следствие морфологической теории Вейсмана. Но видимость многозначительного совпадения исчезает, как только мы обращаемся к решению Вейсманом проблемы смерти. Ибо Вейсман допускает различие смертной сомы и бессмертной зародышевой плазмы только у многоклеточных организмов, тогда как у одноклеточных животных индивид и клетка, служащая продолжению рода, не различаются[2]. То есть он считает одноклеточные организмы потенциально бессмертными, смерть наступает только у многоклеточных. Правда, эта смерть высших живых существ — естественная, то есть смерть в силу внутренних причин, но она не основывается на исходных свойствах живой субстанции[3], не может пониматься как абсолютная необходимость, обусловленная сущностью жизни[4]. Смерть — это скорее свойство целесообразности, проявление адаптации к внешним условиям жизни, поскольку после разделения клеток тела на сому и зародышевую плазму неограниченная продолжительность жизни индивида стала бы совершенно нецелесообразной роскошью. С возникновением у многоклеточных этой дифференциации смерть стала возможной и целесообразной. С тех пор сома высших живых существ в силу внутренних причин к определенному времени отмирает, одноклеточные же остались бессмертны-

---

[1] Weismann. 1884.
[2] Weismann. 1882. 38.
[3] Weismann. 1884. 84.
[4] Weismann. 1882. 33.

ми. И наоборот, размножение не возникло лишь с появлением смерти, скорее, оно представляет собой первичное свойство живой материи, как и рост, от которого оно произошло, и жизнь на земле с самого начала оставалась непрерывной[1].

Нетрудно убедиться, что признание естественной смерти для высших организмов мало чем помогает нашему делу. Если смерть — это всего лишь позднее приобретение живых существ, то тогда влечения к смерти, которые восходят к самому началу жизни на земле, можно и не рассматривать. Тогда многоклеточные все же могут умирать по внутренним причинам, от недостатков своей дифференциации или несовершенства обмена веществ; для вопроса, который нас занимает, это интереса не представляет. Несомненно, такое понимание смерти и ее происхождения для привычного мышления человека также гораздо ближе, чем странное предположение о «влечениях к смерти».

Дискуссия, последовавшая за формулировками Вейсмана, на мой взгляд, ни в одном направлении ничего определенного не дала[2]. Некоторые авторы вернулись к точке зрения Гёте (1883), который видел в смерти прямое следствие размножения. Гартман характеризует смерть не появлением «трупа», отмершей части живой субстанции, а определяет ее как «завершение индивидуального развития». В этом смысле смертны и простейшие, смерть всегда совпадает у них с размножением, но этим она в известной степени оказывается завуалированной, поскольку субстанция животного-родителя может быть непосредственно переведена в молодых индивидов-детей[3].

Вскоре после этого интерес исследователей обратился к экспериментальной проверке постулируемого бессмертия живой субстанции у одноклеточных. Американец Вудрафф выращивал ресничную инфузорию-туфельку, которая размножается делением на два индивида, и прослеживал это деление до 3029-го поколения, на котором он прервал свой опыт; каждый раз он изолировал один из продуктов деления и помещал его в свежую воду. Этот поздний потомок первой туфельки был так же свеж, как его прародительница, без каких-либо следов старения или дегенерации. Этим, если считать такие количества доказатель-

---

[1] Weismann. 1884. 84–85.

[2] Ср. Max Hartmann. 1906; Alex. Lipschütz, 1914; Franz Doflein, 1919.

[3] Hartmann. 1906. 29.

ными, казалось, было экспериментально подтверждено бессмертие простейших[1].

Другие исследователи пришли к иным результатам. Мопа, Калкинс и др. в противоположность Вудраффу обнаружили, что и эти инфузории после определенного числа делений также становятся слабее, уменьшаются в размере, теряют часть своей организации и в конце концов умирают, если не подвергнутся определенному освежающему воздействию.. Следовательно, после фазы возрастного распада простейшие умирают точно так же, как и высшие животные, в противоположность утверждениям Вейсмана, который считает смерть более поздним приобретением живых организмов.

В результате сопоставления этих исследований мы выделяем два факта, на которые, по-видимому, можно опереться. Во-первых: если эти организмы в момент, когда у них еще не проявляются возрастные изменения, способны слиться друг с другом, «копулировать» — после чего через некоторое время они снова разъединяются, — то они избегают старения, они «омолодились». Но эта копуляция, пожалуй, — лишь предтеча полового размножения высших существ; она пока еще не имеет ничего общего с увеличением численности, ограничивается смешением субстанций двух индивидов (амфимиксис по Вейсману). Однако освежающее влияние копуляции можно также заменить определенными раздражающими средствами, изменением состава питательной жидкости, повышением температуры или встряхиванием. Вспомним знаменитый опыт Ж. Лёба, который определенными химическими раздражителями вызывал в яйцах морского ежа процессы деления, обычно возникающие только после оплодотворения[2].

Во-вторых: все же вполне вероятно, что инфузории приходят к естественной смерти вследствие своих собственных жизненных процессов, ибо расхождение между данными Вудраффа и других исследователей возникает из-за того, что Вудрафф помещал каждое новое поколение инфузорий в свежую питательную жидкость. Если бы он этого не делал, то наблюдал бы такие же возрастные изменения у поколений, как и другие исследователи. Он пришел к выводу, что этим организмам вредят продукты

---

[1] Об этом и следующем см. Lipschütz, 1914, 26, 52 etc.

[2] [Этот эксперимент впервые был проведен в 1899 году, ср. Loeb, 1909.]

обмена веществ, которые они отдают окружающей жидкости, а затем сумел убедительно доказать, что только продукты *собственного* обмена веществ оказывают воздействие, ведущее к смерти поколения. Ведь те же самые организмы, которые непременно погибали, скопившись в своей собственной питательной жидкости, прекрасно развивались в растворе, перенасыщенном продуктами распада отдаленного родственного вида. Таким образом, инфузория, предоставленная самой себе, умирает естественной смертью из-за несовершенства удаления продуктов собственного обмена веществ; но, может быть, и все высшие животные умирают, в сущности, вследствие такой же неспособности.

Возможно, здесь возникнет сомнение, целесообразно ли было вообще искать решение вопроса о естественной смерти в изучении простейших. Примитивная организация этих живых существ, быть может, скрывает от нас важные условия, которые есть также и у них, но выявляются только у высших животных, у которых они нашли морфологическое выражение. Если мы оставим морфологическую точку зрения, чтобы встать на динамическую, то нам вообще может стать безразличным, доказуема или недоказуема естественная смерть простейших. Субстанция, впоследствии признанная бессмертной, никак не отделена у них от смертной. Силы влечений, стремящиеся перевести жизнь в смерть, могут действовать у них с самого начала, и все же их эффект может настолько перекрываться сохраняющими жизнь силами, что непосредственное доказательство их наличия становится очень сложным. Однако мы слышали, что наблюдения биологов позволяют сделать предположение о наличии таких внутренних процессов, ведущих к смерти, также и в отношении простейших. Но если даже простейшие оказываются бессмертными в понимании Вейсмана, то его утверждение, что смерть — это позднее приобретение, сохраняет свою силу лишь для явных проявлений смерти и не исключает гипотезы о процессах, ведущих к смерти. Наши ожидания, что биология с легкостью опровергнет гипотезу о влечениях к смерти, не оправдались. Мы можем продолжать обсуждать такую возможность, если у нас будут для этого основания. И все же поразительное сходство предложенного Вейсманом деления на сому и зародышевую плазму с нашим делением на влечения к смерти и влечения к жизни сохраняется и вновь приобретает значение.

Остановимся вкратце на этом строго дуалистическом понимании инстинктивной жизни. Согласно теории Э. Геринга о процессах в живой субстанции, в ней непрерывно протекают два рода процессов противоположного направления, один созидающий, ассимилирующий, другой — разрушающий, диссимилирующий[1]. Осмелимся ли мы признать в этих двух направлениях жизненных процессов действие двух наших импульсов влечений — влечений к жизни и влечений к смерти? Но есть нечто другое, чего нам не утаить: нежданно-негаданно мы зашли в гавань философии Шопенгауэра, для которого смерть есть «собственно результат» и, следовательно, цель жизни[2], а сексуальное влечение — воплощение воли к жизни.

Попытаемся сделать еще один смелый шаг. По общему мнению, объединение многочисленных клеток в один жизненный союз, то есть многоклеточность организмов, стало средством увеличения продолжительности их жизни. Одна клетка служит сохранению жизни другой, и клеточное государство может продолжать жить, даже если отдельные клетки вынуждены отмирать. Мы уже слышали, что копуляция, временное слияние двух одноклеточных, поддерживает жизнь обеих клеток и омолаживает их. В таком случае можно было бы сделать попытку перенести теорию либидо, разработанную в психоанализе, на отношения клеток между собой и представить себе, что именно жизненные или сексуальные влечения, действующие в каждой клетке, делают своим объектом другие клетки, частично нейтрализуют их влечения к смерти, то есть стимулируемые ими процессы, и таким образом сохраняют им жизнь, тогда как другие клетки делают то же самое для них, а третьи жертвуют собой для осуществления этой либидинозной функции. Сами зародышевые клетки вели бы себя абсолютно «нарциссически», как мы привыкли обозначать это в теории неврозов, когда весь индивид целиком сохраняет свое либидо в Я и совсем не расходует его на катексис объектов. Зародышевые клетки нуждаются в своем либидо, в деятельности своих жизненных влечений для самих

---

[1] [Ср. Hering. 1878. 77 etc. — В приложении А к работе «Бессознательное», с. 176, содержатся некоторые указания на то, что физиолог Эвальд Геринг, возможно, также повлиял на формирование у Фрейда понятия бессознательного.]

[2] «О мнимой намеренности в судьбе индивида» [1851]. Großherzog Wilhelm Ernst-Ausgabe, т. 4, с. 268.

себя, чтобы иметь запас для своей последующей великолепной созидательной деятельности. Наверное, и клетки злокачественных новообразований, разрушающих организм, также можно охарактеризовать в том же самом смысле как нарциссические. Ведь патология готова считать их зародыши рожденными вместе с ними и признать за ними эмбриональные свойства[1]. Таким образом, либидо наших сексуальных влечений совпало бы с Эросом поэтов и философов, объединяющим все живое.

Здесь у нас есть повод проследить постепенное развитие нашей теории либидо. Вначале анализ неврозов переноса заставил нас провести различие между «сексуальными влечениями», которые направлены на объект, и другими влечениями, которые мы понимали только отчасти и предварительно обозначили как «влечения *Я*»[2]. Среди них в первую очередь следовало признать влечения, служащие самосохранению индивида. Какие еще надо было провести различия — никто не знал. Никакие знания не были бы столь важны для обоснования правильной психологии, как приблизительное понимание общей природы и некоторых особенностей влечений. Но ни в одной из областей психологии мы не пребывали в таком неведении. Каждый устанавливал столько влечений, или «основных влечений», сколько ему хотелось, и распоряжался ими, как древнегреческие натурфилософы своими четырьмя стихиями: водой, землей, огнем и воздухом. Психоанализ, который не мог обойтись без гипотезы о влечениях, сначала придерживался популярного разделения влечений, прообразом которого являются слова о «любви и голоде». По крайней мере, такое разделение не было новым актом произвола. Оно во многом обогатило анализ психоневрозов. Однако понятие «сексуальность» — и вместе с ним понятие сексуального влечения — пришлось расширить, пока оно не стало включать в себя многое из того, что не укладывалось в функцию размножения, и это вызвало немало шума в строгом, аристократическом или просто ханжеском мире.

Следующий шаг был сделан, когда психоанализ постепенно сумел приблизиться к психологическому понятию «*Я*», кото-

---

[1] [Два последних предложения были добавлены в 1921 году.]

[2] [См., например, описание упомянутого противопоставления в статье Фрейда, посвященной психогенному нарушению зрения (1910*i*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 209–211.]

рое сначала стало известным ему лишь как вытесняющая, осуществляющая цензуру инстанция, способствующая созданию защитных построений и реактивных образований. Правда, критичные и другие дальновидные умы уже давно возражали против ограничения понятия либидо как энергии сексуальных влечений, направленных на объект. Но они не соизволили сообщить, откуда у них взялось это лучшее понимание, и не сумели вывести из него что-либо пригодное для анализа. В ходе дальнейших более тщательных психоаналитических наблюдений обратило на себя внимание то обстоятельство, что очень часто либидо отводится от объекта и направляется на Я (интроверсия); а, изучая развитие либидо у ребенка на самых ранних стадиях, психоаналитики пришли к выводу, что Я представляет собой истинный и изначальный резервуар либидо[1], которое из него затем распространяется на объект. Я было причислено к сексуальным объектам и сразу же было признано самым важным из них. Таким образом, если либидо пребывало в Я, то оно называлось нарциссическим[2]. Разумеется, это нарциссическое либидо было также выражением силы сексуальных влечений в аналитическом смысле, которые пришлось идентифицировать с признаваемыми с самого начала «влечениями к самосохранению». В результате первоначальное противопоставление влечений Я и сексуальных влечений оказалось недостаточным. Часть влечений Я была признана либидинозной; в Я — вероятно, наряду с другими — действовали и сексуальные влечения, и все же мы вправе сказать, что старая формулировка, согласно которой психоневроз основывается на конфликте между влечениями Я и сексуальными влечениями, не содержит ничего, что можно было бы сегодня отвергнуть. Различие двух видов влечений, которое первоначально так или иначе рассматривалось как качественное, теперь следует трактовать иначе, а именно с топической точки зрения. В частности, невроз переноса — главный объект исследования в психоанализе — остается следствием конфликта между Я и либидинозным объектным катексисом.

---

[1] [Эта гипотеза подробно обсуждается в работе Фрейда о нарцизме (1914*c*), раздел I (с. 43 и далее в этом томе). См. также более позднее примечание Фрейда в главе III работы «Я и Оно» (1923*b*), где это утверждение корректируется и вместо Я в качестве «огромного резервуара либидо» выступает Оно (см. ниже с. 319, прим. 1).]

[2] «О введении понятия "нарцизм"» (1914*c*) [см. выше с. 43 и далее].

Либидинозный характер влечений к самосохранению тем более следует подчеркнуть теперь, когда мы отваживаемся сделать следующий шаг — признать сексуальные влечения сохраняющим все в этом мире эросом, а нарциссическое либидо Я вывести из количеств либидо, которыми связаны между собой клетки сомы. Но теперь перед нами неожиданно возникает такой вопрос: если влечения к самосохранению тоже имеют либидинозную природу, то тогда, может быть, нет вообще никаких других влечений, кроме либидинозных? Во всяком случае, других не видно. Но тогда нужно признать правоту критиков, которые с самого начала подозревали, что психоанализ объясняет *все* исходя из сексуальности, или таких новаторов, как Юнг, которые, не долго думая, стали употреблять термин «либидо» для обозначения «движущей силы» вообще. Разве не так?

Однако к такому результату мы не стремились. Ведь, мы, скорее, исходили из строгого разделения на влечения Я = влечения к смерти и сексуальные влечения = влечения к жизни. Более того, мы были готовы [см. с. 248–249] причислить относящиеся к Я так называемые влечения к самосохранению к влечениям к смерти, но затем [с. 261], внося исправления, от этого отказались. Наше понимание с самого начала было *дуалистическим*, и сегодня, после того как мы стали обозначать эти противоположности не как влечения Я и сексуальные влечения, а влечения к жизни и влечения к смерти, оно стало еще более строгим, чем прежде. И наоборот, теория либидо Юнга — *монистическая*; то, что свою единственную движущую силу он назвал либидо, могло повергнуть нас в замешательство, но в дальнейшем влиять на нас не должно[1]. Мы предполагаем, что в Я, кроме либидинозных[2] влечений к самосохранению, действуют и другие влечения; мы должны суметь их показать. К сожалению, анализ Я так мало продвинулся вперед, что привести это доказательство для нас действительно будет сложно. Однако либидинозные влечения Я могут быть особым образом связаны с другими влечениями Я, пока еще нам незнакомыми[3]. Еще до того, как мы ясно распознали нарцизм, в психоанализе уже существовало предпо-

---

[1] [Это и предыдущее предложения были добавлены в 1921 году.]

[2] [Слово «либидинозных» было добавлено в 1921 году.]

[3] [Только в первом издании часть предложения после запятой выглядит так: «...связаны, по выражению А. Адлера, "скрещены" с другими влечениями Я, пока еще нам незнакомыми».]

ложение, что «влечения Я» привлекли к себе либидинозные компоненты. Но это пока еще весьма неясные возможности, с которыми оппоненты едва ли будут считаться. Досадно, что до сих пор анализ сумел доказать лишь наличие либидинозных влечений [Я]. Но мы не хотели бы подвести этим рассуждением к выводу, что других влечений не существует.

При нынешней неясности теории влечений мы вряд ли поступим правильно, если отвергнем какую-либо идею, сулящую нам объяснение. Мы исходили из принципиальной противоположности между влечениями к жизни и смерти. Сама объектная любовь демонстрирует нам вторую такую полярность — полярность любви (нежности) и ненависти (агрессии). Если бы нам удалось связать две эти полярности между собой, свести одну полярность к другой! Мы уже давно выявили садистский компонент сексуального влечения[1]; он, как мы знаем, может стать самостоятельным и в виде перверсии определять все сексуальное стремление человека. Он проявляется также в качестве доминирующего парциального влечения в одной из — как я их назвал — «догенитальных организаций». Но как можно вывести садистское влечение, нацеленное на причинение вреда объекту, из сохраняющего жизнь эроса? Не напрашивается ли предположение, что этот садизм, в сущности, и является влечением к смерти, которое под влиянием нарциссического либидо было оттеснено от Я и поэтому проявляется лишь как направленное на объект? В таком случае оно начинает служить сексуальной функции; на оральной стадии организации либидо обладание объектом любви еще совпадает с уничтожением объекта, позднее садистское влечение отделяется и, наконец, на ступени примата гениталий в целях продолжения рода берет на себя функцию насильственного овладения сексуальным объектом, если этого требует совершение полового акта. Более того, можно было бы сказать, что вытесненный из Я садизм показал путь либидинозным компонентам сексуального влечения: позднее они устремляются к объекту. Там, где первоначальный садизм не подвергается ограничению и слиянию, возникает известная в любовной жизни амбивалентность любви и ненависти[2].

---

[1] «Три очерка по теории сексуальности», начиная с 1-го издания 1905 года. [*Studienausgabe*, т. 5, с. 67 и далее.]

[2] [Уже здесь намечается идея Фрейда о «смешении влечений», обсуждаемая в главе IV работы «Я и Оно» (1923*b*). См. ниже с. 329–331.]

Если позволительно сделать такое предположение, то этим было бы выполнено требование привести пример — хотя и смещенного — влечения к смерти. Правда, это понимание лишено всякой наглядности и производит прямо-таки мистическое впечатление. Нас можно заподозрить в том, что мы любой ценой искали выход из затруднительного положения. В таком случае мы можем сослаться на то, что такое предположение не ново, что мы уже делали его раньше, когда о каком-либо затруднении еще не было и речи. В свое время клинические наблюдения заставили нас сделать вывод, что комплементарное садизму парциальное влечение мазохизма следует понимать как обращение садизма на собственное Я[1]. Однако обращение влечения с объекта на Я — это принципиально не что иное, как обращение от Я на объект, которое здесь обсуждается как новое. Тогда мазохизм, обращение влечения против собственного Я, на самом деле был бы тогда возвращением к более ранней фазе, регрессией. В одном пункте данное ранее определение мазохизма нуждается в исправлении как слишком узкое; мазохизм может быть — что я раньше оспаривал — и первичным[2].

Однако вернемся к сексуальным влечениям, служащим сохранению жизни. Еще из исследования простейших мы узнали, что слияние двух индивидов без последующего деления, копуляция, после которой они вскоре отделяются друг от друга, оказывает укрепляющее и омолаживающее воздействие на обоих (см. выше [с. 275], Lipschütz [1914]). В последующих поколениях у них нет дегенеративных проявлений, и они кажутся способными сопротивляться дальше вредоносным воздействиям собственного обмена веществ. Я думаю, что это наблюдение

---

[1] Ср. «Три очерка по теории сексуальности» [*Studienausgabe*, т. 5, с. 68] и «Влечения и их судьбы» (1915*c*) [с. 90 и далее в этом томе].

[2] В одной весьма содержательной и глубокой работе, которая, к сожалению, не вполне для меня ясна, Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть этих умозрительных рассуждений. Она называет садистские компоненты сексуального влечения «деструктивными» (1912). А. Штерке (1914) попытался другим способом отождествить понятие либидо с биологическим понятием *импульса к смерти*, выведенным теоретически. (Ср. также: Rank, 1907.) Все эти усилия, как и попытки в тексте, свидетельствуют о стремлении к ясности, пока еще не достигнутой в теории влечений. [Собственное описание деструктивного влечения, сделанное Фрейдом позднее, составляет содержание главы VI работы «Недомогание культуры» (1930*a*).]

можно взять за образец также и для эффекта полового совокупления. Но каким образом слияние двух мало чем отличающихся друг от друга клеток приводит к такому обновлению жизни? Пожалуй, опыт, в котором копуляция у простейших организмов заменяется воздействием химических и даже механических раздражителей[1], позволяет уверенно утверждать: это происходит благодаря притоку новых количеств раздражения. Это вполне согласуется с предположением, что жизненный процесс индивида в силу внутренних причин ведет к выравниванию химических напряжений, то есть к смерти, тогда как объединение с индивидуально отличающейся живой субстанцией эти напряжения увеличивает, вводит, так сказать, новые *жизненные различия*, которые затем должны быть *изжиты*. Для такого различия должны, разумеется, существовать один или несколько оптимумов. То, что мы выявили в качестве доминирующей тенденции душевной жизни, возможно, всей нервной деятельности, стремление к уменьшению, сохранению постоянного уровня, устранению внутреннего напряжения, вызываемого раздражителями (*принцип нирваны*, по выражению Барбары Лоу [1920, 73]), то есть тенденции, которая выражается в принципе удовольствия[2], — и составляет один из наших сильнейших мотивов, заставляющих нас поверить в существование влечений к смерти.

Однако мы все еще ощущаем, что нашему ходу мыслей сильно мешает то, что именно для сексуального влечения мы не можем доказать той характерной особенности навязчивого повторения, которая в самом начале подтолкнула нас к поиску влечений к смерти. Хотя область процессов эмбрионального развития чрезвычайно богата такими проявлениями повторения: обе зародышевые клетки, служащие для полового размножения, и история их жизни сами являются лишь повторениями начала органической жизни; но главное в процессах, вызванных сексуальным влечением, — это все же слияние двух клеточных тел. Только благодаря ему у высших живых существ обеспечивается бессмертие живой субстанции.

Иными словами, мы должны объяснить возникновение полового размножения и происхождение сексуальных влечений в

---

[1] Lipschütz (1914).

[2] [Ср. выше с. 231 и далее. Эта тема обсуждается далее в работе «Экономическая проблема мазохизма» (1924c), с. 365 и далее в этом томе.]

целом — задача, которой посторонний человек, наверное, испугается и которую до сих пор еще не удалось решить даже специалистам в этой области. Поэтому из всех противоречащих друг другу сведений и мнений в самом сжатом виде выделим то, что согласуется с нашим ходом мыслей.

Одна из этих точек зрения лишает проблему размножения ее таинственной прелести, изображая размножение как частное проявление роста (размножение посредством деления, пускания ростков, почкования). В соответствии с трезвым дарвиновским подходом возникновение размножения при помощи дифференцированных в половом отношении зародышевых клеток можно было бы представить так, что преимущество амфимиксиса, когда-то проявившееся при случайной копуляции двух простейших, закрепилось в последующем развитии и стало использоваться в дальнейшем[1]. Таким образом, «пол» возник не очень давно, и чрезвычайно сильные влечения, которые приводят к совокуплению, повторяют при этом то, что когда-то произошло случайно и с тех пор закрепилось как полезное свойство.

Здесь, как и в проблеме смерти [см. с. 276], возникает вопрос, не следует ли признать за простейшими только то, что они показывают, и можно ли допустить, что те процессы и силы, которые становятся очевидными только у высших живых существ, также сначала возникли у них. Упомянутое понимание сексуальности мало чем способно помочь нашим намерениям. На него можно возразить, что оно предполагает существование влечений к жизни, действующих уже в простейших живых существах, ибо в противном случае копуляция, противоборствующая естественному течению жизни и затрудняющая задачу отмирания, не закрепилась бы и не усовершенствовалась, а избегалась. Следовательно, если мы не хотим отказаться от гипотезы о влечениях к смерти, то к ним с самого начала нужно присоединить влечения к жизни. Но надо признать, что мы здесь имеем дело с уравнением с двумя неизвестными. Все, что мы

---

[1] Хотя Вейсман (1892) отрицает это преимущество: «Оплодотворение отнюдь не означает омоложения или обновления жизни, в нем вообще нет необходимости для продолжения жизни, оно представляет собой не что иное, как *приспособление, делающее возможным смешение двух разных наследственных тенденций*». Вместе с тем результатом такого смешения он считает увеличение разнообразия живых существ.

обычно находим в науке о происхождении сексуальности, столь незначительно, что эту проблему можно сравнить с темнотой, в которую не проник даже луч гипотезы. Правда, в совсем другой области мы встречаем такую гипотезу; однако она настолько фантастична — разумеется, это скорее миф, нежели научное объяснение, — что я не отважился бы здесь ее привести, не отвечай она именно тому условию, к выполнению которого мы стремимся. В ней влечение выводится как раз *из потребности в восстановлении прежнего состояния*.

Разумеется, я имею в виду теорию, которую Платон развивает в «Пире» устами Аристофана и которая объясняет не только происхождение полового влечения, но и его важнейшие вариации в отношении объекта.

«Когда-то наше тело было не таким, как теперь, а совсем другим. Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, — мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки обоих». Все у этих людей было двойным; то есть у них было четыре руки и четыре ноги, два лица, срамных частей тоже было две и т. д. А затем Зевс решил разделить каждого человека на две половины, «как разрезают айву перед варкой варенья… И вот когда целое существо было таким образом рассечено пополам, каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались в *страстном желании срастись…*»[1]

---

[1] [*Дополнение, сделанное в 1921 году.*] Я благодарен проф. Генриху Гомперцу (Вена) за следующие указания на происхождение этого мифа Платона, которые я частично воспроизведу его словами: «Я хотел бы обратить внимание на то, что, в сущности, эта же теория уже содержится в «Упанишадах». В «Брихад-Араньяка упанишаде», I. 4. 3 (Deussen, «60 Upanischads des Weda», с. 593), где описывается происхождение мира из Атмана (Самости, или Я) говорится: «...Но и у него (Атмана, Самости, или Я) тоже не было радости, потому нет у человека радости, когда он один. Тогда он возжелал о втором. Он был таким же большим, как мужчина и женщина, когда они обнялись. Это свою Самость он разделил на две части: из них получились супруг и супруга. Потому тело в Самости подобно половине, так именно объяснил это Яджнявалкья. Потому это пустое пространство здесь заполняется женщиной».

«Брихад-Араньяка упанишада» — самая древняя из всех упанишад, и ни один из компетентных исследователей не датирует ее позднее 800 года до Р. Х. На вопрос, возможна ли хотя бы косвенная зависимость Платона от этих представлений индусов, в противоположность господствующему мнению я не стал бы отвечать категорическим отрицанием, поскольку такую возможность нельзя

Должны ли мы, следуя указанию поэта-философа, отважиться сделать предположение, что, живая субстанция оказалась при оживлении раздробленной на мелкие части, которые с тех пор посредством сексуальных влечений стремятся к воссоединению? Что эти влечения, в которых находит свое продолжение химическое сродство неживой материи, постепенно через царство простейших преодолевают трудности, которые создает этому стремлению внешний мир, полный опасных для жизни раздражителей, вынуждая к образованию защитного коркового слоя? Что эти раздробленные частицы живой субстанции в результате становятся многоклеточными и в конечном счете передают зародышевым клеткам влечение к воссоединению, достигшее самой высокой концентрации? Я думаю, что здесь самое время прерваться.

Но только сначала надо добавить несколько слов критического рассуждения. Меня могли бы спросить, убежден ли я сам, и если да, то насколько, в истинности развиваемых здесь предположений. Я ответил бы, что и сам не убежден и не склоняю к вере других. Точнее: я не знаю, насколько верю в них. Мне кажется, что аффективный момент убеждения вообще не должен здесь приниматься в расчет. Ведь можно предаваться некоему ходу мыслей, прослеживать его до конца исключительно из научной любознательности, или, если угодно, в роли *advocatus diaboli*[1], который сам черту все же не продается. Я не отрицаю, что третий шаг, предпринимаемый здесь мной в теории влечений, не может претендовать на такую же достоверность, как первые два, то есть расширение понятия сексуальности и введение понятия нарцизма. Эти новшества представляли собой непосредственный перевод наблюдений в теорию, и они содержат в себе

пожалуй, отвергать и в отношении учения о переселении душ. Такая зависимость, которую описали, прежде всего, пифагорейцы, едва ли поставила бы под сомнение значимость совпадения идей, поскольку Платон не стал бы заимствовать такое восточное предание, которое передавалось из поколения в поколение, не говоря уже о том, что он не стал бы придавать ему такого значения, если бы оно ему самому не казалось правдоподобным.

В статье К. Циглера «Становление человека и мира» (1913), в которой планомерно исследуется развитие данной идеи *до* Платона, она сводится к вавилонским представлениям.

[Фрейд ссылался на миф Платона еще в своих «Трех очерках» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 48.]

[1] [Адвоката дьявола (лат.). — *Примечание переводчика.*]

не больше источников ошибок, чем это неизбежно бывает в подобных случаях. Вместе с тем утверждение о *регрессивном* характере влечений также основывается на материале наблюдений, а именно на фактах навязчивого повторения. Правда, я, может быть, переоценил их значение. Но в любом случае разработка этой идеи невозможна иначе, как путем многократного комбинирования фактического материала с чисто умозрительным, при удалении от наблюдения. Как известно, конечный результат тем менее надежен, чем чаще при построении теории это проделывается, но о степени недостоверности сказать ничего нельзя. При этом можно удачно угадать или впасть в постыдное заблуждение. Так называемой интуиции я мало доверяю в такой работе; то, что мне доводилось на этот счет наблюдать, казалось мне скорее результатом известной беспристрастности интеллекта. Но, к сожалению, мы редко бываем беспристрастными, когда дело касается важных вещей, великих проблем науки и жизни. Я думаю, что каждым здесь движут внутренние глубоко обоснованные пристрастия, которым он своими умозрительными рассуждениями невольно потакает. При столь веских основаниях для недоверия, пожалуй, не остается ничего другого, кроме сдержанной благосклонности к результатам собственной работы мысли. Поспешу лишь добавить, что подобная самокритика отнюдь не обязывает к особой терпимости по отношению к противоположным взглядам. Можно быть непреклонным и отвергать теории, которым противоречат уже первые шаги и наблюдения в процессе анализа, и все же при этом знать, что правильность отстаиваемых теорий — только предварительная. В оценке наших умозрительных рассуждений о влечениях к жизни и к смерти нас мало смущает то обстоятельство, что мы встречаем здесь так много странных и незримых процессов — например, что одно влечение оттесняется другим, или что оно обращается от Я к объекту и т. п. Это происходит только из-за того, что мы вынуждены оперировать научными терминами, то есть собственным образным языком психологии (точнее, глубинной психологии). В противном случае мы вообще не смогли бы описать соответствующие процессы, более того, не могли бы даже их воспринять. Вероятно, недостатки нашего описания исчезли бы, если бы вместо психологических терминов мы могли использовать физиологические или химические. Хотя и они тоже относятся к образному языку, но к давно нам знакомому и, возможно, более простому.

С другой стороны, мы должны хорошо понимать, что ненадежность наших умозрительных рассуждений существенно возросла из-за необходимости обращаться к биологической науке. Биология — это поистине царство неограниченных возможностей, мы можем ждать от нее самых поразительных разъяснений, и невозможно предугадать, какие ответы она через несколько десятков лет даст на поставленные вопросы. Возможно, как раз такие, что все наше искусственное построение из гипотез рухнет. Если это так, то нас могут спросить, зачем приниматься за работу, подобную представленной в этом разделе, и зачем о ней сообщать. Что ж, не могу отрицать, что некоторые аналогии, сопоставления и взаимосвязи показались мне заслуживающими внимания[1].

---

[1] В заключение несколько слов для пояснения нашей терминологии, которая в ходе данного изложения претерпела определенное изменение. Что такое «сексуальные влечения», нам было известно из их отношения к полу и функции размножения. Мы сохранили это название и тогда, когда данные психоанализа заставили нас отказаться жестко связывать их с размножением. С введением понятия нарциссического либидо и распространением понятия либидо на отдельную клетку сексуальное влечение превратилось у нас в эрос, стремящийся соединять и удерживать вместе части живой субстанции, а сами сексуальные влечения предстали как часть эроса, обращенная на объект. Из логики наших умозрительных рассуждений следует, что этот эрос действует с самого начала жизни и выступает как «влечение к жизни» в противоположность «влечению к смерти», возникшему с оживлением неорганической материи. Мы пытаемся разрешить загадку жизни, выдвигая гипотезу о существовании этих двух влечений, испокон веков борющихся друг с другом. [*Дополнение, сделанное в 1921 году*:] Менее очевидно, пожалуй, превращение, которое претерпело понятие «влечения Я». Сначала мы называли так все не очень хорошо известные нам направления влечений, которые можно отделить от сексуальных влечений, направленных на объект, и противопоставили влечения Я сексуальным влечениям, выражением которых является либидо. Впоследствии мы подошли к анализу Я и обнаружили, что часть влечений Я также имеет либидинозную природу и что в качестве объекта они избрали собственное Я. Таким образом, эти нарциссические влечения к самосохранению теперь следовало причислить к либидинозным сексуальным влечениям. Противопоставление влечений Я и сексуальных влечений трансформировалось в противопоставление влечений Я и влечений к объекту, причем и те, и другие носят либидинозный характер. Но затем вместо него появилось новое противопоставление — либидинозных влечений (направленных на Я и на объект) и других влечений, которые относятся к Я и которые, наверное, можно выявить в деструктивных влечениях. В результате умозрительных рассуждений эта противоположность преобразуется в другую — противоположность влечений к жизни (эрос) и влечений к смерти.

VII

Если такое общее свойство влечений действительно заключается в том, что они стремятся восстановить прежнее состояние, то не приходится удивляться, что в психической жизни так много процессов осуществляется независимо от принципа удовольствия. Это свойство передается каждому парциальному влечению и в каждом случае связано со стремлением вернуться к определенной точке на пути развития. Но все, над чем принцип удовольствия еще не властен, не обязательно должно из-за этого находиться в противоречии с ним, и задача, состоящая в том, чтобы определить отношение инстинктивных процессов навязчивого повторения к господству принципа удовольствия, пока не разрешена.

Мы установили, что одна из самых ранних и самых важных функций душевного аппарата заключается в том, чтобы «связывать» поступающие к нему импульсы влечения, заменять господствующий в них первичный процесс вторичным, превращать их свободно подвижную катектическую энергию в преимущественно бездействующую (тоническую). Во время этого преобразования о развитии неудовольствия говорить нельзя однако принцип удовольствия этим не упраздняется. Преобразование служит скорее принципу удовольствия; связывание — это подготовительный акт, благодаря которому устанавливается и обеспечивается господство принципа удовольствия.

Разграничим функцию и тенденцию более строго, чем мы это делали до сих пор. В этом случае принцип удовольствия будет тенденцией, служащей функции, которой надлежит сделать так, чтобы душевный аппарат вообще был лишен возбуждения, или поддерживать количество возбуждения в нем постоянным и на как можно более низком уровне. Пока еще мы не можем с уверенностью выбрать ни одну из этих формулировок, однако заметим, что определенная таким образом функция стала бы частью всеобщего стремления всего живого вернуться к покою неорганического мира. Все мы знаем, что величайшее из доступных нам удовольствий — удовольствие от полового акта — связано с моментальным угасанием сильнейшего возбуждения. Связывание же импульса влечения было бы подготовительной функцией, которая должна подводить возбуждение к окончательной разрядке в удовольствии, получаем при отводе.

В этом же контексте возникает вопрос, могут ли ощущения удовольствия и неудовольствия равным образом создаваться как связанными, так и несвязанными процессами возбуждения. Не подлежит сомнению, что такие несвязанные, первичные процессы дают гораздо более интенсивные ощущения в обоих направлениях гораздо более интенсивные, чем связанные, ощущения вторичного процесса. Первичные процессы также более ранние по времени; в начале психической жизни других процессов и не бывает, и мы можем сделать вывод, что, если бы принцип удовольствия не действовал уже в них, то он вообще не мог бы возникнуть в процессах более поздних. Таким образом, мы приходим к непростому, по сути, выводу, что в начале психической жизни стремление к удовольствию выражается гораздо сильнее, чем впоследствии, но не столь безудержно; очень часто бывают прорывы, с которыми ему приходится мириться. В более зрелый период господство принципа удовольствия обеспечено гораздо надежнее, но обуздать его столь же мало возможно, как и другие влечения в целом. Во всяком случае то, что вызывает ощущения удовольствия и неудовольствия в процессе возбуждения, во вторичном процессе, должно быть, присутствует точно так же, как и в первичном процессе.

Здесь было бы уместно продолжить исследования. Наше сознание сообщает нам изнутри не только об ощущениях удовольствия и неудовольствия, но и о своеобразном напряжении, которое само по себе опять-таки может быть приятным или неприятным. Какие это энергетические процессы — связанные или несвязанные, — которые мы должны разграничивать на основе своих ощущений, или же ощущение напряжения связано с абсолютной величиной, возможно, уровнем катексиса, тогда как ряд удовольствие–неудовольствие указывает на изменение величины катексиса в единицу времени[1]? Нам также бросается в глаза тот факт, что влечения к жизни гораздо больше связаны с нашим внутренним восприятием, нарушая покой, непрерывно принося с собой напряжение, избавление от которого ощущается как удовольствие, тогда как влечения к смерти, скорее всего, выполняют свою работу незаметно. Похоже на то, что принцип удоволь-

---

[1] [Ср. выше с. 231–232. Эти вопросы Фрейд затрагивал еще в «Проекте» 1895 года (1950*a*), например, в части I, восьмом разделе («Бессознательное»), и в начале части III.]

ствия прямо-таки находится в услужении у влечения к смерти; но вместе с тем он оберегает от внешних раздражителей, которые обоими видами влечений расцениваются как опасности, особенно же от усиления возбуждения, исходящего изнутри и мешающего справляться с задачами жизни. К этому добавляются бесчисленные другие вопросы, ответить на которые сейчас невозможно. Надо набраться терпения и дождаться новых средств и поводов для исследования. Надо быть также готовым оставить тот путь, по которому какое-то время шел, если, похоже, он не ведет ни к чему хорошему. Только такие верующие, которые требуют от науки замены упраздненного катехизиса, поставят в вину исследователю развитие или даже изменение его взглядов. Впрочем, по поводу медленного продвижения нашего научного знания пусть нас утешит поэт (Рюккерт в «Макамы Харири»[1]):

> То, к чему не долететь, надо достичь хромая.
> Как говорится в Писании, хромота не грех.

---

[1] [Заключительные строки из стихотворения «Два гульдена» в переводе на немецкий Рюккерта «Превращений Абу Сеида из Серуга или Макамы Харири» (1826 и 1837, два тома) Макамы аль Харири.]

Я и Оно
(1923)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1923 Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство, 77 страниц.
1925 *G. S.*, т. 6, 351–405.
1931 *Theoretische Schriften*. 338–391.
1940 *G. W.*, т. 13, 237–289.

Эта книга вышла во второй половине апреля 1923 года; однако работал над ней Фрейд по меньшей мере с июля предыдущего года (Jones, 1962*b*, 124). 26 сентября 1922 года Фрейд выступил на 7-м Международном психоаналитическом конгрессе в Берлине — последнем, в котором он принял участие, — с коротким докладом под названием «Кое-что о бессознательном», где уже вырисовывалось содержание книги. Текст этого доклада так и не был опубликован; однако той же осенью вышло резюме, подготовленное, по всей видимости, самим Фрейдом (1922*f*).

«Я и Оно» — последняя из крупных теоретических работ Фрейда. В ней содержится описание структуры психики, а также способов ее функционирования, которое на первый взгляд кажется новым и даже революционным. И действительно, все психоаналитические работы, появившиеся после публикации этого очерка, несомненно, носят ее отпечаток, во всяком случае в терминологическом отношении. Но несмотря на все эти новые представления и оригинальный синтез, мы можем, как это часто бывало с нововведениями Фрейда, обнаружить зачатки его идей в более ранних, порой даже в самых ранних работах.

Предшественниками представленной здесь общей модели психики были «Проект» 1895 года (Freud, 1950), седьмая глава «Толкования сновидений» (1900*a*) и метапсихологические статьи 1915 года. В каждом из этих сочинений обсуждаются связанные друг с другом вопросы, касающиеся структуры и функционирования психики, однако с различными акцентами на том или ином аспекте проблемы. То исторически обусловленное обстоятельство, что психоанализ возник в результате изучения истерии, вскоре привело к гипотезе о вытеснении (или, выражаясь более общо: о защите) как одной из психических функций, а оттуда к топической гипотезе — представлению о психике как состоящей из двух частей: вытесненного и вытесняющего. Разумеется, с этими

гипотезами было тесно связано такое качество, как «сознание», и вытесненную часть психики без труда можно было приравнять к «бессознательному», а вытесняющую — к «сознанию». Более ранние представленные Фрейдом графические изображения психики, содержащиеся в «Толковании сновидений» (*Studienausgabe*, т. 2, с. 514–517) и в письме Флиссу от 6 декабря 1896 года (Freud, 1950*a*, письмо №52), демонстрируют соответствующее понимание. И эта внешне простая основная схема уже лежала в основе всех более ранних теоретических представлений Фрейда: с функциональной точки зрения сила, содержащаяся в вытеснении, стремится проложить путь к активности, но в этом ей препятствует вытесняющая сила; со структурной точки зрения «бессознательному» противостоит «Я».

Однако вскоре возникли сложности. Оказалось, что слово «бессознательный» использовалось в двояком значении: в «описательном» (когда психическому состоянию приписывали лишь определенное *качество*) и в «динамическом» (когда психическое состояние наделяли определенной *функцией*). Такое различие, хотя и в других терминах, проводилось еще в «Толковании сновидений» (*Studienausgabe*, т. 2, с. 582–583). Еще более строго Фрейд констатировал его в работе, написанной на английском языке для «Общества исследования психики» (1912*g*, с. 31–32 выше). Однако с самого начала определенную роль играло также другое, менее ясное представление (как это отчетливо проявляется в графических изображениях), а именно о «системах», или «инстанциях», в психике. Это предполагало топическое, или структурное, разделение психики, которое опиралось бы еще на нечто иное, чем просто функция, разделение на составные части, которым можно было бы приписать множество различных признаков и способов функционирования. Без сомнения, подобное представление так или иначе уже было передано понятием «бессознательное», которое появилось очень рано (см. «Предварительные замечания издателей» к статье «Бессознательное», см. выше, с. 123). Само понятие «системы» как таковое было использовано в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 513 и далее. Формулировки, с помощью которых оно там вводится, сразу же вызывают пространственные, топические представления, хотя Фрейд предостерегает и от их буквального понимания. Приводится множество таких «систем» (система памяти, система восприятия и т. п.), в том числе и «бессознательное» (там же, с. 517), которое «упрощения ради» обозначается как «система *Бсз*». В тех более ранних пассажах под этой бессознательной системой очевидно имелось в виду только вытесненное, пока мы не доходим до заключительного раздела «Толкования сновидений» (там же, с. 579 и далее).

где затем появляются наметки более широкого понимания. В последующие годы этот вопрос сначала не затрагивался, пока не появилась уже упоминавшаяся статья, написанная Фрейдом для «Общества исследования психики» (1912*g*), где (наряду с четкой дифференциацией описательного и динамического употребления термина «бессознательный») в заключительных фразах указывается еще и на третье, «систематическое» применение термина. Следует отметить, что в этом пассаже (выше, с. 38) Фрейд предлагает использовать сокращение *«Бсз»* только для «бессознательного» в этом «систематическом» понимании. Вначале все кажется очень простым, и все же, как ни странно, картина в метапсихологической работе «Бессознательное» (1915*e*) снова становится нечеткой. В разделе II этой статьи (с. 142 и далее в этом томе) речь идет уже не о *трех*, а только о двух способах употребления термина «бессознательный». «Динамического» понимания термина не стало; вероятно, оно стало частью «систематического»[1], которое по-прежнему должно было обозначаться как *«Бсз»*, хотя теперь «бессознательное» стало включать в себя также вытесненное. В конце концов в главе I данной работы (а также в 31-й лекции «Нового цикла», 1933*a*) Фрейд вернулся к тройной дифференциации и классификации, хотя в конце главы он, возможно, по ошибке использует сокращение *«Бсз»* для всех трех видов «бессознательного» (ниже, с. 307).

Однако теперь возник вопрос, можно ли вообще применительно к *системе* использовать обозначение «бессознательный». В структурной модели психики «Я» с самого начала четко отделялось от «бессознательного». А теперь казалось, что и части Я также нужно описывать как «бессознательные». На это Фрейд указывал еще в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), а именно в тезисе, который в первом издании звучит следующим образом: «Многое в Я, видимо, само является бессознательным[2]; вероятно, лишь часть его мы охватываем названием *предсознательное*». Во втором издании, годом позже, Фрейд изменил эту формулировку: «Многое в Я, несомненно, само является бессознательным... лишь незначительную часть его мы охватываем названием *предсознательное*[3]. Этот вывод и его обоснование с еще большим акцентом излагаются в главе I настоящей работы.

---

[1] В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), выше, с. 243, оба термина, по-видимому, отождествляются.

[2] [То есть не только в описательном, но и в динамическом значении.]

[3] См. выше, с. 243. Уже в первой фразе своей второй работы, посвященной защитным невропсихозам (1896*b*), Фрейд недвусмысленно говорит о том, что психический механизм защиты является «бессознательным».

Таким образом, стало очевидно, что ни в отношении «бессознательного», ни в отношении «Я» признак «сознательности» не мог помочь в построении структурной модели психики. Поэтому в данном контексте Фрейд отказался от него как от отличительного признака: быть «сознательным» следовало отныне рассматривать только как свойство, которое было присуще или не присуще психическому состоянию. Таким образом, все, что осталось от термина, — это его прежнее «описательное» значение. Новая терминология, которую Фрейд ввел теперь, внесла необычайную ясность и открыла путь к дальнейшим клиническим достижениям. И все же она отнюдь не означала кардинального изменения его представлений о структуре и функциях психики, поскольку у трех указанных сейчас единиц, Оно, Я и Сверх-Я (две из них, правда, под другими названиями), уже была долгая история, которую есть смысл проследить.

Термин «Оно», как объяснил сам Фрейд (ниже, с. 312), был заимствован непосредственно у Георга Гроддека, врача, практиковавшего в Баден-Бадене, который как раз в то время обратился к анализу; его очень интересным идеям весьма симпатизировал Фрейд. Сам Гроддек, видимо, перенял понятие «Оно» у своего учителя Эрнста Швенингера (1830–1924), известного в свое время немецкого врача. Однако Фрейд указывает также на то, что это выражение, без сомнения, восходит к Ницше. Во всяком случае Фрейд вкладывал в этот термин другое, более точное значение, нежели Гроддек. Отныне стало возможным термины «бессознательное», *«Бсз»* и «систематическое бессознательное»[1], использование которых было определено очень неточно, прояснить и отчасти заменить понятием «Оно».

Что касается «Я», то здесь положение гораздо менее ясно. Разумеется, этот термин употреблялся задолго до Фрейда; однако точный смысл, который он придавал ему в своих более ранних сочинениях, все же не совсем однозначен. Во всяком случае, можно выделить два основных значения: в одних случаях термин «Я» используется для того, чтобы отличить самость одного человека в целом (возможно, включая его тело) от другого; в других случаях он обозначает определенную часть психики, которая характеризуется особыми качествами и функ-

---

[1] После данной работы сокращение *«Бсз»* исчезает вплоть до двух поздних упоминаний в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), *Studienausgabe*, т. I, с. 509, и в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939*a*), статья III, часть I (Д), *Studienausgabe*, т. 9, с. 5–13, где оно, как ни странно, употребляется в «описательном» значении. Правда, Фрейд продолжал использовать термин «бессознательное» как синоним «Оно», хотя и все реже.

циями. В этом последнем значении Фрейд использует термин в своем подробном описании «Я» в раннем «Проекте» 1895 года (1950*a*, часть I, четырнадцатый раздел, «Введение понятия "Я"»); и в этом же значении он использует его также в своей «анатомии Я» в данной работе. Однако в некоторых его трудах, написанных в этом временном интервале, прежде всего в связи с концепцией нарцизма, «Я» скорее соответствует «самости». Вместе с тем не всегда удается четко разграничить два этих значения слова[1].

Однако не подлежит сомнению, что после стоящей особняком попытки подробно проанализировать структуру и способ функционирования Я (в «Проекте» 1895 года) Фрейд на протяжении почти пятнадцати лет не затрагивал эту тему. Тогда его интересовали исключительно бессознательное и влечения, прежде всего сексуальные, а также роль, которую они играют в нормальном и аномальном психическом поведении. То, что при этом не менее важную роль играют вытесняющие силы, отнюдь не осталось без внимания Фрейда. Напротив, он постоянно указывал на это. Однако тогда более подробное исследование этих сил было отложено. В тот момент ему было достаточно дать им емкое название «Я».

В 1910 году появляются два признака наметившегося изменения. В работе, посвященной психогенным нарушениям зрения (1910*i*), пожалуй, впервые упоминаются «влечения Я» (*Studienausgabe*, т. 6, с. 209–210), в которых функции вытеснения связываются с функциями самосохранения. Другим, еще более знаменательным моментом стала гипотеза о нарцизме, впервые представленная в 1909 году и приведшая к подробному исследованию Я и его функций в разнообразных взаимосвязях — например, в очерке о Леонардо (1910*c*), анализе Шребера (1911*c*), «Положениях о двух принципах психического события» (1911*b*), самой работе о нарцизме (1914*c*), а также в метапсихологической статье «Бессознательное» (1915*e*). В этой последней работе Фрейд делает еще один шаг в развитии своих представлений: то, что до сих пор описывалось как Я, теперь становится «системой *Сз* (*Псз*)»[2].

---

[1] В работе «Недомогание культуры» (1930*a*), глава I (*Studienausgabe*, т. 9, с. 198), есть место, где Фрейд недвусмысленно приравнивает «Я» к «самости». А в рамках обсуждения моральной ответственности индивида за свои сновидения (1925*i*) Фрейд проводит четкое различие между двумя способами употребления термина «Я».

[2] Эти сокращения, (как и сокращение *«Бсз»)* восходят к «Толкованию сновидений» (1900*a*, *Studienausgabe*, т. 2, с. 517). Между тем все они (в «систематическом» значении) содержатся также в письмах Флиссу: см. письмо №64 и манускрипт N, то и другое от 31 мая 1897 года (Freud, 1950*a*).

Эта система стала предшественницей «Я» в новой, исправленной терминологии, которая. как мы видели, оказалась избавленной от сбивающей с толку связи со свойством «сознания».

Все функции системы *Сз (Псз)*, которые перечисляются в «Бессознательном», выше. с. 159. включают в себя такие действия. как цензура. проверка реальности и пр., которые отныне все вместе приписываются «Я»[1]. Из исследования этих функций, а именно способности к самокритике. вытекают, должно быть, особенно важные выводы. Самокритика и связанное с нею «чувство вины» уже давно привлекали к себе внимание Фрейда, прежде всего в связи с неврозом навязчивости. Его тезис, что навязчивости — это «преобразованные, возвращающиеся из вытеснения упреки» из-за сексуального удовольствия, испытанного в детстве. подробно представлен в разделе II второй работы «Защитные невропсихозы» (1896*e*), после того как еще несколько раньше Фрейд в общих чертах изложил его в письме Флиссу. Уже тогда в неявной форме существовало предположение. что самообвинения тоже могут быть бессознательными, о чем потом со всей определенностью говорилось в работе «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907*b*, *Studienausgabe*. т. 7. с. 18). Однако механизм этих самообвинений как таковой удалось прояснить только благодаря введению концепции нарцизма. В разделе III работы, посвященной нарцизму (1914*c*), Фрейд прежде всего выдвигает гипотезу, что у взрослого человека детский нарцизм заменяется верностью построенному в нем самом идеалу Я. Далее он излагает мысль, что, возможно, существует некая «особая психическая инстанция», задача которой — наблюдать за актуальным Я и соизмерять его с идеалом Я или Я-идеалом (по-видимому, Фрейд использует эти названия как тождественные; выше, с. 66). Он приписал этой инстанции множество функций, например, функции обычной совести. цензуры сновидений и определенных паранойяльных бредовых представлений. Затем в работе «Печаль и меланхолия» (1917*e*) он возложил на эту инстанцию ответственность за патологические формы печали (выше. с. 201) и подчеркнул, что она представляет собой нечто отдельное от остального Я. Еще более четко эта мысль проводится в «Психологии масс» (1921*c*). Тем не менее следует указать на то. что в этой работе разграничение самого «Я-идеала» и «инстанции». которая должна следить за осуществлением этого Я-идеала. пропало: теперь эта «инстанция» обозначается как «Я-идеал» (*Studienausgabe*. т. 9. с. 102–103). «Сверх-Я»[1] впервые выступает как

---

[1] В работе «Расщепление Я в защитном процессе» (1940*e* [1938]. см. ниже. с. 419 и прим. 4. содержится несколько замечаний о «синтетической» функции Я.

эквивалент «Я-идеала» (ниже, с. 296), хотя позднее преобладает аспект предостерегающей или запрещающей инстанции. Фактически после книги «Я и Оно» и двух или трех непосредственно следующих за нею более коротких работ «Я-идеал» как технический термин почти полностью исчезает из сочинений Фрейда. Лишь однажды он появляется в нескольких предложениях 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), *Studienausgabe*, т. 1. с. 503, однако в смысле первоначального разделения: «важная функция», которая приписывается Сверх-Я, — это функция «носителя Я-идеала, с которым себя соизмеряет Я»; почти в тех же словах понятие Я-идеала было введено в работе, посвященной нарциз-му (см. выше, с. 60).

Однако это разделение может показаться искусственным, если обратиться к описанию Фрейдом возникновения Сверх-Я. Это описание (в главе III), несомненно, составляет ту часть настоящей книги, которая по своему значению приближается к главному тезису о разделении психики на три части. Фрейд утверждает, что Сверх-Я возникает в результате преобразования самых ранних объектных катексисов ребенка в идентификациях; оно занимает место эдипова комплекса. Этот механизм (замены объектного катексиса идентификацией и интроекцией прежнего объекта) впервые был привлечен Фрейдом (в его очерке о Леонардо, 1910*c*) для объяснения определенного типа гомосексуализма, а именно когда мальчик заменяет любовь к матери, идентифицируя себя с ней (*Studienausgabe*, т. 10, с. 125). Затем в работе «Печаль и меланхолия» (1917*e*, с. 217 выше) он также применил эту идею к состояниям депрессии. Дальнейшее более подробное обсуждение различных видов идентификации и интроекций последовало в главах VII, VIII и XI «Психологии масс» (1921*c*), однако только в настоящей работе Фрейд пришел к окончательному выводу о происхождении Сверх-Я из самых ранних объектных отношений ребенка.

Прочно зафиксировав свое новое понимание «анатомии психики», Фрейд смог теперь обратиться к вытекающим из него выводам. Он делает это уже в последующем разделе настоящей работы, рассматривая отношение отдельных частей психики к двум видам влечений, а также взаимодействие компонентов психики, уделяя особое внимание чувству вины. Многие из этих вопросов, особенно последний, послужили поводом к написанию других работ, которые появились после этой одна

---

[1] Джонс (1962*b*, 334, прим.) замечает, что этот термин еще раньше использовал Мюнстерберг (1908), но в несколько ином значении; он считает весьма маловероятным, что Фрейд знал это место.

за другой. Это, например, «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*), две работы, посвященные неврозу и психозу (1924*b* и е) (все они вошли в данный том), «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*) и работа «Некоторые психические последствия анатомического различия полов» (1925*j*), наконец, еще более важное сочинение «Торможение, симптом и страх» (1926*d*), которое вышло в свет немного позже. Затем последовало дальнейшее детальное обсуждение Сверх-Я с интересным исследованием правильного использования терминов «Сверх-Я», «совесть», «чувство вины», «потребность в наказании» и «раскаяние» в главах VII и VIII работы «Недомогание культуры» (1930*a*).

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

Нижеследующие рассуждения продолжают ход мыслей, начатый в моем сочинении «По ту сторону принципа удовольствия» (1920[*g*]), к которым я сам, как там упоминается[1], относился с известным благожелательным любопытством. Они продолжают эти идеи, связывают их с различными фактами аналитического наблюдения, пытаются сделать из такого объединения новые выводы, но не заимствуют новые данные из биологии и поэтому находятся ближе к психоанализу, чем мой труд «По ту сторону...». Они носят скорее характер синтеза, нежели умозрительного заключения, и, по всей видимости, ставят перед собой высокую цель. Но я знаю, что они останавливаются на самом общем, и с этим ограничением вполне согласен.

При этом они затрагивают вещи, которые до сих пор предметом психоаналитической проработки еще не были, и поэтому не могут не затронуть некоторые теории, выдвигавшиеся непсихоаналитиками или психоаналитиками до их отхода от психоанализа. Обычно я всегда был готов признать свои обязательства перед другими работниками, но в данном случае я не чувствую себя обремененным необходимостью такой признательности. Если до сих пор психоанализ не воздал должного некоторым вещам, то это случалось не потому, что он не замечал их заслуг или отрицал их значение, а потому, что он следует определенным путем, который еще не привел так далеко. И, наконец, когда он к ним подошел, он воспринимает эти вещи иначе, чем остальные.

---

[1] [См. выше с. 286.]

I
СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

В этом вступительном разделе не будет сказано ничего нового, и нельзя избежать повторения того, о чем говорилось раньше.

Разделение психического на сознательное и бессознательное — это основная предпосылка психоанализа, и только благодаря ей он имеет возможность понять и подвергнуть научному исследованию патологические процессы душевной жизни, столь же повсеместные, сколь и важные. Иначе говоря, психоанализ не может помещать сущность психического в сознание, а должен рассматривать сознание как качество психического, которое может добавляться или не добавляться к другим качествам.

Если бы я мог представить себе, что все, кто интересуется психологией, прочтут написанное, то был бы готов и к тому, что уже на этом месте часть читателей остановится и не последует далее, ибо здесь первый шибболет[1] психоанализа. Большинству философски образованных людей идея психического, которое не является сознательным, столь недоступна, что кажется им абсурдной и опровергаемой простой логикой. Я думаю, это происходит только из-за того, что они никогда не изучали относящихся к этому феноменов гипноза и сновидения, которые — не говоря уже о патологических явлениях — вынуждают к такому пониманию. Однако их психология сознания также не способна решить проблемы сновидения и гипноза.

Быть сознательным — это прежде всего чисто описательный термин, который апеллирует к самому непосредственному и надежному восприятию. Далее, опыт показывает нам, что психический элемент, например представление, обычно не бывает сознательным в течение долгого времени. Характерно, скорее, то, что состояние сознания быстро проходит; представление, в данный момент сознательное, в следующее мгновение таковым уже не будет, но при известных, легко создаваемых условиях опять может стать сознательным. Каким оно было в промежутке, мы не знаем; мы можем сказать, что оно было *латентным*,

---

[1] [Шибболет (евр. «колос», Кн. Судей, XII, 6) — в переносном смысле означает «особенность», «отличие». — *Примечание переводчика*.]

имея в виду при этом, что оно все время было *способно к осознанию*. Если мы скажем, что оно было *бессознательным*, то тоже дадим верное описание. В таком случае это бессознательное совпадает с латентным и способным к осознанию. Впрочем, философы возразили бы нам: «Нет, термин "бессознательное" здесь неприменим; пока представление пребывало в состоянии латентности, оно вообще не было чем-то психическим». Но если бы мы стали уже здесь возражать им, то затеяли бы словесную перепалку, которая бы никакой пользы не принесла.

Однако к термину или понятию бессознательного мы пришли другим путем — через переработку опытных данных, в которых определенную роль играет душевная *динамика*. Мы узнали, то есть вынуждены были признать, что существуют интенсивные душевные процессы или представления — здесь прежде всего в расчет принимается количественный, то есть экономический, момент, — которые могут иметь такие же последствия для душевной жизни, как и другие представления, а также и такие последствия, которые опять-таки могут осознаваться как представления, но сами по себе они не осознаются. Нет необходимости повторять здесь подробно то, о чем уже и так часто говорилось[1]. Достаточно будет сказать: здесь начинается психоаналитическая теория, которая утверждает, что такие представления не могут быть сознательными потому, что этому противодействует определенная сила, что в противном случае они могли бы стать осознанными и что тогда мы бы увидели, как мало они отличаются от прочих общепризнанных психических элементов. Эта теория становится неопровержимой благодаря тому, что в психоаналитической технике нашлись средства, с помощью которых можно устранить противодействующую силу и сделать данные представления осознанными. Состояние, в котором они находились до осознания, мы называем *вытеснением*, а сила, вызвавшая и поддерживавшая вытеснение, во время аналитической работы ощущается нами как *сопротивление*.

Таким образом, понятие бессознательного мы получаем из учения о вытеснении. Вытесненное представляет для нас образец бессознательного. Но мы видим, что есть два вида бессознательного — латентное, но все же способное к осознанию, и вытесненное, которое сразу и само по себе сознательным стать не

---

[1] [См., например, «Некоторые замечания о понятии бессознательного в психоанализе» (1912*g*), с. 33–36 выше.]

может. Наше понимание психической динамики не может не оказать влияния на терминологию и описание. Латентное содержание, бессознательное только в описательном, но не в динамическом смысле, мы называем *предсознательным;* название *«бессознательное»* мы ограничиваем динамически вытесненным бессознательным; таким образом, у нас теперь есть три термина: «сознательный» *(сз)*, «предсознательный» *(псз)* и «бессознательный» *(бсз)*, смысл которых уже не является чисто описательным. Мы предполагаем, что *Псз* находится гораздо ближе к *Сз*, чем *Бсз*, а раз *Бсз* мы назвали психическим, то с еще меньшими сомнениями поступим так и в случае латентного *Псз*. Но не лучше ли нам оставаться в согласии с философами и не отделить ли *Псз*, как *Бсз*, последовательным образом от сознательного психического? Тогда философы предложили бы нам описать *Псз* и *Бсз* как два вида или две ступени психоидного, и согласие было бы установлено. Однако следствием этого были бы бесконечные затруднения при описании, а единственно важный факт, что эти психоиды почти во всех прочих пунктах совпадают с общепризнанным психическим, был бы оттеснен на задний план из-за предубеждения, возникшего в те времена, когда просто об этих психоидах или самого важного о них еще не знали.

Теперь мы можем удобно обращаться с тремя нашими терминами: *сз*, *псз* и *бсз*, но только не будем забывать, что в описательном значении существуют два вида бессознательного, а в динамическом — только один[1]. В некоторых случаях при описании этим различием можно пренебречь, но для других целей оно, разумеется, необходимо. Мы все же в целом привыкли к этой двойственности бессознательного и хорошо уживались с ней. Но избежать ее, насколько я вижу, нельзя; разделение на сознательное и бессознательное — это, в конце концов, вопрос восприятия, на который можно ответить «да» и «нет»; сам же акт восприятия не дает нам никаких сведений о том, по какой причине что-то воспринимается или не воспринимается. Нельзя жаловаться на то, что динамическое в своем проявлении находит только двусмысленное выражение[2].

---

[1] [Некоторые комментарии к этому тезису содержатся в приложении I к данной работе, см. с. 348 ниже.]

[2] Ср. «Замечания о понятии бессознательного» [1912*g*, с. 27 и далее в этом томе. Ср. также разделы I и II метапсихологической статьи «Бессознательное» (1915*c*), с. 125 и далее в этом томе.]

Однако в ходе дальнейшей психоаналитической работы выясняется, что и эти различия недостаточны, неудовлетворительны в практическом отношении. Из наиболее важных ситуаций, которые свидетельствуют об этом, стоит выделить следующую как решающую. Мы сформировали у себя представление о связной организации душевных процессов в личности и называем

Здесь заслуживает внимания недавняя перемена в критике бессознательного. Иные исследователи, признающие данные психоанализа, но не желающие признавать бессознательное, получают сведения, опираясь на тот неоспоримый факт, что и в сознании — как феномене — можно распознать целый ряд градаций интенсивности или отчетливости. Подобно тому, как есть сознательные процессы, которые очень ярки, резки, отчетливы, точно так же мы сталкиваемся и с другими, слабыми, едва заметными: а слабее всего сознаются именно те процессы, которые психоанализ хочет назвать неподходящим, по мнению критиков, словом «бессознательные». Но они все-таки тоже являются осознанными или находятся «в сознании», и их в полной мере можно сделать осознанными, если уделить им достаточно внимания.

Поскольку на решение в этом вопросе, зависящем либо от традиции, либо от эмоциональных моментов, можно повлиять аргументами, по этому поводу можно отметить следующее: указание на шкалу отчетливости сознания ни к чему не обязывает и имеет не большую доказательную силу, чем, например, аналогичные тезисы: «Существует множество градаций освещения — от самого резкого, слепящего света до приглушенного, слабого проблеска, следовательно, темноты вообще не бывает». Или: «Существуют разные степени жизненной силы, следовательно, смерти не бывает». Эти положения до некоторой степени могут быть не лишены смысла, но в практическом отношении они неприемлемы, как это тотчас становится очевидным, если захочется вывести из них определенные заключения, например: «Следовательно, свет зажигать не надо», или: «Следовательно, все организмы бессмертны». Далее, отнесением незаметного к категории сознательного достигается только то, что психическое вообще лишается своей единственной непосредственной достоверности. Сознание, о котором ничего не известно, кажется мне гораздо более абсурдным, чем бессознательное душевное. И, наконец, такое приравнивание незаметного к бессознательному осуществлялось, очевидно, без учета динамических отношений, которые были определяющими для психоаналитического понимания. Ибо при этом остались неучтенными два факта: во-первых, то, что очень трудно уделить достаточно внимания такому незаметному — для этого требуются большие усилия; во-вторых, если это и удалось, то все, что прежде было незаметным, не узнается теперь сознанием, а довольно часто кажется ему совершенно чужим, противоположным и наотрез отвергается им. Таким образом, сведение бессознательного к мало заметному и незаметному — лишь производная предубеждения, для которого идентичность психического с сознательным раз и навсегда установлена.

эту организацию *Я* личности. Это Я связано с сознанием, оно владеет подступами к системе подвижности, то есть к отводу возбуждений во внешний мир; это та душевная инстанция, которая контролирует все частные процессы, которая ночью отходит ко сну и все же руководит цензурой сновидений. От этого Я исходят также вытеснения, благодаря которым известные душевные стремления должны исключаться не только из сознания, но также из других областей влияния и действий. То, что было устранено вследствие вытеснения, противопоставляется в анализе Я, и перед анализом стоит задача устранить сопротивление, оказываемое Я изучению вытесненного. Во время анализа мы наблюдаем, что больной испытывает затруднения, когда мы ставим перед ним определенные задачи; его ассоциации отказывают, когда они должны приблизиться к вытесненному. В таком случае мы говорим ему, что он находится во власти сопротивления, но он ничего об этом не знает, и даже когда по своему чувству неудовольствия он должен был догадаться, что теперь в нем действует сопротивление, он не может назвать его или указать на него. Но так как сопротивление, несомненно, исходит из его Я и относится к нему, мы оказываемся в непредвиденной ситуации. В самом Я мы обнаружили нечто такое, что тоже является бессознательным, ведет себя прямо как вытесненное, то есть оказывает сильное воздействие, само при этом не осознаваясь, а для его осознания требуется особая работа. Следствием этого опыта для психоаналитической практики является то, что мы попадем в бесконечное множество неясностей и затруднений, если будем придерживаться привычных способов выражения и захотим, к примеру, свести невроз к конфликту между сознательным и бессознательным.

Исходя из наших представлений о структурных соотношениях душевной жизни, вместо этого противопоставления мы должны ввести другое: противопоставление между связным Я и отколовшимся от него вытесненным[1].

Однако следствия для нашего понимания бессознательного еще более значительны. Динамическое рассмотрение привело нас к первой корректировке, структурное понимание дает нам вторую. Мы видим, что *Бсз* не совпадает с вытесненным; остается верным, что все вытесненное является *бсз*, но не все *Бсз*

[1] Ср. «По ту сторону принципа удовольствия» [(1920*g*), с. 243 выше.]

есть вытесненное. Также и часть Я — Бог весть, какая важная часть Я, — должна быть и, несомненно, является *бсз*[1]. И это *Бсз* в Я не латентно в смысле *Псз,* иначе его нельзя было бы активизировать, не сделав *сз,* а его осознание не доставляло бы таких больших трудностей. Таким образом, если мы видим необходимость постулировать наличие третьего, не вытесненного *Бсз*, мы должны признать, что характер бессознательности теряет для нас значение. Он становится многозначным качеством, не допускающим далеко идущих и непререкаемых выводов, для которых нам хотелось бы его использовать. Тем не менее мы не должны пренебрегать им, так как в конце концов такое свойство, как сознательность или бессознательность, — единственный светоч во тьме глубинной психологии.

---

[1] [Эту точку зрения Фрейд отстаивал не только в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (там же), но и еще раньше в очерке «Бессознательное» (1915*e*), с. 163–164 выше.]

II
Я И ОНО

В исследованиях патологии мы слишком односторонне сосредоточились на изучении вытесненного. Нам хотелось бы больше узнать о Я с тех пор, как мы знаем, что и Я может быть бессознательным в собственном смысле слова. Единственной точкой опоры при проведении наших исследований до сих пор был признак сознательности или бессознательности; в конце концов мы увидели, насколько он может быть многозначным.

Все наше знание всегда связано с сознанием. Также и с *Бсз* мы можем познакомиться, только делая его сознательным. Но постойте, как это возможно? Что значит: сделать нечто сознательным? Как это может произойти?

Мы уже знаем, на что должны для этого опереться. Мы говорили, что сознание — это *поверхность* душевного аппарата, то есть в качестве функции мы отнесли его к некой системе, которая пространственно является первой по отношению к внешнему миру. Впрочем, пространственно не только в смысле функции, но на этот раз и в смысле анатомического разделения[1]. Эту воспринимающую поверхность необходимо принять за исходный пункт также и в нашем исследовании.

Сразу оговорим, что *сз* все восприятия, приходящие извне (чувственные восприятия) и изнутри — то, что мы называем ощущениями и чувствами. Но как обстоит дело с теми внутренними процессами, которые мы — предварительно и неточно — можем назвать мыслительными процессами? Достигают ли эти процессы, происходящие где-то внутри аппарата как смещения психической энергии на пути к действию, поверхности, где возникает сознание? Или сознание доходит до них? Мы видим, что это одна из трудностей, которые возникают, когда всерьез собираешься применить пространственное, *топическое* представление о душевном событии. Обе возможности в равной мере немыслимы, здесь должно быть что-то третье[2].

В другом месте[3] я уже высказывал предположение, что действительное различие между *бсз* и *псз* представлениями (мыс-

---

[1] См. «По ту сторону принципа удовольствия» [(1920*g*), см. выше, с. 251.]

[2] [Более подробное обсуждение этой мысли содержится во втором разделе работы «Бессознательное» (1915*e*), с. 143–146 в этом томе.]

[3] «Бессознательное» (1915 [*e*, с. 173 и далее в этом томе]).

лями) состоит в том, что в первом случае материал остается неизвестным, тогда как в случае *псз* представления добавляется связь со *словесными представлениями*. Здесь впервые предпринята попытка указать для систем *Псз* и *Бсз* признаки, отличные от отношения к сознанию. Следовательно, вопрос: «Каким образом что-то становится сознательным?» — целесообразнее задать в форме: «Каким образом что-то становится предсознательным?» И ответом было бы: «Через связь с соответствующими словесными представлениями».

Эти словесные представления — остатки воспоминаний, когда-то они были восприятиями и, как все остатки воспоминаний, могут снова становиться осознанными. Но прежде, чем мы продолжим обсуждать их природу, выскажем зародившуюся у нас новую мысль: сознательным может стать только то, что когда-то уже было *сз* восприятием, и что, помимо чувств, стремится изнутри стать сознательным; оно должно совершить попытку перейти во внешние восприятия. Это становится возможным благодаря следам воспоминаний.

Мы полагаем, что остатки воспоминаний содержатся в системах, которые непосредственно соприкасаются с системой *В (= восприятие) — Сз*, а потому их катексисы легко могут изнутри распространяться на элементы этой системы[1]. Здесь сразу появляется мысль о галлюцинации, а также о том, что самое живое воспоминание всегда можно отличить и от галлюцинации, и от внешнего восприятия[2], но столь же быстро становится очевидным, что при воскрешении воспоминания в системе памяти сохраняются катексисы, тогда как не отличимая от восприятия галлюцинация, видимо, возникает тогда, когда катексис не только частично распространяется от следа воспоминания на *В*-элемент, но и полностью на него переходит.

Словесные остатки происходят в основном от акустических восприятий[3], и этим, так сказать, определяется особое чувствен-

---

[1] [Ср. главу VII, раздел Б «Толкования сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 514–515.]

[2] [Эта идея была высказана Брейером в подготовленном им теоретическом разделе в «Этюдах об истерии» (1895): см. «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917*d*), выше с. 199 и прим. 1.]

[3] [Основываясь на данных из патологии, Фрейд пришел к этому выводу в своей монографии об афазиях (1891*b*, там же, 92–94). См. в этой связи содержащуюся в ней диаграмму, которая воспроизводится в приложении «В» к статье «Бессознательное», с. 176 выше.]

ное происхождение системы *Псз*. Зрительными компонентами словесного представления как вторичными, приобретенными благодаря чтению, можно пока пренебречь, равно как и двигательными образами слова, которые у всех людей за исключением глухонемых играют роль подкрепляющих знаков. Ведь слово, собственно говоря, — это остаток воспоминания об услышанном слове.

Мы не вправе забывать, например упрощения ради, о значении остатков оптических воспоминаний о предметах или отрицать, что осознание мыслительных процессов возможно через возвращение к зрительным остаткам, и многие люди, по-видимому, предпочитают такой способ. Представление о своеобразии этого зрительного мышления можно получить из изучения сновидений и исследования предсознательных фантазий, проведенного Я. Варендонком[1]. Мы узнаем, что при этом большей частью осознается только конкретный материал мысли, но отношениям, которые прежде всего характеризуют мысль, зрительного выражения дать нельзя. Следовательно, мышление в образах — это лишь весьма несовершенное осознание. Кроме того, оно ближе к бессознательным процессам, чем вербальное мышление, и, несомненно, в онто- и филогенетическом отношении древнее последнего.

Итак — возвращаясь к нашей аргументации, — если именно таков путь, по которому нечто само по себе бессознательное становится предсознательным, то на вопрос, каким образом нечто вытесненное мы делаем (пред)сознательным, следует ответить: создавая аналитической работой такие *псз* промежуточные звенья. Таким образом, сознание остается на своем месте, но и *Бсз* не поднялось до *Сз*.

Если отношение внешнего восприятия к Я совершенно очевидно, то отношение внутреннего восприятия к Я требует особого исследования. Из-за этого вновь возникает сомнение в том, действительно ли правильно относить все сознательное к поверхностной системе восприятие-сознание (*В-Сз*). Внутреннее восприятие дает ощущения о процессах, происходящих в самых разных, разумеется, также и в самых глубоких слоях душевного аппарата. Они мало известны, а их лучшим образцом можно считать ряд удовольствие-неудовольствие. Они являются более древ-

---

[1] [Ср. книгу Варендонка (Varendonck, 1921), к которой Фрейд написал предисловие (1921*b*).]

ними, более элементарными, чем ощущения, проистекающие извне, и могут возникать также в состояниях помутненного сознания. Об их большом экономическом значении и его метапсихологическом обосновании я уже говорил в другой работе[1]. Эти ощущения имеют множественную локализацию, как и внешние восприятия, и могут поступать одновременно с разных сторон и при этом иметь разные, также и противоположные качества.

Ощущения с характером удовольствия не содержат в себе ничего императивного, и наоборот, это качество в высшей степени присуще ощущениям неудовольствия. Они требуют изменения, отвода, и поэтому мы истолковываем неудовольствие как повышение, а удовольствие как снижение энергетического катексиса[2]. Если мы назовем то, что осознается как удовольствие или неудовольствие, количественно-качественно «другим» в душевном процессе, то возникает вопрос: может ли такое другое осознаваться на месте или его надо подвести к системе *В*?

Клинический опыт свидетельствует о последнем. Он показывает, что это «другое» ведет себя словно вытесненный импульс. Оно может проявлять побудительные силы, при этом Я принуждения не замечает. Только сопротивление принуждению, задержка реакции отвода сразу же позволяет осознать это другое как неудовольствие. Подобно напряжению, вызванному потребностями, также и боль — нечто среднее между внешним и внутренним восприятием — может оставаться бессознательной; она ведет себя как внутреннее восприятие даже тогда, когда происходит от внешнего мира. Таким образом, остается верным, что чувства и ощущения также становятся сознательными только благодаря тому, что достигают системы *В*; если переход прегражден, то они не возникают в виде ощущений, хотя соответствующее им «другое» в процессе возбуждения остается тем же. Упрощенно и не совсем правильно мы говорим в таком случае о *бессознательных ощущениях*, придерживаясь аналогии с *бессознательными представлениями*, которая не вполне обоснованна. Различие заключается в следующем: чтобы довести *бсз* представление до *Сз*, сначала нужно создать для него связующие звенья, тогда как для ощущений, передающихся непосредственно, необходимость в этом отпадает. Иными словами, различие меж-

---

[1] [«По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), с. 254–255 выше.]

[2] [Там же, с. 231–232 выше.]

ду *Сз* и *Псз* в случае ощущений не имеет смысла, *Псз* здесь выпадает, ощущения бывают или сознательными, или бессознательными. Даже когда они связываются со словесными представлениями, они не обязаны им своим осознанием — они становятся сознательными непосредственно[1].

Теперь роль словесных представлений становится совершенно ясной. Благодаря их содействию внутренние мыслительные процессы превращаются в восприятия. Тем самым как будто подтверждается тезис: все знание происходит от внешнего восприятия. При гиперкатексисе мысли действительно воспринимаются словно извне и поэтому считаются верными.

После такого разъяснения отношений между внешним и внутренним восприятием и поверхностной системой *В–Сз* мы можем приступить к расширению своих представлений о Я. Мы видим, что оно исходит из системы *В* как своего ядра и прежде всего охватывает *Псз*, опирающееся на остатки воспоминаний. Но, как мы узнали, Я тоже бывает бессознательным.

Теперь, я думаю, мы получим большую пользу, если последуем инициативе одного автора, который напрасно по личным мотивам заверяет, что ничего общего со строгой высокой наукой не имеет. Я говорю о Г. Гроддеке, который постоянно подчеркивает, что то, что мы называем нашим Я, в основном ведет себя в жизни пассивно, и, по его выражению, нас *«оживляют»* неизвестные, не поддающиеся управлению силы[2]. Все мы испытывали те же самые впечатления, хотя они и не овладевали нами настолько, что исключали все остальное, и мы должны отвести идее Гроддека надлежащее место в структуре науки. Я предлагаю воздать ей должное, обозначив инстанцию, исходящую из системы *В*, которая вначале бывает *псз*, понятием Я, а остальное психическое, в котором она продолжается и которое ведет себя как *бсз*, — по примеру Гроддека, — Оно[3].

Мы скоро увидим, можно ли извлечь из такого представления пользу для описания и понимания. Теперь индивид для нас — это психическое Оно, непознанное и бессознательное, на поверх-

---

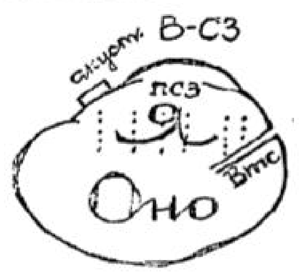
[1] [См. раздел III работы «Бессознательное» (1915*e*), с. 147–148 выше.]

[2] Г. Гроддек. «Книга об Оно» (1923).

[3] [См. «Предисловие издателей» на с. 296.] — Сам Гроддек, вероятно, последовал примеру Ницше, который часто употреблял это грамматическое выражение для обозначения безличного и, так сказать, природно-необходимого в нашей сущности.

ности которого покоится Я, развившееся из системы *В* как ядра. Если мы хотим дать графическое изображение, то можно добавить, что Я не охватывает Оно целиком, а только постольку, поскольку система *В* образует его [Я] поверхность, то есть примерно так, как зародышевый диск расположен в яйце. Я не отделено строго от Оно и внизу с ним сливается.

Но и вытесненное сливается с Оно, являясь лишь его частью. Вытесненное отделено от Я только с помощью сопротивлений, сопровождающих вытеснение, и может сообщаться с ним через Оно. Мы сразу видим, что почти все разграничения, описанные нами на основании данных патологии, относятся только к — единственно нам известным — поверхностным слоям душевного аппарата. Мы могли бы представить эти отношения в виде рисунка[1], который служит лишь для наглядности изображения и не претендует на особое истолкование. Добавим только, что на Я как бы надет «слуховой колпак», причем, по свидетельству специалистов в области анатомии мозга, только на одну сторону, так сказать, набекрень[2].

Легко убедиться, что Я — это часть Оно, измененная под непосредственным воздействием внешнего мира и при содействии *В–Сз*, своего рода продолжение дифференциации поверхности. Я старается также донести до Оно влияния и намерения

---

[1] [Ср. несколько отличающуюся диаграмму в конце 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), *Studienausgabe*, т. 1, с. 515. Совершенно другое графическое изображение в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 517, а также предшествующее ему изображение в письме Флиссу от 6 декабря 1896 года (Freud, 1950*a*, письмо № 52) касаются как функции, так и структуры.]

[2] [Здесь Фрейд, возможно, имел в виду высший мозговой акустический центр, речевой центр Вернике, расположенный в мозгу и играющий определенную роль в понимании речи. Ср. выше, прим. 3 на с. 309.]

внешнего мира, стремится заменить принцип удовольствия, безраздельно властвующий в Оно, принципом реальности. Восприятие играет для Я такую же роль, какая в Оно отводится влечениям. Я репрезентирует то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность Оно, содержащему страсти. Все это совпадает с общеизвестными популярными разграничениями, но такое утверждение также следует считать правильным только для усредненного или идеального случая.

Функциональная важность Я выражается в том, что в обычных условиях оно распоряжается доступом к подвижности. Так, по отношению к Оно Я похоже на всадника, который должен обуздать превосходящую по силе лошадь, с той только разницей, что всадник пытается это сделать собственными силами, а Я — взятыми взаймы. Это сравнение можно продолжить. Как и всадник, оно не хочет расстаться с лошадью, зачастую ему не остается ничего другого, как вести ее туда, куда хочется ей; так и Я обычно превращает волю Оно в действие, словно это была его собственная воля[1].

Помимо влияния системы *В*. на возникновение Я и его отделение от Оно, по-видимому, повлиял еще один момент. Собственное тело и прежде всего его поверхность — это как раз то место, из которого могут исходить одновременно внешние и внутренние восприятия. С помощью зрения оно воспринимается как другой объект, но на уровне осязания дает ощущения двоякого рода, одни из которых могут быть приравнены внутреннему восприятию. В психофизиологии было в достаточной мере объяснено, каким образом собственное тело выделяется из мира восприятий. Похоже, что боль при этом также играет определенную роль, а способ, которым человек при сопровождающихся болью заболеваниях получает знание о своих органах, является, пожалуй, прототипом того, как у него вообще возникает представление о собственном теле.

Я прежде всего телесно, оно представляет собой не только некое существо, имеющее поверхность, но и само есть проекция этой поверхности[2]. Если подыскать ему анатомическую ана-

---

[1] [Сравнение со всадником и лошадью содержится также в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*). *Studienausgabe*, т. 1, с. 514.]

[2] [«I. e. the ego is ultimately derived from bodily sensations, chiefly from those springing from the surface of the body. It may thus be regarded as a mental projection of the surface of the body, besides, as we have seen above, representing the superficies

логию, то скорее всего его можно идентифицировать с «человечком с мозгом» анатомов, который в коре мозга стоит на голове, вытягивает пятки кверху, глядит назад, а на левой стороне, как известно, у него находится речевая зона.

Отношению Я к сознанию неоднократно отдавалось должное, и все же здесь следует вновь описать некоторые важные факты. Привыкшие во все привносить социальную или этическую оценку, мы не удивимся, услышав, что кипение низших страстей происходит в бессознательном, но ожидаем, что душевные функции тем проще найдут надежный доступ к сознанию, чем выше они оцениваются. Однако здесь психоаналитический опыт нас разочаровывает. С одной стороны, у нас есть доказательства, что даже тонкая и трудная интеллектуальная работа, обычно требующая напряженного размышления, может совершаться бессознательно, не доходя до сознания. Такие случаи не вызывают никаких сомнений, они происходят, например, в состоянии сна и выражаются в том, что человек непосредственно после пробуждения знает решение трудной математической или иной задачи, над которой он тщетно бился накануне[1].

Однако гораздо более странное впечатление производит другой опыт. В ходе своих анализов мы узнаем, что есть люди, у которых самокритика и совесть, то есть чрезвычайно ценная работа души, являются бессознательными и оказывают чрезвычайно важное воздействие, будучи бессознательными; тот факт, что при анализе сопротивление остается бессознательным, — отнюдь не единственная ситуация такого рода. Но новый опыт, вынуждающий нас, несмотря на все критическое понимание, говорить

---

of the mental apparatus». «То есть Эго в конечном счете происходит от телесных ощущений, главным образом, ощущений, проистекающих из поверхности тела. Таким образом, оно может быть расценено как психическая проекция поверхности тела, кроме того, как мы видели выше, из ощущений, репрезентирующих поверхность психического аппарата». — Это примечание, написанное в оригинале на английском языке, впервые встречается в переводе, опубликованном в 1927 году в Лондоне *(The Ego and the Id)*, где оно отмечено как принадлежащее Фрейду. Во всех прежних немецких изданиях это примечание отсутствует; его немецкая версия не сохранилась.]

[1] Как раз о таком факте мне сообщили совсем недавно, причем в качестве возражения против моего описания «работы сновидения». [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 87 и 538.]

о *бессознательном чувстве вины*[1], озадачивает нас еще больше и задает нам новые загадки, особенно если мы постепенно начинаем догадываться, что такое бессознательное чувство вины играет решающую в экономическом отношении роль в большом числе неврозов и создает сильнейшее препятствие на пути к выздоровлению[2]. Если вернуться к нашей оценочной шкале, то мы должны сказать: не только самое глубокое, но и самое высокое в Я может быть бессознательным. Таким образом нам словно демонстрируется то, что мы ранее говорили о сознательном Я, а именно: прежде всего это телесное Я.

---

[1] [Эта формулировка содержится еще в работе Фрейда «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907*b*). *Studienausgabe*. т. 7, с. 18. Однако наметки этой идеи относятся к гораздо более раннему периоду, в частности, их можно найти в разделе II первого очерка Фрейда, посвященного защитным психоневрозам (1894*a*).]

[2] [См. в этой связи с. 338 и далее в этом томе.]

III
Я И СВЕРХ-Я (Я-ИДЕАЛ)

Если бы Я было только частью Оно, изменившейся под влиянием системы восприятия, то есть представителем реального внешнего мира в психике, то все было бы просто. Но здесь добавляется нечто иное.

Мотивы, побудившие нас предположить наличие в Я еще одной ступени — дифференциации внутри самого Я, — которую можно назвать *Я-идеалом* или *Сверх-Я*[1], уже были разъяснены в других местах. Эти мотивы обоснованны[2]. То, что эта часть Я имеет менее прочные отношения с сознанием, — новость, нуждающаяся в объяснении.

Здесь нам придется сделать небольшое отступление. Нам удалось разъяснить болезненные страдания при меланхолии благодаря предположению, что в Я восстанавливается утраченный объект, то есть объектный катексис заменяется идентификацией[3]. Но тогда мы еще не понимали всего значения этого процесса и не знали, как часто он встречается и насколько он типичен. Позднее мы поняли, что такая замена играет важную роль в образовании Я и вносит существенный вклад в формирование того, что человек называет своим *характером*[4].

---

[1] [См. «Предисловие издателей», выше, с. 297–299.] «О введении понятия "нарцизм"» [(1914*c*), с. 39 и далее в этом томе]. «Психология масс и анализ Я» [1921*c*].

[2] Только то, что функцию проверки реальности я приписал этому Сверх-Я, представляется ошибочным и нуждается в исправлении. [См. «Психология масс и анализ Я» (1921*c*). *Studienausgabe*, т. 9, с. 107 и прим., а также «Предварительные замечания издателей» к метапсихологической статье о сновидениях (1917*d*), с. 190 выше.] Если бы проверка реальности оставалась собственной задачей Я, то это вполне соответствовало бы его отношениям с миром восприятий. — Также и более ранние, весьма неопределенные высказывания о *ядре Я* теперь необходимо скорректировать в том смысле, что ядром Я следует признать только систему *В–Сз*. [В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*) Фрейд назвал бессознательную часть Я его ядром (выше, с. 243); а в своей более поздней работе, посвященной юмору (1927*d*), ядром Я он назвал Сверх-Я (см. *Studienausgabe*, т. 4, с. 280).]

[1] «Печаль и меланхолия» [(1917*e*), выше, с. 217.]

[2] [Некоторые ссылки на другие работы, в которых Фрейд обсуждает вопрос формирования характера, содержатся в примечании в конце работы «Характер и анальная эротика» (1908*b*). *Studienausgabe*, т. 7, с. 30.]

Изначально, в примитивной оральной фазе развития индивида, объектный катексис и идентификацию, пожалуй, не различить[1]. Позднее можно только предположить, что объектные катексисы исходят из Оно, которое ощущает эротические стремления как потребности. Я, вначале пока еще слабое, получает знание об объектных катексисах, поддается им или пытается защититься от них через процесс вытеснения[2].

Если человеку приходится или становится необходимым покинуть такой сексуальный объект, то взамен нередко происходит изменение Я, которое, как и при меланхолии, следует описать как укрепление объекта в Я; дальнейшие подробности этой замены нам пока неизвестны. Возможно, благодаря такой интроекции, которая представляет собой своего рода регрессию к механизму оральной фазы, Я облегчает или делает возможным отказ от объекта. Возможно, эта идентификация вообще и есть то условие, при котором Оно отказывается от своих объектов. Во всяком случае, этот процесс — особенно в ранних фазах развития — встречается очень часто, и мы можем предположить, что характер Я является осадком катексисов объектов, от которых пришлось отказаться, что он содержит историю этих объектных выборов. Разумеется, с самого начала следует допустить наличие шкалы сопротивляемости, то есть того, насколько характер человека отвергает или принимает эти влияния из истории выборов эротических объектов. Думается, что у женщин, имевших большой любовный опыт, легко можно выявить в чертах характера остатки их объектных катексисов. Надо учитывать также одновременность объектного катексиса и идентификации, то есть изменение характера еще до того, как произошел отказ от объекта. В этом случае изменение характера может оказаться более продолжительным, чем катексис объекта, и в известном смысле его законсервировать.

---

[1] [Ср. главу VII работы «Психология масс и анализ Я» (1921*c*). *Studienausgabe*, т. 9, с. 98.]

[2] Интересную параллель замене выбора объекта идентификацией содержат вера первобытного человека в то, что свойства съеденного животного перейдут к тому, кто его съел, и основанные на ней запреты. Как известно, эта вера служит также одним из обоснований каннибализма и проявляется в целом ряде обычаев тотемной трапезы вплоть до святого причастия. [Ср. «Тотем и табу» (1912–1913).] Следствия, которые здесь приписываются оральному овладению объектом, полностью относятся и к последующему выбору сексуального объекта.

Согласно другой точке зрения, это преобразование выбора эротического объекта в изменение Я также представляет собой способ, благодаря которому Я может овладеть Оно и углубить свои отношения с ним, правда, ценой значительной уступчивости его переживаниям. Принимая черты объекта, Я, так сказать, навязывает себя Оно в качестве объекта любви, старается возместить Оно его потерю, говоря: «Смотри, ты можешь любить и меня, ведь я так похоже на объект».

Превращение объектного либидо в нарциссическое либидо, которое здесь происходит, очевидно, приводит к отказу от сексуальных целей, к десексуализации, то есть к своего рода сублимации. Более того, возникает вопрос, заслуживающий более подробного рассмотрения, а именно: не является ли это общераспространенным путем к сублимации, не совершается ли всякая сублимация при содействии Я, которое сначала превращает сексуальное объектное либидо в нарциссическое, чтобы затем, быть может, поставить ему другую цель[1]? Позднее мы еще обсудим вопрос, не может ли это превращение повлиять на судьбы влечений и по-другому, например, повлечь за собой расслоение различных слившихся друг с другом влечений[2].

Мы отклоняемся от цели, однако не можем не остановить свое внимание на какое-то время на объектных идентификациях Я. Если они берут верх, становятся слишком многочисленными, чересчур сильными и несовместимыми друг с другом, то можно ожидать патологического результата. Дело может дойти до расщепления Я, когда отдельные идентификации из-за сопротивлений изолируются друг от друга, и, возможно, тайна случаев так называемой *множественной личности* как раз и заключается в том, что отдельные идентификации попеременно привлекают к себе сознание. Даже если до этого не доходит, все же возникает вопрос конфликтов между различными идентификациями, на которые распадается Я, — конфликтов, которые в ко-

---

[1] Теперь, после отделения Я от Оно, огромным резервуаром либидо в том значении, в каком оно рассматривается в работе «О введении понятия "нарцизм"» [1914*c*, с. 47 выше], следует признать Оно. Либидо, поступающее в Я благодаря описанным идентификациям, создает его *«вторичный нарцизм»*. [Эта точка зрения обсуждается далее на с. 357–358.]

[2] [К теме, рассматриваемой в этом абзаце, Фрейд возвращается ниже, на с. 357 и 365. Концепция смешения и расслоения влечений обсуждается на с. 330–331.]

нечном счете отнюдь не всегда можно охарактеризовать как патологические.

Какую бы форму ни приобрело последующее сопротивление характера влияниям отвергнутых объектных катексисов, воздействие первых идентификаций, произошедших в самом раннем возрасте, будет всеобщим и стойким. Это возвращает нас к возникновению Я-идеала, ибо за ним скрывается первая и самая важная идентификация индивида — идентификация с отцом в личное доисторическое время[1]. Она, по-видимому, не является следствием или результатом катексиса объекта, эта идентификация прямая, непосредственная и более ранняя, чем любой объектный катексис[2]. Однако кажется, что выборы объекта, относящиеся к первому сексуальному периоду и касающиеся отца и матери, при нормальном ходе событий приводят к подобной идентификации и тем самым усиливают первичную идентификацию.

Тем не менее эти отношения настолько сложны, что возникает необходимость описать их подробнее. Эта сложность обусловлена двумя моментами — треугольной конструкцией эдиповых отношений и конституциональной бисексуальностью индивида.

Упрощенно формирование эдипова комплекса у ребенка мужского пола можно представить следующим образом: уже в самом раннем возрасте у него возникает в отношении матери объектный катексис, исходным пунктом которого является материнская грудь, и этот катексис служит образцовым примером выбора объекта по типу примыкания[3]; отцом же мальчик овладевает посредством идентификации. Некоторое время два этих

---

[1] Наверное, осторожнее было бы сказать «с родителями», ибо до четкого понимания половых различий, отсутствия пениса, отец и мать не расцениваются по-разному. Из истории одной молодой женщины мне недавно довелось узнать, что после того как она заметила у себя отсутствие пениса, она полагала, что этот орган отсутствует не у всех женщин, а только у тех, кого она считала неполноценными. По ее мнению, у ее матери он сохранился. [Ср. примечание к работе «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 240, прим. 2.] Ради простоты изложения я буду говорить только об идентификации с отцом.

[2] [См. начало главы II «Психологии масс» (1921*c*). *Studienausgabe*, т. 9, с. 98.]

[3] [См. работу о нарциссизме (1914*c*), с. 53 и далее в этом томе.]

вида отношений существуют параллельно, пока в результате усиления сексуальных влечений к матери и понимания того, что отец представляет собой помеху для этих влечений, не возникает эдипов комплекс[1]. Теперь идентификация с отцом приобретает оттенок враждебности и обращается в желание устранить отца, чтобы занять его место у матери. Отныне отношение к отцу становится амбивалентным; как будто амбивалентность, с самого начала содержавшаяся в идентификации, теперь стала явной. Амбивалентная установка к отцу и исключительно нежное объектное стремление к матери составляют у мальчика содержание простого, позитивного эдипова комплекса.

При разрушении эдипова комплекса объектный катексис матери должен быть устранен. Вместо него могут произойти две вещи: либо возникнет идентификация с матерью, либо усилится идентификация с отцом. Последний исход мы обычно рассматриваем как более естественный, он позволяет в известной мере сохранить нежное отношение к матери. Таким образом, благодаря крушению эдипова комплекса[2] укрепилась бы мужественность в характере мальчика. Совершенно аналогичным образом[3] эдипова установка маленькой девочки может вылиться в усиление ее идентификации с матерью (или возникновение таковой), которая определяет женские черты характера ребенка.

Эти идентификации не соответствуют нашему ожиданию[4], ибо они не вводят в Я потерянный объект; но и такой результат тоже бывает, причем у девочек его наблюдать проще, чем у мальчиков. Из анализа очень часто можно узнать, что маленькая девочка, вынужденная отказаться от отца как объекта любви, проявляет теперь свою мужественность и идентифицируется не с матерью, а с отцом, то есть с потерянным объектом. При этом очевидно, что многое зависит от того, достаточно ли сильны ее мужские задатки, в чем бы они ни состояли.

---

[1] Ср. «Психология масс и анализ Я» ([1921*c*] там же).

[2] [Ср. работу Фрейда под тем же названием (1924*d*), в которой он рассматривает эту проблему более подробно.]

[3] [От представления о том, что разрешение эдипова комплекса у девочек и мальчиков происходит «совершенно аналогичным образом», Фрейд немного позднее отказался. См. «Предварительные замечания издателей» к работе «Некоторые психические последствия анатомического различия полов» (1925*i*). *Studienausgabe*, т 5, с. 254–256.]

[4] [Ср. описание на с. 318 в этом томе.]

Таким образом, разрешение эдиповой ситуации в идентификации с отцом или матерью у обоих полов зависит, по-видимому, от относительной силы соответствующих задатков. Это один из способов, которым бисексуальность вмешивается в судьбу эдипова комплекса. Еще более важен другой способ. А именно: создается впечатление, что простой эдипов комплекс вообще не является наиболее распространенным; скорее, он соответствует некоторому упрощению или схематизации, которая, однако, довольно часто остается оправданной на практике. Чаще всего в ходе тщательного исследования выявляется *более полный* эдипов комплекс, который бывает двоякого рода — позитивным и негативным, в зависимости от первоначальной бисексуальности ребенка; то есть мальчику не только присущи амбивалентная установка по отношению к отцу и продиктованный нежными чувствами объектный выбор матери, но вместе с тем он ведет себя как девочка — проявляет нежную женскую установку по отношению к отцу и соответствующую ревниво-враждебную — к матери. Из-за этого вмешательства бисексуальности становится очень сложно проследить отношения между примитивными выборами объекта и идентификациями и еще труднее — доходчиво описать их. Возможно также, что амбивалентность, выявленную в отношении к родителям, следовало бы целиком свести к бисексуальности, и что она не возникает, как я описывал выше, из идентификации вследствие установки соперничества[1].

Я думаю, мы поступим правильно, допустив существование полного эдипова комплекса вообще и у невротиков особенно. Далее, аналитический опыт показывает, что во множестве случаев та или иная составная часть его исчезает, не оставляя заметных следов; в результате получается ряд, на одном конце которого на-

---

[1] [Убежденность Фрейда в значении бисексуальности простирается в далекое прошлое. Например, в первом издании «Трех очерков» (1905*d*) он писал: «Я ...думаю, что без учета бисексуальности едва ли можно прийти к пониманию фактически наблюдаемых сексуальных проявлений у мужчины и женщины». (*Studienausgabe*, т. 5, с. 124.) Но еще раньше в письме Флиссу (который оказал на него значительное влияние в этой области) есть место, посвященное бисексуальности, которое, по существу, предвосхищает вышеупомянутый пассаж (Freud, 1950*a*, письмо № 113 от 1 августа 1899 года): «...бисексуальность! По поводу которой ты, несомненно, прав. Я также привыкаю понимать любой сексуальный акт как некий процесс, происходящий между четырьмя индивидами».]

ходится нормальный, позитивный, а на другом конце — обратный, негативный эдипов комплекс, средние же звенья отображают полную форму комплекса с неодинаковым участием обоих компонентов. При разрушении эдипова комплекса четыре содержащихся в нем стремления будут сочетаться таким образом, что из них получится одна идентификация с отцом и одна — с матерью. Идентификация с отцом удержит материнский объект позитивного комплекса и одновременно заменит отцовский объект обратного комплекса; нечто подобное происходит при идентификации с матерью. В различной силе выражения обеих идентификаций отразится неравенство обоих половых задатков.

Таким образом, можно предположить, что самый общий итог сексуальной фазы, в которой властвует эдипов комплекс, — это отражение в Я этих двух каким-то образом согласованных между собой идентификаций. Это изменение Я сохраняет свое особое положение, оно противостоит другому содержанию Я в качестве Я-идеала или Сверх-Я.

Однако Сверх-Я — это не просто осадок первых выборов объекта со стороны Оно, Сверх-Я имеет также значение энергичной реакции против них. Его отношение к Я не исчерпывается призывом «Ты *должен* быть таким же (как отец)», оно включает также запрет: «Таким (как отец) ты *не смеешь* быть, то есть ты не вправе делать всего, что делает отец; кое-что остается только за ним». Эта двойственность Я-идеала объясняется тем, что Я-идеал использовался для вытеснения эдипова комплекса, более того, своим возникновением он как раз и обязан такому повороту. Очевидно, вытеснение эдипова комплекса было непростой задачей. Поскольку родители, особенно отец, воспринимаются как помеха осуществлению эдиповых желаний, инфантильное Я укрепилось, чтобы совершить это вытеснение, создав само в себе такое же препятствие. В известной мере эти силы были заимствованы им у отца, и это заимствование представляет собой акт, имеющий чрезвычайно важные последствия. Сверх-Я сохранит характер отца, и чем сильнее был эдипов комплекс, чем стремительнее (под влиянием авторитета, религиозного учения, образования и чтения) происходило его вытеснение, тем строже Сверх-Я позднее будет повелевать Я в виде совести, возможно, в виде бессознательного чувства вины. Откуда оно черпает силы для такого господства, откуда берется его принудительный характер, выражающийся в форме категорического императива, — на этот счет я позже выскажу [с. 337] одно предположение.

Еще раз рассмотрев описанное здесь возникновение Сверх-Я, мы должны будем признать, что оно является результатом влияния двух в высшей степени важных биологических факторов — длительной беспомощности и зависимости человека в детстве и наличия у него эдипова комплекса, который мы свели к прерыванию либидинозного развития в латентный период и, таким образом, к *двухфазному началу* сексуальной жизни у человека[1]. Согласно психоаналитической гипотезе, последняя, по-видимому, специфически человеческая особенность предстает как унаследованное в ходе культурного развития качество, к возникновению которого привел ледниковый период[2]. Таким образом, в отделении Сверх-Я от Я нет ничего случайного, оно отражает самые важные черты индивидуального развития и развития вида; более того, придавая влиянию родителей устойчивое выражение, оно увековечивает существование факторов, которым обязано своим происхождением.

Психоанализ бесчисленное количество раз упрекали в том, что ему нет дела до высшего, морального, надличного в человеке. Этот упрек был несправедлив вдвойне — и в историческом, и в методическом отношении. Во-первых, потому, что моральным и

---

[1] [По настоятельному указанию Фрейда в опубликованный в 1927 году перевод, который был сделан Джоан Ривьер, была включена несколько измененная версия данного отрывка. Однако до сих пор эти исправления не были внесены ни в одно из немецких изданий. В пересмотренной Фрейдом редакции (немецкого текста которой не существует) он звучит следующим образом: «If we consider once more the origin of the super-ego as we have described it, we shall recognize that it is the outcome of two highly important factors, one of a biological and the other of a historical nature; namely, the lengthy duration in man of his childhood helplessness and dependence, and the fact of his Oedipus complex, the repression of which we have shown to be connected with the interruption of libidinal development by the latency period and so with the diphasic onset of man's sexual life». («Если мы еще раз рассмотрим возникновение Сверх-Я, как мы его описали, то должны будем признать, что оно является результатом влияния двух в высшей степени важных факторов, один из которых имеет биологическую, а другой — историческую природу; а именно длительной беспомощности и зависимости человека в детстве и наличия у него эдипова комплекса, вытеснение которого, как было нами показано, связано с прерыванием либидинозного развития в латентный период и, таким образом, с двухфазным началом сексуальной жизни у человека».)]

[2] [Эта идея была выдвинута Ференци (1913*a*). Еще более определенно Фрейд поддержал ее в конце главы X работы «Торможение, симптом и страх» (1926*d*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 293–294.]

эстетическим тенденциям в Я с самого начала приписывался импульс к вытеснению: во-вторых, потому, что никто не хотел признавать, что психоаналитическое исследование не могло выступить как философия, с полной и завершенной научной системой, а должно было шаг за шагом прокладывать себе путь к пониманию душевных проблем посредством аналитического разбора нормальных и анормальных феноменов. Нам не нужно было разделять трепетное беспокойство о наличии высшего в человеке, пока мы должны были заниматься изучением вытесненного в душевной жизни. Теперь, осмелившись приступить к анализу Я, мы можем ответить всем тем, кто, испытав потрясение своего нравственного сознания, сетовал, что должно же быть в человеке высшее существо: «Разумеется, и это высшее существо — Я-идеал или Сверх-Я, репрезентация нашего отношения к родителям. Будучи маленькими детьми, мы знали этих высших существ, восхищались ими, боялись их, а позднее приняли в самих себя».

Таким образом, Я-идеал представляет собой наследие эдипова комплекса и вместе с тем выражение сильнейших побуждений Оно и важнейших судеб его либидо. Создав такой идеал, Я одолело эдипов комплекс и одновременно подчинило себя Оно. Если Я, в сущности, — это репрезентант внешнего мира, реальности, то Сверх-Я противостоит ему как поверенный внутреннего мира, Оно. Конфликты между Я и идеалом в конечном счете будут отражать — к этому мы теперь уже подготовлены — противоположности реального и психического, внешнего мира и мира внутреннего.

То, что биология и судьбы человеческого вида создали и оставили после себя в Оно, перенимается Я благодаря образованию идеала и индивидуально заново в нем переживается. В силу самой истории своего образования Я-идеал имеет самую тесную связь с тем, что было приобретено индивидом в филогенезе, его архаическим наследием. То, что в отдельной душевной жизни относилось к самым глубоким слоям, благодаря образованию идеала становится наивысшим в душе человека в значении наших оценок. Однако было бы напрасным трудом стараться локализовать Я-идеал хотя бы аналогичным образом, как Я[1], или подогнать его под одно из тех сравнений, с помощью которых мы пытались изобразить отношения между Я и Оно.

---

[1] [Соответственно, на диаграмме на с. 313 Сверх-Я не представлено. И наоборот, оно появляется на более поздней диаграмме в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*). *Studienausgabe*, т. 1. с. 515.]

Легко показать, что Я-идеал удовлетворяет всем требованиям, которые предъявляются к высшему существу в человеке. В качестве замены стремления к отцу оно содержит в себе зародыш, из которого образовались все религии. Суждение о собственной несостоятельности при сравнении Я со своим идеалом вызывает то смиренное религиозное ощущение, на которое ссылается страстно верующий. В ходе дальнейшего развития роль отца продолжали играть учителя и авторитеты; их заветы и запреты сохранили свою власть в Я-идеале и теперь осуществляют моральную цензуру в виде совести. Напряженные отношения между требованиями совести и поступками Я ощущаются как *чувство вины*. Социальные чувства основаны на идентификациях с другими людьми, возникающих из-за сходства Я-идеала.

Религия, мораль и социальное чувство — эти главные содержания высшего в человеке[1] — первоначально составляли единое целое. Согласно гипотезе, изложенной в работе «Тотем и табу»[2], филогенетически они были приобретены на основе отцовского комплекса; религия и моральные ограничения — благодаря преодолению собственно эдипова комплекса, социальные чувства — в силу необходимости преодолеть сохранявшееся соперничество между представителями молодого поколения. Во всех этих моральных приобретениях мужской пол, по-видимому, шел во главе; перекрестное наследование сделало их также достоянием женщин. И сегодня социальные чувства у отдельного человека по-прежнему возникают как надстройка над импульсами ревнивого соперничества между сестрами и братьями. Поскольку враждебные побуждения нельзя удовлетворить, возникает идентификация с первоначальным соперником. Наблюдения за умеренными гомосексуалистами подтверждают предположение, что и эта идентификация представляет собой замену основанного на нежных чувствах выбора объекта вместо агрессивно-враждебной установки[3].

Однако с упоминанием филогенеза возникают новые проблемы, от разрешения которых хотелось бы осторожно уклонить-

---

[1] Наука и искусство оставлены здесь в стороне.

[2] [Freud, 1912–1913, *Studienausgabe*, т. 9, с. 430 и далее.]

[3] Ср. «Психология масс и анализ Я» [(1921*c*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 111–112]. — «О невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме» [(1922*b*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 227].

ся. Но ничего не поделаешь, следует отважиться на попытку ответа, даже если опасаешься, что она разоблачит недостаточность всех наших усилий. Вопрос таков: кто в свое время приобрел религию и нравственность на основе отцовского комплекса — Я первобытного человека или его Оно? Если это было Я, то почему мы не говорим просто о наследовании в Я? Если это было Оно, то как это согласуется с характером Оно? Или, может быть, нельзя переносить дифференциацию на Я, Сверх-Я и Оно на такие ранние времена? Или надо честно признаться, что все представление о процессах Я ничего не дает для понимания филогенеза и неприменимо к нему?

Ответим сначала на то, на что ответить проще всего. Дифференциацию на Я и Оно мы должны признать не только у первобытных людей, но и у гораздо более простых живых существ, поскольку она является необходимым выражением влияния внешнего мира. Возникновение Сверх-Я мы только что вывели из тех переживаний, которые привели к тотемизму. Вопрос о том, кому достались те знания и приобретения — Я или Оно, — вскоре отпадает сам собой. Следующее соображение говорит нам, что Оно не может пережить или испытать внешнюю судьбу, кроме как через *Я*, которое замещает у него внешний мир. Однако о прямом наследовании в *Я* все же говорить нельзя. Здесь открывается пропасть между реальным индивидом и понятием вида. Кроме того, нельзя слишком жестко подходить к различию между Я и Оно, нельзя забывать, что Я представляет собой наиболее дифференцированную часть Оно [см. с. 293]. Сначала кажется, что переживания Я оказываются потерянными для наследования, но если они достаточно часто и интенсивно повторяются у многих следующих друг за другом поколений людей, то они, так сказать, превращаются в переживания Оно, впечатления которых закрепляются благодаря наследованию. Таким образом, наследственное Оно заключает в себе остатки бесчисленных существований Я, и когда Я черпает свое Сверх-Я из Оно, оно, пожалуй, лишь вновь обнаруживает более давние формы Я, их воскрешая .

Из истории возникновения Сверх-Я становится понятным, что ранние конфликты Я с объектными катексисами Оно могут продолжаться в конфликтах с их наследником — Сверх-Я. Если Я плохо удается преодоление эдипова комплекса, то его проистекающий из Оно энергетический катексис вновь проявляется в реактивном образовании Я-идеала. Тесная связь этого идеала с

бсз импульсами влечений позволяет разгадать загадку, почему сам идеал большей частью может оставаться бессознательным, недоступным для Я. Борьба, бушевавшая в более глубоких слоях и не прекратившаяся в результате быстрой сублимации и идентификации, продолжается, как на картине Каульбаха «Битва гуннов». в более высокой сфере[1].

---

[1] [Речь идет об изображении битвы при Шалоне. в которой в 451 году римляне и вестготы победили Аттилу. Вильгельм фон Каульбах (1805–1874) сделал ее сюжетом фрески, первоначально предназначавшейся для Нового музея в Берлине. На картине мертвые воины продолжают сражаться на небесах, согласно легенде, которая восходит к жившему в шестом веке неоплатонику Дамаскиосу.]

IV
ДВА ВИДА ВЛЕЧЕНИЙ

Мы уже говорили, что, если разделение нами психического существа на Оно, Я и Сверх-Я означает шаг вперед в нашем познании, то оно должно также стать средством более глубокого понимания и лучшего описания динамических отношений душевной жизни. Мы уже также выяснили [см. с. 314–315], что Я находится под особым влиянием восприятия, и в целом можно сказать, что восприятия имеют для Я то же значение, что и влечения для Оно. Но при этом Я подвергается воздействию влечений точно так же, как и Оно; ведь Я — это лишь наиболее модифицированная часть Оно.

Недавно (в работе «По ту сторону принципа удовольствия» [1920*g*]) я изложил свои представления о влечениях; я буду здесь их придерживаться, и они будут положены в основу дальнейшего обсуждения. Я говорил, что следует различать два вида влечений, одни из которых — *сексуальные влечения,* или *эрос,* — гораздо более очевидны и более доступны изучению. Они охватывают не только ничем не стесненное сексуальное влечение как таковое и производные от него целезаторможенные и сублимированные импульсы влечения, но и влечение к самосохранению, которое мы должны приписать Я и которое мы в начале аналитической работы с полным основанием противопоставили сексуальным объектным влечениям. Рассмотрение второго вида влечений было сопряжено для нас с трудностями; в конце концов мы пришли к тому, чтобы рассматривать садизм в качестве его репрезентантов. На основе теоретических рассуждений, опирающихся на биологию, мы выдвинули гипотезу о существовании *влечения к смерти,* перед которым стоит задача привести органическое живое в безжизненное состояние, тогда как эрос преследует цель усложнить жизнь путем объединения рассеянных частиц живой субстанции и, разумеется, сохранить ее при этом. Оба влечения ведут себя в самом строгом смысле слова консервативно, стремясь восстановить состояние, нарушенное возникновением жизни. Таким образом, возникновение жизни стало причиной продолжения жизни и вместе с тем стремления к смерти, а сама жизнь — борьбой и компромиссом между двумя этими стремлениями. Вопрос о происхождении жизни остается космологическим, а на вопрос о цели и назначении жизни можно дать *дуалистический* ответ[1].

---

[1] [См. ниже, прим. 2 на с. 335.]

Каждому из этих двух видов влечений присущ особый физиологический процесс (синтез и распад), в каждой части живой субстанции действуют оба влечения, но все же в неравных пропорциях, и поэтому одна субстанция может стать основным представителем эроса.

Пока совершенно невозможно представить себе, каким образом влечения обоих этих видов соединяются, смешиваются, образуют друг с другом сплавы; но гипотеза о том, что это происходит регулярно и в больших масштабах, в нашем контексте неопровержима. В результате соединения элементарных одноклеточных организмов и превращения их в многоклеточные живые существа удалось нейтрализовать влечение к смерти отдельной клетки и при помощи особого органа отвести деструктивные импульсы во внешний мир. Этим органом была мускулатура, а влечение к смерти — вероятно, все же только частично — выразилось в виде *деструктивного влечения,* направленного против внешнего мира и других живых существ[1].

Если мы приняли представление о смешении двух видов влечений, то напрашивается также мысль о возможности — более или менее полного — их *расслоения*[2]. Садистский компонент сексуального влечения можно рассматривать как классический пример целесообразного смешения влечений, а *садизм*, ставший самостоятельным, то есть перверсию, — как образец расслоения, правда, не доведенного до крайности. В таком случае нам становится понятной огромная область фактов, которая в таком свете еще не рассматривалась. Мы узнаем, что *деструктивное влечение* регулярно служит эросу в целях разрядки, догадываемся, что эпилептический приступ представляет собой продукт и признак расслоения влечений[3], и начинаем понимать, что среди последствий многих тяжелых неврозов, например невроза навязчивых состояний, особое внимание должно быть уделено расслоению влечений и проявлению влечения к смерти. Обобщая это, мы хотели бы предположить, что сущность регрессии либидо, например, от гени-

---

[1] [Фрейд возвращается к этому в работе «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*). с. 369 в этом томе.]

[2] [Ср. выше, с. 319. Сказанное в дальнейшем по поводу садизма уже было обозначено в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), выше, с. 291–292.]

[3] [Ср. более позднюю работу о приступах у Достоевского (1928*b*).]

тальной к анально-садистской фазе, основывается на расслоении влечений, и, наоборот, условие прогресса от ранней к окончательной генитальной фазе — добавление эротических компонентов[1]. Возникает также вопрос, не следует ли понимать регулярно встречающуюся *амбивалентность,* усиление которой мы так часто обнаруживаем при конституциональной предрасположенности к неврозу, как результат расслоения; но только она настолько исконна, что ее следует рассматривать, скорее, как не произошедшее смешение влечений.

Разумеется, нас будут интересовать вопросы, нельзя ли найти содержательные отношения между предполагаемыми образованиями Я, Сверх-Я и Оно, с одной стороны, и двумя видами влечений — с другой; далее, можем ли мы указать принципу удовольствия, господствующему над душевными процессами, прочную позицию в отношении обоих видов влечений и психических дифференциаций. Но прежде чем мы приступим к обсуждению этого вопроса, необходимо покончить с одним сомнением, направленным против самой постановки проблемы. Хотя в существовании принципа удовольствия нет никаких сомнений, а разделение Я основано на клинических фактах, разграничение двух видов влечений не кажется достаточно надежным, и, возможно, факты клинического анализа откажутся от своих притязаний.

Такой факт, видимо, существует. Для противоположности между двумя видами влечений мы можем ввести полярность любви и ненависти[2]. Ведь репрезентацию эроса нам найти несложно, и наоборот, мы очень довольны, что для труднопостижимого влечения к смерти можем указать представителя в деструктивном влечении, путь которому показывает ненависть. Клинические наблюдения свидетельствуют о том, что ненависть не только на удивление регулярно сопровождает любовь (амбивалентность), не только зачастую предшествует ей в человеческих отношениях, но также и о том, что ненависть при разнообразных условиях превращается в любовь, а любовь —

---

[1] [К этому вопросу Фрейд также возвращается в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 258.]

[2] [В связи с дальнейшими рассуждениями см. более раннее обсуждение отношений между любовью и ненавистью в работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), с. 106–110 выше, а также более позднее обсуждение в главах V и VI «Недомогания культуры» (1930*a*).]

в ненависть. Если это превращение представляет собой нечто большее, чем просто временная последовательность, то есть чередование, то становится очевидным, что такое основополагающее различие, как между эротическими влечениями и влечениями к смерти, предполагающее противоположно протекающие физиологические процессы, оказывается лишенным почвы.

Тот случай, когда одного и того же человека сначала любят, а затем ненавидят, или наоборот, если он дал к этому поводы, к нашей проблеме, очевидно, не относится. Равно как и другой случай, когда еще не проявившаяся влюбленность сначала выражается как враждебность и склонность к агрессии, ибо при объектном катексисе мог предшествовать деструктивный компонент, а затем к нему добавился эротический. Но нам известны многие случаи из психологии неврозов, в которых гипотеза о превращении напрашивается сама собой. При *paranoia persecutoria*[1] больной известным образом защищается от слишком сильной гомосексуальной привязанности к определенному человеку, в результате чего этот самый любимый человек становится преследователем, против которого направлена зачастую опасная агрессия больного. Мы вправе заключить, что в предшествующей фазе любовь превратилась в ненависть. При возникновении гомосексуальности, но также десексуализированных социальных чувств, как совсем недавно показало аналитическое исследование, существуют порождающие склонность к агрессии сильные чувства соперничества, и только после их преодоления ранее ненавидимый объект становится любимым или предметом идентификации[2]. Возникает вопрос, можно ли предполагать в этих случаях непосредственное превращение ненависти в любовь. Ведь речь здесь идет о чисто внутренних изменениях, к которым изменившееся поведение объекта непричастно.

Однако аналитическое исследование процесса при параноийяльном превращении знакомит нас с возможностью существования другого механизма. При нем с самого начала существует амбивалентная установка, и превращение совершается путем реактивного смещения катексиса, когда эротический импульс лишается энергии и передается враждебной энергии.

---

[1] [Мания преследования (лат.). — *Примечание переводчика.*]

[2] [См. выше, прим. 3 на с. 326.]

Не совсем то же самое, но нечто похожее происходит при преодолении враждебного соперничества, ведущем к гомосексуализму. Враждебная установка не имеет перспектив получить удовлетворение, поэтому — по экономическим мотивам — она сменяется любовной установкой, которая предоставляет больше шансов на удовлетворение, то есть возможностей для отвода. Таким образом, ни в одном из этих случаев нам не следует предполагать, что происходит непосредственное превращение ненависти в любовь, которое было бы несовместимо с качественным различием обоих видов влечений.

Однако мы замечаем, что, рассматривая этот другой механизм превращения любви в ненависть, мы невольно сделали другое предположение, заслуживающее того, чтобы его огласили. Мы рассудили так, как будто в душевной жизни — неизвестно, в Я или в Оно, — существует некая перемещаемая энергия, которая, будучи сама по себе индифферентной, может присоединиться к качественно дифференцированному эротическому или деструктивному импульсу и усилить его общий катексис. Без предположения о такой способной к смещению энергии мы вообще обойтись не можем[1]. Вопрос только в том, откуда она берется, кому она принадлежит и что она означает.

Проблема качества импульсов влечений и их сохранения при различных судьбах влечений пока еще далеко не прояснена и в настоящее время едва разработана. В парциальных сексуальных влечениях, особенно хорошо доступных наблюдению, можно установить некоторые процессы, вписывающиеся в те же рамки; например, то, что парциальные влечения в известной степени сообщаются друг с другом, что влечение, проистекающее из особого эрогенного источника, может отдавать свою интенсивность для усиления парциального влечения из другого источника, что удовлетворение одного влечения заменяет удовлетворение другого и т.п., и это должно придать нам смелость, чтобы выдвинуть гипотезы определенного рода.

В данной дискуссии я тоже могу предложить только гипотезу, но не доказательство. Представляется вполне вероятным, что эта способная к смещению и индифферентная энергия, действующая, пожалуй, в Я и в Оно, происходит из запаса нарциссического либидо, то есть является десексуализированным эросом.

---

[1] [Это утверждение Фрейд высказал еще в своей работе, посвященной нарцизму (1914*c*), с. 47 выше.]

Ведь эротические влечения вообще кажутся нам более пластичными, более способными к отклонению и смещению, чем деструктивные влечения. В таком случае без натяжки можно далее предположить, что это способное к перемещению либидо трудится на службе принципа удовольствия, чтобы избежать застоя и облегчить отвод. При этом нельзя не заметить некоторого безразличия к тому, каким путем происходит отвод, если он вообще происходит. Мы знаем эту черту как характерную для процессов катексиса в Оно. Она встречается при эротических катексисах, при этом в отношении объекта развивается своеобразное равнодушие, особенно при переносах в анализе, которые должны совершаться, не важно, на какого именно. Недавно Ранк [1913] привел прекрасные примеры того, как невротические реакции мести направляются не на того человека. При таком поведении бессознательного вспоминается забавный анекдот о том, как пришлось повесить одного из трех деревенских портных, потому что единственный в деревне кузнец совершил преступление, заслуживающее смертной казни[1]. То есть наказание должно быть в любом случае, даже если человек невиновен. На такое же свободное обращение мы впервые обратили внимание при смещениях первичного процесса в работе сновидения. Как здесь объекты, так в интересующем нас случае пути отвода принимаются во внимание лишь во вторую очередь. Настаивать на большей точности в выборе объекта, а также пути отвода — это было бы похоже на Я.

Если эта энергия смещения представляет собой десексуализированное либидо, то ее можно назвать также *сублимированной*, ибо она по-прежнему придерживалась бы главной цели эроса — соединять и связывать, служа установлению того единства, которым (или стремлением к которому) характеризуется Я. Если мы включим мыслительные процессы в широком смысле слова в эти смещения, то это значит, что и мыслительная работа совершается благодаря сублимации эротической энергии.

Здесь мы снова сталкиваемся с ранее упомянутой [с. 319] возможностью того, что сублимация регулярно происходит при содействии Я. Мы помним и другой случай, когда это Я осуще-

---

[1] [Эта история, которую Фрейд особенно высоко ценил, приводится в последней главе его книги об остроумии (1905*c*), *Studienausgabe*, т. 4, с. 191, а также в 11-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 182.]

ствляет первые и, разумеется, также более поздние объектные катексисы Оно благодаря тому, что принимает в себя их либидо и связывает с изменением Я, вызванным идентификацией. Конечно, с этим превращением [эротического либидо] в либидо Я связан отказ от сексуальных целей — десексуализация. Во всяком случае, так мы получаем представление об одной важной функции Я в его отношении к эросу. Таким способом овладевая либидо объектных катексисов, выставляя себя единственным объектом любви, Я десексуализирует или сублимирует либидо Оно, действует вопреки намерениям эроса, начинает служить импульсам враждебных влечений. Я приходится примириться с другой частью объектных катексисов Оно, так сказать, соучаствовать. О другом возможном следствии этой деятельности Я мы поговорим позднее [с. 343].

Тут необходимо сделать важное дополнение к теории нарцизма. В самом начале все либидо скапливается в Оно, в то время как Я пока еще лишь формируется или слабо. Оно направляет часть либидо на эротические объектные катексисы, после чего усилившееся Я пытается овладеть этой частью либидо и навязать себя Оно в качестве объекта любви. Таким образом, нарцизм Я является вторичным, лишенным объектов[1].

Снова и снова опыт показывает нам, что импульсы влечений, которые нам удается проследить, раскрываются как производные эроса. Если бы не было представлений, изложенных в работе «По ту сторону принципа удовольствия», и в конечном счете идеи о садистских дополнениях к эросу, то нам было бы трудно придерживаться основной дуалистической концепции[2]. Но поскольку мы вынуждены это сделать, у нас должно возникнуть впечатление, что влечения к смерти в основном безмолвны, а шум жизни большей частью исходит от эроса[3].

А борьба против эроса! Невозможно отказаться от мысли, что принцип удовольствия служит для Оно компасом в борьбе

---

[1] [Этот вопрос рассматривается в приложении II к данной работе. с. 349.]

[2] [Последовательность, с которой Фрейд придерживается дуалистического разделения влечений, проявляется в его пространном примечании в конце главы VI работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), см. выше, с. 287. См. также исторический обзор в «Предварительных замечаниях издателей» к работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), см. выше, с. 82–85.]

[3] [Ведь, по нашему мнению, направленные вовне деструктивные влечения через посредство эроса отвлеклись от собственного «я».]

против либидо, которое создает помехи течению жизни. Если в жизни господствует принцип константности (в понимании Фехнера[1]), который тогда должен бы быть соскальзыванием в смерть, то именно требования эроса, сексуальных влечений, в виде потребностей, обусловленных влечениями, препятствуют понижению уровня и создают новое напряжение. Оно, руководствуясь принципом удовольствия, то есть восприятием неудовольствия, защищается от них разными способами. Сначала — как можно быстрее уступая требованиям недесексуализированного либидо, следовательно, борясь за удовлетворение непосредственных сексуальных стремлений. И в гораздо больших масштабах — избавляясь от сексуальных субстанций в одной из форм такого удовлетворения, в которой соединяются все частичные требования, причем эти сексуальные субстанции представляют собой, так сказать, насыщенные носители эротического напряжения[2]. Выброс сексуальных веществ в половом акте в известной степени соответствует разделению сомы и зародышевой плазмы. Отсюда сходство состояния после полного сексуального удовлетворения с умиранием, а у низших животных — совпадение смерти с оплодотворением. Эти существа умирают при размножении, поскольку после исключения эроса в результате удовлетворения влечение к смерти получает свободу действия для осуществления своих замыслов. Наконец, Я, как мы уже знаем, облегчает Оно работу преодоления, сублимируя компоненты либидо как такового и его цели.

---

[1] [Ср. «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), см. выше с. 232–233.]

[2] [Фрейд обсуждает свои взгляды на роль «сексуальных субстанций» в разделе 2 третьего из своих очерков по теории сексуальности (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 117–120.]

V
ЗАВИСИМОСТИ Я

Пусть сложность и хитросплетения материала послужат оправданием, что ни один из подзаголовков не совпадает полностью с содержанием главы и что мы снова и снова возвращаемся к пройденному, собираясь изучать новые связи.

Так, мы уже не раз говорили, что Я большей частью образуется из идентификаций, которые сменяют утраченные катексисы Оно; что первые из этих идентификаций постоянно ведут себя как особая инстанция в Я, в виде Сверх-Я противопоставляют себя Я, тогда как позднее окрепшее Я может проявлять большую устойчивость к таким влияниям, обусловленным идентификациями. Сверх-Я обязано своим особым положением в Я (или по отношению к Я) — моменту, который следует оценить с двух сторон; во-первых, это первая идентификация, которая произошла, пока Я еще было слабым, во-вторых, Сверх-Я является наследником эдипова комплекса и, следовательно, ввело в Я самые величественные объекты. К более поздним изменениям Я оно в известной мере относится так, как первичная сексуальная фаза детства — к дальнейшей сексуальной жизни после пубертата. Будучи доступным всем более поздним влияниям, Сверх-Я, тем не менее, на протяжении всей жизни сохраняет характер, полученный вследствие своего происхождения от отцовского комплекса, то есть способность противопоставлять себя Я и справляться с ним. Сверх-Я — это памятник былой слабости и зависимости Я, и оно продолжает властвовать также над зрелым Я. Подобно тому, как ребенок был вынужден повиноваться своим родителям, точно так же Я подчиняется категорическому императиву своего Сверх-Я.

Однако происхождение от первых объектных катексисов Оно и, следовательно, от эдипова комплекса означает для Сверх-Я еще нечто большее. Это происхождение, как мы уже отмечали [с. 325 и далее], связывает Сверх-Я с филогенетическими приобретениями Оно и делает его новым воплощением прежних образований Я, оставивших свой след в Оно. Таким образом, Сверх-Я всегда находится рядом с Оно и в отношении Я может быть его представителем. Сверх-Я глубоко погружено в Оно, но зато больше отдалено от сознания, нежели Я[1].

---

[1] Можно сказать, что психоаналитическое или метапсихологическое Я тоже стоит на голове, как и анатомическое, то есть как «мозговой человечек» [см. с. 315].

Эти отношения мы оценим лучше всего, обратившись к известным клиническим фактам, которые давно уже не представляют собой ничего нового, но по-прежнему ждут своей теоретической разработки.

Есть люди, которые ведут себя во время аналитической работы весьма необычно. Если их обнадежить и выразить удовлетворение ходом лечения, они кажутся недовольными, а их самочувствие, как правило, ухудшается. Вначале это можно принять за упрямство и старание доказать врачу свое превосходство. Позднее приходишь к более глубокому и более верному пониманию. Убеждаешься не только в том, что эти люди не выносят похвалы и признания, но и в том, что на успехи лечения они реагируют превратно. Любое частичное решение проблемы, следствием которого должно было быть улучшение или временное исчезновение симптомов (а у других людей так и происходит), вызывает у них немедленное усиление недуга, их состояние во время лечения ухудшается, вместо того чтобы улучшиться. Они проявляют так называемую *негативную терапевтическую реакцию.*

Нет сомнения, что что-то в них сопротивляется выздоровлению, что его приближения боятся как некой опасности. Говорят, что у этих людей берет верх не воля к выздоровлению, а потребность в болезни. Если проанализировать это сопротивление обычным образом, исключить из него желание поступать наперекор врачу и фиксацию на выгодах от болезни, то все же очень многое еще остается, и это оказывается сильнейшим препятствием для выздоровления, более сильным, чем уже известная нам нарциссическая недоступность, негативное отношение к врачу или застревание на выгодах от болезни.

В конце концов приходишь к пониманию, что речь идет, так сказать, о «моральном» факторе, о чувстве вины, которое находит свое удовлетворение в болезненном состоянии и не желает отказаться от наказания в виде страдания. На этом малоутешительном объяснении можно окончательно остановиться. Но это чувство вины у больного безмолвствует, оно не говорит ему, что он виновен, он чувствует себя не виноватым, а больным. Это чувство вины выражается лишь в виде с трудом уменьшаемого сопротивления исцелению. Кроме того, особенно трудно убедить больного, что это и есть мотив его застревания в болезни; он будет придерживаться более понятного объяснения, что анали-

тическое лечение — неподходящее средство и не может ему помочь[1].

То, что здесь было описано, соответствует самым крайним проявлениям, но в меньшем масштабе может приниматься в расчет в отношении очень многих, возможно, всех более тяжелых случаев невроза. Более того, возможно, именно этот фактор — поведение Я-идеала — решающим образом определяет тяжесть невротического заболевания. Поэтому мы не хотели бы уклоняться от некоторых других замечаний о проявлении чувства вины в различных условиях.

Нормальное, осознанное чувство вины (совесть) не представляет для толкования никаких затруднений; оно основано на напряжении между Я и Я-идеалом, является выражением осуждения Я со стороны его критической инстанции. Пожалуй, недалеки от этого и известные чувства неполноценности у невротика. В двух хорошо знакомых нам формах патологии чувство

---

[1] Аналитику нелегко бороться с таким препятствием, как бессознательное чувство вины. Напрямую с ним ничего поделать нельзя, а косвенно — остается только постепенно раскрывать больному его бессознательно вытесненные обоснования, причем оно постепенно превращается в сознательное чувство вины. Особый шанс оказать влияние возникает, если это *бсз* чувство вины *заимствовано*, то есть является результатом идентификации с другим человеком, который когда-то был объектом эротического катексиса. Такое принятие на себя чувства вины часто бывает единственным, едва заметным остатком утраченных любовных отношений. Сходство с процессом, характерным для меланхолии, здесь очевидно. Если удастся раскрыть за *бсз* чувством вины этот прошлый объектный катексис, то зачастую терапевтическая задача оказывается блестяще разрешена, в противном случае исход терапевтических усилий отнюдь не гарантирован. В первую очередь он зависит от интенсивности чувства вины, которой терапия нередко не может противопоставить равную по величине противоположную силу. Возможно, также и от того, допустит ли аналитик, чтобы больной поставил его на место своего Я-идеала, с чем связано искушение играть в отношении больного роль пророка, спасителя души, избавителя. Поскольку правила анализа решительно противятся такому использованию личности врача, надо честно признаться, что здесь возникает новое ограничение воздействию анализа, который не делает болезненные реакции невозможными, а должен предоставить Я больного *свободу* принимать те или иные решения. [Фрейд возвращается к этой теме в своей работе «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*), с. 371–372 в этом томе, где он рассматривает различие между бессознательным чувством вины и моральным мазохизмом. См. также главы VII и VIII очерка «Недомогание культуры» (1930*a*).]

вины сознается чересчур интенсивно; Я-идеал проявляет в них особую строгость и зачастую проявляет ярость и жестокость по отношению к Я. Наряду с этим сходством обоих состояний — невроза навязчивости и меланхолии — в поведении Я-идеала существуют не менее важные различия.

При неврозе навязчивости (определенных его формах) чувство вины становится очень назойливым, но перед Я оправдаться не может. Поэтому Я больного сопротивляется предположению, что оно в чем-то виновно, и требует от врача, чтобы тот укрепил его в отвержении этого чувства вины. Было бы неблагоразумно пойти у него на поводу, ибо это было бы безрезультатным. Далее, анализ показывает, что на Сверх-Я оказывают влияние процессы, которые остались для Я неизвестными. И в самом деле можно обнаружить вытесненные импульсы, на которых основывается чувство вины. Сверх-Я знало здесь о бессознательном Оно больше, чем Я.

Еще более сильное впечатление о том, что Сверх-Я овладело сознанием, создается при меланхолии. Но здесь Я не осмеливается возражать, оно признает себя виновным и подчиняется наказаниям. Мы понимаем это различие. При неврозе навязчивости речь шла о предосудительных импульсах, которые остались вне Я; при меланхолии же объект, к которому относится гнев Сверх-Я, был принят в Я посредством идентификации.

То, что при этих двух невротических заболеваниях чувство вины достигает такой исключительной силы, далеко не так очевидно, но главная проблема такой ситуации все же в другом. Мы отложим ее обсуждение, пока не разберем другие случаи, в которых чувство вины остается бессознательным. [Ср. с. 341.]

Его все же можно найти в основном при истерии и состояниях истерического типа. О механизме продолжающейся бессознательности здесь легко догадаться. Истерическое Я защищается от неприятного восприятия, грозящего ему со стороны критического Сверх-Я, тем же способом, каким оно привыкло защищаться от невыносимого для него объектного катексиса, то есть путем вытеснения. Следовательно, причина того, что чувство вины остается бессознательным, заключается в Я. Мы знаем, что, как правило, Я совершает вытеснения по заданию и поручению своего Сверх-Я; но в данном случае Я пользуется тем же оружием против своего сурового хозяина. Как известно, при неврозе навязчивости преобладают феномены реактивного образования; здесь [при истерии] Я удается лишь держать на расстоянии материал, к которому относится чувство вины.

Можно пойти дальше и отважиться сделать предположение, что большбя часть чувства вины обычно должна быть бессознательной, поскольку возникновение совести тесно связано с эдиповым комплексом, который принадлежит бессознательному. Если бы кто-нибудь захотел выступить в защиту того парадоксального тезиса, что нормальный человек не только гораздо аморальнее, чем полагает, но и гораздо более моральный, чем знает, то психоанализ, на данных которого основана первая половина этого утверждения, не возражает и против второй половины[1].

Для нас было неожиданностью обнаружить, что усиление этого *бсз* чувства вины может сделать человека преступником. Но это, без сомнения, именно так. У многих, особенно юных преступников, можно установить наличие сильнейшего чувства вины, которое существовало до преступления, то есть было не его следствием, а мотивом, словно, если бы удалось связать это бессознательное чувство вины с чем-то реальным и актуальным, это ощущалось бы как облегчение[2].

Во всех этих отношениях Сверх-Я проявляет свою независимость от сознательного Я и свою тесную связь с бессознательным Оно. Теперь, с учетом того значения, которое мы придаем [с. 309–310] предсознательным остаткам слов в Я, возникает вопрос: не состоит ли Сверх-Я, если оно *бсз*, из таких словесных представлений, или из чего оно состоит в противном случае? Скромным ответом будет утверждение, что Сверх-Я также не может отрицать своего происхождения из услышанного, ведь оно — часть Я и остается доступным сознанию благодаря этим словесным представлениям (понятиям, абстракциям), но *катектическая энергия* поставляется этим содержаниям Сверх-Я не из слухового восприятия, обучения, чтения, а из источников в Оно.

Вопрос, ответ на который мы отложили [см. с. 340], звучит так: как получается, что Сверх-Я проявляется в основном в виде чувства вины (точнее: в виде критики; чувство вины — это вос-

[1] Этот тезис только кажется парадоксом; он означает всего лишь, что природа человека как в добре, так и во зле выходит далеко за пределы того, что он про себя думает, то есть того, что известно его Я благодаря сознательному восприятию.

[2] [Эта проблема (наряду с другими указаниями) подробно обсуждается в части III статьи Фрейда «Некоторые типы характера из психоаналитической практики», *Studienausgabe*, т. 10, с. 252–253.]

приятие в Я, соответствующее этой критике) и при этом проявляет в отношении Я такую чрезвычайную суровость и строгость? Если мы обратимся сначала к меланхолии, то обнаружим, что необычайно сильное Сверх-Я, захватившее сознание, свирепо и с такой беспощадной яростью набрасывается на Я, как будто овладело всем имеющимся у индивида садизмом. В соответствии с нашим пониманием садизма мы бы сказали, что в Сверх-Я отложился и обратился против Я деструктивный компонент. То, что теперь господствует в Сверх-Я, является, так сказать, чистой культурой влечения к смерти, и ему в самом деле часто удается довести Я до смерти, если только до этого оно не защитилось от своего тирана, превратившись в манию.

Точно так же болезненны и мучительны упреки совести при определенных формах невроза навязчивости, но ситуация здесь менее очевидна. Необходимо отметить, что, в противоположность меланхолии, больной неврозом навязчивости, в сущности, никогда не совершит шаг к самоубийству, он, так сказать, невосприимчив к опасности самоубийства, гораздо лучше от нее защищен, чем истерик. Мы понимаем, что именно сохранение объекта гарантирует безопасность Я. При неврозе навязчивости в результате регрессии к догенитальной организации стало возможным превращение любовных импульсов в агрессивные импульсы, направленные против объекта. Здесь опять-таки деструктивное влечение освободилось и хочет уничтожить объект, или, по крайней мере, кажется, что такое намерение существует. Я этих тенденций не приняло, оно сопротивляется им с помощью реактивных образований и мер предосторожности; они остаются в Оно. Но Сверх-Я ведет себя так, словно за них ответственно Я, и вместе с тем показывает нам с той серьезностью, с которой оно преследует эти разрушительные намерения, что речь идет не о видимости, вызванной регрессией, а о самой настоящей замене любви ненавистью. Неспособное противостоять тому и другому, Я тщетно защищается от требований смертоносного Оно, равно как и от упреков карающей совести. Ему едва-едва удается сдержать только самые грубые действия того и другого, итогом становится сначала бесконечное самоистязание, а в ходе дальнейшего развития — систематическое мучение объекта, где это доступно.

Опасные влечения к смерти подвергаются индивидом обработке разным способом, частично обезвреживаются посредством смешения с эротическими компонентами, частично отводятся

вовне в форме агрессии, но большей частью они, разумеется, беспрепятственно продолжают свою внутреннюю работу. Но как получается, что при меланхолии Сверх-Я может стать своего рода местом скопления влечений к смерти?

С точки зрения ограничения влечений, то есть морали, можно сказать: Оно полностью аморально, Я старается быть моральным, Сверх-Я может стать гиперморальным и в таком случае столь жестоким, каким может быть только Оно. Примечательно, что чем больше человек ограничивает свою агрессию, направленную вовне, тем строже, то есть агрессивнее, он становится в своем Я-идеале. При обычном рассмотрении кажется, что дело обстоит наоборот — в требованиях Я-идеала можно увидеть мотив для подавления агрессии. Но факт остается таким, каким мы его выразили: чем больше человек овладевает своей агрессией, тем больше усиливается склонность его идеала к агрессии против его Я[1]. Это похоже на смещение, обращение против собственного Я. Уже всеобщая, обычная мораль носит характер чего-то жестко ограничивающего, строго воспрещающего. Отсюда и проистекает концепция неумолимо карающего высшего существа.

Теперь я не могу далее разъяснять эти отношения, не введя нового предположения. Ведь Сверх-Я возникло благодаря идентификации с образом отца. Каждая такая идентификация носит характер десексуализации или даже сублимации. Похоже, что при таком превращении происходит также и расслоение влечений [см. с. 319]. После сублимации эротический компонент уже не обладает энергией, чтобы связать всю добавившуюся деструкцию, и он высвобождается в виде склонности к агрессии и разрушению. Можно сказать, что в результате этого расслоения идеал вообще приобретает такую черту, как строгость и суровость повелительного долженствования.

Остановимся еще немного на неврозе навязчивости. Здесь отношения иные. Расслоение любви, приведшее к агрессии, возникло не благодаря работе, произведенной Я, а представляет собой следствие регрессии, произошедшей в Оно. Однако этот процесс распространился с Оно на Сверх-Я, которое теперь уси-

---

[1] [Об этом парадоксе Фрейд снова высказался в работе «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*), с. 381 ниже; еще более подробно он рассмотрел этот вопрос в главе VI очерка «Недомогание культуры» (1930*a*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 252 и далее.]

ливает свою строгость по отношению к невинному Я. Однако в обоих случаях Я, овладевшее либидо благодаря идентификации, терпит за это наказание со стороны Сверх-Я в виде примешанной к либидо агрессии.

Наши представления о Я начинают проясняться, а его различные отношения приобретать четкость. Теперь мы видим Я в его силе и в его слабостях. Ему поручены важные функции; в силу своих отношений с системой восприятия оно устанавливает временную последовательность душевных процессов и подвергает их проверке на реальность[1]. Благодаря включению мыслительных процессов Я отсрочивает моторную разрядку и владеет доступами к подвижности[2]. Правда, последнее влияние имеет, скорее, формальный, чем фактический характер; можно сказать, что Я в отношении действия играет роль конституционного монарха, без санкции которого ничто не может стать законом, но который сорок раз подумает, прежде чем наложить вето на предложение парламента. Я обогащается благодаря всему жизненному опыту, полученному извне; Оно же является его другим внешним миром, который Я стремится подчинить себе. Я отнимает либидо у Оно, превращает объектные катексисы Оно в образования Я. С помощью Сверх-Я оно непонятным пока еще для нас образом черпает силы из накопившегося в Оно опыта древности [см. с. 327].

Существуют два пути, по которым содержание Оно может проникнуть в Я. Один из них прямой, другой ведет через Я-идеал, и, наверное, для некоторых видов психической деятельности может оказаться решающим то, по какому из двух путей они последуют. Я развивается от восприятия влечений к овладению ими, от повиновения влечениям к торможению влечений. В этой работе активное участие принимает Я-идеал, который отчасти представляет собой реактивное образование против процессов влечений Оно. Психоанализ — это инструмент, который должен способствовать Я в поступательном завоевании Оно.

Но, с другой стороны, мы видим это же Я как несчастное существо, находящееся в тройном подчинении и поэтому страдающее от тройной опасности — со стороны внешнего мира,

---

[1] [Ср. «Бессознательное» (1915*c*), с. 159 выше.]

[2] [Ср. «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*), с. 20 выше, и «Отрицание» (1925*h*), ниже, с. 403. В обоих местах есть и другие ссылки.]

либидо Оно и строгости Сверх-Я. Три рода страха соответствуют этим трем опасностям. ибо страх есть выражение отступления перед опасностью. В качестве пограничного существа Я хочет посредничать между миром и Оно, сделать Оно послушным миру, а своими мышечными действиями сделать так, чтобы мир воздал должное желаниям Оно. В сущности, Я ведет себя, как врач в процессе аналитического лечения — считаясь с реальным миром, Я предлагает себя Оно в качестве объекта либидо и хочет направить на себя его либидо. Я не только помощник Оно, но и его покорный слуга, добивающийся любви своего господина. По возможности Я старается оставаться в согласии с Оно, покрывает его *бсз* повеления своими *нсз* рационализациями, изображает видимость повиновения Оно требованиям реальности, даже если Оно осталось жестким и неуступчивым, пытается замять конфликты Оно с реальностью и, по возможности, со Сверх-Я. Я из-за своего положения посередине между Оно и реальностью слишком часто поддается искушению быть угодливым, оппортунистическим и лживым, примерно как государственный муж, который при всем своем благоразумии хочет заслужить благосклонность общественного мнения.

Между двумя видами влечений Я не ведет себя беспристрастно. Своей работой идентификации и сублимации оно помогает влечениям к смерти в Оно преодолеть либидо, рискуя при этом само стать объектом влечений к смерти и погибнуть. В целях оказания помощи Я само должно было наполниться либидо, благодаря этому само становится представителем эроса и теперь хочет жить и быть любимым.

Но поскольку вследствие его сублимирующей работы появляется расслоение влечений и освобождаются агрессивные влечения в Сверх-Я, своей борьбой против либидо оно подвергает себя опасности жестокого обращения и смерти. Если Я страдает или даже гибнет от агрессии Сверх-Я. то его судьба подобна судьбе протистов. погибающих от продуктов разложения, которые они сами создали[1]. Таким продуктом разложения в экономическом смысле нам кажется действуюшая в Сверх-Я мораль.

Среди зависимостей Я самая интересная. пожалуй, — это зависимость от Сверх-Я.

---

[1] [Эти микроскопически маленькие организмы Фрейд упоминает в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g). выше, с. 275–276. Сегодня. наверное. вместо «протистов» мы сказали бы «простейшие».]

Ведь Я представляет собой самый настоящий очаг страха[1]. Подвергаясь тройной опасности, Я вырабатывает рефлекс бегства; при этом Я убирает свой собственный катексис от восприятия угрозы или от оцениваемого так же процесса в Оно и расходует его в виде страха. Позднее эта примитивная реакция сменяется возведением защитных катексисов (механизм фобий). Нельзя указать, что именно пугает Я во внешней опасности или опасности, исходящей от либидо в Оно; мы знаем, что это или поражение, или уничтожение, но выяснить аналитически этого нельзя[2]. Я просто следует предостережению принципа удовольствия. И наоборот, можно сказать, что скрывается за страхом Я перед Сверх-Я, за страхом совести. От высшего существа, ставшего Я-идеалом, когда-то исходила угроза кастрации, и этот страх кастрации и есть, вероятно, то ядро, вокруг которого скапливается страх совести, именно страх кастрации продолжается в виде страха совести.

Звучная фраза: «Любой страх — это, в сущности, страх смерти», — едва ли имеет смысл; во всяком случае, ее нельзя обосновать[3]. Скорее, мне кажется правильным отделить страх смерти от страха объекта (реальности) и от невротического страха либидо. Он ставит перед психоанализом сложную проблему, ибо смерть — это абстрактное понятие негативного содержания, для которого нельзя найти соответствия в бессознательном. Механизм страха смерти может состоять только в том, что Я в значительной степени избавляется от своего нарциссического либидинозного катексиса, то есть отказывается от самого себя, как обычно отказывается от другого объекта в случае страха. Я думаю, что страх смерти разыгрывается между Я и Сверх-Я.

Нам знакомо появление страха смерти при двух условиях, которые, впрочем, вполне аналогичны условиям развития дру-

---

[1] [Все, что в дальнейшем говорится по теме страха, следует понимать с учетом пересмотренных Фрейдом представлений, которые изложены в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*); в ней продолжено рассмотрение большинства затронутых здесь вопросов.]

[2] [Представление о «поражении» Я встречается уже в ранних сочинениях Фрейда. См., например, упоминание в части II его первой работы, посвященной защитным невропсихозам (1894*a*). Оно также играет важную роль в его рассмотрении механизма неврозов в рукописи К от 1 января 1896 года из переписки с Флиссом (Freud, 1950*a*). Здесь есть явная взаимосвязь с «травматической ситуацией», описанной в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*).]

[3] [Ср. Stekel, 1908, 5.]

гих форм страха: как реакция на внешнюю опасность и как внутренний процесс, например, при меланхолии. Возможно, невротический случай снова поможет нам понять случай реальный.

Страх смерти при меланхолии допускает лишь одно объяснение: Я отказывается от самого себя, так как чувствует, что Сверх-Я его ненавидит и преследует вместо того, чтобы любить. Следовательно, жить для Я равносильно быть любимым, быть любимым со стороны Сверх-Я, которое также и здесь выступает представителем Оно. Сверх-Я выполняет ту же функцию защиты и спасения, как раньше отец, а позднее — провидение или судьба. Но тот же вывод должно сделать и Я, когда находится в огромной реальной опасности, преодолеть которую собственными силами ему кажется невозможным. Я видит, что все охраняющие силы его покинули, и позволяет себе умереть. Впрочем, это по-прежнему та же ситуация, которая лежала в основе первого великого страха рождения[1] и детского страха-тоски — страха разлуки с защищающей матерью[2].

Таким образом, на основе этих рассуждений страх смерти, как и страх совести, можно понимать как переработку страха кастрации. Ввиду большого значения чувства вины для возникновения неврозов нельзя также отвергать, что в тяжелых случаях обычный невротический страх усиливается вследствие развития страха между Я и Сверх-Я (страха кастрации, страха совести, страха смерти).

У Оно, к которому мы в заключение возвращаемся, нет средств доказать Я любовь или ненависть. Оно не может сказать, чего хочет; у него не возникло единой воли. В нем борются эрос и влечение к смерти; мы слышали, какими средствами одни влечения защищаются от других. Мы могли бы изобразить это так, как будто Я находится во власти безмолвных, но могущественных влечений к смерти, которые пребывают в покое и по знакам, подаваемым принципом удовольствия, пытаются утихомирить возмутителя спокойствия — эрос; но мы опасаемся, что при этом роль эроса мы все же недооцениваем.

---

[1] [О происхождении этой идеи см. «Предварительные замечания издателей» к работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 231–232.]

[2] [Здесь вводится понятие страха разлуки, которое обсуждается в работе «Торможение, симптом и страх», *Studienausgabe*, т. 6, с. 290.]

ПРИЛОЖЕНИЕ I
ОПИСАТЕЛЬНОЕ И ДИНАМИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Из двух предложений на с. 284 и 285 выше у читателя может возникнуть недопонимание. На эту возможность обратил внимание Джеймс Стрейчи благодаря личному сообщению Эрнеста Джонса, который просматривал переписку Фрейда. 28 октября 1923 года, через несколько месяцев после появления данного труда, Шандор Ференци писал Фрейду: «...Все же я позволю себе один вопрос... так как без Вашего ответа мне не понять один пункт Вашего "Я и Оно"... На с. 13[1] утверждается следующее: "...в описательном значении существуют два вида бессознательного, а в динамическом — только один". Но так как на с. 12 Вы пишете, что латентное бессознательное является бессознательным лишь описательно, но не в динамическом значении, я подумал, что как раз динамический способ рассмотрения требует выделения двух видов *Бсз*, тогда как описание знает только *Сз* и *Бсз*».

Если посмотреть внимательно, то два этих высказывания все же не противоречат друг другу: тот факт, что латентное бессознательное является бессознательным лишь в описательном смысле, отнюдь не означает, что только оно представляет собой единственный вид бессознательного в описательном смысле. В 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*) есть отрывок, написанный Фрейдом примерно через десять лет после настоящего сочинения, в котором вся эта аргументация повторяется в очень похожих выражениях. В нем не раз поясняется, что в описательном смысле бессознательным являются как предсознательное, так и вытесненное, но что в динамическом смысле термин «бессознательное» ограничен вытесненным (*Studienausgabe*, т. 1, с. 507–510).

Впрочем, в более поздних изданиях своего труда Фрейд не изменил пассаж, предложенный Ференци для обсуждения. Детали из соответствующей переписки между Фрейдом и Ференци, а также подробную аргументацию Джеймса Стрейчи читатель найдет в «Стандартном издании», т. 19, 60–62.

[1] Первого немецкого издания. В настоящем издании оба предложения находятся на с. 303 и 304 соответственно.

ПРИЛОЖЕНИЕ II
ОГРОМНЫЙ РЕЗЕРВУАР ЛИБИДО

С этим вопросом, который упоминается в первом примечании на с. 298 и более подробно обсуждается на с. 312–313, связано одно серьезное затруднение.

По-видимому, образ «огромного резервуара» впервые встречается в разделе, добавленном Фрейдом к третьему изданию своих «Трех очерков» (1905*d*), которое было подготовлено осенью 1914 года, но опубликовано только в 1915 году. Этот пассаж звучит следующим образом: «Нарциссическое либидо, или либидо Я, предстает перед нами как огромный резервуар, из которого посылаются объектные катексисы и в который они снова втягиваются, как нарциссический либидинозный катексис Я в виде первичного состояния, реализованного в раннем детстве, которое лишь прикрывается более поздними излучениями либидо, но в сущности сохраняется позади них» (*Studienausgabe*, т. 5, с. 122).

Однако это же представление Фрейд уже выразил раньше с помощью другого, особенно охотно употреблявшегося им сравнения, которое иногда используется попеременно, а иногда одновременно с «огромным резервуаром»[1]. Этот более ранний пассаж встречается в работе о нарцизме (1914*c*), то есть он появился в начале того же 1914 года (выше, с. 45): «Таким образом, мы создаем представление об исходном либидинозном катексисе Я, который затем передается объектам. Но, в сущности, он сохраняется и относится к объектным катексисам как тело протоплазматического организма к выпущенным им псевдоподиям».

Оба эти сравнения встречаются вместе в научно-популярной статье («Трудность психоанализа», 1917*a*, первая половина работы), написанной в конце 1916 года для одного венгерского журнала: «Я — это огромный резервуар, из которого изливается предназначенное для объектов либидо и в который оно снова поступает от объектов... Чтобы сделать наглядными эти отношения, вспомним о протоплазматическом организме, вязкую субстанцию которого испускают псевдоподии (ложноножки)...»

---

[1] В рудиментарной форме это сравнение появляется уже в третьей статье сочинения «Тотем и табу», которое было опубликовано в начале 1913 года (*Studienausgabe*, т. 9, с. 377).

Протоплазматический организм снова упоминается в 1917 году, в 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), образ резервуара — в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), с. 278–279 выше: «Психоаналитики пришли к выводу, что Я — это истинный и изначальный резервуар либидо, которое затем распространяется из него на объект».

Очень похожий пассаж Фрейд включил в энциклопедическую статью, написанную им летом 1922 года (1923*a*, в разделе «Нарцизм» во второй части). Несколько позже было введено понятие «Оно» и произведена внешне радикальная корректировка прежних высказываний. «Теперь, после отделения Я от Оно, огромным резервуаром либидо… следует признать Оно», и далее: «В самом начале все либидо скопилось в Оно, тогда как Я пока еще лишь формируется или слабо. Часть либидо Оно испускает на эротические объектные катексисы, после чего усилившееся Я пытается овладеть этой частью либидо и навязать себя Оно в качестве объекта любви. Таким образом, нарцизм Я является вторичным, лишенным объектов» (с. 319, прим. 1, и с. 334–335, выше).

Эта новая позиция кажется совершенно понятной и поэтому приводит в некоторое замешательство, когда в «Автобиографии» (1925*d* [1924], вторая половина раздела V) наталкиваешься на следующее предложение, написанное всего лишь около года спустя: «...на всю жизнь Я остается огромным резервуаром либидо, из которого посылаются объектные катексисы, в которое либидо может снова вернуться от объектов»[1].

Хотя эта фраза появляется в контексте исторического ретроспективного взгляда на развитие психоаналитической теории, тем не менее Фрейд не указывает на корректировку своих представлений в работе «Я и Оно». И, наконец, мы встречаем такой же пассаж в одной из последних работ Фрейда, в главе II написанного в 1938 году «Очерка психоанализа» (1940*a*): «Трудно что-либо сказать о поведении либидо в Оно и в Сверх-Я. Все, что мы об этом знаем, относится к Я, в котором изначально скопилась вся сумма имеющегося в распоряжении либидо. Мы называем это состояние абсолютным первичным *нарцизмом*. Он сохраняется до тех пор, пока Я не начинает вкладывать в представления об объектах энергию либидо, преобразовывать нар-

---

[1] Почти такое же высказывание встречается в 32-й лекции «Нового цикла» (1933*a*). *Studienausgabe*, т. 1, с. 536.

циссическое либидо в объектное. На протяжении всей жизни Я остается огромным резервуаром, из которого либидинозные катексисы отсылаются к объектам и в который они снова возвращаются подобно тому, как ведет себя протоплазматическое тело с его псевдоподиями».

Свидетельствуют ли эти более поздние пассажи о том, что Фрейд снова отверг представления, сформулированные в настоящей работе? Это трудно себе представить, и существуют два момента, которые, пожалуй, могли бы способствовать примирению двух этих внешне противоречащих друг другу высказываний. Первый из них не столь важен. Сравнение с «резервуаром» само по себе неоднозначно: резервуар можно понимать как цистерну для воды или как источник водоснабжения. Не составляет большого труда использовать образ резервуара в двояком значении — как в отношении Я, так и в отношении Оно, и приведенные пассажи (прежде всего примечание на с. 319 выше) уточняют, какой именно образ имел в виду Фрейд.

Второй момент более важен. В «Новом цикле лекций», всего через несколько страниц после пассажа, на который ссылается наше примечание на с. 328, Фрейд в связи с обсуждением мазохизма пишет (*Studienausgabe*, т. 1, с. 538): «Если также и в отношении деструктивного влечения справедливо, что Я (но мы здесь, скорее, имеем в виду Оно, всего человека) первоначально заключает в себе все импульсы влечения...»

Конечно, часть предложения, заключенная в скобки, указывает на первоначальное состояние, в котором Оно и Я пока еще не дифференцированы[1]. В «Очерке» есть похожее, еще более определенное замечание, а именно за два абзаца до процитированного места: «Мы представляем себе исходное состояние так, что вся имеющаяся в распоряжении энергия эроса, которую мы отныне будем называть *либидо*, находится в пока еще недифференцированном Я-Оно...» Если мы понимаем это как суть теории Фрейда, то тогда кажущееся противоречие его высказываний исчезает. Это «Я-Оно» первоначально является «огромным резервуаром либидо» в значении цистерны. Даже тогда, когда произошла дифференциация, Оно продолжает оставаться цистерной; но как только оно начинает посылать катексисы (объектам или выкристаллизовавшемуся теперь Я), оно, кроме того,

[1] Это точка зрения, которую Фрейд постоянно отстаивал.

работает также как источник обеспечения. То же самое относится и к Я, ибо оно представляет собой цистерну для нарциссического либидо, а также в некотором смысле источник обеспечения для объектных катексисов.

Между тем эта последняя точка зрения поднимает следующий вопрос, в отношении которого Фрейд в разное время, очевидно, занимал разную позицию. В работе «Я и Оно» (см. выше с. 334–335), как уже цитировалось, говорится: «В самом начале все либидо скапливается в Оно»; затем: «Часть либидо Оно испускает на эротические объектные катексисы, после чего усилившееся Я пытается овладеть этой частью либидо и навязать себя Оно в качестве объекта любви. Таким образом, нарцизм Я является вторичным...» Однако в «Очерке» утверждается, что именно в Я «изначально скопилась вся сумма имеющегося в распоряжении либидо. Мы называем это состояние абсолютным первичным *нарцизмом*». И далее: «Он сохраняется до тех пор, пока Я не начинает вкладывать в представления об объектах энергию либидо...» В этих двух формулировках рассматриваются, несомненно, два разных процесса. В первом объектные катексисы изображаются как исходящие непосредственно от Оно и достигающие Я лишь косвенно; во втором все либидо должно поступать от Оно к Я и лишь косвенно достигать объектов. Два эти процесса не кажутся несовместимыми; по крайней мере, можно себе представить, что встречаются оба; однако по этому поводу Фрейд ничего не говорит.

Невроз и психоз
(1924 [1923])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1924 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 10 (1), 1–5.
1924 *G. S.*, т. 5, 418–422.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 163–168.
1931 *Neurosenlehre und Technik*, 186–191.
1940 *G. W.*, т. 13, 387–391.

Эта статья была написана поздней осенью 1923 года. В ней Фрейд применяет новые гипотезы, представленные в работе «Я и Оно», к рассмотрению специального вопроса о генетическом различии между неврозами и психозами. Это исследование было продолжено в другой, написанной всего через несколько месяцев после этого работе «Потеря реальности при неврозе и психозе» (1924*e*), см. ниже, с. 381. В общих чертах эта тема уже обсуждалась в части III первой работы Фрейда, посвященной защитным невропсихозам (1894*a*).

Во втором абзаце данной работы Фрейд говорит о связи своих рассуждений с «ходом мыслей, возникшим с другой стороны». Вероятно, он имеет в виду работу Холлоша и Ференци (1922), посвященную психоанализу паралитического психического расстройства, которая тогда как раз появилась; в ней перу Ференци принадлежит теоретическая часть.

В своем недавно опубликованном сочинении «Я и Оно» [1923*b*] я описал организацию душевного аппарата, на основе которой можно в простой и наглядной форме представить ряд отношений. В других пунктах, например касающихся происхождения и роли Сверх-Я, остается еще достаточно много неясного и незавершенного. Теперь можно потребовать, чтобы такое описание оказалось пригодным и полезным и в отношении других вещей, даже если бы речь шла только о том, чтобы рассмотреть уже известное в новом свете, сгруппировать его по-другому и описать более убедительно. С таким применением мог бы также быть связан удачный возврат от сухой теории к вечно зеленому древу опыта[1].

В упомянутой работе изображены разнообразные зависимости Я, его срединное положение между внешним миром и Оно, а также его стремление одновременно исполнить волю всех своих господ. В связи с ходом мыслей, возникшим с другой стороны, по поводу возникновения и предупреждения психозов, я в итоге пришел к простой формуле, которая выражает, пожалуй, наиболее важное генетическое различие между неврозом и психозом: *невроз — это результат конфликта между Я и Оно, тогда как психоз — аналогичный исход такого же нарушения в отношениях между Я и внешним миром.*

Несомненно, справедливо предостережение, что нельзя доверять столь простым решениям проблемы. Наши самые смелые ожидания также не идут дальше предположения, что эта формула в самых общих чертах окажется правильной. Но и это было бы уже хоть что-то. Сразу же вспоминается целый ряд выводов и находок, по-видимому, подтверждающих наш тезис. По результатам всех наших анализов получается следующее: неврозы переноса возникают из-за того, что Я не хочет воспринять мощного импульса влечения в Оно и содействовать его мотор-

[1] [Ср. слова Мефистофеля в «Фаусте» Гёте, часть I, 4-я сцена.]

ному завершению или оспаривает у него объект, на который он нацелен. В таком случае Я защищается от него с помощью механизма вытеснения; вытесненное противится такой участи и, используя способы, над которыми Я не властно, создает себе замещающее представительство, которое навязывается Я путем компромисса, то есть симптом. Я, чувствуя, что этот незваный гость угрожает его единству и нарушает его, продолжает борьбу с симптомом так же, как оно защищалось от первоначального импульса влечения, и все это в результате дает картину невроза. Возражение, что Я, совершая вытеснение, следует, по существу, велениям своего Сверх-Я, в свою очередь происходящим от влияний реального внешнего мира, которые нашли свое представительство в Сверх-Я, не принимается. Но при этом получается так, что Я сражалось на стороне этих сил, что их требования были в нем сильнее требований влечений Оно и что Я является той силой, которая приводит в действие вытеснение этой части Оно и укрепляет контркатексис сопротивления. Служа Сверх-Я и реальности, Я оказалось в конфликте с Оно, и именно так обстоит дело при всех неврозах переноса.

С другой стороны, нам, исходя из нашего прежнего понимания механизма психозов, будет так же легко привести примеры, указывающие на нарушение отношений между Я и внешним миром. При аменции Мейнерта, острой галлюцинаторной спутанности сознания и бессвязности мыслей, самой крайней и, пожалуй, самой удивительной форме психоза, внешний мир либо вообще не воспринимается, либо его восприятие остается совершенно недейственным[1]. В норме внешний мир проявляет свою власть над Я двумя способами: во-первых, посредством новых актуальных восприятий, во-вторых, благодаря запасу на-

[1] [Однако это определение скорректировано в сторону ограничения пассажем в главе VIII опубликованной после смерти Фрейда работы «Очерк психоанализа» (1940*a* [1938], с. 132), где говорится: «Проблема психоза была бы проста и ясна, если бы отход Я от реальности мог бы произойти полностью. Но, похоже, это встречается лишь в редких случаях, а, возможно, вообще никогда не происходит. Даже о состояниях, которые так далеки от действительности внешнего мира, как-то: галлюцинаторная спутанность сознания и бессвязность мыслей (аменция), от больных после их выздоровления узнаешь, что и во время болезни в уголке их души, как они выражаются, скрывался нормальный человек, который, словно сторонний наблюдатель, следил за путаницей, которую вызывала болезнь». Ср. также ниже, с. 359 и примечание.]

копленных воспоминаний о прежних восприятиях, которые в виде «внутреннего мира» выступают как собственность и составная часть Я. При аменции не только становится невозможным получение новых восприятий, — но и внутренний мир, который прежде представлял внешний в виде его отображения, лишается своего значения (катексиса); Я самовольно создает себе новый внешний и внутренний мир, и нет никаких сомнений в двух фактах: в том, что этот новый мир построен в духе импульсов-желаний Оно и что мотив этого разрыва с внешним миром — тяжелая, кажущаяся невыносимой фрустрация желаний, относящихся к реальности. Нельзя не заметить внутреннего родства этого психоза с обычным сновидением. Но условием для сновидения является состояние сна, к характеристикам которого относится полный уход от восприятия и от внешнего мира[1].

О других формах психозов, о шизофрениях, известно, что их исходом бывает аффективная тупость, то есть они имеют тенденцию к отказу от всякого участия в жизни внешнего мира. Что касается возникновения бредовых образований, то некоторые анализы показали нам, что бред, словно поставленная заплата, встречается там, где первоначально возник разрыв в отношении Я к внешнему миру. Если условие конфликта с внешним миром не является гораздо более очевидным, чем мы знаем сейчас, то причина этого связана с тем, что в картине психоза проявления патогенного процесса часто перекрываются попытками исцеления или восстановления[2].

Общим этиологическим условием возникновения психоневроза или психоза всегда остается фрустрация, неисполнение одного из тех непреодолимых детских желаний, которые так глубоко коренятся в нашей филогенетически обусловленной организации. В конечном счете эта фрустрация всегда внешняя[3]; в отдельном случае она может исходить от той внутренней инстанции (в Сверх-Я), которая взяла на себя роль представительства требований реальности. Патогенный эффект зависит здесь от того, останется ли Я при таких конфликтных напряженных отношениях верным своей зависимости от внешнего мира и по-

---

[1] [Ср. работу «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917*d*), с. 191 и далее в этом томе.]

[2] [Ср. Анализ Шребера (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 193.]

[3] [См. некоторые замечания в обсуждении фрустрации в работе «О некоторых типах невротического заболевания» (1912*c*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 222.]

пытается ли сковать Оно, или же Я позволит Оно одолеть себя и тем самым оторвать от реальности. Но это внешне простое положение вещей осложняется существованием Сверх-Я, которое в пока еще не совсем понятном сочетании объединяет в себе влияния Оно и внешнего мира и в известной степени служит идеальным прототипом того, на что направлены все стремления Я, то есть на примирение его многочисленных зависимостей[1]. Поведение Сверх-Я следовало бы учитывать — чего до сих пор не делалось — при всех формах психического заболевания. Но мы можем предварительно постулировать, что должны существовать такие патологические состояния, в основе которых лежит конфликт между Я и Сверх-Я. Анализ дает нам право предположить, что типичным примером этой группы служит меланхолия, и тогда для обозначения таких нарушений мы прибегнем к названию «нарциссические неврозы». Если мы найдем мотивы для того, чтобы отделить такие состояния, как меланхолия, от других психозов, то это не будет идти вразрез с нашими впечатлениями. Но тогда мы заметим, что смогли дополнить свою простую генетическую формулу, не отказываясь от нее. Невроз переноса соответствует конфликту между Я и Оно, нарциссический невроз — конфликту между Я и Сверх-Я, психоз — конфликту между Я и внешним миром. Правда, мы не можем пока сказать, действительно ли мы получили новое понимание или же просто пополнили коллекцию своих формул, но я думаю, что возможность применения этой формулы должна все же придать нам смелость не упускать из виду предложенное разделение душевного аппарата на Я, Сверх-Я и Оно.

Утверждение, что неврозы и психозы возникают из-за конфликтов Я с его различными господствующими инстанциями, то есть что они соответствуют неполадке в функции Я, которое все же проявляет стремление примирить между собой все эти различные требования, следует дополнить другим рассуждением. Хотелось бы знать, при каких условиях и какими средствами Я удается без заболевания уйти от конфликтов, которые, разумеется, всегда существуют. Это новая сфера исследования, в которой, конечно, будут учитываться самые разные факторы. Однако сразу же можно выделить два момента. Исход всех таких ситуаций, несомненно, будет зависеть от экономических со-

---

[1] [Ср. «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*), с. 372 ниже.]

отношений, от относительных величин борющихся друг с другом стремлений. И далее: Я может избежать прорыва в том или ином месте благодаря тому, что само себя деформирует, лишается собственной целостности, возможно, даже расщепляется или распадается[1]. Тем самым непоследовательности, странности и глупые выходки, совершаемые людьми, предстают в том же свете, что и сексуальные перверсии, которые, будучи принятыми, делают вытеснение излишним.

В заключение следует задать вопрос, каким может быть аналогичный вытеснению механизм, благодаря которому Я отрешается от внешнего мира. Я думаю, что на этот вопрос нельзя ответить без новых исследований, но содержанием его, как и вытеснения, должно быть изъятие исходящего от Я катексиса[2].

---

[1] [Здесь Фрейд затрагивает проблему, которая занимала его в поздние годы. Впервые она подробно обсуждается в работе «Фетишизм» (1927*e*), с. 409 и далее в этом томе, а затем в двух незавершенных работах — «Расщепление Я в защитном процессе» (1940*e* [1938]), с. 417 и далее в этом томе, и в главе VIII «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]).]

[2] [С тех пор и эта проблема — в сущности, то, что Фрейд позднее назвал «отрицанием» — также стала занимать все более важное место в его сочинениях. В основном она обсуждается в работах, указанных в предыдущем примечании. См. дополнительную информацию, касающуюся этой темы, в «Предварительных замечаниях издателей» к работе «Фетишизм», с. 408 ниже.]

Экономическая проблема мазохизма
(1924)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1924 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 10 (2), 121–133.
1924 *G. S.*, т. 5, 374–386.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 147–162.
1931 *Neurosenlehre und Technik*, 193–207.
1940 *G. W.*, т. 13, 371–383.

Фрейд завершил эту работу в январе 1924 года (Jones, 1962*b*, 134).

Этот важный труд содержит подробнейшее описание загадочного феномена мазохизма. Фрейд занимался этим вопросом еще раньше, но всякий раз, так сказать, в виде пробы, например, в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905*a*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 67–69[1], в метапсихологической работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), см. выше, с. 95–98, и более обстоятельно — в статье «“Ребенка бьют”» (1919*c*), которую он сам охарактеризовал в письме Ференци как работу о мазохизме. Во всех этих исследованиях мазохизм выводится из предшествующего садизма; таким образом, гипотезы о существовании чего-то подобного первичному мазохизму не выдвигается. (См., например, выше, с. 91, и *Studienausgabe*, т. 7, с. 244–245.) И наоборот, в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*) после введения понятия «влечение к смерти» мы обнаруживаем утверждение, что «мазохизм может быть также... первичным» (с. 281 выше), а в настоящей работе существование первичного мазохизма сомнению не подвергается[2].

Наличие этого первичного мазохизма здесь объясняется в основном с точки зрения «смешения» и «расслоения» двух видов влечений — концепция, которая была подробно изложена в опубликованном годом раньше сочинении «Я и Оно» (1923*b*); кажущейся противоречивостью

---

[1] Тем не менее большинство соответствующих положений было добавлено только в 1915 году; а примечание, внесенное дополнительно в 1924 году, воспроизводит даже суть настоящей работы.

[2] Пожалуй, следует упомянуть, что Фрейд стал более пристально заниматься воздействием направленного *вовне* влечения к смерти — агрессивности и деструктивности — только в более поздних своих работах, начиная с главы VI «Недомогания культуры» (1930*a*), хотя более или менее обстоятельно он обсуждает это в конце настоящей работы.

влечения, цель которого — достижение неудовольствия, Фрейд занимается в интересной преамбуле к настоящей работе, где он впервые проводит четкое различие между «принципом константности» и «принципом удовольствия».

В своем анализе Фрейд показывает, что этот первичный или «эрогенный» мазохизм ведет к двум производным формам. Одну из них, названную им «женской», он рассматривал еще в своей работе «Фантазии о побоях» (1919*с*). Еще одна, третья форма, «моральный мазохизм», дает ему возможность подробно высказаться по многим пунктам, которые были лишь затронуты в «Я и Оно», и поднять ряд новых проблем в связи с чувствами вины и функцией совести.

Мы вправе охарактеризовать существование мазохистского стремления в жизни влечений человека как загадочное с экономической точки зрения. Ибо если принцип удовольствия управляет психическими процессами таким образом, что их ближайшей целью становится избегание неудовольствия и получение удовольствия, то мазохизм оказывается непонятным. Если боль и неудовольствие становятся уже не предупреждениями, а целью как таковой, то это значит, что принцип удовольствия парализован, страж нашей душевной жизни словно наркотизирован.

Таким образом, мазохизм предстает перед нами в свете большой опасности, что отнюдь не относится к его противоположности, садизму. Мы испытываем искушение назвать принцип удовольствия стражем всей нашей жизни, а не просто душевной. Но тогда возникает задача исследовать отношение принципа удовольствия к двум выделенным нами видам влечений, к влечениям к смерти и эротическим (либидинозным) влечениям к жизни, и мы не сможем продвинуться в оценке проблемы мазохизма, не последовав этому призыву.

Как помнится[1], мы рассматривали принцип, который управляет всеми психическими процессами, как частный случай *тенденции к стабильности* по Фехнеру, и, таким образом, приписывали психическому аппарату намерение сводить к нулю поступающую к нему сумму возбуждения или, по крайней мере, удерживать ее на возможно низком уровне. Барбара Лоу [1920, 73] предложила дать этому предполагаемому стремлению название *принцип нирваны*, которое мы принимаем[2]. Однако с этим принципом нирваны мы, не испытывая никаких сомнений, отож-

---

[1] «По ту сторону принципа удовольствия» [глава] I [(1920*g*), выше, с. 233].

[2] [«По ту сторону принципа удовольствия», выше, с. 264. Прежде Фрейд использовал для того же принципа название «принцип константности». Подробное рассмотрение истории использования этих концепций и их отношения к принципу удовольствия содержится в двух примечаниях издателей к работе «Влечения и их судьбы» (1915*c*), см. выше, с. 88, прим. 1 и с. 88–89, прим.]

дествили принцип удовольствия-неудовольствия. Следовательно, любое неудовольствие должно было бы совпадать с повышением, а любое удовольствие — с понижением психического напряжения, порождаемого раздражителями. Принцип нирваны (и якобы идентичный ему принцип удовольствия) должен был бы полностью служить влечениям к смерти, цель которых — превращение беспокойной жизни в стабильность неорганического состояния, а его функция заключалась бы в том, чтобы предупреждать о требованиях влечений к жизни, либидо, которые пытаются помешать желательному течению жизни. Однако такая точка зрения не может быть правильной. Представляется, что мы ощущаем увеличение и уменьшение величин раздражения непосредственно в ряду чувств напряжения, и не подлежит сомнению, что бывают приятное напряжение и неприятная разрядка. Состояние сексуального возбуждения — самый напрашивающийся и яркий пример такого приятного усиления возбуждения, но, разумеется, не единственный. Таким образом, удовольствие и неудовольствие не всегда можно соотнести с увеличением или уменьшением количества, которое мы называем напряжением, вызываемым раздражителями, хотя они, очевидно, во многом связаны с этим моментом. Представляется, что они зависят не от этого количественного фактора, а от его характера, который мы можем описать только качественно. Мы бы продвинулись намного дальше в психологии, если бы смогли указать, в чем состоит этот качественный характер. Возможно, дело в *ритме*, временной последовательности изменений, повышений и снижений количества раздражения[1]; мы этого не знаем.

В любом случае мы должны сознавать, что относящийся к влечению к смерти принцип нирваны у живого существа подвергся модификации, благодаря которой он стал принципом удовольствия, и отныне мы не будем принимать эти два принципа за один. От какой силы произошла такая модификация, нетрудно догадаться, если вообще захочется проследить за ходом этого рассуждения. Это может быть только влечение к жизни, либидо, которое таким способом навязало свое участие в регуляции жизненных процессов наряду с влечением к смерти. Итак, мы

---

[1] [Эта возможность уже обсуждалась в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*). см. выше, с. 232 и 289.]

получаем небольшой, но интересный ряд отношений: *принцип нирваны* выражает тенденцию влечения к смерти, *принцип удовольствия* представляет требование либидо, а его модификация, *принцип реальности*[1], — влияние внешнего мира.

В сущности, ни один из этих трех принципов не теряет силу под воздействием других. Как правило, они умеют ладить друг с другом, хотя иногда к конфликтам должно вести то обстоятельство, что, с одной стороны, поставлена цель количественного снижения напряжения, вызываемого раздражителями, с другой — его качественный характер и, наконец, отсрочка отвода возбуждения и временное допущение напряжения, создаваемого неудовольствием.

Вывод из этих рассуждений состоит в том, что нельзя отвергнуть определение принципа удовольствия как стража жизни[2].

Вернемся к рассмотрению мазохизма. При наблюдении он встречается нам в трех формах — как обусловленность сексуального возбуждения, как выражение женской сущности и как норма поведения *(behaviour)* в жизни. В соответствии с этим можно выделить *эрогенный, женский* и *моральный* мазохизм. Первый, эрогенный мазохизм, удовольствие от боли, также лежит в основе двух других форм, его можно обосновать биологически и конституционально, но он остается непонятным, если не решиться сделать несколько предположений относительно некоторых совершенно неясных условий. Третья, в известном смысле самая важная форма проявления мазохизма только совсем недавно была оценена психоанализом как большей частью бессознательное чувство вины, но она уже позволяет дать полное объяснение и вписывается в общую картину наших научных выводов. Женский мазохизм, напротив, наиболее доступен нашему наблюдению, наименее загадочен, и его можно рассмотреть во всех отношениях. С него мы и начнем свое изложение.

Мы в достаточной мере знакомы с этим видом мазохизма у мужчин (которым я здесь по причинам, связанным с материалом, ограничусь) из фантазий мазохистских (и поэтому зачастую импотентных) людей; эти фантазии либо оканчиваются актом онанизма, либо сами по себе представляют сексуальное

---

[1] [Ср. «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*), см. выше, с. 16.]

[2] [Фрейд снова обратился к этому обсуждению в главе VIII своего «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]).]

удовлетворение[1]. С фантазиями полностью согласуются реальные действия лиц с мазохистской перверсией, производятся ли они как самоцель или служат созданию потенции и вступлению в половой акт. В обоих случаях (ведь действия — это всего лишь исполнение фантазий в виде игры) присутствует явное содержание: мазохист хочет, чтобы его связали, заткнули кляпом рот, болезненно избили, отхлестали плетью, подвергли какому-либо жестокому обращению, вынудили к безусловному послушанию, осквернили, унизили. Гораздо реже и только с большими ограничениями в это содержание включается также нанесение увечий. Следующее, легко достижимое истолкование состоит в том, что мазохист хочет, чтобы с ним обращались как с маленьким, беспомощным и зависимым, но, главное, как со скверным ребенком. Излишне приводить казуистику, материал весьма однороден, доступен любому наблюдателю, в том числе и неаналитику. Но если появляется возможность изучить случаи, в которых мазохистские фантазии подверглись особенно сильной обработке, то легко обнаружить, что они переводят человека в характерную для женского пола ситуацию, то есть означают для него кастрацию, принуждение к коитусу или роды. Поэтому я назвал такую форму проявления мазохизма женской, так сказать, *a potiori*[2], хотя очень многие ее элементы указывают на инфантильную жизнь. Это напластование инфантильного и женского позднее найдет простое объяснение. Кастрация или замещающее ее ослепление часто оставляет в фантазиях свой негативный след в виде условия, что именно гениталиям или глазам не должно быть нанесено никакого вреда. (Впрочем, мазохистские мучения редко производят столь серьезное впечатление, как — представленные в виде фантазии или инсценированные — жестокости садизма.) В явном содержании мазохистских фантазий выражается также чувство вины, поскольку предполагается, что человек совершил нечто преступное (что остается неопределенным), что должно быть искуплено всеми болезненными и мучительными процедурами. Это выглядит как поверхностная рационализация мазохистских содержаний, но за этим скрывается отношение к инфантильной мастурбации. С другой стороны, этот

---

[1] [См. раздел VI работы «"Ребенка бьют"» (1919*c*). *Studienausgabe*, т. 7, с. 247 и далее.]

[2] [По преобладающему признаку (лат). — *Примечание переводчика.*]

момент вины приводит к третьей, моральной форме мазохизма.

Описанный женский мазохизм целиком основывается на первичном, эрогенном мазохизме, на удовольствии, доставляемом болью, объяснить которое невозможно без учета обстоятельств, которые рассматривались мной гораздо раньше.

В «Трех очерках по теории сексуальности», в разделе, где говорится об источниках инфантильной сексуальности, я утверждал, «что сексуальное возбуждение возникает как побочный эффект при наличии целого ряда внутренних процессов, как только интенсивность этих процессов переходит определенные количественные границы». Более того, я отмечал, что, возможно, «в организме не происходит ничего более или менее значительного, что не передавало бы свои компоненты для возбуждения сексуального влечения»[1]. Следовательно, боль и неприятное возбуждение тоже должны иметь такие последствия[2]. Это сопутствующее либидинозное возбуждение при боли и неприятном напряжении представляет собой инфантильный физиологический механизм, который впоследствии исчезает. При различной сексуальной конституции оно развивается по-разному, во всяком случае передает свою физиологическую основу, которая затем психически надстраивается в виде эрогенного мазохизма.

Однако недостаточность этого объяснения проявляется в том, что оно не проливает свет на постоянно встречающуюся тесную связь мазохизма с его противоположностью в жизни влечений, садизмом. Если вернуться немного назад к гипотезе о двух видах влечений, которые, по нашему мнению, действуют в живом организме, то можно прийти к другому заключению, которое, однако, не противоречит предыдущему. У (многоклеточных) живых организмов либидо сталкивается с господствующим влечением к смерти или деструктивным влечением, которое стремится разложить этот клеточный организм и перевести каждый отдельный элементарный организм в состояние неорганической стабильности (даже если она будет лишь относительной). Задача либидо — обезвредить это разрушительное влечение, и оно решает эту задачу, быстро и в значительной степени отводя его вовне с помощью особой системы органов, мускулатуры, направляя его на объекты внешнего мира. В таком случае оно называ-

---

[1] [«Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 109–110.]

[2] [Там же, с. 109.]

ется деструктивным влечением, влечением к овладению, волей к власти. Часть этого влечения ставится непосредственно на службу сексуальной функции, где она должна совершить нечто важное. Это и есть собственно садизм. Другая часть не осуществляет подобного переноса вовне, она остается в организме и либидинозно связывается там с помощью упомянутого сопутствующего сексуального возбуждения; в нем мы должны признать первоначальный, эрогенный мазохизм[1].

У нас отсутствует какое-либо физиологическое понимание того, какими путями и с помощью каких средств может произойти это обуздание[2] влечения к смерти со стороны либидо. С психоаналитических позиций мы можем только предположить, что осуществляется широкомасштабное, изменчивое в своих пропорциях смешение и связывание двух видов влечений, так что нам вообще нужно считаться с тем, что нет влечений к смерти и жизни в чистом виде, а что существуют лишь их различные сочетания. При определенных воздействиях смешению влечений может соответствовать их расслоение. Насколько велики части влечений к смерти, какие из них избегают подобного обуздания в результате присоединения к либидинозным добавкам — об этом сегодня можно только догадываться.

Если не обращать внимания на некоторую неточность, то можно сказать, что действующее в организме влечение к смерти — первичный садизм — идентичен мазохизму. После того как его основная часть была перенесена вовне на объекты, внутри от него остается собственно первоначальный, эрогенный мазохизм, который, с одной стороны, стал компонентом либидо, а с другой стороны, по-прежнему его объектом остается собственная сущность. Таким образом, этот мазохизм — свидетель и остаток той фазы формирования, на которой возник столь важный для жизни сплав влечения к смерти и эроса. Мы не удивимся, услышав, что при определенных условиях обращенный вов-

---

[1] [См. в этой связи главу IV книги «Я и Оно» (1923*b*), выше, с. 330 и далее в этом томе. Ср. другое описание в главе VI работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), выше, с. 277.]

[2] [Понятие «обуздание» Фрейд использует еще в одном случае, а именно в третьей части своей поздней работы «Конечный и бесконечный анализ» (1937*c*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 365 и далее. Но еще гораздо раньше, в последней трети части III «Проекта» 1895 года (1950*a*), он говорил об «обуздании» воспоминаний.]

не, спроецированный садизм или деструктивное влечение может снова интроецироваться, обратиться вовнутрь, отступая, таким образом, в более раннюю ситуацию. В таком случае он становится вторичным мазохизмом, который добавляется к первоначальному.

Эрогенный мазохизм проходит все фазы развития либидо и берет из них присущие им меняющиеся психические «облицовки»[1]. Страх оказаться съеденным тотемным животным (отцом) происходит из примитивной, оральной организации, желание быть побитым отцом — из следующей за ней анально-садистской фазы; в качестве осадка фаллической ступени организации[2] в содержание мазохистских фантазий входит кастрация, хотя позднее и отрицаемая; от окончательной генитальной организации, разумеется, ведут начало характерные для женского пола ситуации принуждения к коитусу и родов. Легко также понять роль ягодиц в мазохизме, несмотря на очевидное реальное обоснование[3]. Ягодицы — это предпочитаемая в эрогенном отношении часть тела в анально-садистской фазе, подобно груди в оральной, а пенису в генитальной.

Третья форма мазохизма, моральный мазохизм[4], примечательна в первую очередь тем, что в ней ослаблена связь с тем, что мы называем сексуальностью. Всем мазохистским страданиям обычно присуще то условие, что они исходят от любимого человека, по приказанию которого их нужно терпеть; при моральном мазохизме это ограничение отсутствует. Само страдание — вот что самое важное; кто его причиняет — любимый человек или безразличный — никакой роли не играет; оно мо-

---

[1] [Понятие «психических облицовок» Фрейд использовал довольно часто, например, несколько раз при описании случая «Доры» (1905*e*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 152, 153 и 166, прим. 3.]

[2] См. «Инфантильная генитальная организация» (1923*e* [*Studienausgabe*, т. 5, с. 239].) [Обсуждение употребляемого Фрейдом понятия «отрицание» см. в «Предварительных замечаниях издателей» к работе «Фетишизм» (1927*e*), ниже, с. 409.]

[3] [Ср. ссылку на него в конце раздела [4] второго из «Трех очерков» (1905*d*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 99.]

[4] [В абзаце, добавленном в 1909 году к «Толкованию сновидений» (1900*a*), Фрейд говорит о «духовном мазохизме», характеризуя людей, которые «ищут удовольствие не в причиняемой им телесной боли, а в унижении и в душевных муках». (*Studienausgabe*, т. 2, с. 174.)]

жет быть также вызвано некими безличными силами или обстоятельствами, настоящий мазохист всегда подставит щеку там, где у него есть перспектива получить удар. Очень хочется при объяснении этого поведения оставить либидо в стороне и ограничиться предположением, что в данном случае влечение к разрушению снова обратилось вовнутрь и теперь направляет свою ярость против собственного «я»; однако ведь должен же быть какой-то смысл в том, что в словоупотреблении сохранилась связь этой нормы поведения в жизни с эротикой и что таких людей, наносящих вред самим себе, тоже называют мазохистами.

Оставаясь верными технической привычке, мы вначале займемся крайней, несомненно, патологической формой этого мазохизма. В другой работе[1] я говорил, что в аналитической лечебной работе нам встречаются такие пациенты, поведение которых, направленное против лечебного воздействия, заставляет нас приписывать им «бессознательное» чувство вины. Я там указывал, по каким признакам можно распознать этих лиц («негативная терапевтическая реакция»), а также не скрывал, что из-за своей силы такой импульс представляет собой одно из самых сложных сопротивлений и наибольшую опасность для успешного осуществления наших врачебных или воспитательных намерений. Удовлетворение этого бессознательного чувства вины, возможно, составляет огромную часть выгоды от болезни, причем состоящую, как правило, из нескольких пунктов, суммы сил, которые противятся выздоровлению и не хотят отказываться от болезни; страдание, которое приносит с собой невроз, как раз и представляет собой тот момент, из-за которого оно становится ценным для мазохистской тенденции. Поучительно также узнать, что, вопреки всем теориям и ожиданиям, невроз, который не поддавался никаким терапевтическим усилиям, может исчезнуть, если человек оказался в бедственном положении из-за несчастного брака, потерял свое имущество или заболел опасной органической болезнью. В таком случае одна форма страдания сменилась другой, и мы видим, что важно было лишь суметь сохранить определенную степень страдания.

В бессознательное чувство вины, которое мы раскрываем пациентам, им бывает непросто поверить. Они слишком хорошо знают, в каких мучениях (угрызениях совести) выражается

---

[1] «Я и Оно» [(1923*b*), глава V, выше, с. 338–339].

сознательное чувство вины, сознание вины, и поэтому не могут согласиться с тем, что точно такие же побуждения они, видимо, носят в себе, совершенно их не ощущая. Я полагаю, что мы в известной мере учтем их возражение, если откажемся от такого и без того некорректного в психологическом отношении названия, как «бессознательное чувство вины»[1], и вместо этого будем говорить о «потребности в наказании», тем самым столь же точно охватывая наблюдаемое положение вещей. Но мы не можем не обсудить и не локализовать это бессознательное чувство вины по образцу сознательного.

Мы приписали Сверх-Я функцию совести, а в сознании вины признали выражение напряженных отношений между Я и Сверх-Я[2]. Я реагирует чувствами страха (страхом совести) на восприятие того, что оно отстало и не выполняет требований, выдвинутых его идеалом, Сверх-Я. Теперь нам необходимо знать, как Сверх-Я пришло к этой претенциозной роли и почему Я должно испытывать страх в случае расхождения со своим идеалом.

Если мы говорили, что Я находит свою функцию в том, чтобы согласовывать друг с другом требования трех инстанций, которым оно служит, примирять их, то можем добавить, что при этом у него также есть свой образец, к которому оно может стремиться, — Сверх-Я. Собственно, это Сверх-Я является представителем Оно в той же мере, как и представителем внешнего мира[3]. Сверх-Я возникло в результате того, что первые объекты либидинозных импульсов Оно, родители, были интроецированы в Я, при этом отношение к ним десексуализировалось, произошло отклонение от непосредственных сексуальных целей. Только таким способом стало возможно преодоление эдипова комплекса. Сверх-Я сохранило существенные черты интроецированных лиц, их власть, строгость, склонность присматривать и наказывать. Как говорилось в другом месте[4], вполне возможно, что в результате расслоения влечений, которым сопровождается такая интроекция в Я, строгость усилилась. Сверх-Я, дей-

---

[1] [В сущности, чувства нельзя обозначать как «бессознательные». См. главу II книги «Я и Оно», выше, с. 311.]

[2] [Там же, глава III, выше, с. 326.]

[3] [Ср. «Невроз и психоз» (1924*b*), выше, с. 358.]

[4] «Я и Оно» [(1923*b*), выше, с. 342–343].

ствующая в нем совесть, может стать теперь непреклонной, жестокой, безжалостной в отношении оберегаемого им Я. Таким образом, категорический императив Канта — это непосредственный наследник эдипова комплекса[1].

Но эти же люди, которые продолжают действовать в Сверх-Я в качестве инстанции совести, перестав быть объектами либидинозных импульсов Оно, также относятся к реальному внешнему миру. Они были взяты из него; их власть, за которой скрываются все влияния прошлого и традиции, была одним из самых ощутимых проявлений реальности. Благодаря этому совпадению Сверх-Я становится заменой эдипова комплекса, а также репрезентантом реального внешнего мира и, следовательно, образцом для стремлений Я.

Таким образом, эдипов комплекс оказывается, как это уже предполагалось в историческом аспекте[2], источником нашей индивидуальной нравственности (морали). В ходе детского развития, которое ведет к постепенному отделению от родителей, их личное значение для Сверх-Я отступает на задний план. Затем к оставшимся от них имаго[3] добавляются влияния учителей, авторитетных людей, самостоятельно выбранных примеров для подражания и социально признанных героев, персоны которых ставшему более резистентным Я уже не нужно интроецировать. Последний образ этого начинающегося с родителей ряда — темная сила судьбы, которую лишь немногие из нас способны понимать обезличенно. Когда голландский поэт Мультатули[4] заменяет Μοίρα [Судьбу] греков двумя богами Λόγοξ kai Ανάγκη [Разумом и Необходимостью], то на это мало что можно

---

[1] [Ср. там же, с. 324 и 337.]

[2] «Тотем и табу» (1912–1913), раздел IV.

[3] [Термин «имаго» Фрейд использует нечасто, особенно в своих более поздних сочинениях. Пожалуй, впервые он появляется в работе, посвященной технике лечения, «О динамике переноса» (1912*b*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 160, и приписывается в ней Юнгу (1911, 164). В упомянутой работе Юнг сообщает, что он заимствовал это выражение из названия одноименного романа швейцарского писателя Карла Шпиттелера. От Ганса Закса (1945, 63) мы узнаем, что психоаналитический журнал «Имаго», основанный им и Ранком в 1912 году, обязан своим названием также этому источнику.]

[4] Эдуард Доус Деккер (1820–1887). [Мультатули долгое время был любимым писателем Фрейда. Его произведения и письма возглавляют список «десяти хороших книг», который Фрейд составил в 1906 году: см. Freud, 1906*f*.]

возразить[1]; однако всех, кто возлагает руководство событиями в мире на провидение, Бога или Бога и природу, можно заподозрить в том, что эти самые крайние и самые далекие силы они по-прежнему воспринимают — мифологически — как пару родителей и ощущают себя связанными с ними либидинозными узами. В работе «Я и Оно» [выше, с. 346] я сделал попытку вывести также и реальный страх смерти у людей из такого родительского понимания судьбы. Представляется очень сложным освободиться от этого понимания.

После этой подготовительной работы мы можем вернуться к оценке морального мазохизма. Мы говорили[2], что соответствующие лица производят своим поведением — в лечении и в жизни — такое впечатление, как будто их чрезмерно сдерживает мораль, что они находятся во власти необычайно чувствительной совести, хотя такая чрезмерная мораль совершенно ими не сознается. При более внимательном рассмотрении мы, пожалуй, заметим различие, которое отделяет такое бессознательное продолжение морали от морального мазохизма. У первых акцент приходится на усилившийся садизм Сверх-Я, которому подчиняется Я, у последних, напротив, — на собственный мазохизм Я, который требует наказания, будь то со стороны Сверх-Я или со стороны внешних сил, наделенных родительской властью. Нашу первоначальную путаницу можно простить, ибо и в том, и в другом случае речь идет об отношении между Я и Сверх-Я или равными ему силами; в обоих случаях дело сводится к потребности, которая удовлетворяется наказанием и страданием. Тогда едва ли будет безразличным привходящим обстоятельством то, что садизм Сверх-Я чаще всего сознается в самом ярком свете, тогда как мазохистское стремление Я, как правило, остается скрытым от человека, и вывод о нем приходится делать по поведению.

Бессознательность морального мазохизма наводит нас на очевидный след. Нам удалось перевести выражение «бессознательное чувство вины» как потребность в наказании со стороны

---

[1] [Слово Ἀνάγκη встречается у Фрейда еще в работе, посвященной Леонардо (1910*c*). *Studienausgabe*, т. 10, с. 147. И наоборот, Λόγοξ появляется здесь, наверное, впервые. Оба слова, но особенно Λόγοξ, обсуждаются в заключительном абзаце работы «Будущее одной иллюзии» (1927*c*). *Studienausgabe*, т. 9, с. 186 и далее.]

[2] [В «Я и Оно» (1923*b*), с. 338 и далее в этом томе.]

родительской власти. Теперь мы знаем, что столь часто встречающееся в фантазиях желание быть побитым отцом очень близко другому желанию — вступить с ним в пассивные (женские) сексуальные отношения — и является всего лишь его регрессивным искажением. Если мы применим это разъяснение к содержанию морального мазохизма, то его тайный смысл станет нам очевиден. Совесть и мораль возникли в результате преодоления, десексуализации эдипова комплекса; вследствие морального мазохизма мораль снова сексуализируется, эдипов комплекс вновь оживает, подготавливается регрессия от морали к эдипову комплексу. Ни морали, ни индивиду никакой пользы от этого нет. Хотя индивид наряду с мазохизмом может сохранить свою нравственность полностью или в известной мере, тем не менее значительная доля совести вследствие мазохизма может оказаться утраченной. С другой стороны, мазохизм создает искушение к «греховному» поведению, которое затем нужно искупить упреками садистской совести (что свойственно многим типам характера у русских) или карой великой родительской власти судьбы. Чтобы спровоцировать наказание со стороны этого последнего представительства родителей, мазохист должен сделать нечто нецелесообразное: работать вопреки собственной выгоде, лишать себя перспектив, которые открываются ему в реальном мире, и, возможно, уничтожить свое собственное реальное существование.

Обращение садизма против собственной персоны регулярно происходит при *подавлении влечений культурой*, которое удерживает большую часть деструктивных компонентов влечений человека от применения в жизни. Можно представить себе, что эта отошедшая на задний план часть деструктивного влечения проявляется в виде усиления мазохизма в Я. Однако феномены совести позволяют догадаться, что возвращающаяся от внешнего мира деструкция принимается Сверх-Я и без такой метаморфозы, усиливая его садизм, направленный против Я. Садизм Сверх-Я и мазохизм Я дополняют друг друга и объединяются, чтобы вызвать одни и те же последствия. Я думаю, что только так можно понять тот факт, что в результате подавления влечений — часто или вообще повсеместно — возникает чувство вины и что совесть становится тем строже и тем чувствительнее, чем больше человек удерживается от агрессии против других[1].

---

[1] [Ср. «Я и Оно» (1920*b*), выше, с. 343.]

Можно было бы ожидать, что поэтому совесть индивида, который знает о себе, что обычно он избегает нежелательной для культуры агрессии, будет чиста и что он с меньшим недоверием будет следить за своим Я. Обычно это изображают так, будто нравственное требование первично, а отказ от влечения представляет собой его следствие. При этом происхождение нравственности остается невыясненным. На самом деле, по-видимому, все происходит как раз наоборот; первый отказ от влечения был вынужденным, возникшим под воздействием внешних сил, и именно он порождает нравственность, которая выражается в совести и требует дальнейшего отказа от влечений[1].

Таким образом, моральный мазохизм становится классическим свидетельством наличия смешения влечений. Он опасен из-за того, что происходит от влечения к смерти, соответствует той его части, которая не была использована вовне в виде деструктивного влечения. Но так как он, с другой стороны, имеет значение эротического компонента, то и саморазрушение человека не может произойти без либидинозного удовлетворения[2].

---

[1] [Обсуждавшиеся в этом абзаце вопросы Фрейд далее рассматривает в главе VII работы «Неудовлетворенность культурой» (1930*a*).]

[2] [Фрейд еще раз обсуждал мазохизм в контексте психоаналитического лечения в разделе VI своей работы «Конечный и бесконечный анализ» (1937*c*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 382–383.]

Потеря реальности при неврозе и психозе
(1924)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1924 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 10 (4), 374–379.
1924 *G. S.*, т. 6, 409–414.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 178–184.
1931 *Neurosenlehre und Technik*, 199–204.
1940 *G. W.*, т. 13, 363–368.

Из примечания к первому английскому переводу, вышедшему в 1924 году *(Collected Papers*, v. 2, 277), следует, что английский вариант в переводе Джоан Ривьер фактически был опубликован еще до немецкого оригинала.

Рукопись данной работы была завершена в конце мая 1924 года; в том же месяце ее прочел Абрахам, что следует из его неопубликованного письма Фрейду от 25 мая. (Ср. Jones, 1962*b*, 133.) Фрейд продолжает здесь дискуссию, начатую в работе «Невроз и психоз» (1924*b*, с. 333 выше), развивает свои идеи и их корректирует. Некоторые сомнения в правомерности разделения, предпринятого в двух этих работах, позднее обсуждаются Фрейдом в работе под названием «Фетишизм» (1927*c*). Ср. ниже с. 412–413.

Недавно[1] я свел одну из характерных особенностей, отличающих невроз от психоза, к тому, что в первом случае Я, зависящее от реальности, подавляет часть Оно (жизни влечений), тогда как при психозе то же самое Я, служа Оно, отказывается от части реальности. Следовательно, для невроза решающим оказывается преобладание влияний реальности, для психоза — превосходство Оно. Потеря реальности присуща психозу с самого начала; надо полагать, что при неврозе ее удается избежать.

Но это совершенно не согласуется с наблюдением, которое все мы можем сделать, что любой невроз так или иначе нарушает отношение больного к реальности, что невроз служит для него средством отстранения от нее и что в тяжелых формах он непосредственно означает бегство из реальной жизни. Это противоречие кажется внушающим опасения, но его легко устранить, а разъяснение этого противоречия лишь будет способствовать пониманию нами невроза.

Ибо оно существует лишь до тех пор, пока мы рассматриваем исходную ситуацию невроза, в которой Я, служащее реальности, совершает вытеснение импульса влечения. Но это пока еще не невроз как таковой. Скорее, он заключается в процессах, компенсирующих часть Оно, которая потерпела ущерб, то есть в реакции на вытеснение и в неудаче последнего. В таком случае ослабление связи с реальностью есть следствие этого второго шага в образовании невроза, и не приходится удивляться, когда детальное исследование показало, что потеря реальности касается именно той части реальности, по требованию которой и произошло вытеснение влечения.

Характеристика невроза как результата неудавшегося вытеснения не представляет собой ничего нового. Мы всегда говори-

---

[1] «Невроз и психоз» (1924*b*) [в этом томе с. 355].

ли это[1], и только в связи с новыми обстоятельствами возникла необходимость повторить это снова.

Впрочем, то же сомнение снова проявится особенно впечатляюще, когда речь пойдет о случае невроза, повод которого («травматическая сцена») известен, и на котором можно увидеть, как человек отгораживается от такого переживания и предает его амнезии. Для примера я хочу вернуться к случаю, проанализированному мною много лет назад[2], когда девушка, влюбленная в своего зятя, у смертного одра сестры была потрясена мыслью: «Теперь он свободен и может на тебе жениться». Эта сцена тотчас забывается, и тем самым начинается процесс регрессии, который ведет к истерическим болям. Но именно здесь поучительно посмотреть, каким образом невроз пытается уладить этот конфликт. Он обесценивает реальное изменение, вытесняя рассматриваемые притязания влечения, то есть любовь к зятю. Психотическая реакция заключалась бы в отрицании факта смерти сестры[3].

Итак, можно было бы ожидать, что при возникновении психоза происходит нечто аналогичное процессу, происходящему при неврозе, — разумеется, между другими инстанциями. То есть что и при психозе станут очевидными два этапа, на первом из которых Я на этот раз отрывается от реальности, а на втором предпринимается попытка возместить ущерб и воссоздается связь с реальностью за счет Оно. И действительно, при психозе можно наблюдать нечто аналогичное; также и здесь есть два этапа, второй из которых носит характер репарации, но на этом аналогия двух во многом тождественных процессов заканчивается. На втором этапе развития психоза тоже предпринимается попытка компенсировать потерю реальности, но не за счет ограниче-

---

[1] [То, что «возвращение вытесненного» и есть «собственно болезнь», утверждается еще в рукописи «К» в письме Флиссу от 1 января 1896 года (Freud, 1950*a*). Немного позднее Фрейд повторил эту мысль, причем он говорил о «неудаче защиты» в том же значении, что и «возвращение вытесненного», а именно в разделе II второй работы, посвященной защитным невропсихозам (1896*b*).]

[2] В «Этюдах об истерии» (1895[*d*]). [Речь идет о случае «фрейлейн Элизабет фон Р...». Примерно в середине очерка, а затем еще раз в начале последней трети работы Фрейд приводит несколько другую формулировку.]

[3] [См. «Предварительные замечания издателей» к работе «Фетишизм» (1927*e*), см. ниже с. 408.]

ния Оно, как при неврозе — за счет связи с реальностью, а другим, более самовластным путем — через создание новой реальности, которая уже не шокирует так, как покинутая реальность. Таким образом, как при неврозе, так и при психозе второй шаг продиктован одними и теми же тенденциями, в обоих случаях он служит властным стремлениям Оно, которое не дает подчинить себя реальности. Следовательно, и невроз, и психоз — это выражение протеста Оно против внешнего мира, его нежелания или, если угодно, его неумения приспособиться к реальной необходимости, к Ἀνάγκη[1]. Невроз и психоз гораздо больше отличаются друг от друга первой, начальной реакцией, нежели следующей за ней попыткой репарации.

В конечном итоге первоначальное отличие выражается в том, что часть реальности при неврозе избегается, а при психозе перестраивается. Или: при психозе за первоначальным бегством следует активная фаза перестройки, а при неврозе за первоначальным повиновением следует попытка к бегству. Или выражаясь еще иначе: невроз не отрицает реальности, он просто ничего не хочет о ней знать; психоз отрицает ее и пытается ее заменить. Нормальным, или «здоровым», мы называем поведение, которое сочетает в себе определенные черты обеих реакций, которое отрицает реальность столь же мало, как невроз, а затем стремится изменить ее, как психоз. Разумеется, это целесообразное, нормальное поведение ведет к внешне осуществляемой работе над внешним миром и не довольствуется, как при психозе, созданием внутренних изменений; оно уже не *аутопластическое*, а *аллопластическое*[2].

При психозе переработка реальности происходит на материале психических осадков прежних отношений с ней, то есть на материале следов воспоминаний, представлений и суждений, которые были получены от нее прежде и благодаря которым она была представлена в душевной жизни. Но это отношение никогда не было завершенным, оно непрерывно обогащалось и изменялось новыми восприятиями. Таким образом, и для психоза

---

[1] [См. «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*), выше, с. 376.]

[2] [Эти термины, возможно, восходят к Ференци, который использует их в работе под названием «Феномены истерической материализации» (1919, 24; новое издание, с. 17–18), но он приписывает их Фрейду, который все же, по-видимому, употребил их только в вышеупомянутом отрывке.]

возникает задача создать себе такие восприятия, которые соответствовали бы новой реальности, что наиболее основательно достигается посредством галлюцинаций. Если обманы памяти, бредовые образования и галлюцинации во многих формах и случаях психоза обнаруживают самый неприятный характер и связаны с развитием страха, то это, пожалуй, служит признаком того, что весь процесс преобразования реальности совершается вопреки активно противодействующим силам. Этот процесс мы можем реконструировать по более известному нам образцу невроза. Здесь мы видим, что человек всякий раз реагирует страхом, как только вытесненное влечение дает о себе знать, и что итог конфликта все же представляет собой лишь компромисс и не дает полного удовлетворения. Вероятно, при психозе отвергнутая часть реальности постоянно вторгается в душевную жизнь, как при неврозе — вытесненное влечение, а потому и последствия в обоих случаях одинаковы. Обсуждение различных механизмов, которые при психозах вызывают уход от реальности и ее реконструкцию, а также результатов, которые они могут достигнуть, — это задача особого раздела психиатрии, за решение которой она пока еще не бралась[1].

Таким образом, следующая аналогия между неврозом и психозом заключается в том, что в обоих случаях задача, за которую тот и другой берутся на втором этапе, частично не решается, поскольку вытесненное влечение не может создать себе полной замены (невроз), а замещение реальности не может вылиться в удовлетворительные формы. (По крайней мере, не во всех формах психических заболеваний.) Однако акценты в этих двух случаях расставлены по-разному. При психозе акцент делается на первом шаге, который сам по себе является патологическим и может привести только к болезни, и наоборот, при неврозе акцент делается на втором шаге, на неудаче вытеснения, тогда как первый шаг может оказаться удачным и действительно бесчисленное множество раз удавался в рамках здоровья, хотя и не без издержек и не без симптомов как последствий потребовавшихся психических затрат. Эти отличия и, возможно, также многие другие суть следствия топического различия в исходной ситуации патогенного конфликта, которое заключается в том, чему

---

[1] [Тем не менее ср. некоторые попытки, предпринимавшиеся самим Фрейдом, например, при обсуждении паранойи (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 192–194, и «парафрении» (в данном томе с. 44, 55, 174–175 и 198).]

уступило в этом конфликте Я — своей приверженности реальному миру или своей зависимости от Оно.

Невроз, как правило, довольствуется тем, что избегает соответствующей части реальности и защищает себя от столкновения с ней. Однако резкое различие между неврозом и психозом смягчается тем, что и при неврозе нет недостатка в попытках заменить нежелательную реальность другой, более желательной. Возможность для этого дает существование *мира фантазии*, области, которая в свое время при введении принципа реальности отделилась от внешнего мира; с тех пор благодаря своего рода «пощаде» освобождается от требований жизненной необходимости[1] и хотя и не является недоступной для Я, все же связана с ним лишь слабыми узами. Из этого мира фантазии невроз заимствует материал для своих новообразованных желаний и обычно находит его там посредством регрессии в более удовлетворительное реальное давнее прошлое.

Едва ли приходится сомневаться, что при психозе мир фантазии играет эту же роль, что также и здесь он представляет собой кладовую, откуда берется материал или образцы для построения новой реальности. Но этот новый, фантастический внешний мир психоза стремится занять место внешней реальности, в противоположность неврозу, который, как в детской игре, охотно опирается на часть реальности (но не на ту, от которой он должен был защищаться), придает ей особое значение и тайный смысл, который мы не всегда правильно называем *символическим*. Таким образом, и при неврозе, и при психозе встает вопрос не только о *потере реальности*, но и о *замене реальности*.

---

[1] [Ср. выше «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*), с. 20 и прим. 5.]

Заметка о «чудо-блокноте»
(1925[1924])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1925 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 11 (1), 1–5.
1925 *G. S.*, т. 6, 415–420.
1931 *Theoretische Schriften*, 392–398.
1948 *G. W.*, т. 14, 3–8.

По всей видимости, эта работа была написана осенью 1924 года, поскольку в неопубликованном письме от 28 ноября того же года Фрейд сообщал Абрахаму, что собирается ее просмотреть (Jones, 1962*e*, 145). Удивительное небольшое приспособление, которое дало повод к этому наглядному и остроумному изображению систем сознательного, предсознательного и восприятия-сознания, в несколько измененном виде, сделанное из картона или пластмассы, можно и сегодня купить под названием «долговечный блокнот» или «волшебная доска» в магазине канцелярских принадлежностей или в магазине игрушек. Теперь верхний целлофановый лист не отрывают от восковой матрицы, а отделяют с помощью задвижки. Несомненно, понять работу Фрейда было бы проще, если бы у читателя был под рукой такой блокнот и он мог бы им пользоваться.

Когда я не доверяю своей памяти — как известно, невротики делают это очень часто, но и у нормального человека есть все основания для этого, — то я могу дополнить и обеспечить ее надежную работу, делая пометки в письменном виде. В таком случае поверхность, которая хранит эту запись, доска или лист бумаги, одновременно представляет собой, так сказать, материализованную часть аппарата памяти, который я обычно незримо ношу в себе. Мне надо только отметить для себя место, на котором помещено это зафиксированное таким образом «воспоминание», тогда я могу в любой момент по своему усмотрению «воспроизвести» его, будучи уверенным в том, что оно осталось неизменным, то есть не подверглось искажениям, которые оно, возможно, претерпело бы в моей памяти.

Если я хочу в широких масштабах пользоваться этой техникой для улучшения функции своей памяти, то отмечаю, что в моем распоряжении есть два разных способа. Во-первых, я могу выбрать такую поверхность, которая сохраняет доверенную ей запись в целости и сохранности в течение неопределенно долгого времени, то есть листок бумаги, на котором я пишу чернилами. Тогда я получу «долговечный след воспоминания». Недостаток этого способа заключается в том, что емкость поверхности для записей вскоре исчерпывается. Листок целиком исписан, на нем нет места для новых записей, и я вынужден взять для употребления другой, еще не исписанный лист. Преимущество этого способа, оставляющего «долговечный след», также может потерять для меня свою ценность, а именно если по прошествии какого-то времени у меня пропадет интерес к сделанной записи и я не захочу больше «сохранять ее в памяти». Другой способ избавлен от обоих этих недостатков. Когда, например, я пишу мелом на аспидной доске, у меня есть некая воспринимающая поверхность, емкость которой сохраняется в течение неограниченно долгого времени, а записи, сделанные на ней, я могу уничтожить, если они меня перестают интересовать, не выбрасывая при этом саму поверхность для записей. Здесь недостаток состоит в том, что я не могу получить долговечный след. Если я захочу сделать на доске новые записи, мне придется стереть те, которые уже на ней находятся. Таким образом, неограниченная емкость и сохранение долговечных следов, по всей видимости, взаимно исключают друг друга в приспособлениях, которыми мы заменяем свою память; мы должны либо обновить воспринимающую поверхность, либо уничтожить запись.

Все вспомогательные приспособления, которые мы изобрели для улучшения или усиления функций своих органов чувств, имеют такое же строение, как и сам орган чувств или его части (очки, фотографическая камера, слуховая трубка и т. д.)[1]. По сравнению с этим вспомогательные приспособления для нашей памяти кажутся особенно несовершенными, ибо наш душевный аппарат делает именно то, чего они сделать не могут; емкость восприятия всего нового у него неограниченна, и вместе с тем он создает долговечные — хотя и не неизменные — следы воспоминаний о них. Еще в «Толковании сновидений» (1900[*a*]) я высказал предположение, что эту необычную способность можно разделить на работу двух разных систем (органов душевного аппарата)[2]. Я утверждал, что мы обладаем системой *В–Сз*, в которую попадают восприятия, но которая не сохраняет долговечного следа от них и поэтому в отношении нового восприятия может вести себя, как чистый лист бумаги. Долговечные следы воспринятых возбуждений сохраняются в расположенных за ней «системах воспоминания». Позднее («По ту сторону принципа удовольствия» [1920*g*, см. выше, с. 249) я добавил замечание, что необъяснимый феномен сознания возникает в системе восприятия *вместо* долговечных следов.

Не так давно в продажу поступил небольшой прибор под названием *чудо-блокнот*, который имеет больше возможностей, чем лист бумаги или аспидная доска. Вроде бы это не более чем доска для письма, с которой можно удалять записи с помощью удобного приспособления. Но при внимательном изучении в его конструкции можно обнаружить примечательное соответствие с моим предположением о строении нашего аппарата восприятия, и убедиться в том, что он действительно может дать и то, и другое: всегда готовую воспринимающую поверхность и долговечные следы воспринятых записей.

Чудо-блокнот представляет собой окаймленную бумагой пластинку из темно-коричневой содержащей смолу или восковой массы, над которой расположен тонкий просвечивающий

---

[1] [Далее эта мысль развивается в главе III работы «Недомогание культуры» (1930*a*).]

[2] [*Studienausgabe*, т. 2, с. 516. Как упоминает Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), см. выше с. 249, прим. 1, это разделение было сделано еще Брейером в написанной им теоретической части «Этюдов об истерии» (1895, с. 152, прим. 2.]

лист, прикрепленный к верхнему концу восковой пластинки и свободно прилегающий к нижнему ее концу. Этот лист представляет собой наиболее интересную часть этого небольшого аппарата. Сам он состоит из двух слоев, которые (за исключением двух поперечных краев) могут быть отделены друг от друга. Верхний слой представляет собой прозрачную целлулоидную пластинку, нижний — тонкую, то есть просвечивающую вощеную бумагу. Когда аппарат не используется, задняя поверхность вощеной бумаги слегка прилипает к передней поверхности восковой пластинки.

Этот чудо-блокнот используют, делая запись на целлулоидной пластинке листа, покрывающего вощеную доску. Для этого не нужен карандаш или мел, ибо записывание основано не на том, что материал передается на воспринимающую поверхность. Это возврат к тому способу, которым древние люди писали на глиняных или восковых табличках. Остроконечная палочка — стило — царапает поверхность, углубления на которой составляют «письмо». При пользовании чудо-блокнотом такое насекание происходит не прямо, а через посредство покрывающего его листа. Стило вдавливает заднюю поверхность вощеной бумаги в восковую пластинку в тех местах, с которыми она соприкасается, и эти борозды — надписи темного цвета — становятся видимыми на гладкой в остальных местах, бледно-серой поверхности целлулоида. Чтобы уничтожить запись, достаточно, взявшись за свободный нижний конец, легким движением отделить комбинированный верхний лист от восковой пластинки[1]. Тем самым разрывается плотный контакт между вощеной бумагой и восковой пластинкой в местах насечек, благодаря которому становилось видимым письмо, и он не восстанавливается даже тогда, когда обе поверхности снова соприкасаются друг с другом. Теперь на чудо-блокноте нет никаких букв, и он готов воспринять новые записи.

Разумеется, некоторые несовершенства прибора не представляют интереса для нас, поскольку мы лишь хотели проследить его приближение к структуре душевного аппарата восприятия.

---

[1] [В современных «чудо-блокнотах» способ отделения покрывающего листа от восковой пластинки несколько иной, что, впрочем, ничего не меняет в самом принципе: см. выше, на с. 388, «Предварительные замечания издателей».]

Если осторожно отделить целлулоидную пластинку от вощеной бумаги, когда на чудо-блокноте есть записи, то письмо так же отчетливо видно на поверхности последней, и может возникнуть вопрос, зачем вообще нужна целлулоидная пластинка. Потом опыт показывает, что тонкая бумага легко собирается в складки или разрывается, если писать с помощью стило прямо на ней. Таким образом, целлулоидная пластинка представляет собой защитную оболочку для вощеной бумаги, которая должна предотвращать вредные воздействия извне. Целлулоид — это «защита от раздражителей»; собственно слой, непосредственно воспринимающий раздражители, — это бумага. Здесь я хочу указать на то, что в работе «По ту сторону принципа удовольствия» [с. 251 и далее в этом томе] я сделал вывод, что наш воспринимающий душевный аппарат состоит из двух слоев — внешней защиты от раздражителей, которая должна снижать величину поступающих возбуждений, и из поверхности, воспринимающей раздражители, системы *В–Сз*.

Эта аналогия не имела бы большой ценности, если бы ее нельзя было проследить далее. Если отделить весь верхний лист — целлулоид и вощеную бумагу — от восковой пластинки, то написанное исчезает и, как уже упоминалось, потом не восстанавливается. На поверхности чудо-блокнота нет никаких записей, и она снова готова к восприятию. Однако легко установить, что сам след от написанного остается на восковой доске и при удобном освещении его можно прочесть. Таким образом, блокнот предоставляет нам не только вновь пригодную к употреблению воспринимающую поверхность, подобно аспидной доске, но и длительные следы написанного, подобно обычному бумажному блокноту; он решает проблему соединения обеих функций, *распределяя их между двумя отдельными, но связанными между собой составными частями — системами*. Но точно так же, согласно моей вышеупомянутой гипотезе, осуществляет свою функцию восприятия и наш душевный аппарат. Слой, воспринимающий раздражители, — система *В–Сз* — не образует долговечных следов; основы воспоминания закладываются в других, примыкающих к нему системах.

При этом нас не должно смущать, что длительные следы воспринятых записей в чудо-блокноте не используются; достаточно того, что они существуют. Ведь аналогия между таким вспомогательным аппаратом и взятым в качестве примера органом должна где-то закончиться. Ведь чудо-блокнот не может

также снова «воспроизвести» изнутри стертую когда-то запись; иначе это был бы действительно чудо-блокнот, если бы он мог осуществлять это так, как наша память. Тем не менее теперь мне не кажется слишком смелым сравнение верхнего листа, состоящего из целлулоида и вощеной бумаги, с системой *В–Сз* и ее функцией защиты от раздражителей, находящейся на ней восковой пластинки — с бессознательным, проявления того, что написано, и его исчезновения — со вспышкой и исчезновением сознания при восприятии. Признаюсь, однако, что я склонен продолжить это сравнение.

При пользовании чудо-блокнотом написанное исчезает всякий раз, когда прекращается плотный контакт между бумагой, воспринимающей раздражитель, и восковой пластинкой, сохраняющей отпечаток. Это совпадает с представлением, которое я уже давно составил о принципе действия воспринимающего душевного аппарата, но о котором я до сих пор умалчивал[1]. Я предположил, что катектические иннервации быстрыми периодическими толчками посылаются изнутри в полностью проницаемую систему *В–Сз* и снова отводятся обратно. До тех пор, пока система катектируется таким образом, она получает сопровождающиеся сознанием восприятия и передает возбуждение дальше в бессознательные системы воспоминания; как только катексис устраняется, сознание угасает, и деятельность системы прекращается[2]. Это похоже на то, как если бы бессознательное посредством системы *В–Сз* протягивало во внешний мир щупальца, которые быстро убираются после того, как они попробовали его возбуждения. Таким образом, прерывания, которые возникают в чудо-блокноте извне, на мой взгляд, происходят из-за дискретности потока иннервации, и вместо действительного прекращения контакта, согласно моей гипотезе, имеет место периодически наступающая невозбудимость системы восприятия. Далее я предположил, что этот прерывный способ

---

[1] [Однако Фрейд упоминал это свое представление еще в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), с. 2251–252 выше. Он еще раз излагает его в конце своей статьи «Отрицание» (1925*b*) ниже, с. 403. Однако в зачаточном виде оно уже содержится в «Проекте» 1895 года (1950*a*) (см. часть I, конец девятнадцатого раздела, «Первичные процессы — сон и сновидение»).]

[2] [Это созвучно «принципу невозбудимости некатектированных систем», который обсуждается в примечании издателей к метапсихологической работе о сновидениях (1917*d*), выше, с. 196, прим. 1.]

работы системы *В–Сз* лежит в основе возникновения представления о времени.

Если вообразить, что в то время как одна рука пишет на поверхности чудо-блокнота, другая периодически отделяет его верхний лист от восковой пластинки, то это будет наглядным изображением того, как я представляю себе функцию нашего воспринимающего душевного аппарата[1].

---

[1] [Эта мысль излагается также в эссе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), выше, с. 252, и вскользь обозначена в работе «Бессознательное» (1915*e*), выше, с. 157–158. Она снова высказывается в статье «Отрицание» (1925*b*), ниже, с. 403, правда, в ней Фрейд приписывает функцию выпускания щупалец инстанции Я.]

Отрицание
(1925)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1925 *Imago*, т. 11 (3), 217–221.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen.* 199–204.
1928 *G. S.*, т. 11, 3–7.
1931 *Theoretische Schriften.* 399–404.
1948 *G. W.*, т. 14, 11–15.

У Эрнеста Джонса (1962*b*, 143) мы читаем, что эта работа была написана в июле 1925 года. Но, очевидно, эта тема еще раньше какое-то время занимала мысли Фрейда, о чем можно сделать вывод из примечания к истории болезни «Доры» (1905*e*), добавленного в 1923 году. (См. ниже с. 403, прим. 2.) Это одна из самых кратких и насыщенных идеями статей Фрейда. Хотя в первую очередь речь в ней идет об одной частной проблеме метапсихологии, во вводных и заключительных абзацах он касается также вопросов техники. Из ссылок в примечаниях становится ясно, что оба аспекта этой работы уже имеют долгую предысторию.

То, как наши пациенты высказывают приходящие им в голову мысли во время аналитической работы, дает нам повод к некоторым интересным наблюдениям. «Теперь вы подумаете, что я хочу сказать нечто обидное, но на самом деле у меня нет такого намерения». Мы понимаем, что это отвержение возникающей мысли посредством проекции. Или: «Вы спрашиваете, кем может быть этот человек в сновидении. Это *не* мать». Мы вносим поправку: «Следовательно, это мать». Мы оставляем за собой право при толковании не принимать в расчет отрицание и выбирать содержание мысли в чистом виде. Это так, как если бы пациент сказал: «Хотя в связи с этим человеком мне пришла в голову мысль о матери, у меня нет желания признавать эту мысль»[1].

Иногда искомое объяснение вытесненного бессознательного можно найти весьма удобным способом. Задается вопрос: «Что вы считаете самым невероятным в той ситуации? Как вы думаете, от какой мысли вы были тогда наиболее далеки?» Если пациент попадается в ловушку и называет то, о чем он меньше всего мог бы думать, то этим он почти всегда выдает истинное положение вещей. Красивое дополнение к этому опыту часто создается у пациента, страдающего неврозом навязчивости, который уже был подведен к пониманию своих симптомов. «У меня возникло новое навязчивое представление. В связи с ним мне тотчас пришло в голову, что оно может означать то-то и то-то. Но нет, это не может быть правдой, ибо в противном случае это бы не могло прийти мне в голову». Разумеется, то, что он отвергает с помощью обоснования, заимствованного из лечения, и есть истинный смысл нового навязчивого представления.

Следовательно, содержание вытесненного представления или мысли может проникнуть в сознание при условии, что оно *отрицается*. Отрицание представляет собой способ ознакомить-

---

[1] [Фрейд уже обращал на это внимание, в частности, в анализе «Раттенманна» (1909*d*). *Studienausgabe*, т. 7, с. 55–56. прим.]

ся с вытесненным, в сущности, это уже устранение вытеснения, но, разумеется, еще не принятие вытесненного. Мы видим, как здесь интеллектуальная функция отделяется от аффективного процесса. С помощью отрицания аннулируется только одно последствие процесса вытеснения, которое заключается в том, что содержание представления не достигает сознания. Из этого вытекает своего рода интеллектуальное принятие вытесненного при сохранении вытеснения по существу[1]. В ходе аналитической работы мы часто создаем другое, очень важное и весьма удивительное изменение этой же ситуации. Нам удается также одолеть отрицание и добиться полного интеллектуального принятия вытесненного, но этим сам процесс вытеснения еще не устраняется.

Поскольку задача функции интеллектуального суждения заключается в утверждении или отрицании содержания мыслей, вышеупомянутые замечания подводят нас к психологическому происхождению этой функции. Отрицать что-нибудь в суждении — означает: «Это нечто такое, что я больше всего хотел бы вытеснить». Осуждение представляет собой интеллектуальную замену вытеснения[2], слово «нет» — его отличительный признак, сертификат о происхождении, подобный *«Made in Germany»*. Посредством символа отрицания мышление освобождается от ограничений вытеснения и обогащается содержанием, без которого не может обойтись в своей работе.

В сущности, функция суждения должна принять два решения. Она должна подтвердить или отвергнуть наличие у некой вещи определенного качества, и она должна признать или оспорить существование того, что есть в представлении, в реальности[3]. Свойство, относительно которого должно быть принято ре-

---

[1] Этот же процесс лежит в основе известного феномена «сглаза». «Как хорошо, что у меня так давно не было мигрени!» Но это как раз становится первым извещением о приступе, приближение которого человек уже ощущает, но не хочет в него поверить. [На это объяснение Фрейду указала его первая пациентка фрау Сесиль М. Ср. в этой связи пространное примечание в первом из описанных Фрейдом случаев, «Фрау Эмми фон Н...», в «Этюдах об истерии» (1895*d*), после записи, сделанной 18 мая.]

[2] [Эта мысль также встречается, в частности, в «Положениях о двух принципах психического события» (1911*b*): дальнейшие ссылки содержатся там в примечании издателей, с. 17, прим. 2 в этом томе.]

[3] [Более подробно это обсуждается ниже, на с. 402.]

шение, изначально могло бы быть хорошим или плохим, полезным или вредным. Выражаясь на языке самых древних, оральных импульсов влечений: «Я хочу это съесть или хочу это выплюнуть», а в более широком значении: « Это я хочу ввести в себя, а это — из себя исключить». То есть: «Это должно быть во мне или вне меня». Первоначальное наслаждающееся Я желает, как показано мною в другом месте, интроецировать все хорошее и отбросить от себя все плохое. Плохое, чуждое Я, находящееся вовне, вначале ему тождественно[1].

Другое из решений функции суждения, решение о реальном существовании представляемой вещи, является делом конечного реального Я, которое развивается из первоначального наслаждающегося Я. (Проверка реальности.) Теперь речь идет уже не о том, должно или нет нечто воспринятое (вещь) быть принято в Я, а о том, может ли нечто существующее в Я как представление быть снова найдено в восприятии (реальности). Как мы видим, это опять вопрос о *внешнем и внутреннем*. Нереальное, просто представленное, субъективное существует только внутри; другое, реальное, существует также *вовне*. В таком развитии учет принципа удовольствия оказался отодвинутым в сторону. Опыт научил, что важно не только то, обладает ли вещь (объект удовлетворения) «хорошим» свойством, то есть заслуживает ли она принятия в Я, но и то, присутствует ли она во внешнем мире и, следовательно, можно ли ей завладеть, если потребуется. Чтобы понять это развитие, нужно вспомнить о том, что все представления происходят от восприятий, являются их повторениями. Таким образом, изначально уже само существование представления — это гарантия реальности представленного. Противоречие между субъективным и объективным не существует с самого начала. Оно возникает лишь вследствие того, что мышление обладает способностью оживлять в представлении посредством воспроизводства то, что когда-то было воспринято, хотя объект может уже и не существовать вовне. Следовательно, первая и ближайшая цель проверки реальности состоит не в том, чтобы в реальном восприятии найти объект, соответствующий представленному, а в том, чтобы *снова найти* его,

---

[1] См. в этой связи рассуждения в работе «Влечения и их судьбы [(1915*c*). с. 106–107 в этом томе]. — [Фрейд еще раз вернулся к этому вопросу в работе «Недомогание культуры» (1930*a*, *Studienausgabe*, т. 9, с. 200.]

убедиться, что он по-прежнему существует[1]. Еще один вклад в отрыв субъективного от объективного происходит из другой способности мышления. Репродукция восприятия в представлении не всегда бывает его точным повторением; она может быть модифицирована пропусками, изменена слиянием различных элементов. В таком случае проверка реальности должна контролировать, как далеко заходят эти искажения. Вместе с тем, условием для введения в действие проверки реальности признается то, что объекты, которые когда-то приносили реальное удовлетворение, потеряны.

Суждение — это интеллектуальный акт, благодаря которому принимается решение о выборе моторного акта, который прекращает отсрочку, создаваемую мышлением, и переводит мышление в действие. Об отсрочке, создаваемой мышлением, я также уже говорил в другом месте[2]. Ее следует рассматривать как пробное действие, моторное прощупывание с незначительными затратами отводимой энергии. Вспомним, где Я предпринимало прежде такое прощупывание, в каком месте была освоена техника, которая теперь применяется в процессах мышления? Это произошло на сенсорном окончании душевного аппарата, при восприятии с помощью органов чувств. Ведь согласно нашей гипотезе, восприятие — это не чисто пассивный процесс; Я периодически посылает небольшие количества катексиса в систе-

---

[1] [Многое из этого уже вскользь затрагивалось в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2. с. 538–540, а также в части I «Проекта» 1895 года (1950*a*), в шестнадцатом разделе («Узнавание и репродуцирующее мышление»). Здесь «объект», который надо найти заново, — это материнская грудь. Ср. также тезис, выдвинутый в аналогичном контексте, в разделе 5 «Трех очерков» (1905*d*), *Studienausgabe*. т. 5. с. 126: «Нахождение объекта — это, в сущности. его обретение вновь».]

[2] [Этот важный момент Фрейд повторяет неоднократно. Ср. «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*). с. 20 выше, где даются ссылки на еще более ранние работы. Позднее этот термин встречается в работах «Бессознательное» (1915*e*) и «Я и Оно» (1923*b*). с. 159 и 343 в этом томе. После данной работы эта идея рассматривается в 32-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), *Studienausgabe*, т. 1, с. 524. и, наконец. в главе VIII «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]). Впрочем, общая проблема суждения очень подробно и примерно в том же значении, что и здесь. уже обсуждалась в следующих разделах «Проекта» 1895 года (1950*a*). часть I: «Узнавание и репродуцирующее мышление», «Воспоминание и суждение», а также «Мышление и реальность».]

му восприятия, посредством которых оно «дегустирует» внешние раздражители, чтобы после каждой такой зондирующей вылазки отступить назад[1].

Изучение суждения, возможно, впервые позволяет увидеть нам возникновение интеллектуальной функции из взаимодействия первичных импульсов влечений. Суждение представляет собой целесообразное дальнейшее развитие включения в Я, первоначально следовавшего принципу удовольствия, или выталкивания из Я. Его полярность, по-видимому, соответствует противоположности двух предполагаемых нами групп влечений. Утверждение (как замена соединения) относится к эросу, отрицание (наследие выталкивания) — к деструктивному влечению. Общее удовольствие от отрицания, негативизм некоторых психотиков следует, вероятно, понимать как признак расслоения влечений в результате изъятия либидинозных компонентов[2]. Но выполнение функции суждения становится возможным только благодаря тому, что создание символа отрицания позволило мышлению обрести первую степень независимости от результатов вытеснения и вместе с тем также от гнета принципа удовольствия.

С таким пониманием отрицания вполне согласуется то, что при анализе мы не находим «нет» в бессознательном и что признание бессознательного со стороны Я выражается в негативной формулировке. Нет более веского доказательства удавшегося раскрытия бессознательного, чем реакция на него анализируемого в виде фразы: *«Этого я не думал»* или *«Об этом я (никогда) не думал»*[3].

---

[1] [См. «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), выше, с. 251–252, и «Заметка о "чудо-блокноте"» (1925*a*), выше, с. 395. Следует указать на то, что в последней из упомянутых работ Фрейд утверждает, что не Я, а *бессознательное* «посредством системы *В–Сз* протягивает во внешний мир щупальца».]

[2] [Ср. замечание в главе VI книги об остроумии (1905*c*), *Studienausgabe*, т. 4, с. 163, прим. 3.]

[3] [Почти в тех же словах Фрейд констатировал это еще в 1923 году, в примечании, добавленном к описанию случая «Доры» (1905*e*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 131. В поздней работе «Конструкции в анализе» (1937*d*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 401, он еще раз возвращается к этому.]

Фетишизм
(1927)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1927 *Almanach 1928*, 17–24.
1927 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 13 (3), 373–378.
1928 *G. S.*, т. 11, 395–401.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 220–227.
1948 *G.W.*, т. 14, 311–317.

Эта статья была завершена в конце первой недели августа 1927 года (Jones, 1962*a*, 167), а осенью того же года она почти одновременно появилась в «Альманахе 1928» и в последнем выпуске «Международного журнала».

В своем самом раннем обсуждении фетишизма в «Трех очерках» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 63–65, Фрейд писал: «Ни одна другая соприкасающаяся с патологией вариация сексуального влечения не вызывала у нас такого большого интереса...» И действительно, он не раз обращался к этой теме. В первом обсуждении пока еще ничего не выходит за констатацию факта: «В выборе фетиша проявляется... сохраняющееся влияние сексуального впечатления, полученного чаще всего в раннем детстве...» Этим же он ограничился, когда в написанном немного позднее очерке «Градива» (1907*a*) затронул тему фетишизма ноги (*Studienausgabe*, т. 10, с. 44–46). В следующий раз он обсуждал эту тему в докладе под названием «О генезе фетишизма», прочитанном 24 февраля 1909 года перед Венским психоаналитическим объединением» (Jones, 1962*a*, 214). В то время Фрейд как раз занимался подготовкой к печати анализа «Раттенманна» (1909*d*), и там он упоминает новую точку зрения, а именно связь фетишизма и реального удовольствия (*Studienausgabe*, т. 7, с. 102), о которой он более подробно высказался в примечании, добавленном в 1910 году, во втором издании «Трех очерков» (*Studienausgabe*, т. 5, с. 65, прим. 2). Вскоре после этого ему открылась другая, еще более важная связь, ибо такое же дополнительное примечание впервые содержит утверждение, что фетиш заменяет собой отсутствующий пенис женщины, играющий существенную роль в теориях сексуальности у детей; этим теориям незадолго до этого он посвятил одну из работ (1908*c*), ср. *Studienausgabe*, т. 5, с. 176–178. Это новое объяснение фетиша (как Фрейд упоминает ниже, с. 384, прим. 1) приводится также в очерке о Леонардо (1910*c*, *Studienausgabe*, т. 10, 5. 122), появившемся вскоре после добавления упомянутого примечания в «Трех очерках».

Особый вопрос о происхождении фетишизма ноги (на который есть ссылка в данной работе на с. 386 ниже) привлек внимание Фрейда несколько лет позднее. 11 марта 1914 он — опять-таки перед Венским психоаналитическим объединением — читал доклад озаглавленный «Случай фетишизма ноги». Он также остался неопубликованным, но, к счастью, у нас есть резюме этого доклада, сделанное Эрнестом Джонсом (1962*a*, 362–363). Объяснение выбора ноги в качестве фетиша — приближение к женским гениталиям снизу, — к которому он тогда пришел, Фрейд опубликовал в 1915 году в связи с третьим изданием «Трех очерков» в качестве нового дополнения к вышеуказанной сноске. Аналогичный случай Фрейд вкратце упоминает в 22-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 341–342. Настоящая работа важна для нас уже хотя бы потому, что в ней подытожены и развиваются прежние представления Фрейда о фетишизме, но все же она интересна главным образом в совершенно ином отношении, а именно новыми метапсихологическими идеями, которые здесь излагаются. Уже в течение многих лет до этого Фрейд применял концепцию «отрицания», в частности в отношении реакций детей на осознание анатомических различий между полами[1]. Опираясь на новые клинические наблюдения, в настоящей работе он приводит основания для гипотезы, что это «отрицание» должно предполагать расщепление в Я субъекта. В конце жизни Фрейд еще раз поднял этот вопрос, расширив его: в незавершенной, опубликованной уже после его смерти работе «Расщепление Я в процессе защиты» (1940*a* [1938]), с. 391 и далее в этом томе, и в последних абзацах главы VIII «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]). Хотя в обеих работах Фрейд специально останавливается на фетишизме, он подчеркивает, что это «расщепление Я» не является характерной особенностью лишь фетишизма — на самом деле оно встречается во многих других ситуациях, в которых Я сталкивается с необходимостью выстраивать защиту, и что расщепление Я происходит не только при отрицании, но и при вытеснении[2].

---

[1] См., например, специально посвященную этой теме работу (1925*j*), а также более ранние сочинения: «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*), «Экономическая проблема мазохизма (1924*c*) и «Потеря реальности при неврозе и психозе» (1924*f*) (две последние работы содержатся в настоящем томе).

[2] Пожалуй, эта идея появилась не на пустом месте, если посмотреть на ее истоки в записях, посланных Фрейдом 1 января 1896 года Флиссу (Freud, 1950*a*, рукопись «K»). В них Фрейд говорит о конечной фазе «защитных неврозов», которая приводит к аномальному развитию Я или к «изменению Я». Нечто похожее встречается даже еще раньше — в третьем разделе первой статьи о защитных невропсихозах (1894*a*).

В последние годы мне довелось аналитически изучать многих мужчин, у которых выбор объекта определялся фетишем. Не следует ожидать, что эти люди обратились к анализу из-за фетиша, поскольку, хотя фетиш и сознается его приверженцами как некая ненормальность, но только в редких случаях воспринимается как симптом болезни; чаще всего они вполне удовлетворены фетишем или даже хвалят послабления, которые тот предоставляет им в любовной жизни. Таким образом, фетиш играл, как правило, роль побочного симптома. По понятным причинам подробности этих случаев не могут быть опубликованы. Поэтому я не могу также показать, каким образом случайные обстоятельства способствовали выбору фетиша. Наиболее странным представляется случай, когда один молодой человек выдвинул фетишистским условием «глянец [Glanz] на носу». Это нашло неожиданное разъяснение благодаря тому факту, что пациент в детстве воспитывался в Англии, но затем приехал в Германию, где почти полностью забыл родной язык. Фетиш, происходящий из раннего детства, следовало читать не по-немецки, а по-английски; «глянец на носу», собственно говоря, был «взглядом на нос» (*glance* = взгляд), то есть нос был фетишем, которому, впрочем, он по своему усмотрению придал тот особый световой блеск, который другие заметить не могли.

Информация, которую дал анализ о смысле и цели фетиша, во всех случаях была одинаковой. Она выявлялась настолько естественно и казалась мне такой настоятельной, что я готов ожидать того же решения вообще для всех случаев фетишизма. Если я теперь сообщу, что фетиш — замена пениса, то этим, несомненно, вызову разочарование. Поэтому я спешу добавить, что это замена не любого, а определенного, совершенно особого пениса, который в ранние детские годы имеет большое значение, но впоследствии пропадает. Это значит: в нормальном случае от него нужно было бы отказаться, однако фетиш как раз и предназначен для того, чтобы оберегать его от гибели. Скажем яснее: фетиш — это замена фаллоса женщины (матери), в который верил мальчик и от которого — мы знаем, почему — он не хочет отказываться[1].

---

[1] Это толкование без обоснования приводилось еще в 1910 году в моем сочинении «Детское воспоминание Леонардо да Винчи». [*Studienausgabe*, т. 10, с. 122. Ср. «Предварительные замечания издателей», с. 407–408 выше.]

Следовательно, ход событий был таков: мальчик отказался считаться с тем фактом своего восприятия, что женщина не обладает пенисом. Нет, этого не может быть, ибо, если женщина кастрирована, то это значит, что существует угроза и обладанию собственным пенисом, и этому противится часть нарцизма, которым природа заботливо наделила именно этот орган. Сходную панику, вероятно, будет испытывать позднее взрослый, когда раздастся крик, что трон и алтарь в опасности, и она приведет к таким же нелогичным выводам. Если не ошибаюсь, Лафорг в этом случае сказал бы, что мальчик «скотомизирует» восприятие отсутствия пениса у женщины[1]. Новый термин правомерен тогда, когда он описывает или выделяет новые факты. Здесь этого не происходит; самая давняя часть нашей психоаналитической терминологии, слово «вытеснение», уже относится к этому патологическому процессу. Если хочется более строго отделить в нем судьбу представления от судьбы аффекта[2], зарезервировать выражение «вытеснение» для аффекта, то правильным немецким обозначением для судьбы представления было бы «Verleugnung»[3]. Термин «скотомизация» кажется мне особенно непригодным, ибо он пробуждает идею, будто восприятие полностью исчезло, в результате того, что зрительное впечатление словно попало на слепое пятно сетчатки. Однако наша ситуация показывает, напротив, что восприятие сохранилось и что была предпринята весьма энергичная акция, чтобы поддержать отрицание. Неверно, что ребенок после своих наблюдений за женщиной оставил свою веру в фаллос женщины неизменной. Он сохранил эту веру, но и отказался от нее; в конфликте между грузом нежелательного

---

[1] Однако я сам себя поправлю, добавив, что у меня есть все основания допустить, что Лафорг вообще такого не говорил. По его собственным словам [Laforgue, 1926], «скотомизация» — это термин, который происходит из описания *dementia praecox*, он не возник в результате переноса психоаналитических представлений на психозы и не применяется к процессам развития и образования неврозов. Своими рассуждениями в тексте я пытаюсь продемонстрировать эту несовместимость.

[2] [Ср. «Вытеснение» (1915*d*), с. 121–122 выше.]

[3] [Отрицание. — *Примечание переводчика*. — В главе VIII «Очерка психоанализа» (1940*a*) [1938]) Фрейд проводит другое разграничение между двумя терминами с точки зрения их применения: «вытеснение» относится к защите от поступающих изнутри требований влечений, «отрицание» — к защите от требований внешней реальности.]

восприятия и силой противоположного желания он пришел к компромиссу, как это бывает возможно только при господстве бессознательных законов мышления — первичных процессов. Более того, в психической сфере у женщины все же есть пенис, но этот пенис уже не такой, каким он был раньше. Вместо него появилось нечто иное, так сказать, в качестве замены, и теперь оно становится наследником интереса, который проявлялся к прежнему. Однако этот интерес еще и чрезвычайно усиливается, поскольку боязнь кастрации увековечила себя, создав эту замену. В качестве *stigma indelebile* произошедшего вытеснения остается также отчужденность от настоящих женских гениталий, которая присуща любому фетишисту. Рассмотрим теперь, что делает фетиш и почему он сохраняется. Он остается знаком триумфа над угрозой кастрации и защитой от нее, он также удерживает фетишиста от того, чтобы стать гомосексуалистом, придавая женщине тот характер, благодаря которому ее можно вытерпеть как сексуальный объект. В последующей жизни фетишист считает, что может пользоваться и еще одним преимуществом своего заменителя гениталий. Фетиш не воспринимается другими людьми в его значении и поэтому не отвергается, он легко доступен, а получать связанное с ним сексуальное удовлетворение удобно. То, чего домогаются и ради чего приходится стараться другим мужчинам, фетишисту не доставляет никаких затруднений.

Вероятно, от страха кастрации при виде женских гениталий не удается уберечься ни одному человеческому существу мужского пола. Правда, почему одни из-за этого впечатления становятся гомосексуалистами, другие защищаются от него путем создания фетиша, а подавляющее большинство его преодолевает, — этого мы объяснить не можем. Возможно, мы не пока еще знаем среди множества взаимодействующих условий те, которые являются определяющими для редких патологических исходов; впрочем, мы должны быть довольны, если сумеем объяснить, что произошло, а задачу объяснить, почему что-то не произошло, временно можем оставить.

Можно ожидать, что для замены отсутствующего женского фаллоса будут выбираться такие органы или объекты, которые, кроме того, в качестве символов представляют пенис. Это происходит достаточно часто, но, несомненно, не является определяющим. При возникновении фетиша, по-видимому, приостанавливается некий процесс, который напоминает фиксацию

воспоминания при травматической амнезии. Также и здесь интерес словно останавливается на полпути; например, последнее впечатление перед жутким, травматическим событием закрепляется в виде фетиша. Таким образом, нога или обувь — или их части — обязаны своим предпочтением в качестве фетиша тому обстоятельству, что любопытство мальчика проявлялось снизу вверх, от ног к женским гениталиям[1]; мех и бархат фиксируют — как давно предполагалось — вид волосяного покрова гениталий, за которым должен последовать вид вожделенного женского члена; столь часто избираемые в качестве фетиша предметы нижнего белья фиксируют момент раздевания, последний, когда женщину еще можно было считать фаллической. Однако я не хочу утверждать, что детерминацию фетиша каждый раз можно определить с полной уверенностью. Исследование фетишизма необходимо настоятельно рекомендовать всем, кто все еще сомневается в существовании комплекса кастрации или считает, что страх перед женскими гениталиями имеет другую причину, например, проистекает от предполагаемого воспоминания о травме рождения[2]. Для меня объяснение фетиша было связано еще и с другим теоретическим интересом.

Недавно чисто умозрительно я вывел тезис, что основное различие между неврозом и психозом состоит в том, что в первом случае Я, служащее реальности, подавляет часть Оно, тогда как при психозе Я, увлеченное Оно, отказывается от части реальности; позднее я еще раз вернулся к этой теме[3]. Однако вскоре у меня появился повод сожалеть, что я осмелился пойти так далеко в своих рассуждениях. Из анализа двух молодых мужчин я узнал, что оба они отказались признать, «скотомизировали» смерть любимого отца на втором и десятом году жизни — и все же ни у одного из них не развился психоз. То есть здесь Я отвергло, несомненно, важную часть реальности, подобно тому, как у фетишиста отвергается неприятный факт кастрации женщины. Я начал также догадываться, что аналогичные события в жизни детей отнюдь не редки, и мог считать себя уличенным в ошибочной характеристике невроза и психоза. Правда, выход из положения нашелся; моей формулировке нужно было выдерживать

---

[1] [Ср. «Предварительные замечания издателей, выше, с. 407.]

[2] [Ср. Ранк (1924, 22–24).]

[3] «Невроз и психоз» (1924*b*) и «Потеря реальности при неврозе и психозе» (1924*f*) [обе работы представлены в настоящем томе].

проверку только при более высокой степени дифференциации психического аппарата; ребенку могло быть позволено то, что у взрослого должно наказываться серьезным нарушением. Однако дальнейшие исследования привели к другому разрешению противоречия.

Как выяснилось, оба молодых человека столь же мало «скотомизировали» смерть отца, как фетишисты — кастрацию женщины. Это было лишь течение в их душевной жизни, которое не признавало смерть отца; существовало также другое течение, которое полностью считалось с этим фактом; установка, сообразная желанию, и установка, сообразная реальности, существовали рядом друг с другом. У одного из этих двух моих пациентов такое расщепление стало причиной невроза навязчивости средней тяжести; во всех жизненных ситуациях он колебался между двумя предположениями: одним, что отец все еще жив и препятствует его деятельности, и противоположной, что он вправе рассматривать себя в качестве наследника умершего отца. Таким образом, я могу ожидать, что в случае психоза одно течение — сообразное реальности — действительно будет отсутствовать.

Возвращаясь к описанию фетишизма, я должен указать, что имеются многочисленные важные доказательства противоречивой установки фетишиста в вопросе о кастрации женщины. В совершенно очевидных случаях в построении самого фетиша проявляются как отрицание, так и утверждение кастрации. Так это было у мужчины, фетиш которого состоял в набедренной повязке, которую можно носить также как плавки. Эта часть одежды означала гениталии в целом и отличие от гениталий. По данным анализа, она означала также, что женщина как кастрирована, так и не кастрирована, и, кроме того, допускала предположение о кастрации мужчины, ибо все эти возможности могли одинаково хорошо скрываться за этой повязкой, начало которому было положено в детстве фиговым листком одной статуи. Разумеется, такой фетиш, двояким образом обусловленный противоречиями, удерживается особенно хорошо. В других случаях расщепленность проявляется в том, что фетишист делает что-либо — в действительности или в фантазии — со своим фетишем. Если мы подчеркнем, что он почитает фетиш, то это объяснение не будет исчерпывающим; во многих случаях он обращается с ним таким способом, который явно тождественен изображению кастрации. Это происходит — особенно тогда, когда развилась силь-

нейшая идентификация с отцом — в роли отца, ибо именно ему ребенок приписал кастрацию женщины. Нежность и враждебность в обращении с фетишем, которые эквивалентны отрицанию и признанию кастрации, смешиваются в разных случаях в разной степени, в результате чего более отчетливо проявляется или та, или другая. Отсюда, думается, можно понять — пусть и издалека — поведение человека, отрезающего косу[1], в котором на первый план выдвинулась потребность осуществить отрицаемую кастрацию. Его действие объединяет в себе два несовместимых друг с другом утверждения: женщина сохранила пенис, и отец кастрировал женщину. Другой вариант, но также этнологическую параллель с фетишизмом можно усмотреть в обычае китайцев сначала изувечить женскую ногу, а затем изувеченную ногу почитать как фетиш. Наверное, можно предположить, что китайский мужчина хочет отблагодарить женщину за то, что она подверглась кастрации.

В заключение можно сказать, что обычный прототип фетиша — это пенис мужчины, равно как прототип неполноценного органа — реальный маленький пенис женщины, клитор[2].

---

[1] [Данное здесь объяснение частично было представлено еще в очерке о Леонардо (1910*c*), *Studienausgabe*, т. 10, с. 122.]

[2] [Намек на выделение Адлером «неполноценности органов» как основы всех неврозов. Ср. примечание в работе «Некоторые психические последствия анатомического различия между полами» (1925*j*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 262, прим. 1, и более обстоятельное обсуждение в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), *Studienausgabe*, т. 1, с. 503–504.]

Расщепление Я в процессе защиты (1940 [1938])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1940 *Int. Z. Psychoanal. Imago,* т. 25 (3/4), 241–244.
1941 *G. W.*, т. 17, 57–62.

Рукопись этой важной работы, которая так и осталась незавершенной и была опубликована только после смерти Фрейда, датирована 2 января 1938 года; согласно Эрнесту Джонсу (1962*e*, 282), она была написана в рождественские праздники 1937 года.

В этой работе продолжается исследование Я и его функционирования в случае особых нагрузок. При этом речь идет о двух взаимосвязанных темах, которые именно тогда интересовали Фрейда: представление об акте «отрицания», а также о «расщеплении Я», которое из него вытекает. Обычно — и здесь также — Фрейд обсуждает отрицание в связи с комплексом кастрации. Соответствующую дискуссию можно найти, например, в работе «Об инфантильной генитальной организации» (1923*c*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 239; пожалуй, наиболее важное из поздних описаний содержится в небольшом очерке под названием «Фетишизм» (1927*e*), с. 412–413 выше, а ее продолжением можно считать настоящую работу, поскольку в первом исследовании делается акцент на расщеплении Я вследствие отрицания. (См. выше, на с. 408, «Предварительные замечания издателей» к этой работе.) На это указывалось еще в статье «Невроз и психоз» (1924*b*), с. 359 выше.

Хотя по неизвестным причинам Фрейд не завершил настоящую работу, через некоторое время он еще раз обратился к этой теме на последних двух-трех страницах главы VIII «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]). Однако там он не ограничивает применение идеи о расщеплении Я случаями фетишизма и психозов и распространяет ее на неврозы в целом. Тем самым эта тема связывается с другими вопросами «изменения Я», которое является неизбежным следствием защитных процессов. Этой проблемой Фрейд также занимался в последние годы жизни, а именно в работе, посвященной технике лечения, «Конечный и бесконечный анализ» (1937*c*, в частности в разделе V, *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 374 и далее); и это возвращает нас к самым ранним его сочинениям, а именно ко второй работе о защитных невропсихозах (1896*b*), а также к еще более ранней рукописи «K» из переписки с Флиссом (1950*a*).

В настоящий момент я нахожусь в интересной ситуации, не зная, оценить ли то, что я хочу сообщить, как давно известное и само собой разумеющееся или как нечто совершенно новое и удивительное. Но я все же больше склоняюсь к последнему.

В конце концов мне бросилось в глаза, что юное Я человека, с которым через несколько десятилетий знакомишься как с аналитическим пациентом, в определенных ситуациях притеснения вело себя странным образом. Условие этого можно указать в целом и скорее неопределенно, сказав, что это происходит под влиянием психической травмы. Я предпочитаю выделить четко описанный отдельный случай, который, разумеется, не охватывает полностью все возможные причинные связи. Итак, Я ребенка находится на службе могущественного требования влечения, которое оно приучено удовлетворять; внезапно его пугает переживание, которое учит Я, что, если оно и дальше будет получать это удовлетворение, то следствием будет трудно переносимая реальная опасность. Теперь Я должно решить: либо признать реальную опасность, склониться перед ней и отказаться от удовлетворения влечения, либо отрицать реальность, заставить себя поверить, что нет никакой причины для боязни, а потому можно не отказываться от удовлетворения. Таким образом, это конфликт между требованием влечения и возражением со стороны реальности. Но ребенок не делает ни того, ни другого; точнее, он делает одновременно и то и другое, что сводится к тому же самому. Он отвечает на конфликт двумя противоположными реакциями, действенными и санкционированными. С одной стороны, с помощью определенных механизмов он отвергает реальность и ничего себе не запрещает, с другой стороны, он тут же признает опасность реальности, испытывает страх перед ней как болезненный симптом, а позднее пытается защититься от него. Нужно признать, что это очень ловкое решение проблемы. Обе борющиеся стороны получили свою долю; влечение может сохранить свое удовлетворение, реальности оказано должное уважение. Но, как известно, даром бывает только смерть.

Успех был достигнут за счет образования трещины в Я, которая уже никогда не заживет, а с течением времени будет только увеличиваться. Эти две противоположные реакции на конфликт сохраняются в качестве ядра расщепления Я. Весь процесс кажется нам таким странным из-за того, что мы считаем синтез процессов в Я чем-то само собой разумеющимся[1]. Но, очевидно, здесь мы не правы. У такой чрезвычайно важной функции Я, как синтетическая, есть свои особые условия, и она подвержена целому ряду нарушений.

Мы будем только в выигрыше, если в это схематическое изображение я добавлю сведения из одной особой истории болезни. Один мальчик в возрасте между тремя и четырьмя годами познакомился с женскими гениталиями вследствие совращения со стороны более взрослой девочки. После разрыва этих отношений он продолжает достигать полученное таким образом сексуальное возбуждение посредством интенсивного мануального онанизма, но вскоре его застает за этим занятием энергичная няня и угрожает ему кастрацией, осуществление которой, как обычно, возлагается на отца. В этом случае есть все условия для воздействия сильнейшего страха. Сама по себе угроза кастрации, видимо, не производит большого впечатления, ребенок отказывается в нее верить, ему нелегко представить себе, что возможно отделение столь ценной части тела. При виде женских гениталий ребенок мог бы убедиться в такой возможности, однако в то время ребенок не сделал такого вывода, поскольку антипатия была слишком велика и не существовало мотива, который бы его к этому вынудил. Напротив, если возникало неприятное чувство, то ребенка успокаивали информацией: то, чего нет, еще появится, он — член — вырастет у нее позднее. Кто достаточно наблюдал за маленькими мальчиками, может вспомнить такое высказывание при виде гениталий младшей сестры. Однако дело

---

[1] [См., например, отрывок в 31-й лекции «Нового цикла» (1933*a*), *Studienausgabe*, т. 1, с. 513. Хотя Фрейд подчеркивает синтетическую тенденцию Я главным образом в своих более поздних сочинениях, прежде всего в главе III работы «Торможение, симптом и страх» (1926*d*), а также в «Вопросе о дилетантском анализе» (1926*e*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 288, такое понимание с самого начала относилось к его образу Я. См., например, выражение, постоянно использовавшееся им в период работы с Брейером для характеристики представлений, которые должны быть вытеснены: они «несовместимы», то есть не могут быть синтезированы Я.]

обстоит иначе, когда оба момента совпали. В таком случае угроза пробуждает воспоминание о восприятии, считавшемся безобидным, и находит в нем страшное подтверждение. Мальчику теперь кажется, что он понимает, почему в гениталиях девочки не оказалось пениса, и он не смеет более сомневаться, что с его собственными гениталиями может случиться то же самое. Отныне он вынужден верить в реальность угрозы кастрации.

Обычное, считающееся нормальным следствие страха кастрации теперь заключается в том, что мальчик поддается угрозе, в полном или, по крайней мере, частичном повиновении, не поднося больше руку к гениталиям, либо сразу, либо после продолжительной борьбы, то есть полностью или частично отказавшись от удовлетворения влечения. Однако мы подготовлены к тому, что наш пациент сумел помочь себе по-другому. Он создал себе замену для отсутствующего пениса женщины, фетиш. Тем самым он, отрицая реальность, сумел все же спасти собственный пенис. После того как он отказался признать, что женщина лишилась пениса, услышанная им угроза утратила свое правдоподобие; теперь ему не нужно было бояться также и за свой пенис, и он мог спокойно продолжать мастурбировать. Этот акт нашего пациента производит на нас впечатление ухода от реальности, процесса, который мы приписали бы психозу. Он действительно не сильно отличается, но мы все же хотим временно отложить вынесение суждения, поскольку при ближайшем рассмотрении обнаруживаем немаловажное различие. Мальчик не просто противоречил своему восприятию, галлюцинируя пенис там, где его не было видно, а произвел лишь смещение ценностей, перенеся значение пениса на другую часть тела; при этом ему пришел на помощь — способом, который мы здесь не приводим — механизм регрессии. Правда, это смещение относилось лишь к телу женщины; для его собственного пениса ничего не изменилось.

Это, можно сказать, замысловатое обращение с реальностью оказывается определяющим для практического поведения мальчика. Он продолжает заниматься мастурбацией, словно она не может нести никакой угрозы для пениса, но вместе с тем в полном противоречии с кажущейся смелостью или беззаботностью развивает некий симптом, который доказывает, что эту угрозу он все-таки признает. Ему угрожали, что отец его кастрирует, и непосредственно после этого, одновременно с созданием фетиша, у него возникает сильнейший страх наказания со сто-

роны отца, который будет занимать его долгое время, который он может преодолеть и сверхкомпенсировать, лишь проявляя всю свою мужественность. Также и этот страх перед отцом ничего не говорит о кастрации. С помощью регрессии на оральную фазу он (страх) проявляется как страх оказаться съеденным отцом. Невозможно не вспомнить здесь о древнегреческом мифе, в котором рассказывается, как старый бог-отец Кронос проглатывает своих детей и хочет проглотить также младшего сына, Зевса, и как Зевс, спасенный благодаря хитрости матери, впоследствии оскопляет отца. Возвращаясь к нашему пациенту, добавим, что он создал еще один, хотя и незначительный симптом, который сохраняется у него и по сей день, — боязливую чувствительность обоих мизинцев ног к прикосновению, как будто еще более ясно выражая прежние метания от отрицания к признанию кастрации...

Приложение

БИБЛИОГРАФИЯ

Предварительное замечание. Названия книг и журналов выделены курсивом, названия статей в журналах или книгах заключены в кавычки. Сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (Лондон, 1963–1965). Другие используемые в этом томе сокращения разъясняются в «Списке сокращений» на с. 439. Цифры в круглых скобках в конце библиографических пометок означают страницы данного тома, где даются ссылки на данную работу. Выделенные курсивом буквы после указания года издания приведенных ниже сочинений Фрейда относятся к библиографии Фрейда, представленной в последнем томе англоязычного собрания сочинений «Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud». Расширенный вариант этой библиографии на немецком языке содержится в томе «Freud-Bibliographie mit Werkkonkordanz», подготовленном Ингеборг Мейер-Пальмедо и Герхардом Фихтнером (издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1989). Список авторов, труды которых не относятся к научной литературе, или ученых, труды которых не упоминаются, см. в разделе «Именной указатель».

Abraham, K. — (1908) «Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox», *Zentbl. Nervenheilk.*, N. F. Bd. 19, S. 521.

(1912) «Ansätze zur psychoanalytischen Erforschung und Behandlung des manisch-depressiven Irreseins und verwandter Zustände», *Zentbl. Psychoanal.*, Bd. 2, S. 302. Neuausgabe in: K. Abraham, Psychoanalytische Studien II, hrsg. von J. Cremerius, Conditio humana, Frankfurt am Main, 1971, S. 146.

Adler, A — (1907) *Studie über Minderwertigkeit von Organen.* Berlin und Wien.

(1908) «Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neuroses», *Fortschr. Med.*, Bd. 26, S. 577.

(1910) «Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose», Fortshr. Med., Bd. 28, S. 486.

Aristoteles — De somniis

De divinatione per somnum.

Azam, E. — (1876) «Amnésie périodique ou dédoublement de la vie», *Ann. med. psychol.* (5. Serie), т. 16, с. 5.

(1887) *Hypnotisme, double conscience, et altérations de la personnalité*, Paris.

Bernheim, H. — (1886) *De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique*, Paris. (2-е изд., Paris, 1887.)

Binswanger, L. — (1955) *Erinnerungen an Sigmund Freud*, Bern.

Bleuler, E. — (1910) «Vortrag über Ambivalenz» (Bern), Bericht in *Zentbl. Psychoanal*, Bd. l, S. 266.

(1911) *Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien*, Leipzig und Wien.

(1912) *Das autistische Denken*, Leipzig und Wien.

(1914) «Die Kritiken der Schizophrenien», *Z. ges. Neurol. Psychiat.*,Bd. 22, S. 19.

Breuer, J., Freud, S. — *См.* Freud, S. (1893*a*)

(1895) *См.* Freud, S. (1895*d*)

Butler, Samuel — (1880) *Unconscious Memory*, London.

Doflin, F. — (1919) *Das Problem des Todes und der Unsterblichkeit bei den Pflanzen und Tieren*, Jena.

Ellis, Havelock — (1898) «Auto-Erotism: a Psychological Study, *Alien.& Neural.*, Bd. 19, S. 260.

(1927) «The Conception of Narcissism», *Psychoanal. Rev.*, Bd. 14, S. 129; *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VII: *Eonism and Other Supplementary Studies*. Philadelphia, 192*S*, глава VI.

Fechner, G. T. — (1873) *Einige Ideen zur Schöpfungs- und Entwicklungsgeschichte der Organismen*, Leipzig.

Federn, P. — (1913) «Beitrage zur Analyse des Sadismus und Masochismus, I: Die Quellen des männlichen Sadismus», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, Bd. l, S. 29.

Ferenczi, S. — (1909) «Introjektion und Übertragung», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, Bd. l, S. 422. Переизда-

ние: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse I*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1970, S. 12.

(1913*a*) «Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, Bd. l, S. 124. Ïåðåèçäàíèå: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse I*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1970, S. 148.

(1913*b*) Referat über C. G. Jung, *Wandlungen und Symbole der Libido* (Leipzig und Wien, 1912), *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, Bd. l, S. 391.

(1919) «Hysterische Materialisationsphänomene: Gedanken zur Auffassung der hysterischen Konversion und Symbolik-, in: *Hysterie und Pathoneurosen*, Leipzig und Wien. Переиздание: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse II*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1972, S. 11.

et al. (1919) *Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen*, Leipzig und Wien. *Internationale Psychoanalytische Bibliothek*, Nr. 1.

Ferenczi, S., Hollos, S. (1922) *Zur Psychoanalyse der paralytischen Geistesstörung*, Wien.

Finkelnburg, F. C. (1870) Niederrheinische Gesellschaft, Sitzung vom 21. März 1870 in Bonn, *Berl. klin. Wschr.*, Bd. 7, S. 449, 460.

Fliess, W. (1906) *Der Ablauf des Lebens*, Wien.

Freud, S. (1888–1989) Перевод с предисловием и примечаниями: H. Bernheim, *De la Suggestion et de ses applications à la thérapeutique*, Paris, 1886, под названием *Die Suggestion und ihre Heilwirkung*, Вена (2-я часть переведена О. фон Шпрингером). (2-е изд., под ред. М. Кахане, Вена, 1896.) Предисловие в: *G. W.*, доп. том., с. 109; ссылка на с. 119, прим.

(1891*b*) *Zur Auffassung der Aphasien*, Wien.

(1893*a*), Breuer, J., «Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene; Vorläufige Mitteilung», *G. W.*, Bd. 1, S. 81; abgedruckt in: J. Breuer und S. Freud, *Studien über Hysterie* (Fischer Taschenbuch Verlag). Frankfurt am Main, 1970.

(1893*c*) «Quelques considérations pour une étude comparative des paralysies motrices organiques et hystériques». *G. W.*, Bd. 1, S. 39.

(1893*h*) Vortrag: «Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene», G. W., доп. том., с. 181; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 9.

(1894*a*) «Die Abwehr-Neuropsychosen», *G. W.*, Bd. 1, S. 59.

(1895*e* [1894]) «Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen», *G. W.*, Bd. 1, S. 315; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 25.

(1895*d*), Breuer, J., *Studie über Hysterie*, Wien; Neuausgabe (Fischer Taschenbuch Verlag), Frankfurt am Main. 1970. *G. W.*, Bd. 1, S. 75; Nachtr., S. 217, 221.

(1896*b*) «Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuro-Psychosen», *G. W.*, Bd. 1, S. 379.

(1903*a*) *Die Traumdeutung*, Wien. *G. W.*, Bd. 2–3; *Studienausgabe*, Bd. 2.

(1901*b*) *Zur Psychopathologie des Alltagslebens*, Berlin, 1904. *G. W.*, Bd. 4.

(1905*c*) *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*, Wien. *G. W.*, Bd. 6; *Studienausgabe*, Bd. 4, S. 9.

(1905*d*) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, Wien. *G. W.*, Bd. 5, S. 29; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 37.

(1905*e* [1901]) «Bruchstück einer Hysterie-Analyse» *G. W.*, Bd. 5, S. 163; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 83.

(1906*a*) «Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen», *G. W.*, Bd. 5, S. 149; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 147.

(1906*f*) Antwort auf eine Rundfrage *Vom Lesen und von guten Büchern*. *G. W.*, Nachtr.. S. 662.

(1907*a*) *Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva»*, Wien. *G. W.*, Bd. 7, S. 31; *Studienausgabe*, Bd. 10, S. 9.

(1907*b*) «Zwangshandlungen und Religionsübungen», *G. W.*, Bd. 7, S. 129; *Studienausgabe*. Bd. 7, S. 11.

(1908*a*) «Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität», *G. W.*, Bd. 7, S. 191; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 187.

(1908*b*) «Charakter und Analerotik», *G. W.*, Bd. 7, S. 203; *Studienausgabe*, Bd. 7, S. 23.

(1908*c*) «Über infantile Sexualtheorien», *G. W.*, Bd. 7, S. 171; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 169.

(1908e [1907]) «Der Dichter und das Phantasieren», *G. W.*, Bd. 7, S. 213; *Studienausgabe*, Bd. 10, S. 169.

(1909*a* [1908] «Allgemeines über den hysterischen Anfall», *G. W.*, Bd. 7, S. 235; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 197.

(1909*b*) «Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben», *G. W.*, Bd. 7, S. 241; *Studienausgabe*, Bd. 8, S. 9.

(1909*d)* «Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose» *G. W.*, Bd. 7, S. 381; *Studienausgabe*, Bd. 7, S. 31.

(1910*c*) *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci*, Wien. *G. W.*, Bd. 8, S. 128; *Studienausgabe*, Bd. 10, S. 87.

(1910*g*) «Zur Selbstmord-Diskussion», *G. W.*. Bd. 8, S. 62.

(1910*i*) «Die psychogene Sehstörung in psychoanalytischer Auffassung», *G. W.*, Bd. 8, S. 94; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 205.

(1911*b*) «Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens», *G. W.*, Bd. 8, S. 230; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 13.

(1911*c* [1910]) «Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides)», *G. W.*, Bd. 8, S. 240; *Studienausgabe*, Bd. 7, S. 133.

(1912*b*) «Zur Dynamik der Übertragung», *G. W.*, Bd. 8, S. 364; *Studienausgabe*, Ergänzungsband, S. 157.

(1912*c*) «Über neurotische Erkrankungstypen», *G. W.*, Bd. 8, S. 322; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 215.

(1912*d*) «Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens», *G. W.*, Bd. 8, S. 78; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 197.

(1912*f*) «Zur Onanie-Diskussion», *G. W.*, Bd. 8, S. 332.

(1912*g*) «A Note on the Unconscious in Psycho-Analysis» (на английском языке), *Standard Ed.*, vol. 12, p. 257. [*Немецкий перевод* Ганса Закса: «Einige Bemerkungen über den Begriff des Unbewußten in der Psychoanalyse» *G. W.*, Bd. 8, S. 430; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 25.]

(1912–1913) *Totem und Tabu*, Wien 1913. *G. W.*, Bd. 9; *Studienausgabe*, Bd. 9, S. 287.

(1913*c*) «Weitere Ratschläge zur Technik der Psychoanalyse: 1. Zur Einleitung der Behandlung», *G. W.*, Bd. 8, S. 454; *Studienausgabe*, Ergänzungsband, S. 181.

(1913*i*) «Die Disposition zur Zwangsneurose», *G. W.*, Bd. 8, S. 442; *Studienausgabe*, Bd. 7, S. 105.

(1914*c*) «Zur Einführung des Narzißmus», *G. W.*, Bd. 10, S. 138; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 37.

(1914*d*) Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung», *G. W.*, Bd. 10, S. 43.

(1914*g*) «Weitere Ratschläge zur Technik der Psychoanalyse: II. Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten», *G. W.*, Bd. 10, S. 126; *Studienausgabe*, Ergänzungsband, S. 205.

(1915*b*) «Zeitgemäßes über Krieg und Tod., *G. W.*, Bd. 10, S. 324; *Studienausgabe*, Bd. 9, S. 33.

(1915*c*) «Triebe und Triebschicksale., *G. W.*, Bd. 10, S. 210; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 75.

(1915*d*) «Die Verdrängung», *G. W.*, Bd. 10. S. 248; *Studienausgabe*. Bd. 3, S. 103.

(1915*e*) «Das Unbewußte», *G. W.*, Bd. 10, S. 264; *Studienausgabe*, Bd. 3. S. 119.

(1916*d*) «Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit», *G. W.*, Bd. 10, S. 364; *Studienausgabe*, Bd. 10, S. 229.

(1916–1917 [1915–1917]) *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, Bd. 11; *Studienausgabe*, Bd. l, S. 33.

(1917*a*) «Eine Schwierigkeit der Psychoanalyse», *G. W.*, Bd. 12, S. 3.

(1917*b*) «Eine Kindheitserinnerung aus *Dichtung und Wahrheit*», *G. W.*, Bd. 12, S. 15; *Studienausgabe*, Bd. 10, S. 255.

(1917*d* [1915]) «Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre» *G. W.*. Bd. 10, S. 412; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 175.

(1917e [1915]) «Trauer und Melancholie», *G. W.*, Bd. 10, S. 428; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 193.

(1918*b*) [1914]) «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose», *G. W.*, Bd. 12, S. 29; *Studienausgabe*, Bd. 8, S. 125.

(1919*d*) Einleitung zu *Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen*, Wien. *G. W.*, Bd. 12, S. 321.

(1919*e*) «"Ein Kind wird geschlagen"», *G. W.*, Bd. 12, S. 197; *Studienausgabe*, Bd. 7, S. 229.

(1919*h*) «Das Unheimliche» *G. W.*, Bd. 12, S. 229; *Studienausgabe*, Bd. 4, S. 241.

(1920*a*) «Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualität», *G. W.*, Bd. 12, S. 71; *Studienausgabe*, Bd. 7, S. 255.

(1920*g*) *Jenseits des Lustprinzips*, Wien. *G. W.*, Bd. 13, S. 3; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 213.

(1921*b*) Introduction [на английском языке]: Varendonck, *The Psychology of Day-Dreams*, London. [Вариант на немецком языке (не полностью): *G. W.*, Bd. 13, S. 439.]

(1921*c*) *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, Wien. *G. W.*, Bd. 13, S. 73; *Studienausgabe*, Bd. 9, S. 61.

(1922*b*) [1921]) «Über einige neurotische Mechanismen bei Eifersucht, Paranoia und Homosexualität», *G. W.*, Bd. 13, S. 195; *Studienausgabe*, Bd. 7, S. 217.

(1922*f*) «Etwas vom Unbewußten», *G. W.*, Nachtr., S. 730.

(1923a [1922]) «"Psychoanalyse" und "Libidotheorie"», *G. W.*, Bd. 13, S. 211.

(1923*b*) *Das Ich und das Es*, Wien. *G. W.*, Bd. 13, S. 237; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 273.

(1923*c*) [1922]) «Bemerkungen zur Theorie und Praxis der Traumdeutung», *G. W.*, Bd. 13, S. 301; *Studienausgabe*, Ergänzungsband, S. 257.

(1923e) «Die infantile Genitalorganisation», *G. W.*, Bd. 13, S. 293; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 235.

(1924*b* [1923]) «Neurose und Psychose», *G. W.*, Bd. 13, S. 387; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 331.

(1924*c*) «Das ökonomische Problem des Masochismus», *G. W.*, Bd. 13, S. 371; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 339.

(1924*d*) «Der Untergang des Ödipuskomplexes», *G. W.*, Bd. 13, S. 395; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 243.

(1924*e*) «Der Realitätsverlust bei Neurose und Psychose», *G. W.*, Bd. 13, S. 363; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 355.

(1925*a* [1924]) «Notiz über den "Wunderblock"», *G. W.*, Bd. 14, S. 3; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 363.

(1925*d* [1924]) *Selbstdarstellung*, Wien. 1934. *G. W.*, Bd. 14, S. 33.

(1925*h*) «Die Verneinung», *G. W.*, Bd. 14, S. 11; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 371.

(1925*i*) «Einige Nachträge zum Ganzen der Traumdeutung», *G. W.*, Bd. l, S. 561.

(1925*j*) «Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds», *G. W.*, Bd. 14, S. 19; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 253.

(1926*d* [1925]) *Hemmung, Symptom und Angst*, Wien. *G. W.*, Bd. 14, S. 113; *Studienausgabe*, Bd. 6, S. 227.

(1926*e*) *Die Frage der Laienanalyse*, Wien. *G. W.*, Bd. 14, S. 209; *Studienausgabe*, Ergänzungsband, S. 271.

(1926*g*) Перевод с примечанием части I, § 13: «Samuel Butler», I. Levine, *The Unconscious*, London. 1923. [*Немецкая редакция:* Fußnote über Hering, *G. W.*, Nachtr.. S. 770; *Studienausgabe*, Bd. 3. S. 163.]

(1927*c*) *Die Zukunft einer Illusion*, Wien. *G. W.*, Bd. 14, S. 325; *Studienausgabe*, Bd. 9, S. 135.

(1927*d*) «Der Humor», *G. W.*, Bd. 14, S. 383; *Studienausgabe*. Bd. 4, S. 275.

(1927*e*) «Fetischismus», *G. W.*, Bd. 14, S. 311; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 379.

(1928*b*) «Dostojewski und die Vatertötung», *G. W.*, Bd. 14, S. 399; *Studienausgabe*, Bd. 10, S. 267.

(1930a [1929]) *Das Unbehagen in der Kultur*. Wien. *G. W.*, Bd. 14, S. 421; *Studienausgabe*, Bd. 9, S. 191.

(1931*b*) «Über die weibliche Sexualität», *G. W.*, Bd. 14, S. 517; *Studienausgabe*, Bd. 5, S. 273.

(1933*a* [1932]) *Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, Bd. 15; *Studienausgabe*. Bd. l, S. 447.

(1937*c*) «Die endliche und die unendliche Analyse», *G. W.*, Bd. 16, S. 59; *Studienausgabe*, Ergänzungsband, S. 351.

(1937*d*) «Konstruktionen in der Analyse», *G. W.*, Bd. 16, S. 43; *Studienausgabe*, Ergänzungsband. S. 393.

(1939a [1934–1938]) *Der Mann Moses und die monotheistische Religion*, *G. W.*, Bd. 16. S. 103; *Studienausgabe*, Bd. 9, S. 455.

(1940*a* [1938]) *Abriß der Psychoanalyse*, *G. W.*, Bd. 17, S. 63; предисловие в: *G. W.*, Nachtr., S. 749; глава VI в: *Studienausgabe*, Ergänzungsband, S. 407.

(1940*b* [1938]) «Some Elementary Lessons in Psycho-Analysis» [заглавие на английском языке, текст на немецком], *G. W.*, Bd. 17, S. 141.

(1940*e* [1938]) «Die Ichspaltung im Abwehrvorgang». *G. W.*, Bd. 17, S. 59; *Studienausgabe*, Bd. 3, S. 389.

(1942*a* [1905–1906]) «Psychopathische Personen auf der Bühne». *G. W.*, Nachtr., S. 655; *Studienausgabe*, Bd. 10. S. 161.

(1950*a* [1887–1902) *Aus den Anfängen der Psychoanalyse*, London; Frankfurt am Main, 1962. (Содержит «Entwurf einer Psychologie», 1895.)

(1955*c* [1920]) «Gutachten über die elektrische Behandlung der Kriegsneurotiker», *G. W.*, Nachtr., S. 704.

(1955*f* [1909–1938]) Briefe und Auszüge aus Briefen an Ludwig Binswanger, in Binswanger, *Erinnerungen an Sigmund Freud*, Bern.

(1960*a*) *Briefe 1873–1939* (hrsg. von E. und L. Freud). Frankfurt am Main (2. erweit. Aufl., 1968; 3. korr. Aufl., 1980).

(1965*a*) *Sigmund Freud — Karl Abraham. Briefe 1907 bis 1926* (hrsg. von H. C. Abraham und E. L. Freud), Frankfurt am Main, (2. korr. Aufl., 1980).

(1966*a* [1912–1936]) *Sigmund Freud — Lou Andreas-Salome. Briefwechsel* (hrsg. von E. Pfeiffer). Frankfurt am Main (2. überarb. Aufl., 1980).

(1970a [1919–1936]) *Sigmund Freud as a Consultant: Recollections of a Pioneer in Psychoanalysis.* New York. (Изд. М. Гротьян, воспоминания и комментарий Эдоардо Вайсса.) [*Немецкое издание: Sigmund Freud — Edoardo Weiss, Briefe zur psychoanalytischen Praxis.* Frankfurt am Main, 1973.]

(1985*a* [1915] «Übersicht der Übertragungs-neurosen» [черновой вариант 12-й метапсихологической статьи 1915 года], *G. W.*, Nachtr.. S. 634.

(1985*b*) [1915]) Письмо Шандору Ференци (28. 7. 1915). в: Freud. S., *Übersicht der Übertragungs-neurosen. Ein bisher unbekanntes Manuskript,* Frankfurt am Main. 1985, S. 8–9, 60. Faksimile S. 61. *G. W.*, Nachtr., S. 628.

Goette, A. (1883) *Über den Ursprung des Todes,* Hamburg.

Griesinger, W. (1845) *Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten*, Stuttgart.

Groddeck, G. (1923) *Das Buch vom Es.* Wien.

Grubrich-Simitis, I. (1985) «Metapsychologie und Metabiologie. Zu Sigmund Freuds Entwurf einer "Übersicht der Übertragungsneurosen"», in Freud, S., *Übersicht der Übertragungsneurosen. Ein bisher unbekanntes Manuskript,* ediert und mit einem Essay versehen von Ilse Grubrich-Simitis, Frankfurt am Main, 1985, S. 83–128.

Hartmann, M. (1906) *Tod und Fortpflanzung*, München.

Herbart, J. F. (1824–1825) *Psychologie als Wissenschaft neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik,* Königsberg.

Hering, E, (1870) Über das Gedächtnis als eine allgemeine Funktion der organisierten Materie, Vortrag vor der K. K. Akad. Wiss. Wien, 30. Mai. In Broschüreform, Wien, 1870.

(1878) Zur *Lehre vom Lichtsinne.* Wien

Hollós, S., Ferenczi, S. — См. Ferenczi, S., Hollós, S. (1922)

Jackson, J. Hughlings — (1878) «On Affections of Speech from Disease of the Brain», *Brain*, Bd. 1, S. 304.

Janet, Pierre — (1909) *Les névroses*, Paris.

Jekels, L. — (1913) «Einige Bemerkungen zur Trieblehre», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*. Bd. 1, S. 439.

Jones, E. — (1960) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, Bd. 1, Bern und Stuttgart.

(1962*a*) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, Bd. 2, Bern und Stuttgart.

(1962*b*) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, Bd. 3, Bern und Stuttgart.

Jung, C. G. — (1909) «Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, Bd. 1, S. 155.

(1911–1912) *Wandlungen und Symbole der Libido*, Leipzig und Wien, 1912.

(1913) «Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, Bd. 5, S. 307; Leipzig und Wien, 1913.

Kant, I. — (1781) *Kritik der reinen Vernunft*, Riga. Zweite, hin und wieder verbesserte Auflage [B] 1787.

Kris, E. — (1956) «Freud in the History of Science», *The Listener*, Bd. 55, Nr. 1416 (17. Mai), S. 631.

Laforgue, R. — (1926) «Verdrängung und Skotomisation», *Int. Z. Psych-anal.*, Bd. 12, S. 54.

Landauer, K. — (1914) «Spontanheilung einer Katatonie», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, Bd. 2, S. 441.

Levine, I. — (1923) *The Unconscious*, London.

Lipschütz, A. — (1914) *Warum wir sterben*, Stuttgart.

Loeb, J. — (1909) *Die chemische Entwicklungserregung des tierischen Eies: künstliche Parthenogenese*, Berlin.

Low, B. — (1920) *Psycho-Analysis*, London und New York.

Marcinowski, J. — (1918) «Erotische Quellen der Minderwertigkeitsgefühle», *Z. Sex. Wiss. Bonn*, Bd. 4, S. 313.

Mill, J. S. (1843) *A System of Logic*, London. (1865) *An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy*, London.

Münsterberg, H. (1908) *Philosophie der Werte: Grundzüge einer Weltanschauung*, Leipzig.

Näcke, P. (1899) «Kritisches zum Kapitel der normalen und pathologischen Sexualität», *Arch. Psychiat. Nervkrankh.*, Bd. 32, S. 356.

Pfeifer, S. (1919) «Äußerungen infantil-erotischer Triebe im Spiele», Imago, Bd. 5, S. 243.

Plato *Symposion.*

Rank, O. (1907) *Der Künstler, Ansätze zu einer Sexualpsychologie*, Leipzig und Wien.

(1910) «Schopenhauer über den Wahnsinn», *Zentbl. Psychoanal.*, Bd. 1, S. 69.

(1911) «Ein Beitrag zum Narzissismus», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, Bd. 3, S. 401.

(1913) «Der "Familienroman" in der Psychologie des Attentäters», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, Bd. 1, S. 565.

(1924) *Das Trauma der Geburt*, Wien.

Sachs, H. (1945) *Freud, Master and Friend*, Cambridge (Mass.) und London.

Schopenhauer, A. (1819) *Die Welt als Wille und Vorstellung*, Leipzig. (2. Aufl., Leipzig, 1844.) In *Sämtliche Werke* (hrsg. von Hübscher) (2. Aufl.), Bde. 23, Wiesbaden. 1949.

(1851) «Über die anscheinende Absichtlichkeit im Schicksale des Einzelnen», *Parerga und Paralipomena* (IV), Bd. 1, Leipzig. (2. Aufl., Berlin, 1862.) In *Sämtliche Werke* (hrsg. von Hübscher), Leipzig, 1938, Bd. 5, S. 213.

Silberer, H. (1909) «Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, Bd. 1, S. 513.

(1912) «Symbolik des Erwachens und Schwellensymbolik überhaupt», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, Bd. 3, S. 621.

(1914) *Probleme der Mystik und ihre Symbolik*, Leipzig und Wien.

Spamer, C. (1876) «Über Aphasie und Asymbolie nebst Versuch einer Theorie der Sprachbildung», *Arch. Psychiat. Nervkrankh.*, Bd. 6, S. 496.

Spielrein, S. (1912) «Die Destruktion als Ursache des Werdens», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, Bd. 4, S. 465.

Stärcke, A. (1914) Предисловие к голландскому переводу: S. Freud, «Die "kulturelle" Sexualmoral und die moderne Nervosität», Leyden.

Stekel, W. (1908) *Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung*, Berlin und Wien.

Tausk, V. (1913) «Entwertung des Verdrängungsmotivs durch Rekompense», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, Bd. 1, S. 230.

(1919) «Über die Entstehung des "Beeinflussungsapparates" in der Schizophrenie», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, Bd. 5, S. 1.

Varendonck, J. (1921) *The Psychology of Day-Dreams*, London and New York.

Weismann, A. (1882) *Über die Dauer des Lebens*, Jena.

(1884) *Über Leben und Tod*, Jena.

(1892) *Das Keimplasma, Jena.*

Ziegler, K. (1913) «Menschen- und Weltwerden», *Neue Jb. klass. Altert.*, Bd. 31, S. 529.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Almanach 1928	*Almanach für das Jahr 1928*, Международное психоаналитическое издательство, Вена, 1927.
Collected Papers	S. Freud, *Collected Papers* (5 томов), Лондон, 1924–1950.
Conditio humana	Серия *Conditio humana, Ergebnisse aus den Wissenschaften vom Menschen*, издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.
G. S.	S. Freud, *Gesammelte Schriften* (12 томов). Международное психоаналитическое издательство, Вена, 1924–1934.
G. W.	S. Freud, *Gesammelte Werke* (18 томов и один дополнительный том без номера), тома 1–17, London, 1940–1952, том 18, Франкфурт-на-Майне, 1968, дополнительный том, Франкфурт-на-Майне, 1987. Полное издание с 1960 года — издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне.
Neurosenlehre und Technik	S. Freud, *Studien zur Psychoanalyse der Neurosen aus den Jahren 1913–1925*, Вена, 1926.
Psychoanalyse der Neurosen	S. Freud, *Schriften zur Neurosenlehre und zur psychoanalytischen Technik (1913–1926)*. Вена, 1931.
S. K. S. N.	S. Freud, *Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre* (5 томов). Вена, 1906–1922.
Standard Ed.	*The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud* (24 тома), The Institute of Psycho-Analysis, Хогарт Пресс, Лондон, 1953–1974.
Studienausgabe	S. Freud, *Studienausgabe* (10 томов и один дополнительный том без номера), издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.
Technik und Metapsychol.	S. Freud, *Zur Technik der Psychoanalyse und zur Metapsychologie*, Вена, 1924.
Theoretische Schriften	S. Freud, *Theoretische Schriften (1911–1925)*. Вена, 1931.

Остальные использованные в этом томе сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (4-е издание), Лондон, 1963–1965.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В этот указатель вошли фамилии авторов, произведения которых к научной литературе не относятся. Он также включает в себя фамилии ученых, однако указанные номера страниц относятся к тем местам в тексте, где Фрейд упоминает лишь фамилию соответствующего автора, но не конкретную работу. При ссылках на определенные труды научных авторов читатель может обратиться к библиографии. Пометка «и далее» не обязательно указывает на дальнейшее обсуждение темы, а может также означать, что это понятие снова встречается на следующих страницах. Дополнение «и прим.» относится только к тем местам, где в самом тексте нет ссылки на примечание.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ — СОДЕРЖАНИЕ ТОМОВ

Том I *Лекции по введению в психоанализ* (1917); *Новый цикл лекций по введению в психоанализ* (1933)

Том II *Толкование сновидений* (1900)

Том III *Психология бессознательного*

Положения о двух принципах психического события (1911)
Некоторые замечания о понятии бессознательного в психоанализе (1912)
О введении понятия «нарцизм» (1914)
Влечения и их судьбы (1915)
Вытеснение (1915)
Бессознательное (1915)
Метапсихологическое дополнение к теории сновидений (1917)
Печаль и меланхолия (1917)
По ту сторону принципа удовольствия (1920)
Я и Оно (1923)
Невроз и психоз (1924)
Экономическая проблема мазохизма (1924)
Потеря реальности при неврозе и психозе (1924)
Заметка о «чудо-блокноте (1925[1924])
Отрицание (1925)
Фетишизм (1927)
Расщепление Я в процессе защиты (1940 [1938])

Том IV *Психологические сочинения*

Острота и ее отношение к бессознательному (1905)
Семейный роман невротиков (1909)
О противоположном смысле первых слов (1910)
О психологии гимназиста (1914)
Жуткое (1919)
Юмор (1927)
Нарушение памяти на Акрополе (письмо Р. Роллану, 1936)

Том V *Сексуальная жизнь*

Сексуальность в этиологии неврозов (1898)
Три очерка по теории сексуальности (1905)
Мои взгляды на роль сексуальности в этиологии неврозов (1906)
О сексуальном просвещении детей (1907)
Об инфантильных сексуальных теориях (1908)
Статьи по психологии любовной жизни:
Об особом типе выбора объекта у мужчины (1910)
О самом обычном уничижении любовной жизни (1912)
Табу девственности (1918)
Два случая детской лжи (1913)
Инфантильная генитальная организация (1923)
Крушение эдипова комплекса (1924)
Некоторые психические последствия анатомического различия полов (1925)
О либидинозных типах (1931)
О женской сексуальности (1931)

Том VI *Истерия и страх*

О психическом механизме истерических феноменов (1893)
Об основании для отделения определенного симптомокомплекса от неврастении в качестве «невроза страха» (1895)
Об этиологии истерии (1896)
Фрагмент анализа одного случая истерии (1905)
Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности (1908)
Общие положения об истерическом приступе (1909)
Психогенное нарушение зрения с позиции психоанализа (1910)
О типах невротического заболевания (1912)
Торможение, симптом и страх (1926)

Том VII *Навязчивость, паранойя и перверсия*

Навязчивые действия и религиозные отправления (1907)
Характер и анальная эротика (1908)
Заметки об одном случае невроза навязчивости (1909)
Предрасположенность к неврозу навязчивости (1913)
Мифологические параллели по поводу одного пластичного навязчивого представления (1916)
О превращении влечений, в частности анальной эротики (1917)
Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи (1911)

Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории (1915)
О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме (1922)
«Ребенка бьют» (1919)
О психогенезе одного случая женской гомосексуальности (1920)
Невроз черта в семнадцатом веке (1923)

Том VIII *Два детских невроза*
Анализ фобии пятилетнего мальчика (1909)
Дополнение к анализу маленького Ганса (1922)
Из истории одного инфантильного невроза (1918)

Том IX *Вопросы общества и происхождение религии*
«Культурная» половая мораль и современная нервозность (1908)
В духе времени о войне и смерти (1915)
Психология масс и анализ Я (1921)
Будущее одной иллюзии (1927)
Недомогание культуры (1930)
Почему война? (1933)
Тотем и табу (1912–1913)
О добывании огня (1932)
Человек Моисей и монотеистическая религия (1939)

Том IX *Изобразительное искусство и литература*
Бред и сновидения в «Градиве» В. Йенсена (1907)
Детское воспоминание Леонардо да Винчи (1910)
Психопатические персонажи на сцене (1905)
Поэт и фантазирование (1908)
Мотив выбора ларца (1913)
«Моисей» Микеланджело (1914)
Дополнение к работе о «Моисее» Микеланджело (1927)
Бренность (1916)
Некоторые типы характера из психоаналитической практики (1916)
Детское воспоминание из «Вымысла и правды» (1917)
Достоевский и отцеубийство (1928)
Премия Гёте (1930)

Дополнительный том *Сочинения по технике лечения*

Психическое лечение (1890)
О психотерапии истерии (1895)
Психоаналитический метод Фрейда (1904)
О психотерапии (1905)
Будущие шансы психоаналитической терапии (1910)
О «диком» психоанализе (1910)
Практика толкования сновидений в психоанализе (1912)
О динамике переноса (1912)
Советы врачу при психоаналитическом лечении (1912)
Дальнейшие советы по технике психоанализа: I. О начале лечения (1913)
Дальнейшие советы по технике психоанализа: II. Воспоминание, повторение и проработка (1914)
О fausse reconnaissance («dйja racontй») во время психоаналитической работы (1914)
Пути психоаналитической терапии (1919)
О предыстории аналитической техники (1920)
Заметки о теории и практике толкования сновидений (1923)
К вопросу о дилетантском анализе (1926)
Конечный и бесконечный анализ (1937)
Конструкции в анализе (1937)
Психоаналитическая техника (1940)

СОДЕРЖАНИЕ

Формат 84х108/$_{32}$. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 14 печ. л. Заказ № 2369. Тираж 5000.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП РМЭ «Марийский полиграфичесско-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Зигмунд Фрейд

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

